

V>
17169

ЛЕОНИД СУШОН

ГРЕНДИСТРИК
ЕДЕМ В ПДУ
ИДЕЯ

Лубоковская Елена
Александровна
записала книгу на память
с любовью своей второй -
жены за память в её издание.

Альф

08.08.98г.

У меня были прекрасные родители,
26.8.1916 - погиб и пример самое
объективного служения своему
столетию, № 984.

У меня есть любящие и горячие
сын, внук и драк, есть верные друзья.
И сегодня я еще нужен № 984.
Этот и живу, и спасаю.

L. Sushon

ЛЕОНИД СУШОН

V>
17169

ТРАНСНИСТРИЯ: ЕВРЕИ В АДУ

Черная Книга о Катастрофе
в Северном Причерноморье
(по воспоминаниям и документам)

712395

V> 17169

РИО АО кинокомпания "Юг"
1998

ЭТА КНИГА УВИДЕЛА СВЕТ БЛАГОДАРЯ БОЛЬШОЙ ПОМОЩИ ОДЕССКОГО ГОРСОВЕТА И МЭРА ГОРОДА ОДЕССЫ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА "ДЖОЙНТА" В ОДЕССЕ, КОЛЛЕГ ПО ВСЕУКРАИНСКОЙ И ОДЕССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ПЕРЕЖИВШИХ КАТАСТРОФУ, А ТАКЖЕ МИССИИ "СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ", КОТОРЫМ АВТОР ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКУЮ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

АВТОР

Книга Л. Сушона "Транснистрия: евреи в аду" — воспоминания автора о его семье, а также многочисленные документальные свидетельства жертв вражеского геноцида против еврейского населения в 1941—1944 гг. на территории Одесской, частично Николаевской и Винницкой областей и Молдавской АССР — так наз. "Транснистрии" (провинция, созданная румынскими оккупантами между Днестром и Бугом). Это первое в мемуарно-исторической литературе произведение такого крупного масштаба о событиях Второй мировой войны, о трагедии евреев, произошедшей в вынесказанном регионе, где было истреблено свыше 300 тысяч человек.

Приведены фамилии жителей Одесчины — христиан, спасавших евреев в те годы.

Впервые в такого рода литературе публикуются списки евреев, переживших Катастрофу в этом районе.

Литературная запись
Владимира ГРИДИНА

47002010201
С Без объявл.
98

© Л. П. Сушон, 1998

Посвящается
доброй, светлой памяти моих зем-
ляков — погибших евреев на терри-
тории Транснистрии
и моих самых близких — матери
Фредерики Абрамовны, отца Петра
Харитоновича Сушонов и ба-
бушки Екатерины Борисовны За-
лотухиной,
а также всем живым — пережив-
шим Катастрофу, ныне здоровствую-
щим друзьям и коллегам, моим
любимым — сыну Анатолию, внуку
Алексею и брату-другу Сергею.

К ЧИТАТЕЛИЯМ

Говорят, что каждый человек может написать о себе книгу.

Да, у людей к концу жизни накапливается столько воспоми-
наний, что это как бы само просится на бумагу, выстраиваясь
в одни ряд.

Но у меня, признаюсь, нет такого ощущения — последова-
тельности в мыслях и чувствах о пережитом. В моей душе
беспорядочно клокочет все, что было за долгие десятилетия,
особенно в давней молодости.

Ведь прошлое совпало с величайшей трагедией нашего наро-
да, что привело к гибели миллионов европейских евреев и тысячи
соотечественников на моих глазах, что каждый день и каж-
дую минуту грозило и моей жизни и что уйдет из души лишь с
ходом в землю.

А когда у человека много прошлого, немного настоящего и
мало будущего, то это значит, что не просто наступила стар-
ость. Это еще и зов сердца — рассказать о своей судьбе другим,
если она сходна с общей судьбой. Рассказать, чтобы таким
образом оставить свой скромный жизненный след в нази-
дание потомкам.

Мой же след — поистине свой исход из Египта, если исполь-
зовать древний факт. Вспомним, что в Пасхальной Агаде име-
ется выражение: "В каждом поколении человек должен смот-

реть на себя так, как будто бы он сам, лично вышел из Египта..." И далее: "Каждый, кто часто рассказывает об исходе из Египта, совершает праведное дело".

Так вот – понимая, что наступил мой заветный час, я тоже хочу поступить указанным образом. Делаю это, ощущая, по словам известного поэта, "как медленно седею..." и что там еще у него насчет "беззвучного крика"? А если даже цитировать стихотворение Евгения Евтушенко "Бабий Яр", то добавлю:

Ничто во мне
Про это не забудет!

Говоря же конкретно о пережитом мною лично вместе с близкими и чужими людьми – многострадальными жертвами военного чудовищного времени, то хочу поделиться с читателем своим отношением к этому прошлому.

У меня сложилось впечатление, что Б-г, создавая нашу Землю и всю жизнь на ней, словно разделил условно текущее в ней Время на пространство на равные доли – месяцы, а и наделил каждый этот месяц своими неповторимыми чертами, признаками или особенностями. И среди них есть месяцы, которые несут в себе общие для подавляющего большинства людей черты, – таков, на мой взгляд, июнь 1941 года, а еще точнее – его 22-е число. День, когда началась война на нашей земле, когда грянула великая беда для людей, в особенности для еврейского народа, жившего здесь.

Если война вообще представлялась мне стольновением противоборствующих армий, движимых определенной государственной целью, а в частности – захватом территории, разрушением промышленных и культурных центров и уничтожением техники и живой силы противника, то теперь я познал войну, далекую от привычной цели и относительно переносимых тягот, а именно – как уничтожение целого народа – людей еврейской национальности.

Так что 22 июня 1941 года – эта дата стала в моем представлении началом тотального истребления близких и родных мне по крови и духу, по исторической судьбе и вере предков. Кроме этого, в том же день – 22 июня, только спустя 45 лет умерла моя мать – светлая, безмерно дорогая личность, воплотившая в себе лучшие человеческие черты – как пример для своих детей, для ближайшего друга жизни – мужа (а для меня – отца) и для той, кто была ей матерью. И что еще связано у меня со зловещим юннем – то, что через год после начала войны: 22 июня 1942 года ушел с нами из Слободского гетто этап

– более 300 человек, – как этоказалось тогда, на верную смерть. Но то, что мы остались живы, есть не просто высший дар судьбы, а и наш долг в память о погибших.

Имеется ряд версий причины нашего избавления от смертельной участи и дальнейшего расселения в разных сельских местностях: то ли врагам нужна была рабочая сила, то ли имелся Международный Красный Крест, а то ли появлялся американский "Джойнт". Но так или иначе Всеевицкий отвел от нас, казалось бы, неизбежную беду, и я не могу не думать о зловещем месяце – июне, когда бывали у могилы своих родителей. Так же я думал о судьбе, пощадившей лично меня и давшей силы и желание жить дальше, когда стоял у Стены плача в Иерусалиме – этом Великом городе, где рядом со мной и моим братом тогда сидел на складном ветхом стуле старец во всем черном с книгой в руке и тут же находился маложавский, в спортивной форме друг, пока я прижимал левую руку к сильно выщербленной квадратной плите – той самой, где до меня побывали и приложились миллионы евреев со всего мира.

Ну, так не имею ли я права на свою Агадду – рассказ о днях, месяцах и годах, проведенных в гетто и в концлагере, а потом и спасении оттуда?

Конечно, не я один – чудом оставшийся в живых после всех испытаний – хочу рассказать о пережитом. Но Б-г даровал мне как память, сохранившую многое из прошлого, так и духовные силы – поделиться всем с другими. Я также – благодаря обстоятельствам, связанным с моим общественным положением, – располагаю различными материалами о трагедии других в ту пору, прежде всего по месту проживания – Одессе и ее региону. И это даже обязывает меня рассказать в меру сил о том, что было в ту пору наших испытаний – пору, которая уже отошла от нас на полвека и о которой новые поколения не смогут узнать без нашего свидетельства. Считаю своим ответственным и почетным долгом – как гражданина, как еврея и как человека – воссоздать события Катастрофы на родной земле – там, где господствовал враг, называвший ее по-своему – "Транснистрия". К тому же, насколько мне известно, еще нет книги, повествующей о трагедии евреев здесь – на земле Украины между Днестром и Бугом, и мне предстоит первому, как говорится, опустить персты в эту рану, которая попытке кровоточит. А если мой труд и не охватит всей картины происходившего или что-либо изобразит неточно, то прошу списохождения у читателя и по возможности – восполнения или уточнения написанного...

Заодно хочу выразить признательность всем тем, кто помог мне в работе над книгой: бывшим узникам гетто и концлагерей. Моя благодарность авторам воспоминаний о событиях той поры, свидетелям расправ над еврейским населением – укрывшем, русским и представителям других братских национальностей и членам Ассоциации евреев – бывших узников гетто и фашистских концлагерей, а также землякам из еврейской диаспоры в разных странах и научным деятелям государства Израиль. Благодарю особо моего помощника по этому труду, как сказал поэт, "завещанному от Б-га" – писателю и журналисту Владимиру Михайловичу Гридину (который, впрочем, сам расскажет о подготовке в печать книги о судьбе евреев в Транснистрии).

Хочется верить в доброе и внимательное читательское отношение к этому нелегкому труду, учтивая нынешние трудности не только морального, а и материального характера. И надеюсь на понимание со стороны молодых читателей – тех, для кого многое из прочитанного явится, очевидно, неожиданным и сложным откровением.

Спасибо Тебе, мой читатель, за то, что взял эту книгу в руки и прочитал о событиях, которые – без преувеличения – сходны с давним исходом из Египетской земли, как гласит Пасхальная Аггада.

И да избавит Вс-вышиний навсегда нас, евреев, и неевреев, от того, о чем мне приходится здесь поведать...

АВТОР

ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО СОСТАВИТЕЛЯ

В ваших руках – книга не просто о трудной судьбе еврейского населения в Транснистрии и одного из его представителей – Леонида Сушона, а и книга как явление – сама по себе с трудной судьбой.

Легко сказать: каждый может написать о себе свою книгу. Но попробуйте так или иначе перенести на бумагу то, что вроде бы запросто просится на нее. А кроме того, если что-то там и получилось – то, спрашивается, легко ли в наше время сделать такую рукопись собственной книгой – с отпечатанным в типографии текстом, с нужными фотографиями и рисунками, в добротной обложке и, наконец, по доступной цене? Свободная, бесцензурная печать – еще не все!

Тут повезло в том отношении, что автором явился такой человек, как Леонид Петрович. Давно знал его как коллегу по работе в одной из проектно-исследовательских организаций, я с интересом узнал о том, что ему довелось пережить в пору войны. Интерес в данном случае связан не с самой трагедией евреев в ту пору (Боже сохрани, здесь нужны совсем другие слова!), а с этаким совпадением: ведь я сам находился во время войны на территории Слободского гетто, только... как просто житель тамошней окраины Одессы – Красной слободки (или до революции – слободки Романовки).

Я родился там – в дедовском доме, учился в местной школе и встретил начало войны, работая в тамошней автомастерской. А когда туда потянулись со всего города, как писал об этом Валентин Катаев, "как муравьи, люди с носом", то и приобщился к такому событию. "Это были евреи, которые направлялись в гетто", – пишется еще в катайском рассказе "Отче наш". Но дальше автор ошибся: "Гетто было устроено на Пересыпи... в скучной, низменной части города..." Нет, именно у нас – на Слободке, о чем я еще раньше прочитал соответствующий румынский приказ и что увидел затем своими глазами: "...все несли с собой вещи. Некоторые везли вещи, толкая перед собой тележки, или тащили за собой нагруженные салазки, которые царапали полозьями голову мостовой".

Не видевший ничего этого и писавший по чужим воспоминаниям уважаемый Валентин Петрович Катаев все же точно воспроизвел и всю тягостную обстановку угона евреев – все то, что я сам впоследствии описан в целой повести "Мальчик с Красной слободки" – рукописи, о которой как-то была заметка в газете "Наш голос", издававшейся "для евреев Бессарабии и Одессы" – с призывом "Ищи спонсера!" И еще

мне удалось напечатать об увиденном и по-своему пережитом очерки – и про своего школьного соученика Марка Герценштейна ("Последняя повозка из гетто"), и про консерваторскую студентку Руню Гофман, жившую в нашем доме ("Фианистка, которая не играла"), и про старого профессора П. Мирилса с его сестрой – из нашей квартиры ("Лоток с опадьями"). А около десяти анкет на известных мне жертвах Слободского гетто я впоследствии направил в Иерусалимский институт Яд-Вашем – с помощью сотрудников Одесского общества еврейской культуры. Там же, в коридорах этого общества, я однажды встретил уже знакомого мне Леонида Петровича Сушона, который признался о заветном замысле – написать книгу, про все пережитое. Ну и как было не подключиться к этой работе, такой близкой мне по теме?

Сам я – бывший выпускник Литературного института им. Горького в Москве, где моим творческим руководителем был Валентин Петрович Катаев. После окончания учебы работал литдрамредактором на Одесском радио (куда, кстати, в свое время привлек начинавшего писать Аркадия Львова), а также готовил к печати свою книгу – повесть о событиях в оккупированной Одессе (о комсомольцах, вывешивших флаг на Успенской церкви 7 ноября 1943 года), но она не увидела свет из-за того, что органы госбезопасности "привлекли" меня в пору гонения на Бориса Пастернака (с 3-годичным заключением в Мордовии). А после отбытия наказания (хотя считалось, что "СССР нет фактов привлечения за политические преступления", как заверял тогда Хрущев!) я с трудом пробился лишь в местную прессу с небольшими публикациями. Работая же редактором научных трудов в вышеупомянутой организации, там и узнал Сушона.

Меня сразу привлек этот симпатичный, интеллигентный и энергичный человек. С ним охотно общались другие специалисты, он сохранял дружбу с бывшими коллегами по институту, в котором учился в молодости, и к нему явно льнули детишки – как обычно, всегда чующие хорошего человека. Потом это первое мое впечатление только укрепилось, и никак не укладывалось в сознании – какое прошлое у этого вроде бы благополучного инженера: и детство с "посаженным" отцом, и страх из-за нагрянувшей войны с ее бомбежками и пишениями, и угон в гетто, где пришлось жить в холода и среди умиравших от голода или инфекций, и прозябанье буквально в "животных" условиях – в вонючем свинарнике, и все это – в течение почти трех лет...

Но вот сейчас я держу в руках фотоснимок – общий вид "его" свинарника или конюшни и уже понимаю, почему на другом снимке у ставшего немолодым и солидным довоен-

ного озорного паренька Лени такое суровое и даже скорбное лицо: он выступает на митинге в центре Одессы – там, в Прохоровском скверике, где поставлен памятник евреям, угнанным в далёкий этап зимой 1941 года... Невольно проникаешься еще большим уважением к тому, кто отдает свое время и силы, отдает буквально свою душу благородному делу – увековечению памяти о прошлом.

Так Леонид Петрович Сушон пришел и к осуществлению своего давнего замысла – сделать книгу. Ту книгу, которая вобрала бы в себя не только его жизнь и жизнь всей семьи Сушонов – прекрасных людей, а и стала бы памятником для жертв евреев Транснистрии – целой вражеской губернии, ставшей одним большим гетто. "Эту книгу я подарю моему внуку Алеше, – мечтает Леонид Петрович, – чтобы у него и у всего молодого поколения не было никогда ничего подобного в жизни, но чтобы они знали и ценили прошлое нашего поколения..."

И нужно ли говорить о том, с какой ответственностью я подошел к своей работе, когда в моих руках появилась рукопись этого автора и многие материалы, собранные им отовсюду? Я старался помочь ему в подготовке к печати, словно это была моя книга – из тех, которые ныне тоже вышли в свет...

Поэтому желаю счастливого плавания книге Леонида Петровича Сушона в литературном море, быстро и благополучно добиться ей до всех европейских берегов.

Владимир ГРИДИН

1. КОНЕЦ “ЕВРЕЙСКОГО СЧАСТЬЯ”

Как это начиналось

МОЕ ДЕТСТВО проходило в Одессе, где я родился в обыкновенной семье советских граждан.

С ранних лет меня окружала обстановка, характерная для всей тогдашней жизни: заботы, связанные с пропитанием (как раз существовали продуктовые карточки), и шумные события общественного порядка (вроде спасения челюскинцев или обсуждения проекта Стalinской конституции).

Даже в 4-5-летнем возрасте я не был в стороне от увлечения таким киногероем, как Чапаев, в которого играл с соседскими мальчишками, а потом с удовольствием распевал песенку про “трех танкистов” из популярного фильма о событиях на Дальнем Востоке. Тогда активизировались японские империалисты, завязавшие бои на озере Хасан, и помню, как однажды меня заинтересовал даже вид японского консула, проезжавшего в черном легковом автомобиле недалеко от нашего дома – в начале Театрального переулка. Он ехал из консульства, находившегося в противоположном конце бульвара Фельдмана (нынешний Приморский), а навстречу ему со стороны памятника Пушкину шагал строй красноармейцев – и это очень насторожило.

Что еще можно сказать о последних годах мирной и относительно благополучной жизни? Помню, как у того же пушкинского памятника собирались взрослые и дети, чтобы отметить 100-летие со дня смерти великого поэта. Мне понравилось и то, как мама повела меня вместе со старшим братом тоже по соседству – в Оперный театр, где шел “Запорожец за Дунаем” – опера, рассмешившая сценами с подыгнившим казаком и его сварливой женой Одаркой. Но вскоре я расстроился, отправившись тайно с дружками на взрослый кинофильм – “Профессор Мамлок”: там показывалось, как нацисты в Германии издевались над врачом – и только потому, что он по национальности еврей. Моя мама тоже была врачом – работала в инфекционной больнице, и я представил, что и над ней могли бы так же издеваться. К тому же я успел узнать, что вся наша семья – евреи, но не потому, что так было записано у родителей в паспортах (эти новые документы выдали уже на моей памяти – и я даже завидовал папе и маме!). Насчет еврейского происхождения стали подтрунивать уличные маль-

чишки – тогда и довелось услышать обидное слово “ жид”... И знать бы, что вскоре судьба профессора Мамлока постигнет всех нас и не только нашу семью!

Впрочем, беда пришла в мой дом еще до войны и до наступления фашистов в Советский Союз. Я даже не успел стать школьником, как узнал, что такое “политика” – то зловещее, что творилось раньше лишь в Германии. Шел 38-й год – самый разгар периода в жизни страны, который потом стали называть “ежовщиной”, характерный массовыми арестами по приказаниям наркома Ежова, и это коснулось также и моего отца. В один горестный день (а вернее – ночью, как это было пришло) за ним приехали на злополучном “черном вороне” – крытой легковой машине, а после этого наша семья стала называться “семьей врага народа”. Мы стали слышать в свой адрес не только антиеврейские оскорблении, а и такие, как “троцкисты” или сравнение Фани Каплан, якобы “убийцей Ленина”. И можно представить состояние мальчика, который пошел в школу – в тот “первый класс”, о котором так весело говорили и пели вокруг! Правда, тогда пели по радио и песню про Стalinскую конституцию (и даже на еврейском языке, которого я еще не понимал!), но это тоже мало радовало меня. Хотя песня напоминала музыку из популярного фильма “Искатели счастья” – про судьбу евреев, перебравшихся на Дальний Восток во главе с забавным героем Пиней Кофманом – “королем подтяжек”...

Хорошо еще, что с моим отцом вышло не так, как со многими другими арестованными, которые были осуждены “на 10 лет без права переписки” – фактически к смерти. Кончилась “ежовщина” – и на смену ей пришедший Берия распорядился “отпустить вожжи”, так что однажды, приедя из школы, я застал дома человека, в котором с трудом и не сразу мог узнать отца. Он был без волос на голове и почти без зубов, а потом оказалось, что у него отбита почка и переломаны четыре позвоника. С туберкулезом позвоночника ему пришлось лечь в гипсовую “кроватку” – и как оказалось, на долгие годы...

Вопреки всему в те годы я был настроен, можно сказать, патриотично: и ходил на такие фильмы, как “Истребители” и пол “Если завтра война” – бодрый марш из одноименной картины, где врагов громят за считанные дни. А поблизости от нашего переулка – у здания обкома партии, где теперь размещается горисполком (Думская площадь) – меня постоянно привлекала пушка на деревянном лафете, снятая с английского фрегата во время Крымской войны.

Как хотелось мне стрелять из неё по нашим врагам, которые так и лезут со всех сторон на советскую Родину! И думалось ли тогда, что эти враги уже не за горами, что скоро они явятся к нам, что ступят на нашу землю, чтобы причинить столько горя нашему народу, в особенности еврейскому населению?

Сверх ожидания, эти будущие враги – румынские военные появились еще за год до начала войны. Помню, я едва успел окончить первый класс, когда в конце июня 40-го увидел там же, за парапетом бульвара Фельдмана, у той самой английской пушки, невиданное зрелище – очертания вражеского судна. Это была “Трансильвания” – легкий белоснежный румынский эсминец, на котором прибыла в Одессу военно-морская миссия королевской Румынии, чтобы оформить возвращение Бессарабии с ее морскими базами, как и было раньше, Советскому Союзу. Все происходило в соответствии с договоренностью между СССР и Германией – по слову двух агрессивных держав, которые делили между собой Восточную Европу, о чем я узнал значительно позже – уже в наше время.

Тогда же для меня было диковинкой и странным удовольствием – разглядывать с бульвара видневшиеся из-за распушившихся деревьев стройные очертания иностранного судна с появившимися офицерами на его палубе – в ослепительно белых кителях и даже с проносившимися среди них фигурками женской obsługi в белых фартучках и кокетливых наколках на черных волосах. Точно такие же типы будут, повторю, через год вышагивать по нашей улице, будут заходить и в наш дом № 8 по Театральному (ныне им. Чайковского) переулку и даже, возможно, будут выгонять нас на улицу – в этап, как и других жителей-евреев... Пройдет немного времени – и начнется великая беда.

Да, в Одессе начнется то, что, собственно, уже давно происходило в других странах – и в первую очередь в Восточной Европе.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ТОЧНО, сперва беда началась в самой Германии.

Едва в этой стране пришли к власти нацисты, как стало ухудшаться отношение к евреям. Нацистская политика была направлена на то, чтобы лишить еврейское население гражданских прав, вынудить его представителей покинуть эту страну и конфисковать имущество, принадлежавшее евреям.

С помощью “первого антисемита” – Штрайхера были раз-

работаны нормы поведения евреев: они были классифицированы по степени наличия в них “еврейской крови” (“полные”, “полуевреи” или “четвертьевреи”), а также “полезности” – для использования их в научной и практической сфере. Дошло до того, что у богатых представителей европейской национальности отбиралась собственность – начиная с денег и кончая недвижимостью или реквизировались драгоценности – как якобы “неправедно нажитые”, не говоря уже при этом о профессиональном третировании евреев – врачей или юристов (они обязаны были вывешивать на своих дверях таблички с “предупреждением” о своей национальной принадлежности избежание “возможных нареканий” на качество обслуживания “арийских клиентов”).

Но со временем все еще более или менее спокойно работавшие “гальюбюде”, “фиртельюде” или “ницихюде” подвергались массовому террору, когда наступила пора так называемого “окончательного решения еврейского вопроса”: однажды по всей Германии прокатилась волна погромов (вроде пресловутой бойни – операции “Хрустальная ночь” в ноябре 1938 года), и это стало прелюдией к тому, что выпало на долю всех евреев с началом войны.

Как известно, первой была завоевана гитлеровским вермахтом Польша в сентябре 1939 года – и тогда сразу же началось массовое гонение на евреев и их дальнейшее уничтожение в создававшихся гетто или специальных лагерях смерти. На одном из конгрессов в память о Катастрофе – по-польски еврейски “Шоа” – несколько лет назад в Москве можно было видеть фотоснимки, сделанные на улицах польских городов: там бородатые евреи возят тачки, ташутся с вещами куда-то на расправу, лежат в голодном изнеможении на тротуарах. А этому предшествовало то, что тоже отображено на снимках: в Германии добродушно одетые евреи ползали по тротуарам, обмывая их мылом. И уже как естественное завершение таких издевательств – изображение повешенных с шестиконечными звездами на груди.

По еще раньше – в самом начале войны на нашей земле – я видел и случайно попавшейся мне “Иллюстрированной газете”, что такие же обреченные – мужчины с пейсами и в черных жилетках – копают для себя могилы под дулами обуступивших их мощных эсэсовцев.

Что и говорить, зловещая, кошмарная участь была уготована спрям! Невольно я допытывался у мамы, тоже державшей в руках эту советскую газету – “ИГ”: за что, спрашивает-

ся, такое гонение на еврейских людей, чем они так провинились? Но мать сперва отмахивалась от моих вопросов, да и ей было не до каких-то рассуждений – в хлопотах с отцом, который изнемогал в своем лежачем положении – несчастный человек, бывший когда-то здоровым и бодрым, считавшийся лидером в своем трудовом коллективе. “За то, что евреи распяли Христа... так считается!” – лишь однажды торопливо ответила мама, а папа при этом недоверчиво поморщился: мол, это говорят враги.

Много слухов и разной информации пришлось слышать и в ту пору, когда война еще не успела подойти к стенам нашего города. Так, слушая по радиоприемнику сообщения на русском языке из Варшавы в первые дни войны, я узнал, что в тех или иных селах Украины население “помогало войскам в решении еврейского вопроса”. Хотя тогда трудно было себе представить и просто немыслимо было поверить в это. Помню даже, как среди взрослых ходили предположения: мол, сообщения в печати о “немецких зверствах” – лишь вранье в целях пропаганды (“чтобы больше ненавидели врага!”). Многие вспоминали поведение немцев в первую мировую войну – вполне цивилизованное – и не верили этой пропаганде.

Да, нормальная человеческая психика еще отказывалась воспринимать то, что вызревло в патологических умах и в поистине звериных душах гитлеровских извергов...

Но вот наступила пора, когда война коснулась и родной Одессы.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ еще до окружения города, до его осады.

Пожалуй, началом всего для меня стала первая бомбёжка города. Она произошла ровно через месяц после нападения Германии на СССР – 22 июля.

Именно тогда я впервые испытал страх от воя и грохота бомб, от трескотни пулеметной стрельбы. Тогда же увидел кровь – алюкую кровь людей. И тогда довелось узнать, что такое смерть людей...

Сперва вышло более или менее терпимо. Просто утром того дня я услышал рев самолета и стрельбу зениток, а потом раздался сильный грохот, от которого явственно содрогнулась земля под ногами. Выскочив во двор, я все еще как-то не мог представить себе, что это могла где-то упасть она – настоящая бомба.

До того дня мы, мальчишки, еще не воспринимали всерьез

все то, что происходит вокруг: ни объявлявшиеся и вскоре отменявшиеся воздушные тревоги, ни хождение прохожих на улице с противогазами, ни панику с закупками в магазинах разных продуктов. Хотя война уже вплотную подступила к нам: в одном из соседних домов – № 12 по Театральному переулку обосновалась воинская часть, состоявшая из 5 танкеток, и мальчишки то и дело крутились вокруг этих стальных машин и часто приставали к танкистам с разными вопросами. А наискосок – в Оперном театре, прямо на его крыше, была установлена пушка, которая отчаянно палила при всякой тревоге с воздуха. И тогда мы взбирались на крышу своего дома, чтобы наблюдать – где там появились “Юнкерсы” или “Хейнкели” и как их отгоняют наши “Чайки” – так называли мы советские истребители. Не говоря уже о том, что все мы были заражены боевым духом с довоенного времени, когда и играли в “казаков-разбойников”, устраиваясь на бульварных склонах, и даже затевали целую пальбу из “самопалов” – в скватке “красных” с “белыми”...

Ну и, спрашивается, не было ли и на этот раз ложной тревоги?

“Бомба! Упала бомба...” – так, помнится, закричали ирослы, когда пальба стихла, а грохот, раздавшийся со стороны Сабанеева моста, постепенно замолк. Сбоку, над высокими домами Екатерининской улицы, стал подниматься дым – большое черноватое облако, расплывавшееся по небу, и все невольно бросились в ту сторону, несмотря на окрики взрослых. И уже по дороге – на том же мосту – узнали из рецепции испуганных прохожих, что бомба упала в Малый переулок.

Свернув за угол, я увидел толпу напротив одного из домов – высокого, с воротами посередине. То был самый красивый в этом переулке дом – № 3: с лепными карнизами, с округлыми окнами и балконами, с женскими головками и целыми фигурами наверху – под крышей, где за овальными отверстиями находилось то, что взрослые называли таинственно и привлекательно – “мансарда”. Но сейчас именно оттуда валил сизоватый, смешанный с черными клубами дым, а прямо по балконам с их беспорядочным домашним бараклом было несколько струй из пожарных машин.

Да, оказывается, там еще продолжался небольшой пожар, и упавшая на этот старинный дом бомба прошила его насквозь – от крыши до первого этажа, почти не зацепив соседний дом – невзрачный одноэтажный. Толпа с волнением обсуждала – погиб ли там кто-то или “все в порядке – никого!”,

и лишь позже я узнал, что пострадавшие были, и из них – даже наша знакомая – дочь ранее арестованного директора пивного завода №1 – того, где работал мой отец, – по фамилии Агаларов. Но, кажется, об этой жертве, как и о самом налете вражеского самолета, не появилось ни слова по радио или в газете, где обычно только сообщали об успехах на всех фронтах...

Конечно, об этой бомбёжке – повторяю, первой бомбёжке Одессы! – в тот день только и было разговоров. Мол, вот, значит, как это падают бомбы и что при этом бывает... и мальчишки взахлеб обменивались впечатлениями, а мне по-прежнему казалось, что все еще не так страшно, как ожидалось. Если бы в тот же день – под вечер, с наступлением сумерек, не случилась еще одна бомбёжка – и намного более основательная.

Когда раздалось подряд несколько уже знакомых зловещих грохотов – и тоже вроде бы неподалеку, мой отец отозвался с беспокойством: “Ого... им, кажется, это понравилось!” И он даже вспомнил, как раньше слушал по нашему приемнику немецкие марши с воспеванием таких бомбёжек: был один такой – со словами “Бомбен, бомбен, бомбен ауф Энгелянд”, где в конце грохотала настоящая упавшая бомба – с ударами литавр. А потом наши дворовые мальчишки, успевшие сбежать на места падения без меня, так как явившаяся с работы мама приказала мне “ни шаг”, рассказали, что там было.

Оказывается, вражеский самолет (интересно, какой же – “Юнкерс” или “Хейнкель”?) сперва пролетел над Городским садом, сбросив туда бомбу, потом пересек Дерибасовскую (или как она тогда официально называлась – улица Чкалова, а еще раньше – в честь какого-то Лассала) и попал в табачный магазин, который сгорел дотла. А дальше – по диагонали – он пролетел к Греческой (тогда улица Карла Либкнехта – тоже по имени какого-то немецкого революционера!) и сбросил бомбу рядом с универмагом, которая не разорвалась, и после этого очутился на Пушкинской (слава Богу, не переименованной!), совершив там главное и самое обидное попадание – в дом, где раньше жил сам он – Пушкин, русский гениальный поэт, которого я когда-то даже рисовал в школе – по клеточкам...

Эта новость, помнится, вызвала целую бурю в нашем доме: мой брат хотел немедленно бежать туда – “посмотреть лично”, пока бабушка его не придержала (“Там и без тебя хвата-

ет!”), а папа расстроено поморщился, лежа в своем углу: “Ну, а что вы думали... чего можно ожидать от таких боярков?” Мама же устало согласилась с ним: “Наверно, их летчики даже не знают, кто такой он – Пушкин!” А когда я укладывался спать, то, кажется, повторяя про себя самое популярное пушкинское стихотворение: “Буря мгло небо кроет, вихри снежные круты...”

В самом деле, закрутилась буря в нашем небе, хоть и не снежная! Так удивительно ли, что на другой день я сам отправился туда – на Пушкинскую улицу?

Что я увидел там... На углу толпились притихшие люди, а дальше виднелись руины – обломки стены на втором этаже, обстановка комнаты с развороченной мебелью, с остатками одежды и какими-то книгами, а на стене – отрывной календарик с цифрой “22”. Никого в квартире не было, но казалось, будто из нее только-только кто-то вышел – удалился в другую комнату ее хозяин – сам Пушкин!

Об этой комнате потом появилось стихотворение в газете “Большевистское знамя”, которое папа прочитал нам вслух:

...В свои “младые лета”

Пригрела ты великого поэта.
Тот дом, где Пушкин жил, творил,
Стервятник вражий разорил,
Но в нем счастливая примета,
Значенья тайного полна! –
Неповрежденной одно
Осталась комната поэта...

“Ну, они за это получат!” – решительно сказал тогда один из стоявших там же – щуплый человек с большим новеньким противогазом на боку. Но некоторые покосились на него с усмешкой: мол, почему лишь угрожаешь... сам и отомсти за великого поэта! И я готов был тоже что-то добавить с обидой.

Вот когда мне показалось, что передо мной – самое страшное, что могли совершить проклятые фашисты. Шутки ли – посягнуть на такую народную святыню! И едва прия домой, я громко возмущался, как и тот – с противогазом.

Но знать бы, что вскоре нам придется испытать нечто по-страшнее. Да, война постепенно открывала все свои страшные стороны...

И сперва это было связано тоже с бомбёжками.

Помню, они повторились буквально на другой день. Если точно – это произошло 23 июля, в обычный день – понедельник. К вечеру, когда мама еще не вернулась из больницы, мы с

Сережей пошли на улицу. Там наткнулись на оперного певца – Аярова, который жил в нашем доме, и это напомнило, что другой певец – голосистый мальчишка стал выступать в последнее время поблизости – на бульваре.

Говорили, что он сын профессора – приличного человека, а сам немного контужен – от какого-то потрясения, что ли. Но исполнял под гитару вполне порядочно – с чувством, с высокими нотами и как там еще надо. Особенно хорошо получалась у него еврейская песня “Сыновья”, которую до войны исполняла одна пожилая пара в цирке – прямо сидя на стульях посреди арены. И когда мы теперь подходили к бульвару, то снова посыпалось это – из-за памятника Пушкину: “Надей же рюмку, Роза, мне с мороза...”

Как вдруг звала сирена, сразу перекрывшая надрывный голос певца Жоры, а потом потянулись протяжные гудки из порта. Еще удалось заметить, как возле Пушкина смеялась и тут же взвигнула Ляля – наша двоюродная сестра, недавно окончившая десятилетку. Она была не одна, а с парнем... но сейчас не удивило, что, значит, стала гулять!

“Бежим!” – брат сразу схватил меня за руку, оберегая как младшего.

Но над головами уже висло что-то пострашнее: то были самолеты, пронесшиеся вдоль бульвара. От них донеслась пулеметная стрекотня, а потом так грохнуло, что мы даже не успели присесть.

Невольно хватаясь руками, как говорится, за воздух, я ощущал себя отшвырнутым на рабатку вдоль аллеи. Это сработала воздушная волна – после разорвавшейся бомбы. Сержа тоже отлетел в сторону, как и другие прохожие. Кажется, раздалась снова пальба и снова – визг, подывание и жуткий грохот... Боже, какой это был страх, что за наказание – буквально на нашу голову!

Уже не вспомнить, как мы очнулись и потащились к себе в переулок. Потом выяснилось, что от бомбёжки рухнула часть здания на бульваре. И еще – осколком бомбы была убита наповал наша сестра Ляля. Хотя, по-моему, не пострадал певец с гитарой, контуженный еще раньше... Ну и стоит ли говорить – что было нам с Сережей дома, как там влетело!

Впрочем, даже такое испытание бледнело перед другим ужасом войны.

Об этом, правда, я узнал лишь впоследствии.

ВЕДЬ В ТУ ПОРУ – июле 41-го начались первые расправы над евреями.

Это выпало по соседству – в Молдавской республике, куда успели войти оккупанты. В середине месяца румынские войска заняли ее столицу – Кишинев и вскоре форсировали Днестр.

Тогда же были созданы специальные посты, которые группировались по секторам, а те, в свою очередь, объединялись в патрули под командованием полковников или подполковников. И вся территория Бессарабии подчинялась жандармскому генералу Иону Топору (характерная фамилия для палача, не правда ли?), который заблаговременно призвал – если не “к топору” (как требовал когда-то известный русский писатель-демократ), то к винтовке, или автомату – военнослужащих из резерва. Он также мобилизовал “допризывников”, так как людей не хватало, – молодежь, проходившую краткое обучение (и это засчитывалось, как служба в армии). Им еще помогали местные “патриоты” – антисемиты, выдававшие евреев, как и всех “подозрительных” – партизан, дезертиров или парашютистов. Так что запланированное самим Антоненко “очищение территории”шло успешно...

Обо всем, как это происходило, рассказал на страницах кишиневской “газеты евреев Молдовы и Одессы” – “Наш голос” (в номере за ноябрь 1991 г.) Жан Анчель, разоблачая не только жандармов, а и преступную роль армии:

“Румынские и немецкие солдаты не ограничивались убийством каждого встречного еврея, хотя многие из них считали, что это не их дело. Обычно румынские офицеры “слушали” об опасности, которую представляли собой евреи на свободе, и, задержав, передавали их жандармам для немедленного расстрела. Многие евреи из бессарабских сел были взяты у себя дома, других схватили по дороге к Днестру. Кое-кто сам возвращался в свои дома, не ведая, что в это время происходит с его собратьями. Наконец, очень немногие были извлечены из импровизированных убежищ и тайников. Однако всех ждала одна участь...”

Характерно, что при этом у палачей был особый – поистине “шкурный” интерес в таких делах. Вот что отмечал по этому поводу Бухарестский трибунал в 1950 году: “Офицеры запаса и их помощники не ограничивались исполнением полученных приказов. У большинства при этом был и личный интерес (читай – грабеж еврейского имущества! – Л.С.), так что ни один еврей не мог от них ускользнуть”. И квалифици-

ровалось даже такое: "Некоторые придумывали новые средства истребления, дабы удовлетворить свои садистские наклонности..."

Как проявлялся такой интерес или наклонности, можно прочитать той же статье "Нашего голоса":

"Вот что, например, произошло с евреями села Теленешты Орхейского уезда. По приказу командира легиона Филиппа Бека были сформированы патрули, арестовавшие теленештских евреев и собравшие их в одном большом доме соседнего села Будей. Пока евреев – 100 мужчин, 20 женщин и неизвестное число детей – концентрировали в будейском гетто, все ценности из этих домов были доставлены в штаб легиона. Это была нестандартная операция: обычно жандармы грабили евреев по дороге, перед тем, как убить их.

16 июля Бек приказал казнить мужчин, находившихся в гетто. Каждый жандарм обязан был держать под прицелом двух евреев. На подходе к оврагу один из офицеров подал сигнал. Обреченные столкнули в овраг. Им было велено лечь ничком и ждать другого офицера, который запаздывал, так как не привели еще четырех стариков. Как только они были доставлены, жандармы варварски столкнули в овраг и их..."

Далее еще рассказывается, как немецкий майор Бек, его румынский заместитель Попович и три команда секторов присутствовали при казни несчастных: жандармы открыли огонь, расстреливая лежавших вповалку, а затем группа гражданских лиц под командой одного резервиста "забросала трупы землей". И одновременно – как струсили эти палачи и их пособники, едва через несколько дней до них дошел слух, будто в окрестности появилось несколько броневиков, принятых за "советские"... Но все же, покидая село, они поспешили "уничтожить безотлагательно, любой ценой" оставшихся в Теленеште еврейских женщин и детей. "Иначе, мол, они уйдут к Советам!"

А вот что вспоминает А. И. Дувидzon, живший в другом районе – в mestечке Кодима, куда враги вошли в тот же день, когда впервые бомбили Одессу, – 22 июля.

"Оккупация произошла молниеносно, а поэтому основное еврейское население не успело эвакуироваться, в том числе и наша семья. Не прошло и несколько дней, как начались первые расстрелы. В августе устроили облаву на евреев, и была собрана вся еврейская молодежь – свыше 160 человек. Они были расстреляны, в том числе мой брат Гриша – студент Одесского экономического института. А после этого

всех евреев согнали на одну из улиц, где было организовано 1011го..."

Абрам Ильич еще сообщает, что еврейское гетто просуществовало недолго. В конце октября – к тому времени, когда в Одессе только начинались облавы и расстрелы, а до создания 1011го было еще три месяца, в Кодиме такой еврейский загон был ликвидирован. Всех его обитателей погнали этапом в сторону Кривого Озера, и весь путь – от села до села – был усеян трупами...

О том, что оккупанты сразу расправлялись с евреями, рассказывает другой пострадавший в самом начале войны – житель Дубоссар в Молдавской АССР. В 1941 г. Л. И. Файнбурду было 9 лет, и он с родителями и сестрой был эвакуирован на восток. Но по дороге – в Вознесенске их перехватили наступавшие немцы, и им пришлось вернуться. Они попали в Балту, а там уже и было пресловутое гетто – как бы заранее подготовленное заключение. Балтская община приняла эту семью и посыпала ее в комнату на Сенинской улице. Там пришлось жить с августа по ноябрь, пока тоже не был организован мучительный этап – в село Баланивку, в этот "смертельный лагерь", как называет его Леонид Иосифович.

"Румыны расстреливали многих евреев,топили людей в реке Прут, насиловали женщин и детей..." – это из письма бывшей жительницы г. Черновцы Э. Я. Попик. Так было тоже в августе, пока жителей не угнали в бессарабский город Маркулешты, а оттуда – по украинской земле в Бершадь, где тоже уже существовал лагерь. Л. С. Брехман из Могилев-Подольска Винницкой области также испытала тогда ужасы гетто, а потом и лагеря в Печоре.

Все это, повторю, происходило до бомбёжки Одессы – до того, как мы увидели кровь и первых убитых, или, по крайней мере, в начале осады города – при первой панике.

Если не ошибаюсь, у нас тогда еще оставались старые порядки: хоть и приказывали сдать все радиоприемники (чтобы не слышать приближающегося врага!), но по-прежнему делалось то, что ныне как-то и трудно себе представить. Ведь было принято развозить по улицам на специальных тачках.. свежий хлеб – для продажи жильцам окрестных домов, и особым спросом пользовался, помню, ситный хлеб – кругленький и румяный, по 1 руб. 50 коп. за буханку! Я обычно первым выбегал со двора, услышав призывный колокольчик продавца – как водится, мужчины в белом фартуке, чтобы купить такое вкусное добро и сразу впиться в него жадными зубами.

Правда, уже было не до других моих увлечений – до сбора монет (особенно ценились “николаевские” или “рубли” выпуска 24-го года!) или составления гербариев (и не только по заданию учительницы!)... А прошло несколько дней, и в самом начале августа я пристрастился к такой новинке – сбору осколков от зенитных снарядов, падавших вокруг.

Но где это происходило – не дома, а в самом неожиданном месте – на даче.

Я ОЧУТИЛСЯ ТАМ, как это бывало и раньше – в довоенную пору.

Вообще для одесситов такое было довольно обычным делом – жить летом на даче. Кто не помнит, как еще ранней весной возникали разговоры: где отдохнуть?

Аркадия и Большой Фонтан, Лузановка или Люстдорф – эти названия дачных мест все чаще звучали у нас дома за столом по мере того, как на улице становилось все теплее. А потом и наступал заветный день, когда...

О, с каким удовольствием я смотрел, как бабушка надевает свое летнее платье – с короткими рукавами и достает из дальнего угла шкафа соломенную шляпу, чтобы тут же подгонять меня (“Поскорее сбирайся, габелок”) и отправиться на трамвай № 1, который довозил нас до Куликова поля.

Там надо было пересаживаться на другой трамвай — № 18, который ходил летом с решетками вместо оконных стекол и с открытыми дверцами (“для воздуха”, как обычно объясняла веснающая бабушка), и дальше следовало другое удовольствие – проезжать станцию за станцией (каменные навесы с выбитыми на них цифрами, так что по ним так и называли эти станции: 3-я, 5-я или 10-я – вплоть до конечной – 16-й, где, кажется, уже ничего не было обозначено). Чаще всего мы высадживались на 7-й станции – сплошь утопавшей в зелени близайших уочек и переулков, а там бабушка долго стучала или звонила в разные калитки, пока не договаривалась с выгляднувшими небрежно одетыми или полу голыми хозяевами о снятии у них комнаты “на сезон”. А после этого мы всей семьей переезжали туда – и начиналась летняя блаженная жизнь среди этой зелени и, главное, на уютных тенистых дорожках, ведущих вниз – к обрывистому берегу моря.

О том, что бывало там, на пляже, я прямо не знаю, как рассказать. Ведь если такой знаменитый мастер печатного слова, как Валентин Катаев, однажды признавался по поводу одной одесской достопримечательности, что у него – даже у него!

“не хватает слов”. Ну и как тут быть с описанием этого блаженства – пляжного купания, булыхания в воде “до посинения”, как ругалась бабушка, и валяния на песке (“так что не отмоешься”), не считая каких-то игр в мяч? Обо всем подробно кик-нибудь в другой раз, а теперь скажу лишь, что в **именинное** лето даже неизвестно было – стоит ли туда выезжать... Да, не лучше ли вообще уехать из Одессы – из-за бомбёжек? Ведь они повторялись в центре, особенно – рядом со **зданием** областного комитета партии – там, где находилось **головное** начальство.

Туда вскоре действительно нацелились наши враги: по ходу одной бомбёжки было снесено целое крыло здания – левое, то самое, где стоит изящная голая мужская фигура – бога торговли Меркурия. Да, я еще успел увидеть там развороченные кабинеты со столами, какими-то бумагами и телефонами. Так же разворотило крыло – только правое – в другом здании, по соседству, но еще более прекрасном – в Оперном театре. Оказывается, рядом с ним – в скверике Пале-Рояль сбились множество военных грузинов, и однажды фашистские летчики спикировали прямо на эти машины, попав тут же в театр.

Но, повторяю, я там больше не жил, а сперва был со всей семьей в относительной безопасности – так сказать, под крыльышком мамы. Она забрала в больницу меня с Сережей, а еще раньше, в силу необходимости, туда перевели папу – в его гипсовом корсете; с нами потом очутилась и бабушка – одним словом, вся наша семья!

Поначалу я с удовольствием наблюдал, каким авторитетом пользуется в приемной этой больницы врач-инфекционист Фредерика Абрамовна Сушон-Золотухина. Но потом стало не до этого, когда она же – мама нашла нам с братом нужную и нелегкую работу. Мы помогали носить на посылках тех раненых, которые все чаще прибывали с позиций – где-то от границы с Молдавией. Мы также относили их имущество на склад, таскали разные предметы – койки и костыли, ящики, коробки, ведра.

Папа сперва недоверчиво косился на нас – своих сыновей, особенно на малолетку – меня, а потом все чаще одобрительно или сочувственно улыбался. Иногда он даже подшучивал: “Ничего... так и разобьем фашистов!”, хотя, как я теперь понимаю, не очень верил в легкий военный успех.

Похоже, что он – как всякий одесский шутник – просто позволял себе это – насмешку над трудной ситуацией или даже над врагом. Так, рассказывают, до войны в одной типографии

фии работал старый наборщик, у которого была этакая скандальная фамилия – Гитлер. Все вокруг советовали наборщику сменить ее, чтобы от греха подальше, но тот невозмутимо отвечался: “Пусть он меняет!”

Кажется, папа в душе был сторонником того, чтобы наша семья уехала из Одессы – эвакуировалась, как стали вокруг говорить. Ведь все чаще можно было слышать: выехали те или другие знакомые, вон погрузилось на поезд целое предприятие – ателье или даже фабрика, а потом дошло и до таких случаев – вроде использования машины “скорой помощи” (и это якобы случалось и с врачами, хотя они обязаны были оставаться в городе, чтобы лечить раненых и вообще!). Но мама лишь качала головой на все разговоры об эвакуации, как ни роптала бабушка: мол, на какую беду она оставляет здесь своих детей? “Ты сумасшедшая, Фрида... – вздыхала она. – Как же так можно, я тебя спрашиваю... как?!” В этом бабушка, как редко случалось, была единодушна с папой. Она еще все чаще употребляла такое слово – “погром”. То, что было раньше и что якобы ожидает нас теперь!

Что ж это такое? Кажется, уже не раз я слышал про погромы в Одессе. Так было в пору, когда бабушка была еще моло-дой – вроде моей мамы и даже еще моложе. Все происходило до революции – “в мирное время”, как это называлось старшими, любившими почему-то то время – с зажиточной и даже веселой жизнью, если бы там только не было этих зловещих погромов. Погромы происходили задолго до революции – в Пятом году, и недаром, оказывается, даже назвали одну из сильно пострадавших улиц – Тираспольскую в честь скорбных событий 1905 года. Тогда, по рассказам бабушки, стали бить евреев, где бы они ни жили или торговали, врывались в квартиры, выбрасывали вещи (“лахи”, по ее выражению) или даже распарывали перины (“искали там золото – такие идиоты...”), а в лавках громили прилавки и витрины, забирали самые вкусные товары (“начина с конфет – как маленькие!” – даже смеялась бабушка, но и вытирала слезы).

Не выдержав, я или брат часто спрашивали ее с возмущением: “Ну, а кто же все это делал... да, кому нужны были эти награбленные конфеты, не говоря уже про золото из распоротых перин?” На это бабушка с глазами, налитыми кровью, горько кричала: “Не в этом дело! А в том, что гибли люди... сколько их пострадало... и особенно детей!”

– Мама, успокойся! – часто прерывала бабушку уставшая после своей непрерывной возни в приемном покое его на-

чальница. И со вздохом добавляла: “Ведь мы еще не знаем, какие трудности ожидают нас в дороге”. Она тут же замолкала, оглядываясь на нас – своих детей, укладывавшихся спать – где придется. Мол, и так здесь, в больнице, плохо, а что будет, если куда-то ехать?

Но как ни боялась бабушка, что здесь повторится та трагедия, которой на еврейском кладбище поставлен памятник – Мемориал, действительно, однажды пришлось нам убедиться в опасности на одном примере. На самом неожиданном при-мере... и где – на той же даче, где мы все же поселились!

Это произошло, когда бомбёжки усилились до невозможности. Фашисты стали налетать на город – на порт и на центр, на окраины и на морские суда – чуть не по десять или даже пятнадцать раз в день. И когда в больницу просто хлынул поток раненых – изувеченных, искромсаных бойцов, с грязными перевязками, а то и без них – с открытыми, полными червой ранами, то бабушка не выдержала. “Стоп, Фридо-ка! – однажды властно заявила она. – Хватит этого – таких ужасов для детей...” И заставила, чтобы мы с Сережей бро-сили нашу вспомогательную работу, а потом и собрали нас, чтобы ехать подальше... нет, все же не “эвакуироваться”, как стало даже модно, а к знакомым на их дачу – на 7-ю станцию. “Там и отсидимся... пока победа не будет за нами!” – даже зло пошутила она.

Конечно, теперь никакая дача не могла меня порадовать. К тому же о купании на берегу моря нечего стало и думать: там была объявлена “запретная зона” – с часовыми и колючей проволокой. И самое грозное оказалось неподалеку от нашей дачи – целая батарея, которая то и дело громыхала, посыпая свои “чемоданы” – крупнокалиберные снаряды — на противоположный берег, где уже засели враги. А рядом, на пирсе станции, – вот здорово! – даже оборудовали временный при-чал, к которому прибывали пароходы с подкреплением из-под Новороссийска – бойцы кавказского происхождения, которых сразу отправляли на передовую. Узнав об этом, бабушка сильно забеспокоилась: ведь фашисты со своего берега могут обстрелять этот причал с прибывающими войсками, не говоря уже про батарею.

Но вот когда она высказалась своим соображения другому взрослому человеку – соседке по даче, тогда и вышел очень неприятный разговор. Сперва соседка небрежно сказала, что на этих кавказцев не будут тратить снаряды: мол, они и так сдаются в плен. А потом она добавила шепотом: “Ведь скоро

Одессу сдадут... разве неясно". И при виде бабушкиного испуга добавила: "Но вам же нечего бояться – вы не из евреев!" Она принесла бабушку за русскую – и нужно ли говорить, как это еще больше испугало и возмутило?

Так что воспоминания бабушки о дореволюционных бедах мог бы повторить тогда некоторый одесский юноша, который жил как раз на улице 1905 года – этом месте старых погромов, в предчувствии новых погромов – от фашистов.

Я имею в виду знаменитого нынешнего адвоката из Израиля – Якова Маниовича, тоже вскоре познавшего ужасы нашествия врага, и скорбного пути из родного города в зараженную морозную степь, и скитания в нужде и унижении, и постоянное ожидание расправ, и нагрянувшее освобождение – все то, что выпало на долю и нашей семьи.

Теперь он сумел достойно увековечить пережитое, в период фашистской оккупации Одесчины создав монументальный памятник "Дорога смерти" (за свой счет).

Как и я сейчас – вот здесь, на страницах этой книги – пытаюсь оставить духовную память о пережитом не только мной и моими близкими, а и теми, кто оказался волей судьбы тогда на этой земле, прозванной румынскими захватчиками так непривычно и чуждо – "Транснистрией".

СПРАШИВАЕТСЯ, КАК ВОЗНИКЛА она – эта злополучная Транснистрия?

Пока Одесса еще не была окружена вражеским кольцом на сущее и пока отсюда уезжали по железной дороге или автомобильным и даже проселочным путем все, кто мог, и на чем возможно, на том клочке земли, куда уже успели вступить войска Королевской Румынии, и была провозглашена такая нистрия.

Это слово происходит от "Нистру" – по-румынски названного Днестра и от предлога "транс" – по-румынски "за", что в целом означает в русском переводе "Заднестровье". Да, именно так наша земля виделась румынским завоевателям с их точки зрения – с запада: то, что по ту сторону Днестра, за ним. Как это и наблюдал знаменитый русский певец Александр Вертинский, побывав незадолго до войны в бессарабских пограничных городках и с тоской постояв на правом берегу..."

Как известно, там даже существует такое трогательное со-

седство двух городов по разным берегам: на правом – Бендера, а на левом – Тирасполь. И вот, когда из Бендер – или по-румынски Тигины – в середине июля переправились румыны в "братьский" Тирасполь, была провозглашена Транснистрия – с ее центром в нем. Это произошло 19 августа – вскоре уже после начала блокады Одессы.

Обо всем стало известно позже – из румынских официальных документов, опубликованных в сборнике "Одесса в Великой Отечественной войне" (т. I).

Оказывается, тогда был издан декрет № 1 за подписью самого Антонеску ("Мы, генерал Ион Антонеску, верховный главнокомандующий армией, постановляем..."), и там предусматривалось, что "территория, оккупированная между Днестром и Бугом, граничащая на севере по линии Могилев – Жмеринка... входит в состав румынской администрации".

Правда, при этом была оговорка: "...за исключением Одессы" – города, который румынам еще предстояло завоевать и в котором многие, в том числе наша семья, и не подозревали, что именно замышляет враг и что нас ожидает...

Ведь наша пропаганда твердила, что "Одесса была, есть и будет советской" и всячески высмеивала попытки румынской армии захватить ее. Помню, в газетах печатали веселые частушки с припевом "После дождичка в четверг", а однажды даже было помещено так называемое "письмо Иону Антонеску от запорожских казаков" – по образцу письма турецкому султану с известной картиной Репина. Это письмо пестрело такими выражениями, замененными многоточием, что моя бабушка возмущалась ("Как им не стыдно это публиковать?") и запретила мне брать в руки ту газету – "Чernomors'ku комуну". А в другой газете – "Большевистское знамя" открыто издавались над тем, что тот же Антонеску якобы назначил... парад своих войск в захваченной Одессе! И только сроки этого парада всегда, мол, отодвигаются... Ну да, не наглость ли это!?

Между тем в том же его декрете № 1 вполне деловито назначились руководители этой территории "между Днестром и Бугом". Прежде всего назывался "нашим представителем в Транснистрии с предоставлением ему всех полномочий господин профессор Георгий Алексяну, а также определялись "следующие дирекции": "администрации и путей сообщения, агрокультуры и экономики, просвещения, культов и пропаганды, здравоохранения и финансовая дирекция". Самое удивительное, что уже определялись и те деньги, которые

"имеют хождение на территории Транснистрии", и даже зарплата для будущих чиновников ("двойное жалование в леях и жалованье в марках")... Была проявлена такая забота о тех, кто будет хозяйствовать на нашей земле и даже в Одессе!

А в статье 7-й румынского декрета указывалось: "Назначаем резиденцию управления Транснистрией в г. Тирасполе". Как в ее временной столице! И это невольно наводило на беспокойные размышления.

Тирасполь... Хочется припомнить, что я знал о таком городе.

Прежде всего – рассказы взрослых, иногда ездивших туда. Что-то вроде сплошного сада: в нем и полно яблок, и растет вкуснейший виноград, а также там бездонный винный погреб: самое доброе натуральное вино, которое пьют, "как воду" (даже дети!). И вот теперь туда ввалились враги – и им, значит, достанутся все эти блага, при одной мысли о которых текут слюнки.

Кроме того, было известно, что Тирасполь – не просто привлекательный, но и важный административный центр. Ведь это целая столица (даже не в пример Одессе – всего лишь областному центру, пусть она и больше по размерам и количеству населения!). Столица Молдавской Республики, а полностью – Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, которая была основана в 1924 году – со своим ВЦИКОм и Совнаркомом, с особыми партийными органами и даже с государственным языком – молдавским. Кстати, многие ли осознают, что это произошло в пределах Украинской Советской Социалистической Республики – таким образом, как автономия в Украине? Сейчас это звучит странно – учитывая нежелание украинских политиков создавать автономные образования в "державе" и их протесты против "федеративного" устройства... А вот МАССР была именно таковой – чужеродным телом в украинском государственном массиве, благополучно просуществовав так до середины 1940 года, пока эта автономия не переродилась в отдельную союзную республику со столицей в Кишиневе – после присоединения Бессарабии в результате действий правительства СССР.

Так вот – ринувшаяся теперь на Советский Союз Румыния не просто осуществила реванш, отобрав "свою" Бессарабию – как отдельную провинцию. Она также заявила о воссоединении с матерью-родиной других "исторических" земель, якобы принадлежавших в прошлом румынским властителям (вроде

Валаховской, или Валаховской земли)". И провозглашенная Транснистрия – по другую сторону Днестра до Южного Буга явилась, с точки зрения румын, как бы торжеством их национальной справедливости. Так что бывшая МАССР стала этаким великолепным поводом для обоснования здесь братьев-румын...

Конечно, можно представить себе ликование румынской военщины в провозглашенной столице – Тирасполе. Я знал, что там есть главная улица – имени 25-го Октября, и трудно было представить: неужели, спрашивается, по ней проторахтели карузы – повозки с фанерным верхом, а потом лихо промчались на ступеньках защитных крытых грузовиков горные стрелки – в беретах, сдвинутых на уши, и в брюках-гольф, как это потом будет в Одессе? Неужели, неужели там же появился тот губернатор – лысый, с короткими усиками, с сощуренной ухмылкой черных глаз – вышеупомянутый профессор Алексянку, которого потом будут славить в одесских газетах? Тот самый, кто издаст приказы о положении еврейского населения и который окажется одним из губителей евреев Одессы, так что недаром потом он представит перед военным трибуналом в Бухаресте и пойдет под расстрел в одной шеренге с маршалом Антонеску – как это недавно показывали по телевидению в кадрах судебной хроники...

Вдруг вспомнилось, что перед войной иногда доводилось слушать по радио передачи из того же Тирасполя. Папа, придавясь работы, часто позволял себе такое удовольствие – покрутить ручку нашего приемника СИ-234, как ни ворчала бабушка ("опять ищет свою политику – нет чтобы поймать там лишний раз Утесова с его "Лимончиками"!). И часто он натыкался на длинные веселые разговоры на непонятном языке, хоть это и напоминало напыщенные голоса из Бухареста – на длинных волнах. То, оказывается, вешал город Тирасполь, только на средних волнах – неподалеку от Одесской станции РВ-13, и меня забавляли некоторые обороты этой речи – с щипящими звуками в окончаниях (наще всего – "еште")... Но думалось ли, что вскоре такая забавная речь придет в Одессу, чтобы подвать не только нашу речь, но и всю жизнь?

Что еще там привлекало меня – по рассказам мамы, у которой в Тирасполе жила подруга, бывшая соученица по медицинскому институту, это наци. Да, еврейское население, жившее как в том главном городе Молдавской Республики, так и по многим мелким и даже селам. Те, кто вскоре станут жертвами румынских "освободителей", как и мы здесь, в Одессе.

До этой войны евреи работали агрономами в садах и на полях, и что-то там проектировали в научных институтах, и даже заседали в партийных и советских кабинетах. А иные из них, быстро освоив молдавский язык, сочиняли хвалебные произведения о своей жизни, хотя и там шла борьба против троцкистов и кулаков. Например, некто Лехтиц стал председателем Союза молдавских писателей, а другой еврей – поэт Корнфельд написал целую поэму, которая так и называлась – "Тирасполь" (без мягкого знака!) – об истории и современной жизни молдавской столицы. Но думал ли он, что именно вскоре ожидает эту столицу и что будет с его земляками-евреями?

О том, что произошло с еврейскими жителями в других местах Молдавской республики (уже союзной), когда туда пришли враги, тоже переправившись через тихий и неширокий Днестр, я узнал лишь недавно из рассказов очевидцев, а вернее – самих жертв событий лета 41-го.

ВОТ ЧТО ПОВЕДАЛ житель небольшого города Рыбница и бывший узник Рыбницкого гетто **Н. Дувидzon** (не путать с вышеупомянутым жителем из Кодымы):

Враги вступили в город Рыбница 5 августа 1941 года. Потянулись длинные дни и ночи, полные тревоги и ужаса. Город словно вымер, дома глядели темными, разбитыми впадинами окон. На опустевших улицах летал пух от разодраных перин и подушек – будто мартовский снег лежал в кюветах мостовой и у деревянных заборов... Это фашисты приступили к уничтожению всех до единого местных евреев – городских и из сел района, в чем им помогали иные жители – подлые предатели. Но до этого мы увидели такое, что пре-взошло все наши страхи...

Через реку Днестр в Рыбницу гнали тысячи евреев из Румынии – из Бессарабии и Буковины. Многих подгоняли плетьми и прикладами автоматов, так что они, не выдержав, падали на мостовую и тут же умирали, пристреленные конвоирами. Сотнями расстреливали еще на подходе – у железнодорожного моста, а на берегу реки, в городских канавах, в узких переулках, на центральных дорогах, соединявших город с селами, – всюду лежали десятки, сотни трупов еврейских женщин, детей, стариков, а в воздухе носился смрад разложившихся трупов. Так нашли свою кончину измученные и голодающие люди..."

Далее он сообщает, что оставшихся в живых евреев заго-

нили, как скот, во двор лесобазы по ул. Вальченко для профиники. Там все размещались на земле или на отходах леса, находясь в течение 4-5 суток. Доступ к этапированным был воспрещен. Люди изнывали от голода и жажды, просили воды или своих детей. Но ни стоны стариков, ни мольбы женщин, ни плач детей не трогали каменные сердца фашистских охранников. Каждый этапированный готов был отдать кожуху за глоток воды или краюшку хлеба для своих детей. И чтобы еще сделать для облегчения страданий? Но спасения не было...

"Ежедневно со двора лесобазы выносили десятки трупов, продолжал свой рассказ Н. Дувидзон. – А спустя 4-5 дней колонну оставшихся в живых гнали дальше – в неизвестность, на новые мучения, возможно, на смерть..."

Более 25 тысяч евреев из города Рыбница были угнаны через реку Днестр. Они попали в села Борщи и Чубовка, в лагеря, созданные в Доманевке и Богдановке. О том, как им там жилось с наступлением осени – другой разговор. Известно лишь, что удалось спастись и выжить только отдельным семьям – например, Мураховера, Слепого и Разумного в Борщах, которые убежали оттуда...

Другой скорбный рассказ – о судьбе евреев в глубинке будущей Транснистрии, в городке Ольгополе. Об этом свидетельствовала **Евдокия Браиловская** на страницах "Одесского исстника" 26 марта 1993 года:

"Мы эвакуировались оттуда ровно через месяц после начала войны. Колхоз выделил нам по одной повозке с лошадкой на каждые две семьи. Погрузив свой нехитрый скарб, пустились в путь.

Но фронт наступал нам на пятки. Вот уже вокруг взрываются снаряды, ухают орудия. И мы увидели немцев. Случилось это в 30 километрах от Никополя, где мы надеялись переправиться через Днепр и попасть на поезд. Но не успели. Многие наши спутники остались там, где застал нас фронт. Мы же решили – раз не удалось убежать, будем возвращаться домой. Мы медленно тащились на запад, а навстречу нам все шла и шла немецкая техника".

Она еще писала о трудностях этого пути, о том, как их приютили местные жители, когда наступили холода. "Вскоре пошли дожди – приближалась осень. Тащиться по грязи было все труднее – без повозки с лошадью, которую у нас отняли беглые красноармейцы. На стертых ногах кровоточила кожа, к тому же я простудилась. И тогда мама решилась –

пошла в село, постучалась в крайнюю хату. До сих пор мы пробирались глухими проселками, избегая дорог: встречные крестьяне предупреждали нас о том, что фашисты зверски уничтожают евреев.

В той хате зажгли лампу. Дверь открыл старик, затем вышла молодая женщина — его сноха, а сын был на фронте. Молодая хозяйка жарко натопила печь, согрела воды для мытья (мы были страшно грязные), накормила, уложила спать на перины, которыми устлала пол, а меня напоила отваром из каких-то трав. Но самое главное: она всю ночь не спала — дежурила с топором в руках, чтобы защитить нас от полицаев или немцев. Я не помню ни названия села, ни имен этих людей — я была ребенком и была больна. Но их самих не забуду никогда..."

Трогательно читать дальше о том, как заботились о своих многие жители — из украинцев или молдаван. Правда, потом появились другие — горькие свидетельства будто бы "равнодушния" населения к страданиям евреев или даже об их пособничестве врагу. Так удивительно ли, что драматически сложилась дальнейшая судьба этих беженцев?

"Как ни избегали мы мест, где могли быть фашисты, но в Гвоздавке попали прямо в лапы румынской сигуранцы. При обыске среди нашего нищего барака обнаружили мои школьные похвальные грамоты — я берегла их пуще глаза — с портретами Ленина и Сталина! "Коммунисты! Партизаны!" — кричал тамошний главный начальник. Как говорится: мало ему, что он еврей... И повели всю нашу семью в степь. Приказал раздеться догола, прицепились уже... Но тут примчался какой-то солдат, быстро-быстро попочка что-то по-румынски. Нам велели одеться и повели обратно. Как оказалось, в Гвоздавку пригнали откуда-то человек сто евреев, и нас вместе с ними затолкали в какой-то сарай, поставили охрану. Три дня без еды, без воды. Не выпускали даже в туалет... По ночам вызывали каждого пятого или десятого мужчины, зверски избивали иных до смерти. Вызывали и женщин, но не убивали, отпускали — истерзанных..."

Так продолжалось до тех пор, пока всем заключенным не назначили день казни, приурочив его к приезду какого-то начальства, и даже со съемками "для кино". Но накануне один местный полицай пообещал напоить охрану и с помощью партизан выпустить ночью всех, а тогда — "бежать как можно дальше", чтобы "утром спрятаться и весь день носа не высовывать".

Действительно, спасвшись таким образом, эти беглецы после долгого сидения в степном овраге узнали от появившейся женщины с ребенком на руках, что "кругом идут массовые расстрелы евреев, что из Любашевки высыпали всех, а в Доманевке сделали лагерь". И что было им там делать дальше, спрашивается?

"Сидите здесь, — сказала женщина. — Я отнесу ребенка к маме, потом ярами выведу вас в Ольгопольский район..."

Расстрогано вспоминает Е. Браиловская о своей спасительнице:

"Уже не надеялись, что эта женщина вернется. Еще одну ночь мы просидели в овраге. Но она пришла и вывела нас в Ольгопольский район, в село Березки. Там мы постучались в крайнюю хату, и хозяйка нас узнала. Ведь до войны мой папа работал в МТС, а мама — в единственной на весь район фотографии, так что все знали нашу семью".

И дальше: "Женщина отправилась в Ольгополь разведать, что там и как, есть ли еще живые евреи. Мы остались одни в хате. Только к вечеру она возвратилась и рассказала, что дом наш полностью разграблен, что всех евреев согнали в гетто — на одну улицу, оцепив ее со всех сторон колючей проволокой. На воротах надпись по-русски и по-румынски — "Трудовой лагерь". Дома буквально набиты людьми, на дверях список проживающих. Если при проверке кого-то не окажется или, наоборот, будут лишние — всем расстрел. Вновь прибывшие обязаны зарегистрироваться в комендатуре, но их сразу расстреливают как шпионов или партизан..."

Можно представить, как сложилась далее жизнь маленькой Е. Браиловской и ее семьи там, в Ольгопольском гетто.

Впрочем, тяжкой была судьба евреев и в других гетто по всей Транснистрии.

Только в Одессе еще не было гетто, как и не было врагов. Ведь наш город продолжал сражаться изо всех сил.

Но это уже происходило в кольце окружения.

Что было дальше в Одессе

ИМЕННО ТОГДА — при расправе с евреями в Рыбнице и при их бегстве из Ольгополя была перерезана наступавшими германскими войсками и их румынскими союзниками железнодорожная ветка — сперва на Москву, а затем на Бахмач, и мы оказались окружеными по суже. Оставался только выход в море, но и там враг старался запереть одессов, непрерыв-

но обстреливая и бомбардируя суда и портовые сооружения. Как мы этого и боялись, отправляясь на спасительную дачу.

В то время мне не доводилось видеть с бульвара, что там происходит. Последнее из моих наблюдений, еще когда мы жили дома, — это сбившиеся на аллеях и сидевшие на парапетах иностранные моряки. Они заметно отличались от других прохожих, которые стали носить одежду (защитные кители и фуражки), а на боку по-прежнему держали противогаз в сумке (хотя, слава Богу, газами пока не травили). Моряки же — якобы с норвежского корабля — все, как на подбор! — с волосами соломенного цвета были в цветастых куртках и шикарных светлых брюках. Так что наши девушки заметно заглядывались на них, а некоторые мальчишки нагловато просили сигареты или марки.

Что еще тогда было видно с бульвара — стоявшая у одного из причалов огромная, низко осевшая баржа. На ней, говорили, находились беженцы из Югославии, потерпевшей поражение от Германии. Они, в отличие от норвежцев, были, как нарочно, черноволосые и явно бедные. Тогда я мало интересовался ими, но пройдет еще немного — и сам стану таким беженцем. Да и буду жить в намного худших условиях... Как те же несчастные из приднестровских городков и сел! Как и все евреи!

Ибо несчастье неумолимо надвигалось на нас — с приближением фронта.

О том, что Одесса уже окружена, о начале ее блокады (как потом это будет называться официально), я узнал в последнее посещение бульвара Фельдмана, или вернее — нашего дома.

Мы с братом пришли тогда за дополнительными вещами — на случай дождей или холодов, хотя еще стояла жара. Пока отбирали эти вещи в сумки, вдруг по нашему "Рекорду" — единственному из оставшихся радиоаппаратов — стали зачитывать одновременно тревожным и торжественным голосом какое-то сообщение.

Не сразу прислушавшись, я увидел, как осунулось лицо Сережи: похоже, что-то неладное. А потом и до меня дошли необычные слова: "Враг у ворот Одессы". Были еще сложные объяснения, как именно это произошло. И удивили, даже смешные советы — для жителей города: лить кипяток "на головы людоедов"...

Ну как это... попробуй — пока он сунет свою голову? Или уже больше ничем отбиваться от проклятого врага? А как же, спрашивается, пелось в фильме "Если завтра война": "На земле, в небесах и на море..." — мол, у нас такая несокрушимая

вили? Или в "Трех танкистах" — песне про "экипаж машины Боской" — очень бодро и уверенно! А в "Истребителях" нас успокаивали: "Любимый город может спать спокойно..." Ничего себе — спокойно, если дело доходит до кипятка... Но удастся ли вообще вскипятить воду?

Так мы еще немного поговорили с братом, пока после этого радиосообщения не заиграли — как никогда грозно — "Интернационал". Этот наш гимн загремел, словно предупреждая, что тут дело очень опасное и даже смертельное: "Это есть наш последний и решительный бой!" Но, правда, не получалось тогда, что действительно мы слышим его в последний раз...

Не передать, в каком состоянии пришлось идти с вещами туда, где теперь жила вся семья, — в больницу на Херсонской. Как раз мы пошли не через центр города, а по тому же "Фельдману" — мимо Дюка Ришелье (хорошо, что памятник еще стоял на месте!), как бы невольно прощааясь с ним, а потом мимо Дворца пионеров (тоже он еще не пострадал!), куда мне хотелось в будущем ходить — в какой-нибудь кружок. И по дороге увидели, что стало в порту, который открывался перед нами с обрыва внизу: скопление мачт каких-то неуклюжих, большие грузовых судов (странно — с перекрашенными в черный или серый цвет палубами), с кучами необычных грузов на причалах — вплоть до мебели (не бежали ли начальство?), с военными в касках тут и там (патрули!).

А особенно поразило дальше — как выглядят знакомые очертания заводов. Над стеклянной крышей завода имени Марти уже не высилась кирпичная мощная труба (видно, сбита при бомбежке!), а вокруг элеватора — "мельницы Вайнштейна", как это все называли, вились дымки от пожаров (похоже, там жгут зерно по приказу Сталина). Ну и совсем удивительно и невиданно: в глубине бухты — от Лузановского берега до села Дофиновка — беспорядочно сбились серые корпуса военных судов с отчетливо видными орудиями ("Червона Украина", — так подсказывал Сережа, — и всякая мелкота — тральщики с канонерками..."). Не они ли все чаще наятали по вечерам — и видно, как вспыхивает зарево над больничной крышей? Так почему же теперь призывают к этому — нарастить "кипятка на головы"?

Конечно, мы сразу, едва прия в больницу, обрушились с нашими вопросами и новостями на маму, которая только досадливо отмахнулась от нас (ее здесь разрывали на части: "Фредерика Абрамовна, а как это... Фридочка, на минутку!").

А когда добрались до лежавшего папы, то он даже попросил повторить про оборонительный кипяток и потом проговорил с трудом, морщась в своем корсете: "Ну, а как вы думали? С боясками так и надо – без церемоний!" Только бабушка серьезно выслушала брата и неожиданно всхлипнула: "Такого не было даже при погромах... даже в Пятом году!" И вдруг опасливо обняла меня – как маленького.

Признаться, этот ее порыв – чтобы уберечь внука – я долго буду вспоминать потому, когда мне придется очень тяжко. Как и часто полезут в голову слова про кипяток – особенно в холодную пору. И как буду с завистью думать в голодную минуту о горевшем зерне на мельнице Вайнштейна...

Интересно, понимал ли тот, кого все взрослые называли и даже воспевали отцом и учителем, кто считался лучшим другом всех трудящихся, благодаря кому жилось лучше и веселее, – понимал ли Сталин, что он наделал?

Ведь дело не только в этом – зерне, которое он приказал "жечь, чтобы не досталось врагу", когда выступал по "Рекорду" в начале июля.

А разве великий вождь не был виноват в том, что вообще началась эта война?

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ МНОГИЕ, удивленные еще раньше тем, что советское правительство пошло на сближение и даже на какую-то дружбу с Германией – нашим врагом, сумевшим благодаря этому начать войну с другими странами.

Правда, сначала успокаивало, что, мол, "Европа воюет, а мы себе пляжимся". Так посмеивался папа, хотя, как я помню, он вроде бы не бывал у моря, даже работал неподалеку – на Французском бульваре. Но при этом, когда удавалось, пользовался своим любимым СИ-234, слушая разные интересные передачи. Они звучали на русском языке из Италии (тогда еще не было ни Би-Би-Си, ни "Голоса Америки"!), а не только из Софии, откуда почти каждый вечер пел залихватский Петр Лещенко, почему-то запрещенный у нас.

Но однажды, дождавшись маму, расстроенную после работы, где она слушала не обычную лекцию "Краткий курс истории ВКП(б)", а про международное положение, он объяснил своей теще, чем теперь это "пахнет": "Кажется, мы вскормили нашими продуктами для Германии... настоящую змею с ядом!" И раз даже не побоялся крутануть по приемнику речь Гитлера (благо, она на другой день была кратко напечатана даже в местной газете "Большевистское знамя") – сперва с низкими, хрипловатыми и

лиже гундосыми интонациями, а потом с неистовыми бурными инспирациями во имя "Гроссдойчланда" (даже я это понял!) – искрять до вскрика на самой верхотуре: "Зи-и!" – что и ученая мама не пожелала переводить.

Хотя, помню, не прошло и полгода, как папа – уже наловчившийся при своем неподвижном положении и при сжимавшем его грудь корсете ("как у дамы...") – как-то вечером вдруг отшатнулся от светящейся шкалы на среднем диапазоне: "Каир только что передал... на сербском языке – для Югославии... о войне Германии против Советского Союза... правда, пишут предполагают". Тогда шла усиленная бомбардировка Лондона (и туда летал сам Геринг!), а Крит был взят массовой высадкой тоже с воздуха (каждые девять секунд – очередной самолет с парашютистами), и после ошеломительного падения Греции (танки немцев ползли на Олимп под углом в 45 градусов!) – и все уже тревожно притихли: интересно, мол, куда дальше двинется Германия – такая лихая и сильная?

Так вот куда, значит, она двинулась – на нас! Прошло лишь три недели после сообщения из Каира – и Сережа однажды воскресным утром вбежал взъерошенный и со страшным сообщением: "Там... там война, а вы тут... проспали!" – искричал он, хотя обычно был уравновешенным – не повысил голоса даже на кошку. И лишь замычал в ярости, когда бабушка почти спокойно отозвалась из-за своей ширмочки: "А я что говорила... бояски довели!"

Но тогда же самое тревожное сказала мама, которая дрожащими руками стала разжигать примус в кухонной пристройке: "А мы... что с нами будет?" И тихо пояснила, стараясь не смотреть на детей – меня – меня – "Вы же знаете, как они с евреями... Представляете, что нас ждет?!"

Нет, мы тогда еще ничего не представляли. Даже бабушка с ее опытом Пятого года – лишь недоверчиво покачала пальчиками, высунувшись из-за ширмы. А Сережа – тот спохватился, вдруг буркнув невпопад: "А футбол мой? Футбол пропал!"

Папа же недоверчиво развел руками: "Ну, ведь мы не одни... да, евреев вон – пол-Одессы... и неужели, спрашивается, все пострадают? Нет, не может быть такого... на нашей земле! Это абсурд, уверяю! Форменный!"

Но, оказывается, абсурдом было другое – вообще наша жизнь на земле.

"МЫ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ!" – таковы были слова, которые

якобы произнес один одесский партизан – впоследствии знаменитый Молодцов-Бадаев, когда его поймали румынские работники безопасности и на следствии требовали от него покаяния. Он не пожелал унизиться перед чужаками, приведшими на чужую землю и наводившими здесь свой порядок, хотя сам был родом из глубины России – с Рязанчины, а на Украину попал лишь в начале войны.

Ну, так что же могли сказать здешние евреи, если давно было установлено, что их предки появились на берегах Северного Причерноморья с давних пор?

В толстой официальной книге, изданной Одесской городской управой к 100-летию города, написано, что в 1794 г. здесь проживало... шесть евреев. Этую же цифру называет и сборник "Из истории еврейской Одессы", выпущенный к 200-летию нашего города в Израиле, но относит такую легендарную шестерку на более ранний срок – к 1789 году, когда существовал только поселок Хаджибей, а находившаяся при нем турецкая крепость была взята штурмом русскими войсками. Некоторые же исторические источники (вроде "Материалов к истории Евреев Украины", составленных Р. И. Гольдштейном и опубликованных в Днепропетровске в 1993 г.) утверждают, что "еврейские общины появились в границах нынешней Украины еще до нашей эры", что они имели место в составе греческих колоний на юге страны, а в период Хазарского царства – с началом нашей эры – возникли еврейские поселения в центре нынешней Украины – "из числа беженцев из Греции и других стран Византийской империи".

Так что в средние века еврейство настолько широко освоило все эти земли – "в результате... территориального роста" Российской империи (присоединение польских и литовских земель после разделов Польши), что ему открылся путь – вместе с другими колонистами по инициативе Екатерины II – к берегам Черного моря.

Вот уж действительно – как естественно была заселена евреями эта земля.

Правда, с начала XIX века власть установила "черту оседлости" – для проживания евреев лишь в 15 губерниях империи из 50. Но к концу того же века их насчитывалось в этих пределах более 5 миллионов – и таким образом еврейское население вроде бы прочно и широко заняло новую территорию своего проживания. Да, вполне обжило ту землю, на которой многие из них считали себя, "как дома".

А как еще иначе они могли себя здесь чувствовать? Вон

достаточно перечитать произведения Шолом-Алейхема – этого певца европейской оседлой жизни в украинских местечках, тонкого и глубокого летописца европейского быта и нравов. Ну и разве там не создается впечатление, что "местечковые" (как нередко с презрением называли жителей евреев) – это коренные и неотъемлемые дети благословенной страны – Украины. Ведь они настолько внедрились в народное хозяйство и культуру украинского народа, что существовало даже определенное ходячее мнение о том, чем занимаются здесь евреи.

"Основным занятием, – читаем в главе "Еврейская Одесса" из израильского сборника, – была торговля зерном. Многие евреи были мелкими торговцами, посредниками (главным образом между помещиками и экспортерами), агентами крупных иностранных и местных, в основном – греческих хлеботорговых компаний, маклерами. Евреи работали на зерновой бирже оценщиками, кассирами, весовщиками, грузчиками, а также занимались ремеслами, торговлей мануфактурными и бакалейными товарами".

Что касается духовной жизни, то издавна работали школы с преподаванием еврейских предметов (в частности, в Одессе – с 1826 г.), а в 1840 г. была открыта здесь же общеобразовательная синагога Бродского; проживало также много лиц "свободных профессий" – деятелей искусства и литературы.

Так нужно ли говорить, как бурно вышли на поверхность жизни евреи после 1917 года – особенно из той "мелкоты", что прежде угнеталась собственной европейской знатью? Комиссары на фронтах гражданской войны и первые советские служащие, лидеры народного хозяйства – вроде выходцев из "Еврабмоля" в Одессе и многочисленные представители научной интелигенции – все это были люди европейской национальности. Это сделалось предметом нашей гордости, воплощением прежних надежд, казавшихся несбыточными, и поводом для безграничной уверенности в будущем, которое, конечно, связывалось с победой в нашей стране. И даже явные издержки такого невиданного стихийного процесса возрождения европейской нации – с наступлением ежовского периода, когда страдали и многие евреи, или государственный неуклюжий эксперимент с созданием "Еврейской автономии" в Биробиджане, где даже такой недалекий "местечковый", как Пиня из "Искателей счастья", сразу почувствовал, грубо говоря, "локш", не отрезвили нас...

Но вот лишь когда пришло реально взглянуть на вещи, когда мы поняли, что к чему, – с началом этой войны и с уг-

розой, которую несли враги еврейскому населению. Евреев грозили уничтожить поголовно – только за то, что они евреи, придумав вздорную причину – якобы в распятии Христа. И действительно было, как сказал мой отец, абсурдом верить в то, что мы здесь уже полноправные граждане, как представители “коренных” народов.

Выходит, среди русских и украинцев, среди болгар, гагаузов и молдаван, даже среди поляков или греков, а то и немцев мы считались самыми презренными и недостойными, и нас решено убрать с этой земли – как чужаков...

Помню, меня потрясли такие мысли, когда в нашей семье зашел об этом разговор, хотя, может быть, я тогда не все и мог понять. Вдруг я почувствовал себя, как никогда, маленьким, слабым и беззащитным, хотя иногда думал, будто уже большой – среди пальбы и раненых, в той опасности, какая была вокруг.

Мне страшно захотелось, чтобы родители сказали: ничего страшного... еще все будет хорошо... и мы скоро вернемся в свой дом... и заживем даже лучше! Как поет Утесов: “Все хорошо, прекрасная маркиза!”

Но, увы, прошлой жизни уже не дано было вернуться. Хотя бы потому, что мы не могли вернуться в свой дом, а вернее – в собственную квартиру. Пока приходилось находиться на даче и в больнице, туда вселились другие люди. Да, зайдя однажды за вещами, я не смог попасть в нашу дверь. Ее заперли на другой замок, а когда я стал стучаться, то открыли и накричали на меня. Не пустили незнакомые, чужие люди... Вот как — уже оккупация!

Получалось, что еще до прихода румынских чужаков нас вытеснили свои – тоже враги! Хотя впереди было еще около двух месяцев, пока Одесса сопротивлялась. Да, ведь тогда начали сооружать бастионы – и даже поблизости от Оперного театра. Когда таскали камни и мебель для них недалеко от больницы, я тоже участвовал. А бабушка не раз прочитала: мол, бедный ребенок... что ему приходится делать! Думалось ли об этом раньше?.. Есть ли Б-г?

Но в то же время другим евреям приходилось намного хуже – и так, что в ту пору это немыслимо было себе представить. Например, тем из них, кто уже попал в руки врагов и над кем начались издевательства.

ТАК БЫЛО не только с Н. Дувидзоном, которого я уже цитировал в этой книге.

Кроме него и его земляков, к тому времени успели пострадать евреи и другом месте созданной румынской Транснистрии. И тоже “и пределами Одесской области – в Винницкой, которая вошли в это румынское губернаторство.

Едва вражеские войска появились в июле на винницкой земле, как они уже успели организовать специальные загоны для еврейского населения – гетто.

А я в это время еще не знал даже такого слова – “гетто”... И видел лишь одни бомбежки.

Вот что пережил там мой одногодок **Пейсах Дробицкий**:

“Я из маленького села Джурин Винницкой области. 26 июля здесь началась оккупация: разбои, грабежи, насилия, страх за жизнь.

У нас проживало 900–1000 евреев, а село большое. Евреи находились компактно, на нескольких улицах в центре села, где и было образовано гетто. Буквально сразу поступило распоряжение немецких властей, чтобы все евреи надели на левую руку повязку с желтой шестиконечной звездой. За неповинование жестоко наказывали. За пределы гетто не разрешалось выходить...

К нам несколько раз приезжали карательные отряды с целью уничтожения всего еврейского населения, но местные украинцы собирались на сход и там общими усилиями вынесли решение в защиту евреев нашего села. Тем самым отвратила угрозу уничтожения, а это благодаря тому, что в свое время местечко взяло на поруки преследуемого советской властью священнослужителя. В первые дни оккупации он появился в селе и стал претором (вроде председателя райисполкома).

Все вопросы об истреблении евреев решались с ним, а он отводил угрозу уничтожения. После того, как Гитлер поднял Антонеску территорию между р. Бугом и Днестром, вся административная власть перешла к румынам, местной украинской полиции, старосте...”

Как видим, здесь описывается характерная сторона жизни в гетто – взаимоотношения его обитателей с украинским населением и даже властью. Это опровергает утверждение немецкой пропаганды, звучавшее по радио из Варшавы, – о “самостоятельном разрешении украинцами вопроса о судьбе еврейского населения”, то есть об его уничтожении. А что касается судьбы священнослужителя, ставшего местным начальником, то сюда примешивается, кроме национальной, и политическая проблема: не просто месть священника из-за

преследований его коммунистами, но и помочь тем, кто поначалу считался "советскими людьми", — евреям... Не было ли тут проявления самого главного жизненного качества — человечности?

Интересно, что П. Дробицкий затрагивает и такую деликатную проблему, как еврейское самоуправление в гетто. Известно, что многие с осуждением относились к "юденрату" — еврейским советам за их якобы "сотрудничество" с оккупантами. И вот что было в том же селе — Джурине:

"В сентябре-октябре в гетто стали прибывать изгнанные со своих мест евреи из Бессарабии и Буковины. Прибывшими евреями с согласования с румынской администрацией были организованы еврейский комитет правления и еврейская полиция. Все вопросы по набору на работу решались через еврейский комитет..."

Позже этот вопрос встанет и перед одесскими евреями, когда они будут загнаны в гетто на Слободке. Там тоже возникнет нечто вроде комитета из числа евреев — только без согласования с румынами. И в него даже войдет моя мать — одна из представительниц согнанной туда интеллигенции. Но об этом я подробно расскажу позже — в соответствующем месте.

Не приходится сомневаться, какие ужасные условия были созданы для очутившихся в гетто. "Там каждый день умирало по 100-150 человек, — рассказывает один из евреев, очутившийся тоже на Винниччине, хотя он родом из Умани, — Яков Иосифович Абрамов. — Люди жили в неимоверных условиях. Нет воды, грязь, начались холода..." И он же оказался одним из участников сопротивления такому оккупационному произволу: "Я посмотрел на это и решил еще с одним товарищем бежать. Но нас поймали и вернули назад — в гетто". Кстати, это совпадает и со словами одного видного деятеля.

Кто из евреев не слышал про такого известного поэта — Ицика Фефера? Еще в середине 20-х годов у него вышла книга "Простые стихи", а потом и с таким забавным названием — "О себе и себе подобных". Знавшая идиш бабушка не раз зачитывалась ими и часто переводила их содержание нам (хоть я и отмахивался: "Далеко до Пушкина!"). Особенно много писали про него перед войной, когда этот поэт и видный общественный деятель жил в Харькове — тогдашней столице Украины. Там то и дело выходили его стихи и даже целый роман в стихотворной форме — "Большие границы", и можно догадываться: в нем шла речь о славных героях-пограничниках (вроде Петра Карапузы с его знаменитой со-

пкой, которые были прославлены во всех газетах!). Я предполагал, что это поэт с героическим уклоном, вроде русского Маяковского, или, на худой конец, — молодого Симонова, и такое подтвердилось в начале войны. Не знаю, воевал ли этот Фефер или просто появлялся на фронте, как корреспондент, но потом стало известно, что в 42-м году он напечатал боевой призыв в еврейской газете, выходившей тогда в глубоком тылу — в городе Куйбышеве под названием "Эйникайт", что значит по-русски "Единение". Призыв был такой: "Не назад в гетто, но вперед — в бой!" Что и касалось вышеупомянутого Якова Абрамова, бежавшего из гетто и возвращенного туда "назад"...

Между прочим, словно выполняя такое пожелание знаменитого поэта — пламенный клич из тыла, этот Я. Абрамов и бросился "в бой": он стал командиром партизанского отряда. ("нова бежав из гетто, бесстрашный уроженец Умани весной 1942 года попал "в небольшой партизанский отряд", а потом и в большой, где "стал командиром разведки"). У него было там немало дел, в том числе захват поездов с молодежью, идущих в Германию, а в конце концов он оказался в целой партизанской бригаде "имени Сталина", которая действовала в части Одесской области. И там же, в Винницкой области, ищет Абрамов, "был еврейский партизанский отряд, который, "кажется... назывался "За Родину!" Вот, значит, как сумели противостоять беспощадному врагу иные представители еврейского народа — что бы там ни говорили о "покорности евреев перед лицом смерти"!

Это воодушевляло и по той причине, что, значит, даже с приходом врага сюда — если, не дай Б-г, такое все же случится! нам будет не так страшно — с такими героями...

В это хотелось верить, читая и другое о войне. Уже была середина сентября, когда в той же газете напечатали маленькую заметку о том, что в Одессе создан и даже регулярно выступает... "городской симфонический оркестр". Ну и ну — оркестр в такое время, когда бомбы и снаряды, не переставая щиплются на голову и когда даже не успевают объявлять возможные тревоги... и где он выступает, несмотря ни на что, — прямо под открытым небом — в Городском саду!

Не выдержав, я пошел раз туда. Возвращаясь по улице Настера из маминого госпиталя как раз забежал в этот сад, где была прорыта длинная противовоздушная щель на случай опасности. Но тогда вроде бы не звали сирены и не гудели гулочно и прерывисто моторы "Юнкерсов" или "Хейнкелей",

как бывало, если они снижались над домами. И вот вдруг до моего непривычного уха донеслось что-то музыкальное... да, играл оркестр – и что именно: знакомое и победоносное произведение – “Ворошиловский марш”. Ну и что я увидел, когда пробрался через завалы нарытой земли и через какие-то зараждения в глубину Городского сада!

Действительно, сидят музыканты – и прямо посреди аллеи. В большинстве женщины – особенно скрипачки, а вон и арфистка, у которой ее инструмент касается веточек деревьев, уже начавших опадать. Они играют – в такт палочки, которой взмахивает наполовину прикрытый листьями дирижер в простецкой вышитой рубашке с пояском и ослепительно лысый на проглянувшем солнце. “Чернятинский” – вспомнилась мне фамилия этого смелого руководителя оркестра, о котором писалось в “Большевистском знамени” (как он создал свой музыкальный коллектив “из оставшихся в городе” оркестрантов). И самое интересное: среди них я увидел... да, вон одно лицо с длинным носом, сильно черное, а вон другой – тоже кудрявый по-еврейски... Я присмотрелся – и заметил человек двенадцать евреев, в том числе с духовыми инструментами, но вполне интеллигентными – флейтами, кларнетами.

Ну, так о чём же, спрашивается, они думают, почему сидят здесь и даже исполняют храбрый “Ворошиловский марш”, а не сбежали еще отсюда – от опасности? Так, возможно, ее и нет – этой угрозы всем евреям, если враг придет сюда? И хотелось даже спросить у них, когда они смолкли и стали отирать набухшие губы. Если бы не услышал, как лысый дирижер что-то подсказал им (“Эгмонт”, что ли?), и они снова приготовились играть, внимательно уставившись на него – круглоголового, слегка румяного, даже улыбающегося.

Там же виднелось огромное фанерное сооружение за спиной дирижера Чернятинского – то была карта Западной Европы, установленная здесь еще задолго до войны. Раньше я любил по ней смотреть, как идет война – именно на этом Западе, прислушиваясь к ехидным репликам знатоков, особенно стариков в толпе (“Ничего, им еще сделают весело!”), а в первые дни войны почти не отходя от нее – как ни звал меня домой Сережа, презиравший это – “политику”. Но было очень важно видеть, как передвигается слева направо толстый витый шнур, каким отмечалась линия фронта, пока его вообще перестали передвигать.

Да, вон когда я теперь глянул туда, то увидел этот шнур, уже слегка порыженный от солнца, не под самым Киевом

(хотя в сводках сообщалось о боях “на Киевском направлении”), а еще где-то не доходя Житомира. Что же касается Одессы, то у меня сжалось сердце при виде кружочка вокруг нее, пусть и с немалым пространством внутри него. В таком кольце она – вполне наглядно... и что же все-таки будет дальше? Удастся ли разорвать это кольцо? Останется ли Одесса советской? И вообще – как пойдет война? Куда ползет шнурок?

Яшел домой, обходя сооруженную на перекрестке баррикаду – груды мешков и кирпичей, и в моей душе смешались разные чувства: и желание, чтобы все кончилось хорошо, и страх перед вражеским вторжением, и слабая вера, что “еще обойдется”. Кажется, я даже не слышал этого “Эгмента”, которого вовсю играли музыканты. И когда рассказал дома обо всем, что видел и слышал, то отец лишь подмигнул: “А как ты думал? Если бы не надеяться, то... мне первому – хоть вешайся!” И мучительно покривился, устраиваясь в своем корсете.

Но знать бы, как тяжело переносили свои муки другие. Из тех, что не просто попали в руки врага, а пытались там как-то выжить.

ТАКАЯ ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАНИЯ была не только у тех, кто оказался в гетто. Еще несколько десятков лет до этого оказалась в критическом положении и моя бабушка. Или та, которую мы называли бабушкой по привычке...

Фактически же она являлась нам двоюродной, но стала родной по одной случайной причине. В ту пору, когда в стране не разыгрались еврейские погромы. И когда тоже надо было как-то спасаться. Самому или спасать других!

Так вышло с нашими родичами в том злополучном Пятом году, о котором уже шла речь. Тогда из-за грозившей опасности многие еврейские семьи срывались с места и бежали из России. В числе прочих выехала за границу – в Англию и одна одесская семья с четырьмя детищками на руках. Ее главе – простому работнику с папирросной фабрики – было тяжело на чужбине и он умер спустя семь лет после отъезда. Его жена Рахиля понимала, что не сможет выжить с выросшими детьми, а также дать им нужное образование и профессию. И она написала домой в Одессу письмо своей родной сестре Екатерине с просьбой о помощи. Та же, не будучи связанной семейными узами, сделала отчаянный шаг – устремилась в Лондон, а там совершила самое неожиданное и благородное. Она забрала от родной сестры Рахили двух детей, чтобы содержать

их, хотя была только простой акушеркой. Среди этих двух "избранных" была и маленькая Фрида – моя будущая мать. И тетя Катя действительно заменила ей родную мать: обучая в школе, которую племянница закончила с золотой медалью, учила ее игре на фортепиано, а затем в медине, как и воспитала другого вывезенного мальчика Борю. Достойный поступок родственницы, женщины и человека, а также будущей тещи, когда на горизонте их семьи появился солидный жених мамы Петр Сушон, которому она не стала чинить препятствий! Она же, бабушка Катя, как мы ее потом называли, приняла у моей матери первые роды – и как раз на свой день рождения, словно лучший подарок себе! Этого первенца – Сергея она полюбила нежной и безоглядной любовью, так что я – второй постомок в молодой семье – потом невольно ревновал к нему... Впрочем, можно ли было всерьез сердиться на эту женщину, которая держала в своих руках всю нашу семью и вообще была ее украшением?

Да, наша бабушка не только вела хозяйство в доме. Она являла нам всем пример культуры и доброты: хорошо говорила по-русски, а также знала еврейский, читала на нем религиозные книги, могла петь оперные арии, не имея музыкального образования, а когда ходила на рынок или по магазинам, то часто приводила с собой какую-нибудь бедную старушку, чтобы накормить ее и дать что-нибудь из вещей. Вообще была общительна с людьми, любила рассказывать другим содержание книг, которые прочитала, выглядела благородной и красивой. Мы очень любили ее – нашу бабусю, а она отвечала нам за это сторицей, не имея своей личной жизни и целиком сосредоточившись на нас. Хотя немало заботилась и о делах дяди Бори, который после Англии здесь пошел, что называется, своим путем: он в 15 лет бежал из дома – в разгар Гражданской войны, был в частях Красной армии, сражался с бандами Махно, а после этого учился, чтобы впоследствии стать директором пищевого техникума и затем – мукомольного института и во время Великой Отечественной являлся начальником прифронтового госпиталя. Этакий деятельный, талантливый и добрый человек, которого мы с братом уважали и любили и который умер в 1973 году на Донбассе...

Свершив свой родственный подвиг выживания в трудной исторической обстановке, бабушка Катя впоследствии совершила и семейный подвиг, когда нас постигла беда. Это было связано с арестом моего отца, о чем уже упоминалось выше,

событие, которое поныне у меня словно перед глазами: как я проснулся ночью, как ко мне прикоснулся небритой щекой дорогой человек, прощааясь со мной, и как потом удалось увидеть его – буквально на минутку, когда он выходил из арестантской машины – "воронка" с руками позади на Пироговской, где была военная комендатура и куда мы ездили всей семьей. В такой обстановке бабушка не просто сокрушилась, а вновь пошла на решительный, даже отчаянный шаг: узнав фамилию следователя и его домашний адрес, она отправилась к нему, прихватив с собой меня – тогда 7-летнего мальчишку, и когда тот открыл дверь своей коммунальной квартиры, прямо в лицо ему выпалила, что зять ее – Петр Харитонович Сушон – не является "шпионом" – ни немецким, ни японским, как это "шлют ему на следствие" (и в этом она клянется "чистотой души ребенка" – своего прихваченного внука, так что этот следователь в испуге вытолкал бабушку и захлопнул дверь.

Но кто знает, не повлияло ли это частично на судьбу отца, которого обвиняли в... диверсии на его заводе (и это якобы "подтверждала" тоже привлеченные по такому "делу" директор и секретарь парторганизации, сами потом "признавшие" свою вину, а после этого навсегда исчезнувшие)? Во всяком случае, почувствовавший какую-то поддержку мой отец не поддавался, не подписывал страшных обвинений, а держался бодро (даже якобы пел в камере песни – как он любил и в семейной обстановке), а когда его освободили, то не только восстановили в прежней должности, как главного инженера, хотя и на время – пока силы позволяли ему, но и определили на лечение – и еще куда... в привилегированный санаторий имени Чкалова!

Бабушка также возвращала к жизни не раз и меня – начиная с самого младенческого возраста. Помню, мне было всего 4 года, и она, спасая своего второго внука от нестерпимого коклюша, повезла меня для оздоровления в благословенное место – на Днестр. Там, в селе Зельцы – на ее родине, проживало много евреев, тоже пользующихся местными благами, и по злой иронии судьбы они затем, с началом войны, были полностью уничтожены, едва румынские войска переправились через эту реку. А в другой раз бабушка исцелила меня, когда я стал издерганным и неуравновешенным мальчишкой, когда срывался на нервной почве вплоть до хулиганских поступков. Так вышло, помнится, с одним соседом – назову его Гришкой М., который сильно дразнил меня из-за посаженного в тюрь-

мум папы: не выдержав, я – вообще часто дравшийся с другими – ударил его в подбородок, и он даже упал (прямо головой об асфальт). Тогда бабушка Катя повела меня в поликлинику, где я и проходил процедуры “горное солнце” – из-за появления у меня колоссальной опухоли на запястье, которым я ударил злого Гришку. Не говоря уже о том, как она помогала мне и брату в разных школьных делах – начиная с сочинений по литературе, которую хорошо знала и любила (кроме, как уже известно, Пушкина, якобы далекого от судеб евреев). Да и, собственно, не пожертвовала ли она ради всех нас своей личной жизнью, когда отказывалась от женихов, которые раньше сватались к ней? Среди них был даже один с фамилией Гитлер... и не тот ли самый – из типографии, которому в шутку предлагали менять фамилию?

О, наша бабушка, а официально Екатерина Борисовна Золотухина, – самоотверженное и неутомимое, самое мудрое и добродетельное существо! Она не просто помогала нам – своим родным и близким, а делала это и для других – вплоть до совсем чужих людей, и даже вопреки нашим желаниям. Так было, помнится, однажды в очень трудную пору – после одесского гетто, когда мы находились в Акметечке, одном из лагерей для нетрудоспособных евреев. К нам тогда приблудился парнишка с тяжелой раной – прободением одной щеки и вообще еле живой, а мы как раз готовили кое-какую еду по случаю моего дня рождения – 11-летия, испекая на ржавой лопате над костром лепешки из отрубей с примесью ягод, росших на кустах. Он стал жаловаться: “Почему я... я в свой четырнадцать лет... и должен умирать?” Тогда бабушка отдала ему половину испеченных лепешек, хотя мы с братом, честно говоря, были против (так как голодали, сидя долго в этом лагере). И еще один урок человеческого и самоотверженности со стороны бабушки в то страшное время: она приняла роды там же, в Акметечке, у жены... одного из лагерных охранников, когда у роженицы вышло критическое положение и когда никто из медиков больше не мог ей помочь. Ничуть не колеблясь, она отправилась на эту рискованную – во всех отношениях (ибо кто знает, что было бы ей в случае неудачи?) операцию, и маленькая человеческая жизнь была спасена, несмотря ни на что...

Когда после этого растроганный охранник стал приносить нам еду, которую та же бабуся честно делила между нами, то она тут же горько улыбалась: “Считайте, что у нас такое счастье... такое себе еврейское счастье!” И тут же благодарила

Б-га за то, что Он помогает нам, что спасает от беды... Раньше, до войны, она лишь говорила, что есть вообще Высшее Существо – и, похоже, пыталась познать Его, копаясь в своих заветных тетрадях, исписанных непонятным шрифтом – на иврите.

Кстати, там, в ее тетрадях, мы нашли потом, после смерти бабуси, и немало стихов собственного сочинения – вплоть до... поэмы “Кукуруза полей”, посвященной Хрущеву, которого она, как ни странно, любила – за его разоблачение Сталина и освобождение миллионов политзаключенных. Но, впрочем, разве она не любила и таких неразумных и разбитых, как мы, и даже покрывала нас, когда случилось, что мы выбили стекла на той даче, где отдыхали, – у ее подруги, покинувшей Одессу летом 41-го?

Бабушка являлась этаким универсальным существом: в ее душе было много самых лучших человеческих качеств – от нее всегда исходил некий “магнетизм” ума и добра! Что, возможно, помогло нам выжить вместе с ней в самых трудных, даже нечеловеческих условиях и что навсегда оставило добрую память о той, кто лежит теперь на Байковом кладбище в Киеве с табличкой на ее могиле: “ДОБРАЯ, ЧУТКАЯ, ВСЕМИ ЛЮБИМАЯ... ТЫ ВСЕГДА С НАМИ!”

Но сколько предстояло еще пережить, чтобы до конца осознать это человеческое величие – как у бабушки, так и у других людей, которые достойно встретили свою беду тогда, летом и осенью 1941 года...

ДА, НЕЗАМЕТНО НАСТУПИЛА и она – осень в осажденном городе.

Нужно ли много говорить, насколько это было тягостно – встретить осеннюю пору в том положении, которое сложилось после месяца осады?

Хотя в одном стихотворении, которое попалось мне тогда в газете, бодро провозглашалось:

Одесса!
Как прекрасна и сурова
Приморская осенняя пора.
Пускай враги беспокоятся,
но снова,
С разрывом бомб сливается “ура!”...

Не помню, чтобы вокруг нас кто-то кричал “ура” – и даже в тот момент, когда удачно стреляли зенитки, так что от налетавших самолетов тянулся ядовитый черный дым, а они сами поспешно скрывались за морем.

Но и не забыть, как во время одной из таких удачных воздушных тревог к воротам маминой больницы, откуда я выходил, отправляясь домой, подкатили дрожки, а из них выгрузили 4-летнюю девочку с кровоточащей ногой: часть ее была оторвана и оставалась в гетрах...

Или хотя бы это: именно 1 сентября – с началом осени – пошел дождь. Вместо радости, с которой раньше встречалось это число – день начала школьных занятий, а к тому же то был воскресный день – казалось бы, выходной, такой любимый раньше в нашей семье! – потянулась серая тягостная слякоть по окнам и на пешеходных дорожках. И что было делать тогда до какого-то ликования ли?

Конечно, по старой привычке я накануне, не сдержав своих школьных чувств, отправился было к нашей 43-й. Что неподалеку – сразу за Сабанеевым мостом, чтобы глянуть, что в ней делается и вообще узнать – будут ли занятия, о которых ходили разные разговоры.

Но застал там лишь небольшую кучку ребят – и то из старших классов, начиная с 3-го, которые разговаривали, едва открывая рот и высокомерно сплевывая сквозь зубы, и то – больше о собранных осколках от зенитных снарядов. А у самого входа я узнал от одного-единственного знакомого о том, что школьные занятия начнутся неизвестно когда. “Ура!” – так негромко восклицали некоторые, подходя к дверям в щелевых поисках какого-нибудь объявления, а я ушел явно рассстроенный.

Хотя, признаюсь, и не совсем был готов к началу занятий: почти не приобрел необходимых учебников, а имел только “переходные” – со 2-го класса, да и то они были затеряны дома среди прочего книжного хозяйства папиных и маминых справочников и пособий по пищевой технологии и медицине, среди разных толстых журналов – начиная с “Красной нови” и “Нового мира” и кончая довольно несмешным “Крокодилом” и даже среди папиных толстенных рукописей – набросков той книги, которую он писал перед своим арестом. Но, спрашивается, теперь ли было до каких-то покупок учебников и вообще до различных умных книг?

Впрочем, тогда же я прочитал в газете о “полной готовности” книжных магазинов к продаже учебников и всей нужной школьной продукции. – “Какие тетрадки есть у вас? – В косую и в клетку...” – так начиналась одна заметка, и такая беспечная торговля сперва порадовала меня. Как и помещенные объявления о “большом выбо” в разных магазинах косме-

тических и ювелирных изделий, о демонстрации в кино интересных фильмов – вроде “Федьки” или “Белеет парус одинокий”. “И ты им поверил?” – так уничтожающе спросила меня бабушка, когда я рассказал о прочитанном.

Так же она больше не верила сообщениям об “успехах славных защитников Одессы”: мол, что рассказывают эти защитники, если встречаешь их на улице – голодных и нередко босиком, а особенно раненых – без бинтов, в сплошных червях. Хотя бабушка и обрадовалась, когда прочитала в газете об итогах всего месяца жизни Одессы в осадном положении. То была статья секретаря Одесского горкома партии Гуревича (“Подумать только – еще один еврей!” – приятно удивилась она). Правда, там провозглашалось: “ОДЕССА БЫЛА, ЕСТЬ И БУДЕТ СОВЕТСКОЙ!” И сколько раз потом пришлось вспоминать эти слова – как насмешку над нашим положением!

Вспоминается, что было еще тогда: постройка баррикад, о которых я уже упоминал. Их строили на случай, если враг прорвется на улицы Одессы, чтобы по возможности задержать его и уничтожать – очевидно, “льть кипяток на головы”, как раньше призывали. Баррикады сооружали труженики предприятий даже в ущерб своей работе, и они, как писалось в одной из статей, “не покидали работу даже во время налетов вражеских аэропланов”, а оставались у воздвигаемых ими баррикад и бойниц” дотемна, до 7-8 часов вечера”. Верю этому, потому что и сам немного участвовал в таком деле. И еще как – с каким интересом и усердием!

Это происходило недалеко от нашего дома – перед входом в Оперный театр, на углу улиц Ленина и Чкалова, а теперь Ришелевской и Дерибасовской. Здесь несколько дней возводили целую гору из мешков с песком, но так, чтобы оставалось место – проход для трамваев. Ведь там проходила 1-я линия трамвайного маршрута – как раз с поворотом с одной улицы на другую. И мне доводилось выполнять чуть ли не инженерную работу – замерять ногами точное расстояние для прохождения трамвайного корпуса между одной и другой стенкой из мешков и камней.

Потом эта наша баррикада не раз была показана на фотографиях, а один раз даже в кино – с движавшимся через нее трамваем № 1. Но и не передать, как было не по себе, когда ее разбирали в первые же недели оккупации – так и не пригодившуюся, как и по всему городу, потому что войска ушли почти без боя, по крайней мере, на улицах. И особенно обид-

но, что перед разборкой по ней, уже частично развороченной и даже с выгнутыми по бокам троллинками, разгуливали немецкие офицеры с фотоаппаратами, снимая такое грозное и ненужное сооружение с заметной усмешкой!

Что еще было в ту пору, когда наступила осень, – это борьба за воду. Ведь еще в середине августа одесский водопровод вдруг заглох: из труб перестала течь вода. Это перепитьевую воду: ее захватил враг. Для налаживания перекачки воды принимались разные меры – от использования запасов воды до посылки туда, в Беляевку, вооруженного отряда, чтобы отбить у румын станцию. В числе этих смелых бойцов – морских пехотинцев – был будущий поэт Григорий Пожарян (кстати, тоже еврей, только родом из Харькова), и спустя 15 лет по его сценарию поставили целый фильм об этой проблеме с питьевой водой для Одессы – "Жажды", хотя там кое-что было и преувеличено.

Но без преувеличений действительно проблемой, помнится, оставалось то, как раздобыть ту порцию воды, которую разрешалось брать в кране – и то по специальной норме. Да, ведь было издано постановление за подписью председателя исполкома Одесского городского Совета депутатов трудящихся Давиденко (кстати, не из евреев ли он тоже?). И там было сказано о введении "нормированного отпуска воды для нужд населения и других хозяйственных целей. Отпуская воду по специальным карточкам", предусматривалось "выдачу карточек возложить на горжилуправление через счетно-кассовые пункты... а к выдаче карточек приступить с 15.09.1941 года". Но, спрашивается, где и как было искать в ту пору эти "расчетно-кассовые пункты" в общей неразберихе и панике или особенно под бомбёжками?

Во всяком случае, я увидел указанные карточки на воду лишь в музее – в Одесском историко-краеведческом, спустя многие годы, а на деле мы обходились, простоявая в очередях. Да, возле кранов, когда их открывали, стояло народу не меньше, чем до войны за крупой или сахаром (и это были "хвосты", как называла их бабушка). А также многие пользовались водой из колодцев – артезианской.

Но, если честно, то это "было только название – вода", по возмущенному отзыву домохозяек. Потому что она не годилась для употребления: при варке супа оставалась пересоленность, а при стирке сворачивалась от мыла. "Такое наше счастье... еврейское!" – и тут сокрушалась по-своему бабушка,

раздраженно выплескивая невкусный суп или мыльную воду в мелкой пене. Хотя потом не раз и не два нам приходилось вспоминать даже такую воду – там, в грязи наших помещений на Слободке и особенно в Акметечке или Доманевке. Но, возможно, просто волновало то, что было связано с одесской обстановкой, которая тогда была недосягаемой.

А больше всего, что нам с начала осени не давало житья, – это бомбёжки и обстрелы. Бомбёжки стали почти непрерывными – с раннего утра, но особенно так называемые 8-часовые. Это значило, что ровно в 20.00 из-за Жеваховой горы раздавалось этакое знакомое и убийственное зудение самолетных моторов, а потом разворачивалась их целая стая – с постепенным оседанием на одно крыло и угрожающим приземлением или вернее – приводнением. Потому что они целились в основном на порт: суда у причалов и грузы или массы пассажиров под бортами.

Но часто случалось так, что в спину этим вражеским самолетам дул nord-oest – северо-восточный ветер, и тогда сбрасываемый бомбовый гостище слегка смешался прямо на городские кварталы. Самое же главное, что это был за гостище: нет, не обычные бомбы, даже 1000-килограммовые фугаски, а мины. Итальянские мины, сбрасываемые на парашютах, – нечто даже поющее, с подыванием и тошнотворным визгом. Эти мины долго вертелись над головами, будто выбирая, куда именно упасть, а затем свершалось: толчок, от которого земля вздрагивала под ногами... пыль, пронесшаяся над головами... и грохот: такой, что казался концом света.

Впечатление, будто бы все происходило совсем рядом, хотя взрывалась эта мина где-то в противоположном конце города. Но там уже была основательная встриска: сносило целые перекрестки – и их потом приходилось отстраивать десятилетиями (как например, на углу Екатерининской и Еврейской – по-старому). И от такого чудовищного взрыва можно было найти только одно – обрывки парашютной ткани. И, помню, тоже собирали их: нежно голубого цвета и шершавые наощупь с крупными пупырышками... Потом было что вспомнить!

Хотя, признаюсь, впоследствии доводилось быть в таком состоянии, что и эти сокрушительные бомбёжки Одессы в сентябре по вечерам казались такими себе... ну, еще сносными, раз я забавлялся тряпочками! А когда валяешься в грязи и вони, в сплошных видах и таком холде, от которого смерзаются и мозги, когда вообще не осознаешь, что ты еще живой на этом свете, и сам этот свет представляешь сплошной ра-

ной... нет, лучше заранее – до собственной участки в гетто – было еще не думать!

Тем более, что вскоре той же осенней порой, в конце сентября, нам, оставшимся в осажденной Одессе, вроде бы что-то засветило. А именно – тот десант черноморских моряков, который был высажен под городом и который тогда немного облегчил положение Одессы.

Это случилось в ночь на 22 сентября: на побережье у Григорьевки военно-морские корабли ударили по врагу – залповым огнем и живой силой морской пехоты. Врага удалось застать врасплох – до бегства из рыбачьих мест в одном белье и подавить те батареи, которые вели прямой наводкой огонь по городу и порту. Отчаянный бой шел весь день, и вскоре на улицах Одессы появилось орудие, на котором так и было написано белыми буквами: “Стреляло по Одессе. Больше не будет”. В восторге и я шагал за той пушкой – неказистой и стаммодной, едва ли не чувствуя себя тоже защитником любимой довоенной песни в исполнении Марка Бернеса: “Любимый город может спать спокойно...”

О, знал бы этот храбрый еврей, какой насмешкой вскоре же обернулись его уверения! Ибо с началом октября бои вступлении наших войск в первых числах этого месяца, но род. Решение тайное – без предварительного оповещения населения... иначе разве мы оставались бы на ту беду, которая нас ожидала буквально через пару недель?

Несмотря на ударивший легкий морозец, от которого по утрам замерзала вода у порога, и еще выскакивал из больницы, чтобы глянуть с обрыва Комсомольского бульвара: остаются ли военно-морские корабли, чтобы защищать город? Да, некоторые продолжали стоять или медленно курсировать вдоль бухты – все эти машины с громкими именами: “Коминтерн”, “Червона Украина” и как там еще.

Это вдруг напомнило мне, что происходило, казалось бы, совсем недавно – 1 мая 1937 года. Еще было все в порядке с папой и вообще со всей нашей жизнью – без “воронков” по ночам и длинных очередей днем. Тогда папа даже сумел доставить нам огромное удовольствие – экскурсию на один из кораблей, недавно поднятый “Эпроном” со дна моря после затопления его вместе с другими военными судами в 1918 году. Мы – я и брат Сергей – вместе с папой и мамой попали на

эсминец “Алтай”, над которым тогда шефствовали одесские заводы. Сперва нам показывали палубы, мощные орудия и разные помещения корабля, а затем он вышел в открытые море. Его команда была одета в белую парадную форму – и это выглядело так же нарядно, как и спустя три года я видел на палубе румынского судна “Трансильвания” в нашем порту. К тому же играл оркестр, а справа и слева простиралось голубое море с пенистыми волнами. Все это было красочно и торжественно, все было неповторимо. Казалось, что мир прекрасен – и в нем может быть никакой беды...

Впрочем, беда уже подстерегала нас на пороге дома. Начиналась так называемая ежовщина, и первым посадили нашего соседа – Гаврилова только за то, что он слушал радиопередачи из-за границы... “Смотри... и ты доиграешься!” – не раз мама предостерегала шепотом папу, когда он усаживался за свой любимый приемник СИ-234, чтобы крутить его священную шкалу, которая слегка подывывала по-кошачьи и от которой всегда неслось нечто соблазнительное, заменяя газеты, веселые рассказы и даже музыку. Хотя отец и должен был делать вид, что больше слушает именно музыку: ведь он очень любил не только украинские народные песни, но и разные оперные арии. Вообще еще хорохорился как большой начальник, за которым по утрам приезжал извозчик, а потом подавали и новеньющую “эмку”! Впрочем, разве меньше значил и тот же несчастный Гаврилов – конструктор из Конструкторского бюро пароходства?

О, это море, которое умело и восхищать нас, и пугать не только своими штормами, а теперь и громыхать смертельными выстрелами!

Гремят орудия над морем,
Вздымая смерчи к облакам.
Кровавый хищник смерть и горе
Несет к цветущим берегам... –

так часто пелось по радио – и это была песня, сочиненная на слова местного поэта про артиллеристов, воевавших под Одессой. Но там слова про смерть и горе, как вскоре выяснилось, касались и таких, как мы...

ЕСЛИ РАНЬШЕ я упомянул лишь вскользь о беде пострашнее морских орудий или поюющих мин – о судьбе тех, кто попал в гетто, то вот подробнее об этом – по воспоминаниям уже известного Н. Дувидзона из Рыбницы:

“В сентябре 1941 года по приказу колонела Попеску-Корбула одна из улиц города была заселена согнанными

евреями, и так был создан лагерь медленного вымирания — гетто. Что собой представляла жизнь в этом загоне?

За выход из пределов гетто следовал расстрел. Частым расстрелам больше всего подвергались те, кто пытался прорваться на рынок, чтобы приобрести необходимые продукты или встретиться со знакомыми и поискать у них помощи. Так были расстреляны, как мне помнится, 48 лагерников.

Кроме того, расстреливались за пределами гетто. Вдоль насыпи железной дороги, идущей на известковые разработки у реки, были вырыты траншеи, и там можно было видеть трупы, едва присыпанные землей. Так нашли свою смерть семьи Ратинер, Лева Ляховецкий с матерью, семьи Гомель-фарба и Марковского, братья Боря и Лева Яцкаеры, Дорман Ойер с матерью и Чалик Полина с матерью, Удя и Рейзл Грайсман, старик Мотл Грайсман и десятки других безвинных жертв.

Проводились также частые облавы, жестокое избиение старииков и юношей, а также насилие над молодыми женщинами. Или еще такое: фашисты отбирали подростков, направляли их на разные работы в села Ульма и Б. Молохиш. А женщины с детьми и старики были отправлены в село Борщи и там их разместили на свиноферме в свинарниках, где ни сесть, ни лечь...

Но, впрочем, лучше ли было тем, кто оставался в городе на улице Шолом-Алейхема? Там, в уцелевших еврейских домах, мучились в каждой комнатушке по 12-15 человек. Жили только тем, что тайком приносили добрые люди из местного населения.

Для обитателей гетто находили разные работы: грузить камни и известь, чистить туалеты. А плата была одна: плеть с железным наконечником. И трудно передать, что еще было там с нашими людьми...

Дикое надругательство, отсутствие воды и голод, постоянное насилие приводили к тому, что люди умирали десятками и без расстрела".

Подобные же рассказы о гетто в осеннюю пору 1941 года приводят многие пострадавшие повсюду в этой новоявленной "Транснистрии".

Если раньше мы касались положения в средней части этой румынской оккупационной провинции — в Рыбнице, а затем — в ее центре, удаленном от границы с Бессарабией, — Ольго-поле, то вот что было там севернее — в Шаргородском районе.

По свидетельству бывшего жителя села Мурафа Б. С. Не-

мого испытания для еврейского населения начались с августа, когда в село вошли румынские регулярные войска. До этого появлялись только немецкие разведчики на мотоциклах, а с появлением немецких регулярных частей заставили евреев... сбивать камнями портреты советских вождей с балкона административного дома. Правда, появились венгерские солдаты — и они стали раздавать детям сахар (по 100-200 граммов!), а один из них, как иронизирует Борис Соломонович, "даже приласкал одного мальчика..."

Но вот что стало с приходом румын:

"Была создана жандармерия в здании местной больницы, появился староста и полицаи из местных жителей. И если староста, которого звали Микитой, был простой человек и относился к местным жителям терпимо, то некоторые полицаи, наоборот, издевались над евреями: били их, всячески издевались. Всем было приказано носить на рукаве белые повязки с шестиугольной звездой. А потом определили место для гетто, куда согнали, как в загон: там предстояло жить, а на работы выходить в поле.

Эти работы были для нас самыми тяжелыми — на плантациях табака. Там же нас кормили — в основном гороховым супом. Так продолжалось до холодов".

Но дальше, по рассказу Бориса Соломоновича, начались другие испытания.

В село Мурафа стали пригонять евреев из Бессарабии. Они были бледные и тощие, и их конвоировали румынские солдаты, избивая и оскорбляя, как могли. А когда всех кое-как разместили в том же гетто, то начались повальные заболевания и массовая смертность. Ежедневно повозка подбирала умерших там, и их хоронили на еврейском кладбище в общих могилах.

"Потом появились конвоированные евреи из Черновицкой области и отдельных городков и сел Румынии. Они были лучше одеты и имели более сырый вид. Им нанимали лучшие квартиры в том же гетто и вообще содержали в более привилегированном положении, потому что они считались "своими" — как знающие румынский язык, на котором общались с солдатами".

Но в конце концов и эти "свои" попадали в нечеловеческие условия существования, к ним тоже применялась практика издевательств, подавления и уничтожения.

Такую политику проводил губернатор Буковины генерал Колотеску. После гонения с 11 октября на черновицких евреев

и заточения около 5000 человек в выделенное властями гетто, где (по свидетельству авторов статьи в книге "Люди остаются людьми") "не хватало воды, света, тепла, не доставлялись продукты, хлеб, а больные умирали там, где их настигала болезнь", вскоре началась отправка из гетто. И тот же Коломских войск в Бухаресте, что "в Транснистрию депортировано 90 тысяч евреев", а другой румынский палач – городской голова Троян Попович сообщал о количестве высланных из Черновца с точностью до одного человека: "В октябре-ноябре был выслан 28 тысяч 391 еврей". И о судьбе этих депортированных пишет в книге "Холокост" д-р Ицхак Арад: "Около 20-25 тысяч изгнанников не дошли до Транснистрии", а по другим данным больше 25 тысяч человек были уничтожены "по дорогам Заднестровья": "В пути они погибали от пуль, нечеловеческих условий, их топили на переправах, заживо закапывали, всяческими способами замордовывали" (из сообщения Е. Финкель и Г. Цебенко в вышеуказанной книге). Что же касается непосредственно попавших там в гетто, то этими авторами называется цифра "100 тысяч евреев". И они подытоживают свои выкладки так: "Режим медленной, но неизбежной смерти был режимом всех румынских концлагерей и гетто".

При этом авторы описывают условия, в которых впоследствии находились "свои" – изгнанники из Буковины, где раньше тоже господствовали румыны:

"Многие из них длительное время оставались за колючей проволокой под открытым небом, просто в поле или в лесу. Их вталкивали по 200-300 человек в свинарники, коровники, конюшни без окон, дверей, полов, а если доставались квартиры или дома, то в каждую клетушку загонялись десятки людей. Голод, холод, скученность, отсутствие гигиенических условий вызывали страшные эпидемии сыпного, брюшного тифа, дизентерии и в итоге – огромную смертность..."

ТУТ, ВОЗМОЖНО, есть смысл вообще уточнить статус проживания в этих гетто, созданных оккупантами в их провинции – Транснистрии.

Заводя жестокие порядки, враги воспользовались старыми европейскими нормами жизни, а не только своими предписаниями, направленными на уничтожение еврейского населения. И в этом, как оказалось, они иногда превосходили даже немцев.

Как уже говорилось, я не знал до начала оккупации, что это такое – гетто (как, впрочем, и большинство попавших в эту неслыханную беду евреев, особенно из числа молодых). Только после расспросов старших и буквально по ходу дела – на этапах удалось узнать и понять что к чему. Так практиковалось строгое отделение евреев от неевреев – с целью их последующей концентрации, а затем и дальнейшего уничтожения этой концентрированной массы – с большей эффективностью!

Правда, предусматривалась разная политика и в отношении собранного в гетто населения: выделялась здоровая и трудоспособная элита – как для тяжелых физических работ, так и для научной деятельности, а не попавшие в категорию "полезных евреев" – старики и дети, больные и малоквалифицированные подлежали в первую очередь массовому уничтожению. До такого чудовищного отношения к людям, пожалуй, не дошли никакие средневековые инквизиторы, этого не знала вся история человечества!

Следует заметить, что характер содержания в европейских гетто, созданных в период минувшей войны, имел свои особенности для районов бывшего Советского Союза. Если в начале войны на территории Польши создавались гетто с огромным количеством загнанного населения – до сотен тысяч (как это было в Варшаве, Лодзи или Кракове), то на территории Украины число узников гетто колебалось от нескольких сотен до нескольких тысяч, и оно превышалось лишь в районах Транснистрии, где было собрано заведомо трудоспособное население – так называемые "специалисты" и члены их семей. Отличия были и в содержании этих узников – прежде всего, в их разобщенности, в слабой общественной организованности, в известной "стадности" – отсутствии своего руководства или просто влияния среди всей массы жертв. Очевидно, имеются в виду те же буковинские евреи и часть бессарабских, так как они сохранили до 1940 года свой патриархальный уклад жизни – в отличие от "советских", лишенных его с 1917 года.

Исходя из таких доводов, следует отметить эту особенность жизни и трагедии евреев в Транснистрии – их различие в смысле общественной и религиозной организованности. Если первая категория евреев приходилась на северные и северо-западные районы этой территории, оккупированной Румынией, то южные и юго-восточные были населены "осовечеными", лишенными своего прошлого людьми, а

отсюда – и их различное поведение в условиях обрушившейся на них беды.

Выше уже говорилось о сопротивлении евреев в лагерной обстановке, даже об их бегстве из гетто и концлагерей, а в отдельных случаях – и об участии в партизанской борьбе. Но вот интересная деталь, приводимая авторами одного из сборников: “Еврейские активисты из Румынии пытались организовать взаимопомощь внутри гетто”, пусть она и “не увенчалась успехом”, а также рассказывают, что “в некоторых гетто популегально действовали домовые кухни, госпитали, детские дома, пекарни”, хоть это и носило чисто бытовой характер, а не было актом открытого сопротивления врагу. Там же еще говорится о “различных товариществах и кооперативах”, и особенно привлекает то, что “доктора – узники гетто старались предотвратить массовые эпидемии, несмотря на полное отсутствие медикаментов”. Это очень близко мне – как сыну врача, тоже принимавшего участие в подобных попытках помочь больным в условиях слободского гетто: ведь матеря даже входила в состав самозванного “юденрата” (о чем я потом, как обещал, расскажу подробнее).

Если все же забегать вперед, то я не могу удержаться, чтобы не упомянуть о наиболее значительных фактах общественного вмешательства в дела румынских евреев, очутившихся на территории Транснистрии: сперва “одним из организаторов оказания помощи евреям Транснистрии выступило сионистское движение”, и первая такая помощь, по сведениям в сборнике, “пришла в январе 1943 года”, а к концу того же года была впервые получена помощь даже от ... “Джойнта”! И уж совсем действенное влияние такой организации: “в апреле 1943 года, – пишут Винокур и Маляр в указанном сборнике, – Антонеску дал разрешение вернуть обратно из Транснистрии в Румынию 5 тысяч еврейских сирот”, якобы депортированных “из-за ошибки”, и лишь сопротивление немцев, подстрекаемых арабским муфтием в Берлине, не позволило до конца осуществить эту акцию (были возвращены к марта 1944 года только 1841 сирота – тоже скрупулезно до одного человека!). Но, впрочем, не старались ли румынские власти так потому, что приближалась Красная армия, которая в середине марта и вошла в Транснистрию?

Еще, говоря о роли румынского диктатора в судьбе евреев, могу добавить, что он же, Антонеску, отдал прямой приказ о вывозе в едва-едва созданную Транснистрию евреев из Бессарабии, Буковины и Северной Молдавии с 15 сентября 1941

года. “Большинство евреев, которые оставались в живых после многочисленных массовых репрессий в Бессарабии и Буковине, были высланы в Транснистрию к концу 1941 года”, – сие читаем в указанном сборнике. А что касается одесских евреев, то именно он – “великий маршал”, по словам его личной телеграммы, “не желая позорить свою деятельность недостатком исторического предвидения”, и ускорил загон еврейского населения в гетто и затем высылку его в Березовку, испугавшись действия этой “пятой колонны” после десантов в Крыму.

Вот когда это страшное деяние румынских и немецких извергов – модернизированное ими старое еврейское поселение “гетто” (от итальянского слова “ghetto”) стало знакомо и мне – как одному из его поселенцев и мучеников. И тогда я испытал во многом то же, что довелось тысячам и десяткам тысяч моих сограждан. Довелось, как сказано в Айтаде, “уйти из Египта”... Или каким еще выражением определить нашу горькую судьбу?

Но до этого страшного часа еще были свои переживания и горести.

15 СЕНТЯБРЯ 1941-го... Упомянув эту дату в связи с румынскими евреями, я сразу вспомнил о ней – и совсем по другому, даже светлому поводу.

Кто знал до войны в Одессе такую еврейскую деятельницу – Ройтман? Боюсь, что мало уже их осталось, если вообще они есть. Но для меня эта фамилия – прямо как праздник. Потому что она стояла под тем постановлением в нашей школе, по которому было объявлено о начале занятий.

“Заведующая райнародбазом” – было написано в конце этого постановления, которое я увидел, когда снова отправился в свою старую школу. Ну да... шутка ли – несмотря ни на что, удастся заниматься... опять спешить с тетрадками на уроки, опять что-то там писать и читать, опять шалить на переменах и опять показывать дома полученные отметки, если только не было “кола”... Ведь у меня, что ни говори, каким я ни был непоседливым, всегда в душе сидело это азартное желание – учиться, учиться и учиться (пусты и без обязательного напоминания великого вождя В. И. Ленина!).

Меня не расхолодило даже то, что для учеников младших классов занятия предполагалось проводить не в помещениях нашей школы – в глубине улицы Гоголя, где успел разместиться госпиталь, а... по домам. Если разобраться, то это да-

же лучше: не надо вдыхать медицинский дух, от которого першит в носу, и не надо слушать тягостные подробности – какого ранило. А в домашних условиях – это, наверно, одно удовольствие: и можно расположиться с книжками и тетрадками поудобнее, и перекинуться словами с хозяйкой дома – какой-нибудь симпатичной мамашей, и в случае опасности бомбочки забраться в дверовую щель... Но только, спрашивается, где именно будет так заниматься наш класс и кто с нами будет из учителей?

Этого, конечно, не было в постановлении за подписью той начальницы – Ройтман. Но я и не очень допытывался, потому что вскоре там, в школе, началась паника из-за той же воздушной тревоги, и я в конце концов отправился домой.

Не узнал я ничего толком и в последующие дни – просто было не до школы из-за переезда бабушки с дачи, где она оставалась в одиночестве, поссорившись с соседкой – бывшей оперной певицей, которая приняла ее за "русскую", которой, мол, "ничего не бояться фашистов". И лишь спохватился насчет школы, прочитав вскоре в газете интересные подробности о том, каково учиться на дому – как мне и хотелось.

"Мы в просторной, светлой комнате квартиры, принадлежащей родителям ученика школы № 75 (Ворошиловский район) Мары Портного, – так описывались такие домашние занятия. – За большим столом сидят дети. Они внимательно слушают учительницу..." И еще писалось о том, с какой охотой ученики пришли на свои занятия: "Многие явились значительно раньше, а маленький Давид Гриншпун явился даже в 8 часов утра!"

В восемь утра... подумаешь, примерный школьник – этот Гриншпун! Я мог бы и раньше всех прибежать, если бы занимался. Но, честно говоря, у меня к тому времени и языки не повернулся дома говорить о школе. И не только потому, что надо было перевозить бабушку с дачи и регулярно помогать маме в больнице. И не только с папой, лежавшим в коляске.

Тогда по радио уже передавали самые тяжелые новости – о том, что бои идут "на Киевском направлении", о расправах фашистов на захваченной территории, в том числе под Одессой. В такой обстановке меня даже раздражало то, что делается вокруг – казалось бы, в нормальной жизни. Например, было такое объявление в одном из номеров газеты "Большевистское знамя": "Магазины Одесского горпромторга... торговля ежедневно без выходных от 9 часов утра до 5 часов вечера".

Прочитав это, мой папа, помню, сильно удивился: как, мол... разве еще существуют какие-то магазины горпромторга? А там было даже самое невероятное: "Имеется в продаже: большой ассортимент платья, галантерейных товаров, парфюмерии, культтоваров, посуды, разной мебели и др."

"Даже мебель там есть!" – и бабушка тут же предположила с горечью: не та ли мебель, которая из разрушенных домов? А потом прослезилась – наверно, вспомнив обстановку в нашей квартире, которую ей давно не удавалось видеть, да и больше никогда ее не увидит... Ведь мы тогда уже полностью перебрались в мамину больницу, а в нашу квартиру больше не удавалось заходить даже мне с Сережей, когда мы выбирались в центр!

Конечно же, папа только покачал головой от бабушкиных причитаний. "Этот многоуважаемый шкаф!" – затормозил он как бы про себя. И хотя я тогда еще не знал о происхождении этой фразы – из чеховской пьесы, но сразу почувствовал, насколько папа выше всех наших забот о квартире, вообще о семейных делах – в той обстановке, когда вокруг решались исторические судьбы. И даже не только потому, что сам он был тогда в тяжелом положении и с трудом вырвался из смертельной опасности!

Ведь мне давно было ясно, что папа мой – человек с тонко организованной душой, высоко интеллигентный по натуре и поступкам. При нем в доме не устраивались застолья, не было карточных игр или других шумных развлечений, но при этом двери нашего дома буквально не закрывались за теми, кто приходил к нему, – друзьями и товарищами по работе, его учениками. Он был большим авторитетом в своей отрасли, и когда я однажды побывал на его заводе, то был очарован и очарован всем, что там увидел. Как интересно было ходить по цехам, видеть и слышать шум механизмов и осознавать, что все они – в ведении моего отца! Возможно, там и тогда у меня и зародилось желание быть таким же специалистом – инженером, возникла вообще любовь к технике, к ее людям. Я также замечал, что отец – кто бы с ним ни общался – производил на всех чарующее впечатление – как знающий и добный человек, как большой авторитет, как друг, и у него только прибавлялось друзей после такого общения. Даже когда он был в тюрьме, то нам стало известно от одного надзирателя, что отец необычно вел себя в тех условиях: подбадривал соседей по камере, иногда пел там, несмотря ни на что, особенно украинские песни, и это прибавляло сил в тех испы-

таниях. Жаль, что судьба так горько распорядилась с ним, остановив его рост служебный и духовный, по сути исковеркав его жизнь, сделав инвалидом. Ведь было так, что после всех наших испытаний в нашу войну, во время оккупации и пребываний в лагерях смерти, когда, казалось бы, можно было возвращаться к нормальной поднокровной жизни, ему доводилось начинать ее с самого начала — учиться ходить... да, ходить на костылях, и не забуду, каково это было — поддерживать его!

Поэтому тогда — в последнюю пору осады города — я тоже старался помочь ему, хотя бы теми же газетами, в которых, к сожалению, не было ничего отрадного — за исключением, может быть, сообщения о том же симфоническом оркестре, который я сам слушал в Городском саду, или о занятиях в школе, чему он сам обрадовался, словно был школьником. Ну, а по поводу той мебели в магазинах Горпромторга... он лишь произдавался вместе с бабушкой: ведь они всегда любили обсмеять любую нелепость!

Нас вскоре отвлекло другое, более существенное — и не только морской десант под Григорьевкой, о котором уже говорилось, и даже не сбрасываемые мины.

Оказывается, румынские войска по-прежнему плотно скривали в кольцо Одессу. После взятия Григорьевки они сумели отогнать советские части, захватившие пушку с вызывающей надписью, и вражеская артиллерия по-старому методично била по городу, не говоря уже о воздушных налетах. С самолетов сбрасывались листовки, и одну из них кто-то принес в больницу, так что мы с Сергеем украдкой прочитали ее. "Одесса почти что потеряна", — писалось там вполне грамотно и без старой орфографии, как можно было ожидать. — Сдавайтесь, пока вам дороги ваши жизни! Поступайте по примеру кавказцев, которые охотно идут в плен..."

Прочитав такое, брат выругался необычно — по-уличному, а я подумал: хорошо, что папа не слышит такое...

Но, если разобраться, разве румыны там врали?

О том, что Одесса "почти потеряна", мы могли убедиться, регулярно высматривая передовые позиции с одного высокого места.

Во дворе нашей больницы находилась градирня, и всякий раз, когда мы с братом приходили купаться к маме в больницу, то пользовались этим объектом как наблюдательным пунктом. С его высоты открывался широкий обзор Одесского порта и пространства вокруг него, а особенно район Лузан-

новки и дальше — к той же Григорьевке. И часто оттуда летели в нашу сторону к порту и всему городу снаряды, попадая нередко и в больничные здания, на которых еще долго оставались следы разорвавшихся осколков.

На той градирне, помню, у меня было собственное место: я там сидел рядом с заместителем директора больницы по административно-хозяйственной части, у которого на поясе висела кобура с пистолетом и был пристегнут полевой бинокль. Этот бинокль обычно ходил из рук в руки, пока все мы — там собравшиеся, наблюдали за "фронтом", а я был одним из первых, кто получал его. Так что пришлось испытать немало и приятных минут — при виде того, как наши снаряды разрываются там, вдали. И в том числе в сумерках — трассирующий огонь с летящими голубыми и малиновыми огоньками. Что ни говори — здорово!

Но эта же градирня потом стала и скорбным местом. Когда пришли румыны, возле нее расстреливали пленных, которые там произносили свои последние слова и в последний раз видели белый свет. Так, кстати, погиб и один из тех, с которым я успел сблизиться в тяжелые сентябрьские дни, — водитель санитарной машины дядя Яша. Он был из Харькова, а другой водитель — моряк-одессит дядя Лени, и они все чаще приезжали к нам на своих машинах — то были кареты "автосанроты", как ее называли. Все чаще они также говорили, что Одессу "вряд ли" удастся удержать, и в конце концов настал день, когда...

Забегая вперед, скажу, что 16 октября — в день прихода румын — я вдруг увидел их в большой группе военнопленных, которых завели на территорию нашей больницы. К этим бойцам обратился румынский офицер, а когда переводчик повторял его обращение по-русски, я успел заметить среди захваченных пленных их — дядю Лено и дядю Яшу. Тогда же стали выводить из строя тех, кого румыны называли, — "большевики и жиданы", и вот в числе выбранных оказался дядя Яша. Его тут же вели на хоздвор, к нашей градирне — и там... Раздались выстрелы. Конец! Это была первая смерть при оккупантах почти на моих глазах.

Нужно ли говорить о том, какое впечатление это произвело на меня? Я сперва бросился к бабушке, не будучи в силах даже рассказать ей толком, в чем дело. Но она, конечно, сразу поняла, что произошло, а главное — почему именно тот водитель санитарной машины был выведен из строя и сразу расстрелян. "Такое наше еврейское счастье..." — лишь тихо про-

говорила бабушка, и от этой привычной ее фразы я вдруг тихо захныкал.

А потом я подсек к отцу, который явно, чтобы отвлечься, перебирал трясущимися руками какое-то чтиво. Но это были уже не газеты – к тому времени особенно изолгавшиеся, а неожиданно солидные рукописи, даже один учебник. То, оказалось, он просматривал материалы, по которым когда-то читал по вечерам, приходя с завода, лекции по термодинамике в консервном институте. Но, спрашивается, надолго ли могло этого хватить?

Ведь раньше перед приходом румын, ему пришлось пережить столько мук! Тогда вокруг творилось самое невероятное: почти сплошные обстрелы, одних раненых привозят, а других вывозят, пошли слухи о том, что из порта уходят войска... да, якобы был приказ сдать город – в самом деле “Одесса почти потеряна”! И вот когда началась вечерняя бомбёжка, с теми же проклятыми минами, после которых я уже был не в силах собирать голубые тряпочки с пупырышками, то все убегали в подвалы, ставшие нашими бомбоубежищами. Убегали и из палат раненых, и только один человек оставался на койке: это был мой отец – неподвижный и как бы бездыханный.

С ног до головы закованный в свою гипсовую кроватку, он лежал на спине, лишь тараща глаза. В его страшном облике тогда для меня соединились два чудовища нашей жизни: с одной стороны – жестокий режим, сделавший отца инвалидом, а с другой – война, приковавшая его к койке даже в бомбёжку.

Нужно ли говорить, какое впечатление это производило на меня – мальчика, уже познавшего трагедию такой жизни? Наша жизнь рухнула дважды – и с этим представлением о ней я стал взрослеять, еще не достигнув нужных лет.

Но тогда же надвинулся и третий удар для таких, как мы, – для евреев.

“Боже, зачем... зачем я забрала вас тогда... зачем увезла сюда – на муки?” – так однажды взмолилась бабушка, когда нам было особенно тяжко – в грязи и смраде, в стуже и голоде телятника, где мы очутились.

Возможно, и мама думала так же, но только молчала. Хотя она не могла знать – как сложилась судьба ее брата и сестры, оставшихся в Англии. Ведь все советские годы мы ничего не знали о них, потому что переписываться было страшновато, а то и просто нельзя. Лишь потом стало известно, что оба остались там — Питер и Салли, и первый из них прожил до 90

лет в Лондоне и лишь недавно ушел в мир иной. Но я, к счастью, бывая в Англии, имел возможность видеть его.

Между тем здесь, в советской стране, тогда успел побывать в тюрьме не только мой отец, а и его два брата, один из которых – Анатолий так и не вернулся домой (и в его честь я назвал этим именем своего сына).

Ну, так в чем же состоит оно – это пресловутое “еврейское счастье” – или “а идише глик”? Кому лучше: на родной земле в муках или спокойно на чужбине? Еще будучи мальчиком, я не раз думал об этом и всякий раз терялся...

Но, во всяком случае, у нас и такому горькому счастью пришел конец.

2. ОТ ТЮРЬМЫ ДО ГЕТТО

Вот кто такие евреи!

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ, какой была та осень после прихода румын и немцев.

Казалось бы, природа решила сделать передышку после всего, что было летом, после бомбёжек и обстрелов, воздушных тревог и цокань зенитных осколков, после плача над погибшими и после торжественных маршей по радио.

Вдруг наступила тишина, если не считать пальбы, которую затеяли румынские военные в первый же вечер своего прихода – на радостях!

Они даже пели, стучали башмаками по мостовой: “Инима ноастре бат ла фэл!” Это означало: наши сердца бьются вместе... эта как бодренькая, с залихватским выкриком походная песня. Потом я узнал, что ее сочинил композитор Ион Василеску, который после войны – при новом, коммунистическом строе – даже стал лауреатом государственной премии.

Итак, румыны пели, вышагивая мимо нашей больницы, а солнце сияло над их головами, широко просвечивая сквозь остатки желтой листвы на деревьях. Тут и там даже поджигали листву, начинавшую пахнуть пряно и пьяняще, как в добрые старые времена. И если закрыть глаза, то казалось, будто ничего не произошло. Или все это просто снится?

Естественно, что лишь поначалу мы были в оцепенении, не решаясь выглянуть наружу. Когда же я вместе с другими остерожно выглянул за больничные ворота, то не увидел поблизости шагавших и даже певших врагов. У обочины тротуара, рядом с наваленным хламом, обломками ящика и теми же желтыми опавшими листьями – как ни в чем не бывало, сидел немолодой, с черным усатым лицом, в узкой, похожей на яйцо каске военный и устало перевязывал обмотку поверх своих запыленных башмаков – точь-в-точь, как и у наших бойцов. А сбоку от него слегка пофыркивала и вяло мотала гривой худенькая низкая коняга, впряженная в простенькую повозку, как окажется потом, – каруцу, этакую халабуду на колесах с фанерным изогнутым верхом, который, похоже, дунь... и разлетится!

И самое странное – этот завоеватель ничуть не обращал внимания на нас – на меня с Сережей, выглянувших в страхе, сбившихся кучкой этаких отчаянных пацанов, на вон заме-

ревшего вдали интеллигента “в шляпе”. Таких шляпников мы выискивали и вылавливали во время осады – чуть ли не по призыву властей... видя в каждом из них – жутко сказать! – шпиона, на которых нас натравливали ретивые ребята из “истребительного батальона” (комсомольские активисты, следившие за порядком в последние дни осады)... Но вон, смотри... стоит один из таких, еще не выловленный! Действительно ли из шпионов, ожидающих врага, как и артиста на даче? Или просто интеллигент, уцелевший при советской власти? И не в ожидании ли счастья от новой власти?

Не помню уже, как исчез из нашего поля зрения тот жалкий одинокий румын с каруцей. Как и скоро стали туманным и дурным воспоминанием такие картины накануне: с утра этого дня – 16-го числа вдруг бурный налет самолетов, но почему-то по ним никто не открывает огонь, даже сторож нашей больницы из берданки. Потом второй налет, на этот раз уже наших, тех самых “чаек”, но с бомбами, полетевшими поблизости, возле Нового базара...

И вот уже прибежавшая санитарка тетя Маруся вбегает в ворота и размахивает каким-то листочком (“Наши... наши уже ушли... бросили нас... на произвол!”). А когда я влез на свою любимую наблюдательную градирню, то увидел, как с другой горы – не с Жеваховой, которая тоже не стреляла, а с соседней – Шкодовой сверху осторожно спускаются по тропинке по одному и по две робкие фигурки в узких яйцеобразных касках... “Румыны!” – закричал стоящий рядом со мной Сергей, но сразу запнулся, сам испугавшись. А я, кажется, разревелся, готовый тут же бежать к маме... Или в детстве я чаще бегал к бабушке? Прятался за ее фартук и причитал: “Ба... ба!”

Нет, я никуда не побежал. Мы с братом спустились вниз и подошли к папиной койке. Стараясь не смотреть в его недорумяни и трагически выпущенные глаза, оба затоптались на месте. И когда сзади неслышно подошла мама и обняла нас за плечи, как-то тихо забормотали: мол, ничего... не надо волноваться! Хотя первыми же растерялись, когда увидели то, что происходило в больнице. Начало местного террора, про который я уже упомянул раньше.

Это вышло, когда на территорию, еще забитую койками от увезенных раненых, вошли румыны – целым строем, взводом или даже ротой. Они сперва бегло осмотрели помещения, начиная не с приемного покоя, где всегда царила мама, как его заведующая, а со склада – не ради поживы ли? Тогда же

до меня донеслось слово, которое я сначала не понял, но которое потом воинствовало в моей мозг. Останется в моем сознании и вообще растворится во всем существе, как ядовитая прививка: "Жидан". Мол, есть ли такие – "жиданы", то есть евреи... и где они? Не найдя нигде запрятанных евреев, а на маму или бабушку не обращая внимания – и одетых в белые халаты, и вообще не похожих своим вполне русским обликом, эти антиеврейские следопыты вскоре занялись более страшным делом.

Вдруг в распахнутые ворота больницы ввели большую шумную колонну людей. Они шли под конвоем – охраной нескольких румын с выставленными перед ними автоматами, а когда остановились посреди двора, то можно было разобрать: это были наши – бойцы в распахнутых шинелях, некоторые босиком или без головных уборов, с десятком военных в матросских тельняшках и брюках-клеш, изрядно разодраных и запыленных, видневшихся в милицейской синеватой форме, корчился несколько раненых со сплющенными бинтами.

Разглядывая их исподлобья, вдоль такого беспорядочного строя прошли те, кто искал здесь евреев, – два или три офицера в странно широких фуражках, надвинутых на глаза. А потом один из них выкрикнул уже знакомые слова: "Жидан... есть?" И тут же приказал выходить в сторону к стене. Сразу среди согнанных прошла как бы судорога – они задвигались и загудели вразной. И вот уже вышел один – чернявый, с перевязанной рукой. За ним вытолкали двух или трех, испуганно и с обидой озирающихся.

Вот тогда я заметил и харьковчанина дядю Яшу – нашего водителя... да, его тоже вытолкали – какой-то мордатый в тельняшке. Так что я даже невольно рванулся в его сторону, пока Сергей не схватил меня за плечо. Но и крикнуть не успел – вдруг всех быстро затолкали за угол главного корпуса – туда, где была облюбованная мной гвардирня. И еще несколько напряженных минут – пропрещали выстрелы. Более резкие, чем из обычных винтовок. Автоматические выстрелы. Да, расстреляли...

Не помню, как после этого я вернулся в ту комнатку, где мы теперь разместились все впятером. И не знаю, что румыны сделали с остальными задержанными... не постреляли ли и милиционеров вместе с матросами, как бывало впоследствии? Кажется, тогда я уже не различал ни запаха опавших и сжигаемых листьев и не замечал, какая вокруг стоит осень, которой "дышило небо" – по знакомым пушкинским строкам.

Так наступило то, что надвигалось на нас долго и неотвратимо. Наступила беда – и пострашней той, которую испытала бабушка Катя, пережившая Пятый год, или моя настоящая бабушка – Раиль с дедушкой Абрамом, не выдержавшие тогда ужасов и сбежавшие от них на чужбину.

Вместе со всеми близкими и незнакомыми людьми я должен был познать ту меру зла, которое обрушила на евреев Судьба, и только за то, что мы – еврейского происхождения.

Так что невольно хотелось спросить: в чем же заключается это отличие нас от других – таких же вроде бы людей вокруг?

Пока это не разъяснили сами враги – румынские оккупанты в своем приказе.

ТАКОЙ ИЗДЕВАТЕЛЬСКИЙ ПРИКАЗ появился примерно спустя месяц на страницах "Одесской газеты" – печатного органа Одесской городской управы, или по-ихнему – мунципалитета.

Вот выдержка из этого приказа:

"К разряду лиц еврейского происхождения относятся:

1. Все те, которые имеют одного из предков по мужской линии или женской линии еврея.

Сюда же относятся все те, которые исповедуют еврейскую религию, а также евреи разных сект, евреи-христиане (православные, католики, протестанты), независимо от того, когда они перешли к исповедованию этих религий, и, наконец, те евреи, которые не исповедуют никакой религии.

2. Еврейские женщины, которые состояли или состоят замужем за лицами всякого другого вероисповедания или национальности, будь это замужество заверено гражданскими властями, церковными органами или любыми другими органами, согласно местных законов.

3. Все распоряжения, касающиеся евреев, имеют обязательную силу не только для евреев советского подданства, а для всех евреев, независимо от их подданства.

4. Распоряжения, касающиеся лиц еврейского происхождения, имеют силу на всей оккупированной территории".

Этот исторический документ имел подпись – "претор подполковник Никулеску", и впоследствии придется много раз слышать такую зловещую фамилию – сперва со званием майор, а потом и полковник.

Знаменитый в Одессе палач делал свою карьеру на глазах у всех жителей – и в первую очередь несчастных "лиц еврейского происхождения"...

Хотя из всех четырех пунктов его "разъяснения" так и нельзя было понять: за что же, собственно, евреи – и пусть даже исповедующие ужасную "еврейскую (иудейскую) религию" – должны нести наказания, подвергаясь действию особых "распоряжений... имеющих силу на всей оккупированной территории"?

Вопрос, который я безуспешно задавал себе тогда – еще до прихода оккупантов и все время после их прихода. И который я задаю поныне, ибо по земле еще ходят те, которые хотят, чтобы по ней больше не ходили евреи – независимо от их вероисповеданий...

Но, похоже, не только я оказался перед такой неразрешимой проблемой, когда узнал, что евреи – не в пример другим жителям – должны носить определенный знак отличия.

"Желтая звезда... – забормотала недоуменно бабушка. – Не помню, чтобы ее заставляли носить тогда — во время погромов!"

А папа – тот вообще рассмеялся: "Вот спасибо им – объяснили мне, что я еврей!"

Только рассудительная мама по-деловому отнеслась к первому же распоряжению властей: изготовила именно такие звезды – желтые с шестью концами, называвшиеся "звездой Давида", и раздала их каждому, кроме папы. Мол, незачем ему так красоваться, раз лежит и не выходит...

И тогда он снова невесело пошутил: "Ну, зачем ты меня обижашь, Фрида? Разве я не самый законный еврей? И по паспорту, и, как говорится, даже по... медицине".

Но нужно ли говорить, что я, наоборот, совсем не собирался носить на груди, как полагалось, на левой стороне, эту звезду ("могендувид" – по объяснению всезнающей бабушки), а только держал ее в кармане...

К тому же так было не только позорно ходить с такой "отметиной", но и опасно в той обстановке, которая создалась.

Ведь гонения на евреев начались с первых дней оккупации. Хотя многие сперва не почувствовали опасности.

Вот что пишет в своих воспоминаниях **Мария Эльвена Тандит**, которой тогда было уже 14 лет (на три года старше меня!).

"16 октября был прекрасный теплый солнечный день и я пошла проведать бабушку. Было, правда, непривычно тихо, не было канонады. И побывав у бабушки, я вернулась на улицу Островидова, 66 где-то в 16-17 часов..."

К этому времени румынские войска уже стали входить в город, и неудивительно, что девочка "родителей там уже не застала". Началась беда!

"В мое отсутствие их всех выгнали из квартир и этапом повели в школу, которая находилась ниже улицы Торговой..."

Впрочем, другие почуяли беду еще накануне – перед сдачей города.

"В первые дни октября, когда город оставался советским, на базарной улице между Успенским переулком и Преображенской стояла женщина и кричала: "Ничего... Всех живых перебьют! Хватит – вы над нами двадцать четыре года издевались..."

Это описывает тогдашний 11-летний житель Одессы **Л. М. Дусман**, живший на Большой Арнаутской, 93. Правда, он дальше добавляет, что такую антисемитку тут же наказали: проходивший мимо патруль из трех матросов на месте застрелил ее, так что "все остановились и притихли, а труп остался лежать". Но и он мало что почувствовал утром 16-го, когда "часов в 10-11 по Большой Арнаутской в сторону моря промчались две тачанки, полные матросов с винтовками, а в городе стало тихо: никто не бомбит и не стреляет"...

По его же воспоминаниям, румыны появились "только к 7 часам вечера" – и вот тогда появилось ощущение предстоящей великой беды:

"Двигалась колонна машин с румынскими солдатами. На крышах этих машин стояли пулеметы. Двигались молча, и люди настороженно молчали. Возвращаясь домой, закрывали двери на все задвижки и защелки, а окна – ставнями. Никто не представлял, что будет дальше..."

А вышеупомянутая Мария Тандит уже не только узнала, "что будет", но и в тот самый вечер почувствовала это на себе, когда начала искать в указанной ей школе своих родителей:

"...нашли их, когда стало темно. А потом нас выгнали из школы, построили в колонну и под конвоем румынских солдат к середине ночи пригнали в городскую тюрьму".

Дальше она подробно описала, что было там, в Одесской городской тюрьме, куда оккупанты стали гонять жителей еврейской национальности:

"Нас загнали в сантропусник – помещение, расположеннное справа от "парадного" входа в тюрьму. Цементный пол, над головой сеть водопроводных труб с душевыми сеточками

ми. В полном мраке, без освещения, мы заполнили этот зал, упали на цемент, потрясенные сознанием всего того, что произошло с нами. В помещении было тихо, но вдруг в кромешной тьме стали раздаваться крики женщин. Это при свете фонарика появились румыны, чтобы забирать с собой женщин и даже девочек. Мама набросила на мою голову шаль и приказала не шевелиться. Тут же раздался голос моего отца, и все стали шикать на него, но скоро по несвязной речи поняли, что он потерял рассудок..."

Кроме тюрем, было еще одно место в городе, куда румынские жандармы стали загонять население, чтобы там расправляться с нами. Об этом сообщил журналист **Лев Думер** в своем очерке "Одесский "Бабий Яр", помещенном в "Еврейском мире".

Сперва он называет "непосредственных организаторов и виновников зверской расправы над евреями в Одессе": "Это были румынские генералы Мачин и Тресторяну, полковник Деляну, майор Никулеску и капитан Някшу". Кроме них, "многолетние антисемиты со стажем – одесские дворники и люмпен-украинцы, записавшиеся немедленно в полици, выгоняли на улицы города всех евреев, прятавшихся в квартирах, сараях и тайниках", а затем, по словам автора, "колонны угнались на сборные пункты". И одним из таких пунктов были казармы, куда попали "первые 10 тысяч евреев..."

"Их загнали во двор станичных Сабанских казарм, где в окнах были установлены пулеметы, накрытые плащпалатками. К концу дня 16 октября в ознаменование взятия Одессы были расстреляны первые 4 тысячи евреев".

Или вот что было дальше, по устным рассказам свидетелей и жертв:

– На второй день, 17 октября, румыны арестовали меня как военноопренного и поместили в большой школе на Комсомольской улице, – рассказывал **Д. А. Стадник** – русский по происхождению. – Нагнали в школу много людей призывного возраста, принимая нас за переодетых красноармейцев. Показалось страшным, что туда гнали много евреев, целыми семьями: стариков, женщин и детей. Пошли слухи, что нас туда сгоняют как заложников – на всякий случай...

"Все мы собраны и находимся в большом вестибюле, – писал еще Дмитрий Александрович. – Появляется военный румын и объявляет, кто куда должен отойти: всем евреям выходить во двор, русским – в правую сторону, а всем остальным нациям – в левую. В толпе, среди евреев, я увидел

заведующего пекарней, где мне доводилось работать, Гольдмана со всей семьей: он, жена, две дочери и уже взрослый сын. Когда он выходил во двор, то, узнав меня, подошел со слезами на глазах, поцеловал и сказал: "Ты был прав, когда советовал мне бежать – уехать!" Тогда он отвечал на мои предостережения о том, что евреев поголовно уничтожают, как только немцы или их союзники занимают наши города: мол, такое пишут "для устрашения – и вообще нужно читать между строк..." А теперь ему приходилось расплачиваться за свою недальновидность или простоту – какую-то веру в человеческую гуманность... Потом всех евреев построили во дворе и угнали в неизвестном направлении. Лишь позже я узнал, что их большими группами угнали в бывшие артсклады, где скигали живьем..."

Артиллерийские или пороховые склады... Тому, что там происходило в первые же дни оккупации – в октябре 1941 года в Одессе, посвящены почти все воспоминания одесситов, касающиеся жизни при румынах.

Давая показания Чрезвычайной комиссии по немецко-фашистским зверствам в Одессе и Одесской области, гражданин **М. И. Бобкова** рассказал:

– 19 октября 1941 года в помещениях пороховых складов, расположенных по Люстдорфскому шоссе, возле моего дома, румыны начали тысячами сгонять арестованных мирных жителей...

Кстати, надо заметить, что арестованными оказались евреи не только после задержания по школам города, а главным образом по приказу об обязательной явке в тюрьму – на той же Люстдорфской дороге. Сохранилось немало свидетельств – в частности, **М. Б. Розенфельда** – о пребывании там с женой и дочкой. "Не хватало мест для мужчин, все прибывавших в этот ад, – вспоминали они, и тогда румынская стража либо отпускала женщин и детей по домам, либо стала – "для разгрузки тюрьмы" – угонять оставшихся поблизости – в первое же попавшееся обширное помещение, разгруженное после вывоза оттуда советскими воинскими частями боеприпасов.

– Когда румыны заполнили советскими людьми девять пустых складских помещений, – продолжала свой рассказ **М. И. Бобкова**, – тогда стали подкатывать к складам бочки с горючим. Я лично видела, как румыны насосами качали горючее из этих бочек и через шланги поливали склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их по-

дожгли. Поднялся страшный крик. Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: "Спасите нас, не убивайте, не сжигайте!" Подожженные румынами склады продолжали гореть несколько дней. Когда пожар прекратился, румыны к месту пожарища пригнали жителей города, которые выкопали большие рвы, длиною метром 100, шириной в 5-6 метров и глубиною около 3 метров каждая. Потом появились румынские солдаты, стаскивали обгоревшие трупы в эти вырытые ямы и закапывали...

Об этом уже по-своему рассказал Д. А. Стадник, освобожденный румынами из школы на Комсомольской улице, а позже, через несколько дней – после взрыва вражеской комендатуры у парка имени Шевченко 22 октября – снова попавший в лапы палачей как "заложник".

Но сперва он увидел тех, с кем находился в школе, – евреев вроде своего начальника по хлебной пекарне Гольдмана и других сослуживцев с их семьями: Вайсмана, Гринберга и Мендельсона: "Я случайно побывал на Новом рынке, где для них были устроены виселицы – 50 штук, и на всех висели люди, а параллельно виселицам рядами лежали убитые... Говорили, что и в других местах города лежали убитые и стояли виселицы. Это были те, кого ранее забирали как заложников – еще до взрыва комендатуры в парке, и возле их трупов лежали таблички: фамилии и указание, что они бандиты и прислужники Сталина – коммунисты и активисты, в большинстве евреи".

Итак, вот что он же сообщил о зловещих артиллерийских или пороховых складах на 3-й станции Люстдорфской дороги:

– Зверская трагедия произошла 20 октября, а нас пригнали хоронить несчастных аж... 6 ноября. Но уже за целый километр был слышен удручающий трупный запах. Пригнали человек 250. Зашли мы в первую загородку – там, по-видимому, обыскивали людей. Все вокруг было завалено, засыпано деньгами в крупных купюрах и другими вещами, которые были уже не нужны погившим. Потом румыны распорядились: 50 человек должны копать канаву – могилу длиной 40-50 метров, шириной 2 метра и глубиной в рост человека. Остальных 200 человек заставили растиаскивать камни и освобождать трупы людей. – И тут свидетель с трудом мог продолжать свой рассказ: – Я никогда не думал, что от разложившихся трупов такое страшное зловоние – просто было невыносимо дышать. Двумя из наших людей даже стало дурно. А при освобождении трупов от камней, прикрывав-

ших их, выяснилось, что они настолько разложились, что руки скользили – невозможно было их вытащивать. И тогда мне пришлось стать как бы изобретателем: из алюминиевой проволоки я сделал спираль с двумя кольцами и работал, зажимая ими нос. Найдя проволоку-катанку, я загнул крючок, а на другом конце сделал петлю – и так стал таскать трупы к яме...

Д. А. Стадник еще добавил подробности – по его заключениям после осмотра места сжигания евреев, как именно проходило это зверское уничтожение:

– В каждом из шести корпусов складов находилось до трех тысяч человек. Корпуса были набиты битком, а когда через окна стали лить горючее, люди пытались выбраться через окна. Но в них стреляли из пулеметов: видно было, как окна изрешечены пулями. И румыны объяснили нам через переводчика, что там, кроме евреев, было процентов 10 других обреченных: моряки и партизаны. А про нас – участников захоронения – добавили, что мы будем тоже расстреляны. И лишь через шесть дней нас стали гонять на другие работы, пока многих не отправили в Румынию...

Оказывается, для разгрузки Одесской тюрьмы, набитой тогда преимущественно евреями, оккупанты нашли другие места. Поныне остается мало исследованным факт уничтожения многих тысяч несчастных "заложников" в ближайшей местности – на Новоаркадийской дороге, там, где ныне раскинулся дендропарк и где находились шахты по разработке ракушечного камня. Туда, в эти шахты, и сбрасывались жертвы – независимо от возраста и пола.

"Толпы людей ведут за город. Их взяли из квартир и просто на улицах. Женщинам сказано прихватить детей. Матери несут малюток. Вот идет мать. На руках у нее малыш. Двое постарше судорожно ухватились за юбку. Дети несут игрушки, корзинки с провизией, бутылочки с молоком: ведь в дороге захочется есть и пить.

Вот Новоаркадийская дорога. По ней клубится пыль. Пыль сплошным туманом висит в воздухе. Люди истомлены неведением, жаждой. Многие начинают отставать. Отстающих подгоняют прикладами. Одна из матерей упала. Румынский солдат пинает ее сапогом..."

Так описывается эта чудовищная расправа над мирными жителями в одной из одесских газет – "Большевистское знамя", вышедшей сразу после войны в 1945 году. И не будем до конца приводить описание того, как осуществлялась расправа

над ними. Избежим леденящих кровь подробностей...

Но было и другое место для расправ над евреями тогда же, осенью 41-го. Оно располагалось дальше за окраинами города — у поселка Дальник, и об этом тоже имеется немало воспоминаний свидетелей или пострадавших там.

Так, **Анна Меерович**, ныне проживающая в США, выросшая в Одессе и остававшаяся здесь с семьей к началу оккупации, вспомнила о Дальнике, как о конечном пункте человеческих страданий:

“Всех евреев гоняли в здание синагоги, которая находилась на Пушкинской улице. Здесь людей сортировали: здоровых мужчин и молодых ребят отправляли на разборку баррикад, а стариков, женщин и детей отправляли в тюрьму, которая находилась на Черноморской дороге. Здание тюрьмы было переполнено, а народ все прибывал и прибывал. Тогда фашисты стали партиями отправлять людей в Дальник — там их расстреливали...”

Между прочим, следует упомянуть о том, что собой тогда представляла эта дорога — из тюрьмы к Дальнику. Вырвавшись “за взятку”, как она признается, из тюремного помешания уже известная нам Маня Тандит, делится такими жуткими подробностями:

“Мы шли мимо трупов, расстрелянных по обочинам дороги. Вокруг валялись мозги от трупов, разорванные паспорта, партбилеты и другие документы...”

И когда ей доведется там снова побывать спустя несколько дней, то она увидела, что “на дороге трупы уже были убраны, с виселиц тоже были сняты, только мозги оставались....”

Что же касается непосредственно акции фашистских палачей в Дальнике, то она была развернута после приказа, появившегося на уличных столбах. Даже тон этого приказа не обещал ничего хорошего тем, к кому обращались оккупационные власти:

“Всем ждам, проживающим в г. Одессе, независимо от пола и возраста, в течение 24-х часов явиться на п. Дальник для регистрации паспортов, имея при себе запас провизии на трое суток. За неисполнение приказа вышеуказанные лица будут нести ответственность по закону военного времени смертной казнью через повешивание”.

Этот текст приводит в своей документальной повести “Только один эпизод” **М. И. Ларин**. И он также описывает, как отнеслись его близкие к такой необходимости — идти в Дальник, идти по сути на расправу, как это ясно было.

“Я сказал матери, что идти не следует, а лучше спрятаться на чердаке. Придумать другое я не мог...”

Мать меня, конечно, не послушала. Она ушла во двор, а мне тоже не сиделось. Во дворе стояли там и сям евреи, обсуждавшие приказ. Хозяин наш сказал, что все будет хорошо. По его мнению, приказ имеет цель выявить молодежь и тех, кто якобы был связан с коммунистами.

Говорили-говорили, а время не ждало. Никто не желал попасть на виселицу: дворовые стали собираться в дорогу. Мать сказала, что мы пойдем, а там посмотрим... Во второй половине дня у ворот состоялась прощальная церемония между остающимися и уходящими”.

Не трудно догадаться, что ожидало этих обреченных там, в Дальнике.

Вот что рассказала о пребывании в этом селе **Ита (Ида) Эпштейн-Блех**:

— В Дальнике нас загнали на кладбище, а вокруг на заборах стояли орудия. Регистрации здесь, разумеется, никакой не было. Нам приказали на нее явиться на шестой день оккупации — и все евреи из нашего двора пошли, взяв с собой кое-что из вещей и еды и надев на себя теплые вещи. Мы думали, что идем на один день, но обратно нас уже не пустили. Из нашей колонны брали группы людей по 10-20 человек, отобрав самое ценное, и гнали на явный расстрел. Но как только мы вышли из Одессы, на наше счастье пошел дождь, который сопровождал всю дорогу. Сперва нас загнали на Дачную, а там жители пытались забрать у нас вещи: мол, все равно оно “уже не будет нужно — вас расстреляют”. Тогда мы с мамой решили разрезать наши пальто, чтобы никому не достались, — и так оставались, в разрезанном... А когда погнали дальше, то уже проходили не через деревни, а только по сплошной пахоте. Представьте себе, как было идти в дождь по сплошному болоту... Естественно, что у нас прогнила обувь и порвались чулки, и мы обматывали ноги тряпками — и так шли дальше. В дороге все время расстреливали тех, кто отставал от колонны. Многие, не выдержав, бросались в колодцы, а детей оставляли на кладбищах — прямо на могилках в надежде, что найдутся добрые люди, которые их подберут...

Снова вернувшись к повести **М. И. Ларина**, находим там такое описание этого страшного пути — не только под дождем, а и под издевательства румын, сопровождавших колонну евреев по дороге:

"Дорога превратилась от огромного количества ног в вязкое тесто, которое выкручивало ноги. Грязь стала преградой даже для того, чтобы отправиться к своим предкам. О том же, что мы идем на верную гибель, напоминали нам проезжающие мимо на грузовиках фашисты. Они орали во всю глотку: "Капут, жидан!" И орудовали прикладами, проталкивая народ. Мы проходили через огромную лужу, которую многие пытались обойти, но получали прикладом..."

Что же было там, в этом злополучном селе, о котором автор невольно пишет с проклятием? Как сложилась дальнейшая судьба там одесских евреев?

"В Дальнике нас не расстреляли, но и паспорта тоже не регистрировали. Просидев несколько часов под дождем, мы под крики фашистов "Дай, дай друму, жидан! Давай дорогу, жиды!", отправились в дальнейший путь.

Мы уже не шли, как попало, с остановками, как это было еще до Дальника. Фашисты не переставали орать, стрелять в воздух и прикладами подгонять людей через лужи в толкую грязь.

Я невольно вспомнил фильм "Болотные солдаты", в котором показывали сегодняшний эпизод, но только в самой Германии. Но это было лишь начало!

Дождь не переставал всю ночь. С рассветом же, после изнурительной дороги, на нас напали с дубинками немецкие колонисты. Они устроили поистине погром: избивали всех, кто только попадал под руки, отнимая у многих сумки. По сути отнимали у нас жизнь..."

Мучения этих гонимых несчастных жертв не кончились и после дождя. Потому что их снова погнали, несмотря на нечеловеческую усталость ("ноги горели огнем"). Не забудем, что все это испытывал тогдашний мальчик, к тому же городской житель, не привыкший к такого рода переходам и вообще к физическим перегрузкам.

"Хотелось передохнуть, но с такой просьбой не было к кому обратиться. А вскоре фашисты остановили нас у больших противотанковых рвов. "Вот, конец..." – подумал я с грустью. Тут же нам приказали садиться. Мать обвила меня руками и стала оплакивать с такой болью, с какой оплакивают покойника. Плач и прощальные неразборчивые речи охватили почти всех. Были слышны сквозь слезы слова: "Почему я не уехала? Почему я не послушала, что Гитлер убивает?!" В голове стоял какой-то шум, а в горле горело пламя.

Но в нас не стреляли..."

Оказывается, фашисты просто расположились обедать, если так можно назвать ту обстановку, как они "на ходу жевали черт знает что"!

Таков был скорбный путь этой части населения Одессы – не расстрелянных в Дальнике, а гонимых много дней пешком через всю область до... Богдановки, где довелось находиться многим и многим – не только из Одессы.

НО ВОТ ЧТО ТОГДА ЖЕ происходило в нашем городе перед уже упоминавшимся драматическим событием – взрывом оккупационной комендатуры.

Послушаем рассказ других свидетелей и пострадавших. А также познакомимся с официальными документами

Мне хочется привести свидетельство автора книги, изданной в 1991 году в Одессе ТПП "Хайтех", – "Одесское гетто" ("с благодарностью представителю "Джойнта" Стюарту Сафферу и руководителю республиканской ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей Леониду Сушону за материальную и моральную помощь в издании этой книги").

Вот о чем писал **Д. З. Стародинский** – одессит, успевший окончить среднюю школу перед войной и мечтавший поступить в институт, а в пору нагрянувших военных испытаний, как он пишет, "все годы пребывания в гетто, концлагерях и просто в скитаниях" делавший, "когда это было возможно, краткие записи обо всем, что видел и перенес..."

Итак, что было в первые дни оккупации, еще до взрыва?

"Под сильным конвоем нас погнали в сторону Слободки. На большой площади, где когда-то помещался рынок, нас со всех сторон окружили солдаты. Появился офицер и вызвал к себе всех советских румын и молдаван. Было объявлено, что все грехи им прощаются... после чего они были отпущены.

Остальных погнали дальше. Возле Слободской больницы мы увидели страшное зрелище. Из ворот больницы выгнали несколько врачей-евреев в изорванном нижнем белье. Так их гнали параллельно с нами и загнали на кладбище. Оттуда послышались страшные вопли избиваемых людей и выстрелы.

Нас же расположили в ожидании чего-то вдоль кладбищенской стены. Ходили слухи, что пошлют к местам боев хоронить многочисленные трупы. На самом деле румыны просто не знали, что с нами делать, и искали какое-нибудь помещение, чтобы запереть нас.

Через некоторое время опять погнали. Сперва пытались разместить в больнице, затем в школе, но там все было заполнено солдатами.

Начало темнеть. Я понял, что ночью румыны не отпустят в город такую массу мужчин. И действительно, наша охрана все больше и больше усиливалась.

Когда стало совсем темно, снова погнали в направлении города. Заставляли идти бегом, сбоку бежали солдаты. Стреляли, пускали ракеты и кричали: "Вива Романия!"

Так прошли через весь город, затем через район Молдаванки и оказались на окраине возле Товарной станции. Вдруг впереди раздался взрыв — это голова колонны наткнулась на мину. Началась паника, передние бросились назад, давя задних..."

Такое самодурство и жестокость властей лишь усилились из-за взрыва намного серьезнее — в парке имени Шевченко, где была военная комендатура.

Вот какое грозное объявление появилось на улицах Одессы после этого взрыва:

"Военное командование гор. Одессы доводит до сведения населения Одессы и ее окрестностей, что после террористического акта, совершенного против военного командования в день 23 октября 1941 года, были расстреляны за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына по 100 большевиков. Взяты заложники, которые в случае повторения подобных актов, будут расстреляны совместно с их семьями".

Это объявление было подписано командующим войсками Одессы генералом Гинерару и начальником военной полиции — Никулеску, уже ставшим подполковником (не за свои ли зловещие действия после взрыва?).

И тот же Никулеску через две недели издал приказ, непосредственно касающийся еврейского населения Одессы.

"Все мужчины еврейского происхождения в возрасте от 18 до 50 лет обязаны в течение 48 часов с момента опубликования настоящего призыва явиться в городскую тюрьму (Большевицкая дорога), имея при себе самое необходимое для существования. Их семьи обязаны доставлять им пищу в тюрьму.

Неподчинившиеся этому приказу и обнаруженные после истечения указанного 48-часового срока будут расстреляны на месте".

И еще там было следующее:

"Все жители гор. Одессы и его предместий обязаны сообщить в соответствующие полицейские части о каждом евреев вышеуказанной категории, который не выполнил этого приказа.

Укрывающие, а также лица, которые знают о том и не сообщают, — караются смертной казнью..."

Нужно ли говорить о том, что происходило в нашем городе после этого?

Пожалуй, почти все воспоминания евреев о той поре не обходят упоминания о терроре, связанном с партизанским взрывом и с приказом Никулеску от 7 ноября (как нарочно — датированным днем Октябрьской революции!).

Вот воспоминания моего собрата по перенесенному горю — моряка торгового флота, ныне пенсионера Аркадия Иосифовича Хасина:

"Румыны в отместку за погибших при взрыве своих генералов и офицеров хватали заложников. Отец с матерью запретили мне и сестре выходить на улицу, но сами куда-то ушли. Волнуясь за них, мы с сестрой выбежали в Красный переулок и, добежав до угла улицы Розы Люксембург, вдруг увидели повешенных. Это были заложники, схваченные румынами при облавах. Невольно начав искать среди них родителей, мы в это время услышали крик нашей соседки Паниной: "Бегите домой! — она была в ужасе. — Увидят, что вы евреи, и вас тоже повесят..."

Мы бросились бежать, а когда влетели во двор, увидели там живых и невредимых отца и мать, которые тоже собирались идти на поиски нас..."

О том, что творилось тогда на улицах Одессы, на ее площадях и рынках или на привокзальной площади, рассказывали многие — и не только евреи. Разъяренные враги хватали для расправы всех подряд, — от центра города до самых его окраин. Так был схвачен ими и уже стоял с веревкой на шее проходивший с друзьями мимо вокзала украинец — будущий научный работник, а в ту пору ставший партизаном И.П.Швец, если бы его приятель — молдаванин не успел остановить палачей на их родном языке. Житель Красной слободки Г.А.Жиркин из окна своей квартиры у базарчика мог видеть, как вдоль рыночной площади висели задержанные прохожие, а других подводили к базарной уборной и там сваливали огнем из станкового пулемета. И туда же едва не попал В. М. Гридин — составитель-обработчик рукописных материалов этой

книги, собираясь с отцом отправиться на объявленную властями коварную "регистрацию лиц мужского пола", которая проводилась в слободской школе № 76 возле областной больницы, если бы их не предупредили соседи о происходящей потоловной расправе...

"Проходил день террора" – так сказано в воспоминаниях одного из одесситов, тоже переживших то, что творилось тогда в Одессе. Такое же выражение – о "Дне террора" использует **Ф. С. Лившиц** (она же **Гитенмажер**), едва не пострадавшая от рук фашистов, как многие, и спасшаяся в силу самых неожиданных обстоятельств – ценой гибели других людей:

"Тогда нас вывели из тюрьмы, привели к артиллерийскому складу, а войти в него мы не успели, ибо перед нашей колонной загнали военнопленных моряков и закрыли двери на засовы"...

Правда, она же была в смертельной опасности на другой день, когда ее с другими уцелевшими погнали в сторону Дальника, где был "массовый расстрел" – там уничтожили, по ее словам, "больше чем 12 тысяч человек, ни в чем не повинных женщин, детей и стариков".

Что же на этот раз отвело смертельную участь от молодой одесситки в возрасте тринадцати лет?

"Нашу колонну пригнали 25 октября в 15 часов к месту расстрела – в овраге. Но в этот момент приехал на пощади румын – привез приказ приостановить расстрел и велел глять дальше в сторону Раздельной, а потом вернули нас в город..."

Читая такие воспоминания – и, честное слово, душа цепеет от ужаса: что только приходилось выносить действительно невинным людям. А кулаки скимаются от бессильного гнева по адресу палачей, так издававшихся над населением.

Но все-таки недаром говорят: "Есть Б-г на небе" – да, есть такое высшее Существо, которое не только видит всю правду на земле, все творимое здесь зло, но и карает за него виновников...

Такой карой представляется мне документ, который появился в самом конце войны. Это было сообщение о суде над преступниками.

Да, были пойманы и преданы суду те румынские военные преступники, которые руководили массовыми расправами над евреями в Одессе, а также в других местах Транснистрии.

Вот что сообщалось в газете "Известия" 18 мая 1945 года: кроме уже упоминавшегося губернатора Буковины генерала

Колотеску и руководителя тоже упоминавшегося лагеря в Богдановке – полковника Изопеску с его помощником Малинеску, были осуждены на смертную казнь среди 29 обвиняемых известные по преступлениям в Одессе полковник Никулецку, а вместе с ним ранее упоминавшиеся Тресторяну, Мачич и Някшу.

Но об этом уже не могли узнать их жертвы – десятки тысяч расстрелянных или сожженных заживо в Одессе, у Дальника и под Богдановкой. И только их пепел, как у классического героя Шарля де Костера, стучит в наши сердца.

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В Одессе в 20-х числах октября 1941 года, дана наиболее авторитетная и полная картина в очерке известного одесского ученого историка **С. Я. Борового**, на чем хочется остановиться особо.

Профessor Боровой работал до войны в Одесском университете, а в период оккупации не находился в нашем городе, но потом собрал многочисленные данные о трагедии еврейского населения и обобщил их в отдельном труде. Несмотря на некоторые упущения и неточности, вполне оправданные характером предварительных сведений, этот труд является как бы своеобразным памятником Одесской Катастрофы.

Исследуя первые действия оккупантов в захваченной Одессе, профессор-историк упоминает о проводившейся ими "регистрации" населения: указывает на состав подвергвшихся такой коварной акции не только евреев, а и других категорий задержанных (вроде военнопленных, оставшихся раненых и др.) и разоблачает коварство оккупантов при этом в случаях, когда некоторые задержанные отпускались "по домам".

Перейдя же непосредственно к событиям, связанным со взрывом в парке Шевченко, который привел к массовому террору, С. Я. Боровой пишет:

"22 октября 1941 года в 6 часов 35 минут пополудни в здании, где разместилась румынская комендатура, произошел взрыв большой силы, в результате чего погибло 60 человек, в том числе комендант г. Одессы генерал Глугояну и два немецких офицера.

Этот взрыв послужил для оккупантов предлогом для развязывания безудержного массового террора против населения. Оглушить население страхом с этого, по догматам фашистской политической мудрости — следовало начинать установление своего политического господства".

Дальше описываются последствия этого взрыва – настоль-

ко сильного, что, как вспоминает В. М. Гридин, "под ногами прогнула земля" даже в противоположном конце города — на Красной слободке, когда он вместе со своим отцом как раз был занят земляными работами, засыпая дворовую противовоздушную щель.

"Уже через три часа после взрыва, в 8 часов 40 минут того же дня, новый румынский комендант города генерал Тресторяну в своем первом официальном донесении извещал: "Я принял меры к тому, чтобы на площадях Одессы повесить евреев и коммунистов".

Как же выполнялось это зверское распоряжение?

"Румынские солдаты и офицеры, рассыпавшись по городу, стали хватать на улицах, а то и в квартирах первых попавшихся мужчин и тут же расстреливали их или вешали. Утром 23 октября улицы Одессы представляли собой чудовищную картину: на столбах и деревьях висели сотни людей. Особенно страшный вид открывался на так называемом Александровском проспекте; во всю длину аллей висели трупы. Виселицы были расположены также и на многих площадях — у вокзала, на Привозе, на Новом базаре и др. местах. Всего было тогда расстреляно и повешено около 5 тысяч человек".

Автор этого исследования отмечает, что "палачи торопились", а потому "не успевали устанавливать ни имена, ни профессии, а иногда и национальность своих жертв". Но, по его замечанию, "и в тот день злодеи свою ярость обратили в первую очередь против евреев..."

"К полудню, — далее пишет он, — публичные казни прекратились. План палачей был "перевыполнен". Как признал генерал Тресторяну на процессе румынских военных преступников, Антонеску не только знал об одесских казнях — он сам приказал за каждого погибшего офицера ответить убийством 200, за каждого солдата — 100 человек".

Что было дальше? Оказывается, казнями дело не ограничилось.

"Утром 23 октября в Одессу прибыл генерал Мачич, командир 2-го корпуса, и злодейское уничтожение беззащитных людей приобрело еще более страшные размеры. В исполнение людей был только внесен определенный "принцип". Во второй половине дня 23 октября начали тысячи сгонять в тюрьму евреев".

Далее проф. Боровой рассказывает о судьбе одного из "счастливчиков", переживших злополучную ночь под этот

день: его увезли в конюшню бывшего Театра революции, где пришлось ночевать в соломе. "2 октября нас водили по городу, — говорил этот свидетель, — а затем вечером отправили в тюрьму". Но в это же утро "ушло из тюрьмы несколько тысяч мужчин и никто не вернулся". Под предлогом "отправки на работу" их отвели в артиллерийские склады, а там... известно, что с ними было!

"В этот же роковой день — 23 октября, — продолжает историк, — был издан приказ, в котором под угрозой расстрела на месте предлагалось всем евреям в течение 24 октября явиться в село Дальник".

Из-за такого приказа — явно зловещего, не обещавшего ничего хорошего — "смятение и ужас, ни с чем не сравнимая паника царила на улицах города". И Боровой детально описывает то, что мы узнавали из обрывочных воспоминаний очевидцев и самих пострадавших:

"Уже после того, как много тысяч евреев "успели" выйти за пределы городской черты и попасть в Дальник, неожиданно было объявлено, что евреи "прощены" и что им разрешается возвратиться домой. Впрочем, многих оттуда же отвели по всяким комендатурам и полицейским участкам, откуда отпускали, предварительно ограбив, продержав кого день, кого неделю, кого — две. И не приходится напоминать, что большинство отпущеных застало свои квартиры занятыми, а имущество разграбленным".

Профессор С. Я. Боровой с присущей ему научной обстоятельностью и сдержанностью исследователя, за которыми чувствуется боль за судьбу своих земляков, рассказал о судьбе тех, кто добрался до Дальника.

"Некоторая часть их была направлена дальше — в ставшую вскоре трагически знаменитой Богдановку. Таким образом, они первыми проложили путь в этот лагерь уничтожения!"

Что же вышло тогда с остальными?

Вот его дальнейшее сообщение:

"Из пригнанных в Дальник евреев была отделена сначала группа в 40-50 человек. Они были тесно связаны друг с другом веревками, брошены в противотанковый ров лицом вниз и расстреляны. Но убийцам этот способ уничтожения людей показался очень медленным и хлопотливым. Тогда стали сгонять в находившиеся там четыре барака, каждый из которых был длиной в 25-30 метров, а шириной в 10-15 метров. В первых трех были помещены мужчины, в четвертом — женщины и дети. Проделали в стенах бараков дыры, вставили

дула пулеметов и стали расстреливать.

Но и это не удовлетворило злодеев. Они решили заживо сжечь несчастных, чтобы скорее и вернее провести "операцию". Все отверстия в стенах были замурованы, а внутрь был налит бензин. Затем бараки подожгли. К небу поднялось огромное пламя. На крышах можно было видеть живые факелы — объятых пламенем людей. Жандармы стреляли в тех, кто делал отчаянные попытки спастись. Несчастные поднимались к окнам и умоляли солдат выстрелами прекратить их мучения. Присутствовавшие при этом офицеры бросали в окна гранаты.

Таким образом, к ночи были уничтожены все находившиеся в двух бараках. На следующее утро то же самое было сделано с находившимися в остальных двух бараках..."

Тут же учёный приводит мало известную деталь расправы над евреями: оказывается, палачи прибегли к своеобразной символике, взорвав барак, в котором находились мужчины, расстрелянные из пулемета, ровно в 5 часов 35 минут — то есть в то самое время, когда была взорвана румынская комендатура в Одессе, только с разницей в трое суток.

"Всего в бараках в Дальннике погибло не менее 5 тысяч человек", — бесстрастно и трагически констатирует С. Я. Боровой, завершая свой рассказ о событиях, связанных с взрывом комендатуры в парке Шевченко.

Это свидетельство известного ученого, видного одесского историка и мыслителя представляется мне особенно впечатляющим, если сопоставить его с выдержаным в таком же высококонтролируемом духе высказыванием другого деятеля в ту же пору Одесской Катастрофы.

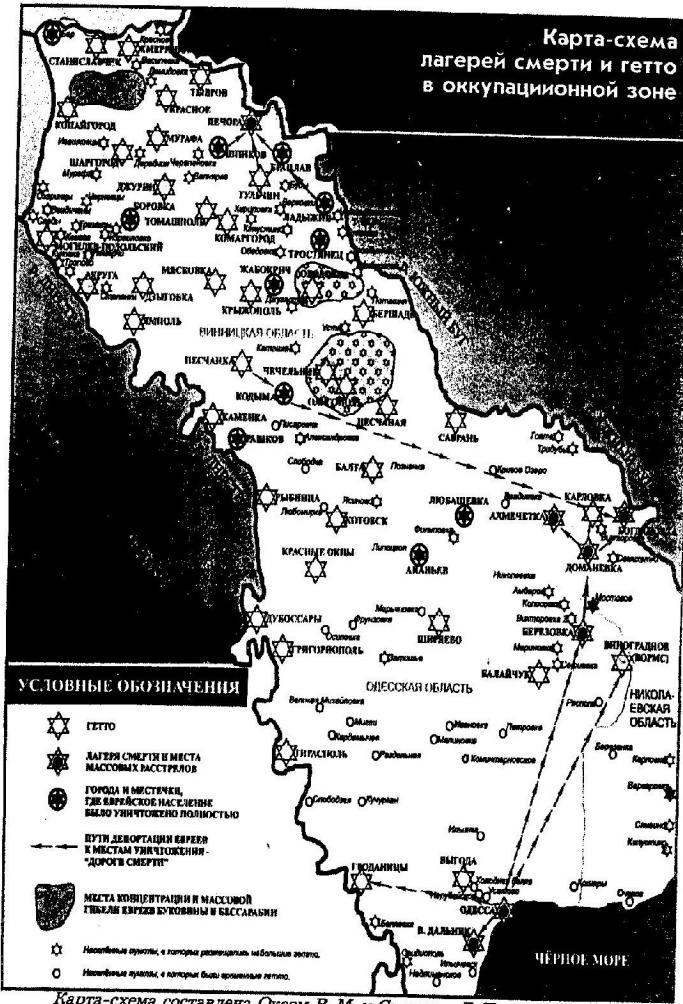
"Мир и жизнь формируют свою мощь из силы интеллекта, устремлений ума и души, путем обращения к Богу и создания идеалов борьбы за честь и уважение к человеческой жизни, которая должна быть основана на достоинстве и таланте, разуме и культуре. Мы находимся на этом пути и призваны повести за собою всех тех, кто вместе с нами готов служить этим высоким идеалам..."

Увы, такие вроде бы правильные и даже красивые слова принадлежат тому, кто именно тогда стоял во главе Транснистрии — провинции, в которой совершалось все вышеописанное в Одессе, под Дальнником и по дороге в Богдановку. Да, это заявление сделал профессор Г. Алексяну в том же номере "Одесской газеты", в котором был опубликован приказ военного командования за подписью подполковника Никулеску

от 7 ноября 1941 года. Приказ, напоминаю, о явке "всех мужчин еврейского происхождения" — о самостоятельной явке! — в городскую тюрьму — ту самую, где творились описанные выше ужасы, и о том, что "неподчинившийся этому приказу... будет расстрелян на месте".

Ну так что может характеризовать более откровенно всю сущность правления румынских оккупантов, чем такое неслыханное и невиданное лицемерие? Палачи, рассуждающие о высоких материалах и тут же посылающие на мученическую смерть десятки тысяч людей... Смерть — исключительно по резовым соображениям, только из-за того, что эти люди были еврейского происхождения!

Вот какой была Катастрофа в Одессе осенью 41-го года.

3. НЕ ТОЛЬКО В ОДЕССЕ

ТО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО осенью 1941 года в нашем городе, — лишь часть чудовищного преступления оккупантов, только одна сторона Катастрофы в Транснистрии после занятия этой территории войсками королевской Румынии.

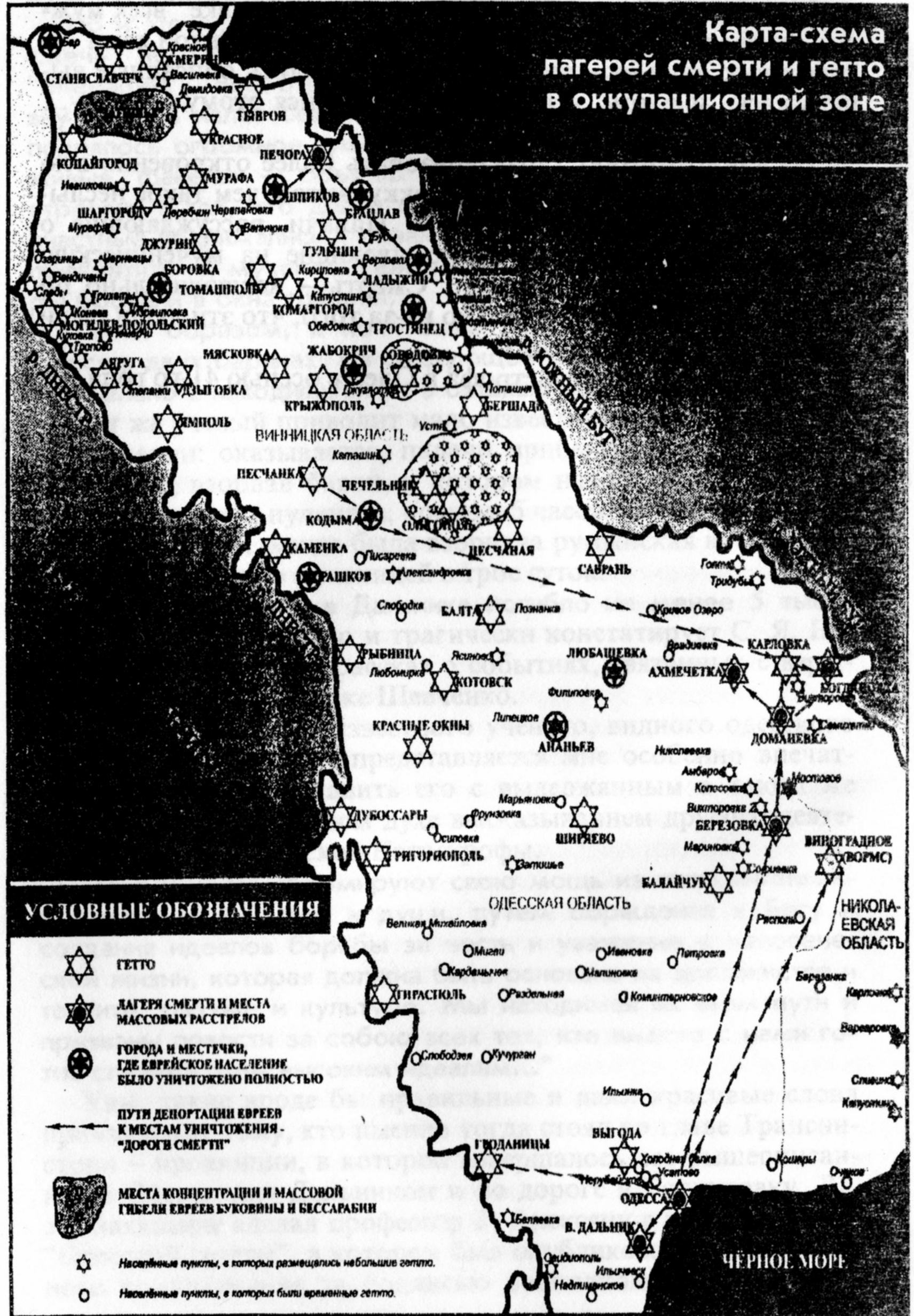
Чтобы получить представление о масштабах всей Катастрофы здесь, на юге Украины, следует представить себе для начала размеры этого края — между Днестром и Бугом. В самом деле, какие именно из населенных пунктов входили тогда в ведение администрации, учрежденной в августе?

Взглянем на карту новообразованной Транснистрии. От ее центра — Одессы граница тянется в южную сторону и от Одессы устремляется вдоль Днестровского лимана, к молдавскому пункту Граданицы, минуя другие экзотичные и малоизвестные местности — вроде Слободзеи или Григориополя, и оставив позади незаслуженно оказавшийся в глухи главный первоначальный центр — Тирасполь, а дальше уходит через другие населенные пункты довоенной Молдавской Автономной республики — Дубоссары и Рыбницу. Там же обрывается земля Одесчины с Ананьевом, Котовском и Балтой, с Любашевкой и ст. Слободка, а выше начинается территория Винниччины — от границы с украинской Кодымой до Могилев-Подольского и Жмеринки и севернее украинского села Саврань. Она же простирается через Бершадь и Ольгополь, Чечельник и Песчанку, Крыжополь, Комаргород и Тульчин до Шаргороды, Копайгорода и Мурафы, до Бара с Печорой — небольшого города, не обозначенного на энциклопедической карте, но ставшего одним из символов зверского уничижения евреев всей округи.

В пределах этих городов, городков и местечек, сел и маленьких деревень и разыгрались страшные события летом 1941 года — еще в ту пору, как уже говорилось, когда Одесса продолжала бороться, не пуская врага на свои улицы и площади, не отдавая проспекты, скверы и базары в руки висельников и не превращая окрестности в места массовых сжиганий и захоронений.

Мне доводилось упоминать об отдельных фактах вражеского вторжения в ту пору на первоначально захваченную территорию, еще не успевшую даже получить чужое наименование — "Транснистрия". Рыбница и Ольгополь, кое-какие другие населенные пункты — это были лишь разрозненные примеры того, как туда врывались враги, пусть даже с

Карта-схема лагерей смерти и гетто в оккупационной зоне

Карта-схема составлена Оксом В. М. и Сушоном Л. П.

“песнями и улыбками”, как они после снятия портретов советских вождей устанавливали свою власть в лице местных подонков и как принимались “решать еврейский вопрос” – от первых расстрелов в наскоро вырытых рвах и вплоть до загона всех оставшихся евреев в отдельные кварталы, воссоздавая тем самым структуру средневекового гетто.

Но массовое уничтожение людей в специально отведенных для этого местах – вроде Богдановки, куда сразу стали загонять часть евреев из Одессы после вытеснения у Дальника, было впереди. А именно это начали оккупанты с наступлением осени, когда Одесса попала в их руки, иными словами – когда замкнулись границы Транснистрии не только между Днестром и Бугом, а и с юга – у морского берега, раньше упорно оборонявшегося советскими войсками до их ухода 16 октября из Одессы.

Тогда начался период существования Транснистрии в ее завершенном, сложившемся географическом и политическом виде. Или вернее – в форме резервации для евреев, подлежащих уничтожению – как местных, так и пригнанных из Бессарабии и Буковины.

Что же здесь конкретно происходило, если говорить о ходе этой Катастрофы не только в Одессе? Каков был Холокост по всей Транснистрии?

Судя по книге И. Арада “Холокост”, здесь до войны проживало приблизительно 300 тысяч евреев, из которых больше половины приходилось на одну Одессу. Из них не успело эвакуироваться с частями Красной армии 185 тысяч (в том числе половину этого количества составили одесситы), а с сентября-октября к ним добавились оставшиеся в живых бессарабские и буковинские евреи – общим числом почти до 120 тысяч, хотя 20 тысяч из них погибли по дороге – от холода и голода, при переправах через Днестр.

Таким образом на территории Транснистрии оказалось всего около 300 тысяч евреев¹. И ясно, какие огромные масштабы должна была принять акция по их уничтожению – как мгновенному, так и путем медленной гибели.

О проведении такой операции Ицхак Арад пишет:

“Большинство акций по уничтожению проводилось частями СС, состоявшими частично из местных немецких добро-

вольцев (фольксдойче), живших в районах Транснистрии. Вместе с немцами в акциях по уничтожению участвовали румынская жандармерия и местная украинская полиция”.

Он также приводит цифры погибших в отдельных лагерях уничтожения на протяжении конца 1941 и первой половины 1942 года, но мы подробно коснемся этой жуткой статистики в последующем – при подробном рассказе о каждом из мест уничтожения. Ограничим лишь его замечаниями о том, что судьба местных евреев в конце концов была разделена и евреями из Бессарабии и Буковины, хотя последние поначалу и пользовались некоторыми преимуществами: “Тысячи погибали от голода, болезней, холода, тяжелых каторжных работ и издевательств в Транснистрии”.

Не касаясь пока того, что было с одесскими евреями, уцелевшими от расправ в городе и под Дальником и попавшими впоследствии в лагеря Березовского района, рассмотрим по возможности то, что происходило с жителями остальной части Транснистрии в ту пору – осенью 1941 года.

Тогда это румынское губернаторство было разделено на ряд уездов – Балтский, Голтский, Березовский, Очаковский и др. – всего 13 с соответствующими центрами (в том числе Овидиополем, Тирасполем, Дубоссарами с Рыбницей, Ямпольем, Тульчином и Могилев-Подольском). Уезды или полурумынски “жудецы” делились, в свою очередь, на волости во главе с “претором”, как правило, военным чиновником, а волости – на сельские “коммуны”, которыми управляли “примари”. Как видно, власти не просто перенесли на эту территорию свою административную систему – из собственно Румынского королевства, а и успели основательно устроиться – в расчете на долгое, если не “вечное” господство.

Наиболее задействованным оккупантами по расправам с евреями оказался Балтский уезд. Придя на нашу землю и распоряжаясь на ней, как у себя дома, враги устраивали здесь геноцид, не оставляя еврейского следа в местах, где евреи селились еще много веков назад...

О ТОМ, ЧТО БЫЛО В БАЛТЕ И ВОКРУГ НЕЕ – в мелких и крупных населенных пунктах в ненастную осеннюю пору – с дождями и ранними морозами, а затем и с выпавшим обильным снегом, поведали немногие из оставшихся в жизнях.

Это люди, то и дело приходившие в Ассоциацию жертв европейских гетто и фашистских концлагерей или приславшие в

¹ Эта цифра значительно занижена автором “Холокоста”. В действительности на территории Транснистрии в то время оказалось не менее 485 тысяч евреев.

нее свои письменные материалы – от кратких заявлений о принятии в члены этой Ассоциации до пространных воспоминаний, отпечатанных на машинке или записанных нетвердой рукой – явно от недомогания или волнения.

Вот что, например, рассказывают бывшие жители Балты, оставшиеся в этом городе к приходу оккупантов. **Соня Ароновна Табачник** вспоминала, что “когда пришли немцы.. всем евреям был дан приказ – поселиться на ул. Кузнецкой. Эта улица – Кузнецкая, а по-новому – ул. Ткаченко, упоминается и в других воспоминаниях (Л. С. Рымарь, И. Н. Кошина, Я. С. Кравцова и др.) – как одна из тех (вроде ул. Уварова, Синявской и др.), которыми было ограничено пребывание в пределах города еврейского населения Балты.

Легко себе представить, в каких условиях – скученности и антисанитарии – пришлось селиться согнанным отовсюду людям. “Селились в одной комнате по 3-4 человека, – вспоминает та же С. А. Табачник. – Нам удалось поставить одну кровать, и на этой кровати спали, ели и стирали. Мы стали болеть тифом, но все равно спали рядом. Мучила чесотка, дедушка умер”. За пределами такой квартиры тоже было тяжело: “Дальше этой улицы, где мы жили, ходить никуда не разрешалось. Нам поменяли деньги на марки по 60 руб. за 1 марку, и надо было успеть поменять в течение двух дней, чтобы потом не отдать по 100 руб. за 1 марку..”

Конечно же, люди как-то приспосабливались к этим нелюдским условиям: “Хозяин дома, в котором нас поселили, был токарем по дереву (точил спицы для колес подвод и менял у крестьян на продукты), и я с братом помогал ему в работе в меру сил и возможности, и таким образом мы зарабатывали себе на какое-то пропитание” (Л. С. Рымарь).

Но было и хуже – по словам Ильи Наумовича Кошина: “Переселение в гетто происходило в безжалостной форме. Собственный дом и все нажитое в нем пришлось бросить, а из необходимых вещей, которые мы пытались взять с собой, самые лучшие румыны и немцы забирали себе. Все еврейское население, начиная с 14 лет, было мобилизовано на самые тяжелые, грязные работы, за которые практически ничего не платили. Я был мобилизован немцами на тяжелую физическую, недетскую работу, где подвергался зверским издевательствам. Кто только меня ни бил: были немцы, были румыны, были местные полицейские и даже итальянцы, стоявшие в Балте..”

Характерно, что такой образ жизни там, в Балте, был

официально закреплен, даже как бы торжественно освящен самим высоким авторитетом оккупантов. По словам того же И. Н. Кошина, “удостоверение, выданное всем евреям, было подписано самим губернатором Транснистрии – профессором Алексяну. В нем было написано примерно следующее: “Ф. И. О. _____ является евреем, проживающим в гетто. Если же он окажется вне гетто без уважительных причин, то будет рассматриваться, как шпион и расстрелян по законам военного времени”. Не говоря уже о том, добавляет он, что “все евреи обязаны были носить на груди и на спине две шестиконечные звезды...”

А Яков Семенович Кравцов начинает свои воспоминания об оккупантах в Балте с того, как они ворвались в подвал, где находились прятавшиеся от бомбежки и обстрелов люди, и “приказали всем русским выйти из подвала, а евреям, в том числе и нашей семье, остаться на местах, грозя бросить гранату”. После перехода там власти от этих ворвавшихся немцев к румынским военным и было создано гетто, как он уточняет, располагавшееся “на четырех улицах”. При этом выясняется, что расселением занималась “еврейская община”. Тогда такой признак “цивилизованного” подхода к пресловутому “решению еврейского вопроса”, чего не было впоследствии, повторяю, даже в Одессе – центре Транснистрии, казалось бы, понапачalu мог как-то обнадеживать людей. Но, продолжает Я. С. Кравцов, “в ноябре 1941 года нас выселили в лагерь в село Балонивка”. И вот как проходил такой этап:

“В связи с тем, что моему брату было в то время 4 года, нашей семье было определено место на подводе, где мы разместили свои рюкзаки. Ехали мы ночь и день, ибо впереди люди шли пешком под охраной солдат, а в пути тех, кто больше не мог двигаться, расстреливали”. На месте же их “разместили в недостроенном свинарнике с открытыми окнами, и в этом помещении лежали на соломе больные тифом. Каждый день выносили мертвцев и хоронили их в заранее раскопанных траншеях”.

Нужно ли удивляться, что семья после недельного пребывания в таких условиях не выдержала и ночью сбежала – правда, в другое гетто? Но и там самого Кравцова нашла болезнь – тот же тиф, и только через две недели мать вывела его из инфекционной больницы и на повозке отвезла назад – в Балту. “По дороге ночью сломалось в этой подводе колесо, и мне пришлось спрыгнуть с нее при температуре 41 градус, улав носом на мерзлую землю, и лишь после ремонта ко-

леса мы снова двинулись дальше..."

Каково было в Балтском гетто, где пришлось оставаться с семьей до марта 1944 года, когда пришли советские войска, вспоминает находившаяся там Х.Г.Шихман: "В лагере-гетто... нас мучили, издевались над нами, морили голодом и холодом, заставляли носить тяжелые камни. Приходилось есть траву, кору деревьев, кожуру от картошки..."

В той обстановке мало помогало и то средство спасения от всего этого ужаса, о котором рассказывает С. А. Хенкина (Варварецкая): "Мне запомнилась страшная картина: грязь и слякоть на дороге, по которой мы шли из Балты в Липецкое, а по обочинам лежали трупы женщин, детей и стариков. Ощущение безысходности не покидало, но страха у меня еще не было. Вдруг мы услышали выстрелы – навстречу нам бежала женщина и кричала, чтобы мы не шли через лесок, так как там немцы расправляются с евреями. Мы обошли лесок стороной и пришли в Липецкое, где жил, по словам наших бывших соседей, священник Константин Волошанский, с которым они договорились о моем крещении. Дома у этого священника меня и крестили, но я приняла этот обряд за игру, считая все чистым притворством. И все же не вернулись в Балту, а пошли в Котовск, который уже назывался Бирзулой. Несмотря на спасительный документ о крещении, мы продолжали жить в страхе и волнении. Мы с мамой не выходили из дома, не открывали никому двери..."

Разумеется, такое существование долго продолжаться не могло, и далее Сабина (она же Софья) Хенкина-Варварецкая поведала целую одиссею своих дальнейших мытарств – после того, что оккупанты однажды увезли из дома ее мать, а на следующий день полицай пришли за ней. "Из дома я взяла только фланкончик с розовой суконькой, которую мама принесла из лаборатории для себя и для меня и просила меня выпить, если надо мной будут издеваться". К счастью, применить суконьку ей не пришлось, но 12-летнюю девочку сперва заперли вместе с другими в подвале, потом увезли на вокзал, где встретившиеся немцы в ярости потребовали, чтобы румыны расстреляли приведенных евреев, но те все же не послушались и привезли в Балту, где поселили их в гетто. "Мы жили у старика Левита. Это был очень добрый человек. Так как он был связан с пекарней, то иногда помогал нам с продуктами. Нам не разрешали выходить из комнаты – за нас боялись, чтобы над нами не поиздевались. Очень страшно было по ночам, когда слышались крики и топот, а утром обсужда-

лись, правда — без детей, подробности всяких ужасов". И тут еще одна подробность, которую иначе не назвать, как весьма любопытной и скандальной: "Часто в дом приходили еврейские полицайские, которых я очень боялась. Они собирали деньги, какую-то дань, кому-то за что-то платили. Но детей в это не посвящали..." Являлось ли это продолжением деятельности местной еврейской общины – "юденрата"? И насколько тут было помочь евреям, находившимся в гетто, а не наоборот?! Более того, Хенкина-Варварецкая признает дальше: "Я помню, что над всеми довел страх пиквидации гетто. Об этом шептались очень часто..."

Видно, тамошние условия все же были более сносными, чем нечто другое для евреев? Да, таким был страх – после сталинградского поражения немцев: пока были румыны – им платили и можно было как-то существовать. С приходом же в Балту немцев все знали, что может случиться страшное.

О такой же разнице между отношением румын и немцев к евреям в позднюю пору – при отступлении оккупантов вспоминают и некоторые другие, хоть и из другой местности (вплоть до того, что даже бежали из районов, занятых германскими войсками, – так называемого "райхскомиссариата Украина", в Транснистрию, пока здесь еще находились румынские власти... Что называется, истина всегда конкретна: оказывается, даже злополучная провинция королевской Румынии иногда казалась спасительной).

Но тем не менее, как пишет в своих воспоминаниях Татьяна Владимировна Немировская, "гетто навсегда осталось в сердце страшным воспоминанием и предостережением для всех, чтобы нигде никогда ни с одним ребенком не случилось такое..." Что же именно такое потрясло ее: тогда маленькой девочке не просто виделись во сне от постоянных "спазм голода" заманчивые продукты (хлеб, яблоки...), а и "кирпичная дорожка и крытая автомашиной со свастикой, которая приехала за мной".

Другой тогдашний малолетка – Александр Борисович Певзнер, переживший и свой этап, и гетто с расстрелами по ночам, и свинарник, откуда он со сверстниками не раз бежал, был даже доволен, когда "в гетто была образована еврейская община. По утрам приходили разные хозяева – военные и даже помешники, которые подбирали людей на работу, так что за целый день каторжного труда был 1 килограмм хлеба..." Он так и пишет: "Это считалось счастьем. Ведь основным продуктом питания была кукурузная мука, из которой

готовили мамалыгу или жондру!"

Но, оказывается, иногда не помогала и еврейская община – так это вышло у Гени Моисеевны Хаимской (Лейдерман): несмотря на то, что в такой общине был ее дядя, 70-летний работник по регистрации новоприбывших, ее – после долгих попыток избежать тяжелых работ и поддержки добрых соседей – взяли каратели вместе с разоблаченным партизаном из евреев (Фройда Шимшанович) и вели на расстрел, пока не помешал один из соседей – портной, общивавший местное начальство...

Поистине, смерть так или иначе витала над головами несчастных узников гетто там, в Балте – центре Транснистрии.

Восточная Транснистрия

В СОСЕДНЕМ УЕЗДЕ — ГОЛТИАНСКОМ события разворачивались не менее круто, несмотря на более позднее вхождение туда оккупантов.

Этот большой уезд с центром в Голте (ныне Первомайск) включал в себя также Кривоозерский, Доманевский, Врадиевский и Любашевский районы. О том, что было в уездном центре после 3 августа 1941 года, когда ворвались туда фашисты, позволяет судить сборник "СССР в Великой Отечественной войне. Краткая хроника", изданный в Москве (1970):

"В первые же дни фашисты расстреляли более тысячи жителей".

Там же, в Голте, местный префект – подполковник Модест Изопеску издал распоряжение, напечатанное в указанном номере "Прибугских известий": "В виду организации бюро труда... произвести переучет всех трудоспособных жителей", и при этом "явка обязательна" была "для всех граждан в возрасте от 14 до 70 лет". И снова там высказывалось на счет "строгого наказания нарушителей".

Ну, так трудно ли представить, какая участь ожидала местных евреев?

Из архива (фонд 2332, описи 1 и 4, дела 2 и 4, листы 3 и 4) следует, что гитлеровцы замучили и расстреляли там более 8 тысяч жителей.

В этом документе, как и в другом – по Очакову, если уточнить, приводится формулировка о расстрелянных – "советские люди" или просто "жители". В официальных советских документах сталинского периода так неопределенно

обозначалось еврейское население, и лишь теперь можно прямо сказать, что именно скрывалось за этим туманным выражением...

"В Кривом Озере за время оккупации были замучены и убиты свыше 800 местных жителей" ("Николаевская область", Киев, 1981 г. стр. 458).

Село Голосково: "Здесь расстреляли 421 еврея из числа колхозников, проживавших постоянно, в селе Гаусово – 40 человек, в селе Богачево – 131 человек, в селе Лукановка – 156 человек" (Дело 191, лист 7).

Казалось бы, это небольшие цифры по сравнению с другими жертвами в такой местности, как Акметчетка или Мостовое. Но ведь дело не в количестве, а в самом факте расправ над населением и даже просто в издевательствах над евреями.

Об этом, в частности, свидетельствует документ по Веселиновскому району Голтианского уезда: "Во время оккупации фашисты жестоко издевались над жителями села Веселиново". А ведь этот райцентр – к тому же большая железнодорожная станция!

О том, что конкретно грозило евреям, попавшим туда – в Голтианский уезд, можно судить по разным воспоминаниям.

Так, прежде чем оказаться в руках немцев, жительница советского Первомайска успела после жестокой бомбардировки городка доехать до Днепропетровска. Ей – Е. Д. Ройзик, тогда, правда, "не было и месяца от роду", как она теперь пишет. Но, вернувшись с матерью домой, малютка подверглась опасности уничтожения – и еще какой опасности, если признаться... нечто еще не слыханное! "Несколько еврейских семей, в том числе меня и маму, прятали в каком-то погребе, а я плакала, так как у мамы не было молока. И тогда все эти люди начали уговаривать маму, чтобы... задушить меня. Мол, почему они должны все погибнуть из-за ее ребенка? Мама, конечно, была в ужасе: она положила свою падонь на мой рот – и я таким образом оставалась трое суток без капли воды и еды. Промолчала, как все хотели... видно, судьба была мне выжить, несмотря ни на что!"

Но и такая крошка, как она пишет теперь, "попала в гетто вместе с мамой и туда же попала моя бабушка – Лея Лейбовна Мирольская, вскоре переведенная в Богдановку, так что мы ее больше не видели". Оставаясь в гетто в районе Голты, они находились вместе с двоюродным братом, которому исполнилось 16 лет, с сестрой в 17 лет и маленькой сестричкой 3 лет. Но вскоре эта семья была разлучена – и самым

коварным образом: "Брата и старшую сестру немцы вывезли в церковь, а оттуда посадили на машину вместе с еще многими подростками — и повезли их на расстрел. Тогда мать схватила свою маленькую дочку и страшно кричала, а старшие дети тоже истерически отзывались с машины: "Прощай, мамочка!" И больше их никто не видел..."

Слегка подросшая Ева Ройзик во время перекличек в гетто, еще ничего не понимая, вставала, когда называли ее фамилию, и кричала "Есть!" В то же время на ее глазах расстреляли сына одного мужчины, а когда его отец подбежал к немцу и закричал: мол, если вы убили моего сына, то убейте и меня, то его тут же расстреляли... Вот что довелось пережить этой мальчице!

Примерно так же мучилась со своим ребенком **Х. Р. Сигал** — уроженка местечка Кривое Озеро (бывш. Одесская область, ныне — Николаевская). Во время бегства под бомбежками она добралась до Южного Буга, а когда был занят Первомайск, позже переименованный в Голту — как и до революции, то ей пришлось вернуться назад в маленькое еврейское местечко. "Сразу нас всех собирали, — рассказывает она, — чтобы взять заложников, а остальных избивали и издевались над нами. Потом стали гонять на работу и я вынуждена была брать с собой ребенка, привязывая его на спине..." О том, что довелось испытать этой матери с ее несчастным ребенком в Доманевке, куда их пригнали впоследствии вместе с другими, будет дополнительный рассказ в описании условий пребывания в этом лагере смерти.

Еще страшнее выдалась судьба ребенка, родившегося там же, в лагере, во время угона еврейского населения, судя по воспоминаниям **А. И. Бильмес**. Она вспоминает, что была 10-летней девочкой, когда отправилась с беременной матерью из их села Малой Богачевки после облавы, и обе вынуждены были скрываться на кладбище, пока вокруг стреляли. "Потом мы вернулись в родное село, но нас встретила женщина и сказала, что снова облава, и тогда мы ушли в степь, — рассказывает она. — Дошли до села Секретарки и там мама в сарае родила".

Можно представить себе состояние такой роженицы в той обстановке... и хорошо еще, что хозяин этого дома забрал их к себе. Но на второй день снова была облава: полицай ходил по домам и искал евреев, так что пришлось уйти в степь, как и раньше. И тогда... ребенок у них на руках замерз. "Сколько я буду жить, — сокрушается Анна Исааковна, — я буду помнить

письк этого ребенка. И еще то, как мама положила его на огороде возле крайнего дома села, а сами мы спрятались в скирде соломы. Пролежали там семь суток — без воды и еды, а когда вышли, мама попросила хозяйку закопать сына..."

После всех мытарств они попали в Кривое Озеро, откуда многих угнали в Доманевку. О том, что было там же, в Кривом Озере, с другими евреями, рассказывает местный житель этого села, расположенного на территории нынешней Николаевской области. Он тоже потом попал в Доманевку вместе с односельчанами, из которых называет Фриду Киф, Михаила Вайнера, Фриду Зменер, а также свою мать, хоть и не указывает своего имени и фамилии на страницах воспоминаний, написанных от руки старательным, почти детским почерком. Как видно, это была девушка, которая там же встретила своего мужа, попавшего в плен, а когда вскоре у них родился ребенок — тоже сын, то мужа угнали в другой лагерь, и о нем попытие ничего не известно. Но сын все же остался жить — несмотря на тамошние условия! "В 1944 году Красная Армия освободила нас, и мы вернулись в Кривое Озеро", — заключает она. Все-таки жизнь восторжествовала!

О тех же жителях Кривого Озера — о Ф. Зменер с мамой и сыном, Ф. Киф с дочкой и мужем и М. Вайнере с женой и дочкой рассказывает их земляк **Л. М. Орниш**. Они вместе шли по этапу из своего села: "Людей гнали, как скот, никто не знал, куда и зачем. Колонну сопровождали румыны и русские полицаи. Одного из них мама хорошо знала: этого человека звали Тодор. До войны моя бабушка работала в колхозе поваром, готовя еду для колхозников, среди которых был он. Теперь, когда колонну угнали в большом темпе, не успевавших отводили в сторону и расстреливали. Так же моего деда, у которого была больная нога, толкнули в сторону и расстреляли, — и это сделал полицай Тодор. А мама, под страхом смерти, даже не могла поднять голову и посмотреть туда..."

Но после прибытия в Доманевку эта семья все же восполнилась. Мать Орниша родила — и это был он, Леонид Михайлович, автор воспоминаний. При этом вырастить младенца помогла местная русская женщина — как он ее называет "тетя Оля", которая дала маме вещи для него, оставшиеся от внучки. В этом же доме вся семья Л. М. Орниша, кроме отца, угнанного раньше в другой лагерь, встретила своих освободителей — воинов Красной Армии. А впоследствии они добра-

лись домой, всегда ночуя у других русских жителей, с которыми сохранили добрые отношения и после войны... Из остальных земляков сохранилась Ф. Зменер, тоже вернувшаяся в Кривое Озеро.

Еще один житель Кривого Озера – М. И. Язовицкий вспоминает не только про военный этап из родного села ("на одной подводе со всем скарбом... лошади не могли тянуть такой груз... совет старейшин решил вернуться..."), а также про расстрел еврейских жителей после прихода оккупантов, когда погибли и малые дети в противотанковом рву... ("в том числе моя бабушка и тетя с ребенком"). Он рассказывает и об угоне в районный центр – Врадиевку: "Загнали всех в одну комнату и держали несколько дней без воды и еды... не выпускали – ждали расстрела!" Откуда ему удалось бежать с приятелем Ромой Гельманом, чтобы вернуться домой".

Но дальше с ним вышло необычно. После ночевки в скирдах он заболел от холода, а также немало намучился от голода и жажды. И потом еще пережил горе, узнав о расстреле матери и сестры вместе с тетей и ее детьми... Казалось бы, жизнь кончена, пока он не попал под конвоем назад – в Кривое Озеро, где стал... обслуживать жандармерию. "Убирали территорию, чистили лошадей, пилили дрова". Там же пристроились и другие: "Со мной был дядя – папин брат. Он работал: вил веревки из конопли, и я ему помогал. Крестьяне привозили материал, а мы им делали сбрую для лошадей..."

Автор как бы смущенно признает, чуть ли не оправдываясь: "Без этого нам, наверное, и не выжить было..." Но можно представить, какое тяжкое моральное испытание, кроме всех физических, пережил этот юноша, потерявший почти всех близких и родных!

Если говорить о том, как оккупанты заставляли работать на себя, то вот наиболее, пожалуй, исключительный случай, о котором рассказал Б. М. Телер, живший до войны в противоположной стороне румынской провинции "Транснистрия" – в Кодыме.

Из этого райцентра его сперва взяли заложником, пока по доносу были расстреляны 100 евреев, а потом погнали по селам, в том числе в Степановку, где разместили в конюшне, "забитой трупами людей", которых пришлось "убрать в столону и лечь на их место". Тут же всем угрожали "бросить завтра в Буг" в случае побега, и в конце концов привели в Рыбницу, в которой, как вспоминает Борис Моисеевич, уже

существовало гетто. "Из гетто можно было выходить только на два часа в день, а в восемь утра нас брали на работу, например, грузить вагоны в Германию".

Но однажды выдалась самая невероятная работа: "Мы строили в парке памятник Гитлеру, Муссолини и Антонеску, которые должны были приехать туда". Вот, казалось бы, еще одно мучительное издевательство над людьми – теми, чьи близкие погибали по приказам этих вражеских вождей! И кроме таких душевных тягот, власти изымались и по мелочам в ходе этих работ: "Один немец сказал, что памятник должен блестеть, а другой сказал, чтобы взять два ведра подсолнечного масла и смазать его... Но от масла "памятник потемнел, и они стали выяснять, кто принес масло. Указали на меня – и стали меня бить. Я потерял сознание, и тогда подбежали сестры и стали отливать меня водой..."

Там же произошел еще один случай изуверства – после доставки из Германии богатых евреев в 1942 году. "Так как в гетто должно было быть определенное число людей, то нужно было уничтожить столько, сколько прибыло..." Но этого извергам было мало: "Они собрали старшин семей в примарию и сказали, чтобы одеть самое лучшее. Привели туда 48 человек, повели их за город в поле". В числе этих утнанных была и мать Бориса Моисеевича, за которой он бежал до окраины города. А потом... "видел, как дали им лопаты, как они выкопали себе яму и как их расстреляли". Ну и еще последнее испытание этого юноши – сына убитой матери: "На другой день нас взяли, чтобы из закапывать".

Но вот, по его словам, случилось не менее ужасное в наше время. 10 лет назад на том же месте начали рыть котлован под строительство... и чего именно – быткомбината. Когда экскаватор вгрызся в землю, то из ковша посыпалась кости. И хорошо, что местные власти решили сделать на кладбище братскую могилу и перезахоронить эти дорогие останки с почестями...

ДРУГОЙ УЕЗД Восточной Транснистрии – Березовский – особенно страшен.

Вот что произошло в таком селе, как Богдановка, ставшем местом массовых расправ и даже своеобразным символом трагедии евреев Одесчины:

"21 декабря 1941 года за окопицей села Богдановка раздались злые автоматические очереди. Из оврага поднялся столб густого, как мазут, дыма, жирно испытывавшего безоблач-

ную небесную голубизну. Над селом потянуло муторным смрадом горелой человечины. Когда ненадолго возникали паузы между выстрелами, доносились приглушенные расстоянием истошные крики.

Так эсэсовская батарея-команда № 11, дислоцированная в селе Роштад (ныне Поречье Веселиновского района), приступила к осуществлению операции под названием "Подарок Сталину". Ее начало с явным умыслом было приурочено ко дню рождения Верховного Главнокомандующего Красной армии".

(В. А. Гунин – "Богдановская трагедия", сб. "Рассекретить, опубликовать..." Одесса, "Маяк", 1989, стр. 131)

Эти кровавые события были подготовлены за полтора месяца – с начала ноября 1941 года, когда стали сгонять тысячи людей партиями от 1500 до 5000 человек. Об этом рассказывается в сборнике "Одесса в Великой Отечественной войне" (глава "Одесса во время румыно-немецкой оккупации"), изданном Одесским областным издательством к 150-летию основания города:

"В лагерь, устроенный в совхозе "Богдановка", находящемся на расстоянии километра от села того же наименования, согнали до 5500 человек. В условиях суровой зимы 1941-1942 гг. заключенных разместили в свинарниках, шапашах и просто под открытым небом. В свинарнике, где раньше содержали 200 свиней, помещали до двух тысяч человек. Заключенные были лишены пищи и воды. Жажду они могли утолить только снегом. Румынские жандармы расстреливали тех, кто пытался добыть себе вне лагеря воду или пищу".

Далее в этом сборнике рассказывается о том, как 20 декабря туда прибыл упоминавшийся эсэсовский отряд под командованием немца Гегеля, и как на следующий день начались массовые расстрелы заключенных, продолжавшиеся до 15 января 1942 года. Это описание невозможно читать без содрогания – и тут дело тем более не в цифрах...

"Ежедневно 25-30 палачей, расположившихся в нескольких метрах от группы в 15-20 человек, раздетых до нуда и поставленных на колени у края оврага лицом к обрыву, хладнокровно расстреливали свои жертвы. Убитые и раненые падали на дно оврага, где был сложен большой костер из соломы, камыша и дров. Детей убийцы сбрасывали в пламя этого костра живыми. Особые группы заключенных должны были складывать падавшие в овраг тела на костер. Трупы сжигали круглые сутки. Если легкораненным, пользуясь тем-

нотой, удавалось выбраться из оврага, то их ловили и расстреливали. Немецкие офицеры воинских частей, расположенных в с. Константиновка на противоположном берегу Буга, присутствовали при этих убийствах и делали фотоснимки. К 1 февраля 1942 г. было истреблено около 54 тысяч человек и 2 тысячи было заживо сожжено в бараках".

Под тягостным впечатлением от такой картины поголовного уничтожения не сразу замечаешь, что здесь нигде не говорится о национальности этих жертв. Впечатление, что речь идет обо всех жителях района и даже области, и лишь дальше пишется: "Жестокий террор оккупантов обрушился на еврейское население". И дается характеристика евреев по тем приметам, которые были объявлены оккупантами, а также сообщается о других формах расправ над ними – в Слободском гетто и по пути в Березовку.

О том, что творилось в Березовском районе, стало известно позже органам госбезопасности, когда в их руки попали материалы о массовом уничтожении советского населения, в первую очередь евреев. Об этом пишет журналист **Борис Прахье** в очерке "Березовское поле".

"...Были разысканы все места захоронения жертв каратель, произведены их раскопки и установлено, что на "Березовском поле" – так называли место массового уничтожения фашистами советских людей – было уничтожено более двадцати тысяч советских граждан из Одессы, Молдавии, западных областей Украины, в том числе около семи тысяч детей".

Автор этого очерка, помещенного в сборнике "...А главное – верность", также рассказывает о конкретных исполнителях расправ над "советскими гражданами" – проще говоря, евреями. То были отряды "зельбштшутц" – уже упоминавшиеся здесь подразделения якобы "самообороны", а на деле – каратели.

О задачах членов таких подразделений сообщил на допросах захваченный в плен один из видных функционеров ближайшего окружения Гиммлера – бригадефюрер СС Панцигер:

"Они охраняли важные военные склады и лагеря военно-пленных, вместе с войсками СС, специальными формированиями гитлеровских спецслужб активно участвовали в карательных операциях против советских партизан. Отряды "зельбштшутц"... также выполняли, признал Панцигер, и специальные, особо тайные задания гестапо и СД. Какие? Эсэсовский генерал утверждал, что это даже ему неизвестно..."

Но вот что стало известно из многих документов румын-

ских сподвижников СС об изгнании евреев – об операции в Березовском районе:

“Эшелоны останавливались недалеко от села Викторовка, на перегоне 552-го километра. Здесь обреченных выгоняли прикладами из вагонов, строили в колонны и гнали дальше. Об их судьбе рассказывают акты Чрезвычайной государственной комиссии...”

Борис Прахье приводит текст одного из таких актов:

“Акт. 11 октября 1944 года, с. Балайчук.

В местном колхозе были расстреляны советские граждане, вывезенные из Западной Украины и Одессы. 14 марта 1942 года приехали немцы, руководимые офицером, и, согнав предварительно всех в колхозный сарай, начали производить расстрел. Расстреливали на западной стороне села в Келлеровой балке. Тела расстрелянных, иных только раненых, были засыпаны соломой, облиты горючим и сожжены.

Расстреляно было 1030 человек, из них 610 детей”.

О судьбе отдельных евреев в этой расправе можно судить по тому, что вспоминала сумевшая спастись девушка, позже вышедшая замуж за украинца.

“От железной дороги до села Балайчук нас гнали в сильный мороз, – рассказала Лидия Борисовна Луценко. – Многие падали в пути, их добивали из автоматов и пистолетов. Шоссе по обе стороны было буквально усеяно трупами. В Балайчуке нас держали в скотном сарае. Местные жители пренебрегая смертью, приносили нам еду”.

И одесский журналист прослеживает ее дальнейшую страшную участь.

“Десятого марта 1942 года пьяные каратели с овчарками, во главе с гитлеровскими офицерами, явились на скотный двор, отобрали первую партию заключенных и повели к оврагам на расстрел. Вскоре оттуда донеслись автоматные очереди, а потом одиночные пистолетные выстрелы.

Лида оказалась в последней партии. Палачи, избивая, пытались ее изнасиловать. Били кулаками, ногами, прикладами, пока она не потеряла сознание. Очнувшись в квартире неизвестной женщины – вдовы с двумя детьми, которая вытащила ее из сарая.

Потом девушку спрятала колхозница Нина Лаврентьевна Коваленко. Лида жила у нее под видом дочери до освобождения района советскими войсками. Украинская женщина, рискуя жизнью, спасла от смерти еврейскую девушку, став для нее второй матерью...”

Кто же творил такие зверства? Долг перед павшими, высшая человеческая справедливость требовали, чтобы ни один палач не избежал возмездия. Ведь у каждого убитого был “свой” убийца – и чекисты сделали все, чтобы отыскать таких убийц и воздать им по заслугам, наказать по закону! Как это ни было трудно из-за того, что гитлеровские спецслужбы всячески старались скрыть массовые убийства от чужих глаз. Ведь, оказывается...

“... особо секретные фашистские циркуляры предписывали “расстрелы производить в стороне от городов, деревень и дорог. Могилы сравнивать с землей, чтобы они не стали потом местом паломничества”. Запрещалось “фотографировать во время казни и допускать посторонних...”

Однако после изучения тысяч документов и опросов сотен свидетелей были выявлены участники массовых расправ в Березовском районе. Органы госбезопасности установили личный состав подразделений “зельбштутца” местных комендатур – например, в селах Вормс и Лихтенфельд, – всего в составе 225 человек, а действовали они под руководством эсэсовских офицеров Брудермана, Цимермана, Штрайта, Клейлинга, Шиммана и Бенке. Был также выявлен командный состав здешнего “зельбштутца” и выявлены наиболее активные участники преступлений на “Березовском поле”. Среди них оказались житель Вормса (ныне село Виноградное) Генрих Брунмаер и его родственник Фридрих Брунмаер, а также Эдуард Бенц, позже служившие в гитлеровских регулярных частях. И наиболее подробно Б.Прахье остановился на поимке еще одного палача – Григория Гернера, скрывавшемся в Коми АССР.

Сразу по горячим следам событий – в мае 1945 года зверства других оккупантов-румын были раскрыты на процессе военных преступников, проходившем тогда в Бухаресте.

Так, в корреспонденциях газеты “Известия”, перепечатанных в сборнике “Одесса в Великой Отечественной войне” (т.III), читаем, что там допрашивался бывший военный судья Манеску, “подписавший приказ об убийстве 16 тысяч советских граждан еврейской национальности в лагере “Богдановка”. Там же пишется, как “подсудимый полковник Изопеску рассказал, что по его приказу в лагере “Богдановка” у заключенных были отобраны зимние вещи и что было истреблено 8-10 тысяч заключенных”.

И далее сообщается о том, что были даже случаи неподчинения начальству при выполнении этих чудовищных приказов или участия в массовых казнях.

"Начальник жандармского поста в лагере "Богдановка" младший офицер Малинскую, отказавшийся выполнить отданного военным судьей Манеску приказ об уничтожении всех находившихся в лагере евреев, заявил, что этот приказ был выполнен румынскими полицейскими и жандармами, присланными из Гопты".

В другой газете – "Большевистское знамя" тогда же, в мае 1945-го, рассказывались подробности об уничтожении евреев в "Богдановке" – с раздеванием их и расстрелом стоявших на коленях у края оврага. Этую жуткую картину описал свидетель – колхозник села Богдановки **Павел Иванович Стогона**.

Так или иначе, враги сумели осуществить зловещий план по угону из Одессы и других близлежащих городов и mestечек еврейского населения для их поголовного уничтожения в этом уголке Транснистрии – в Богдановке.

ПРАВДА, существует версия, что такая расправа продолжалась лишь до середины февраля 1942 года, а затем была прекращена.

Да, еще во время нашего пребывания в Слободском гетто доходили слухи, будто румыны "по приказу" прекратили расстрелы и что они подвергали еврейское население просто угону за пределы больших городов – в зоны, предопределенные постановлением губернатора Алексяну.

Эту версию подробно исследует в своих трудах **Г. С. Шапиро**:

"По распространившимся среди евреев слухам 15 февраля 1942 г. был издан румынскими военными властями приказ о прекращении массовых расстрелов. Действительно, после этого организованные расстрелы прекратились. Но власти – за единичными исключениями – не противились проявляемой в этом отношении "инициативе" отдельных групп конвоиров, жандармов, полицая. Особенно много злодейства совершили карательные отряды, созданные немцами-колонистами, весьма многочисленными в Транснистрии. Эти представители "высшей расы" не скрывали своего презрения к румынам, на каждом шагу третировали их и, конечно, при проведении такой "важнейшей задачи", как истребление евреев, они меньше всего считались с какими-то распоряжениями румын, которые, к тому же, и сами румыны не очень соблюдали..."

Как пример этого приводится история расстрела группы евреев 18 марта 1942 г. в селе Веселый Хутор (возле Мостово-

го) – то, что уже прозвучало в воспоминаниях **И. Мармерштейна**. Следует упомянуть, что "среди расстрелянных наряду со многими другими были видные врачи Л. П. Бланк, Петрушкин и др. Эту акцию провели немцы-колонисты из села Рейхштат.

Как погиб доктор Петрушкин

Об убийстве одного из них – доктора Петрушкина из Одессы подробно вспоминал Илья Мендевич Мармерштейн, сперва описавший, как он встретился с этим известным детским врачом, попав в Мостовое – в пору своих мытарств весной 42-го:

"Первое, что я увидел издали: стоял знакомый человек. Я жадно всматривался в него, испытывая робость от встречи в этих условиях.

Но вдруг оказалось: может быть, я ошибаюсь... неужели это действительно он – знаменитый Петрушкин? И сразу исчезла невольная радость: значит, и его не минула такая участь...

Да, я не ошибся: это он... точно – он, с которым познакомился в Одессе на Слободке, в гетто. Детский врач Петрушкин, о котором говорили, что его знают многие в Одессе, который пользовался большой популярностью. Теперь этот несчастный стоял здесь, во дворе Мостовского пересыльного пункта – стоял худой и бледный, высокого роста, узколлечий, в летнем пальтишке и шляпе, и глаза его выражали большую печаль. Смотрел он сосредоточенно в одно место – именно в то, откуда ежедневно отправляют огромное количество людей на верную смерть. Смотрел взглядом сострадающего и тоже обреченного...

Приблизившись к нему, я сказал: "Здравствуйте, доктор Петрушкин!" Он чуть вздрогнул, кивком ответил на мое приветствие – и похоже, что сразу меня не узнал. А потом, похоже, вспомнил, кто я.

Мне хотелось спросить его: в каких условиях он и остальные люди здесь живут? Да насколько они в безопасности и можно ли оставаться с ними?"

Их разговор не получился, потому что к Петрушкину подошел небольшого роста, в потрепанном пальтишке и старой шляпе человек, которого доктор назвал профессором. Тот протянул ему несколько печеньих картофелин и сказал: "Возьми... покушай!" И Петрушкин стал есть – видно было,

что он давно изголодался. Немного подождав, пока он ел, автор воспоминаний заговорил с ним, повторив свой вопрос о живущих там.

"Он мне рассказал, что здесь живут свыше четырехсот человек – в большинстве выходцы из Бессарабии и что они находятся больше месяца. Тот профессор живет вместе с ним, и там же еще много одессов. "Нас пока не трогают, скоро все будут устроены на работу..." Но по его выражению временное – во всяком случае, пока они живут, а что дальше? Когда последовал вопрос – можно ли здесь оставаться, Петрушкин ответил, что это решает Браверман – местный лидер из евреев-бессарабцев, но что если нет с собой золота, то такое обращение будет напрасным.

Оказалось, что этот Браверман сам из Кишинева: еще молодой человек, очень энергичный и высокогообразованный, попал сюда вторым этапом из Одессы, где он застрял с началом оккупации. Зная в совершенстве румынский язык, донесся встречи с начальником жандармерии – в чине локотенента, неприятным и даже устрашающим, который раньше оставлял на месте и отправлял на расстрел многих прибывших из Одессы. При их встрече Браверман в весьма льстивой форме предложил ему "большое богатство в обмен на спасение людей от смерти", и тот согласился на это с условием, что от каждого ему достанется по три золотые вещицы – кольцо, браслет и часы, а всего будет оставлено пятьсот человек – как население специального гетто, куда могли ходить местные крестьяне с продуктами, хотя у всех уже иссякли средства для расплаты.

Так как у Мармерштейна не было золота, то он не мог расчитывать на пребывание в таком гетто, пусть и временном. И из Одессы кончились и население в гетто больше не увеличивалось. Это вышло в начале марта – после тайного проживания в развалинах одного из домов и все же, как ни странно, Браверман разрешил остаться – с условием постоянной черной работы: "Будешь каждый день подметать двор".

Но в середине марта и грянула беда – та, которая связана с судьбой доктора Петрушкина.

"Было 17 марта 1942 года, когда на горах вокруг Мостового еще лежал снег, но уже начал медленно таять. Утро в этот день выдалось прекрасное – с удивительно чистым не-

бом, с ярко светившим солнцем. Я вышел из помещения, где жил по разрешению Бравермана, – это было около десяти часов. Во дворе было тихо и ничто не предвещало близкую беду. Вокруг грелись на солнце люди, а базарчик давно начал свою работу, и многие возвращались с покупками. Как обычно, я взял свою метлу, собираясь подмети двор, но в это время во двор вышел Петрушкин со своим неизменным товарищем профессором. И можно ли было предполагать, что это его последнее утро?

Петрушкин улыбался – была приятна наступавшая весна. Увидев меня, он поздоровался и уставил на небо, как бы хотел обратить внимание на хорошую погоду. Когда я сам сказал ему об этом, за него отозвался тот профессор: "Плохо только, что жизнь наша не хорошая... – Но что по-делаешь, нужно терпеть и ждать, не теряя надежды!" – сказал Петрушкин. И добавил, что накануне он разговаривал с Браверманом, и тот подтвердил, что начальник жандармерии не перестает обещать: скоро все пойдут на работу и даже заработка будут неплохие!

Собираясь с мыслями, доктор умолк, и тут мы услышали выстрелы. Это были винтовочные выстрелы – на улице стреляли. Показались бежавшие в панике с базарчика люди. А за ними ворвались в гетто немецкие полицай. Я успел подсчитать, сколько их вошло: было 16 человек рядовых и с ними один офицер. Немцы быстро рассыпались по территории гетто, держа винтовки наизготовку к стрельбе. Они кричали: "Всем зайти в помещение... быстро, а то будем стрелять!"

Все побежали в свои квартиры, а кто медлил – не мог быстро бежать, на того немцы направляли винтовки с угрозой, что он будет расстрелян. Вскоре все оказались в помещениях, а возле каждой двери был поставлен часовой. Там, где я жил, было пятьдесят два человека, в том числе девять стариков и четырнадцать старух. И трудно выразить, в каком смятении находились эти люди: в одно мгновение лица у всех стали, как у покойников, а глаза бегали, выражая страх. Ведь было понятно, для чего здесь появились немцы, и нас уже ничто не могло утешить. Женщины плакали, а один набожный старик – высокий, с длинной седой бородой – стал произносить какие-то молитвы. Одна 15-летняя девушка особенно горько плакала, обняв свою мать, и кричала: "Я хочу жить!"

Между тем никто не знал, что происходит в других помещениях. А там в это время проходили обыски, как ни об-

нищали люди за последнее время: авось, что-нибудь у них еще найдется из добра... Через некоторое время часовой открыл дверь, и на пороге появился Браверман в одном нижнем белье. Он в сопровождении двух полицаяев стал предлагать нашим жильцам отдать свое золото. Когда несколько человек, покрывшись в своих лохмотьях или в разодранной обуви, достали мелкие изделия, немцы вывели нас во двор, где уже сбивалась основная масса людей.

Вокруг стояла охрана, а на подогнанные подводы грузили больных и награбленные вещи. Всем стало ясно, что наступил конец. И теперь особенно обидно было видеть в небе солнце, поднявшееся уже высоко. В общей толпе стоял и Браверман, а недалеко от него был Петрушкин со своим другом-профессором. Потом, когда стали выводить через ворота построенную колонну, доктор шел в одном из первых рядов вместе с профессором почти рядом с Браверманом. Колонна шла молча — люди не разговаривали, только иногда слышался детский плач. "Далеко вы нас погоните? — услышал я, как кто-то спрашивал у полицая. Тот ответил: километров пять. А это значило, что жить совсем осталось считанные часы".

Понимая это, автор воспоминаний предпринял отчаянную попытку спастись. Именно когда колонна медленно шла по улице, он увидел у обочины дороги собравшихся крестьян, которые смотрели на них с сочувствием. У него и зародилась дерзкая мысль: выскочить из рядов и тут же пристроиться рядом к этим жителям — как бы тоже наблюдающим. Лишь бы не заметили часовые того, что он выбежал из колонны... Это и получилось — без каких-то опасных окриков ему в спину! А крестьяне, даже заметившие это, не выдали его.

"Постояв несколько минут, я медленно стал отходить. Но все равно осознал свое ужасное положение: куда деться дальше, куда теперь идти? Ведь гетто уже нет, а на каждом шагу меня могли встретить полицейские или жандармы..."

И все же я машинально направился в какой-то небольшой переулок, где мне встретился мужчина — относительно пожилой, который сразу догадался, кто я, и успокоил меня: "Не бойтесь меня, а лучше немедленно уходите до местечка Доманевка, которое считается официальным гетто, где спокойно живут многие евреи..."

Идти туда надо было километров 25 и только в ночное время. Но все же я поступил так — воспользовался помощью честного русского человека".

Так удалось бежать от расправы в Мостовом и до середины ночи добраться к соседнему селу Лидовка. Но когда там его все же поймали попутные полицай и утром на подводе повезли назад в Мостовое, то из разговора с ними выяснилось, что накануне оттуда "всех погнали на расстрел"... Значит, со всеми в той колонне от руки немецких полицаяев был расстрелян и одесский известный врач Петрушкин.

Сам же Мармерштейн в Мостовом снова сумел бежать вместе с девушкой, запертой в жандармском застенке, где им на утро обещали "пушкат", то есть расстрел. И его собственные мытарства, не говоря уже о судьбе знатного детского врача из Одессы, — одно из потрясающих свидетельств того террора, который творил враг на территории так называемой Транснистрии.

В других уездах

ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ на карту Транснистрии вверху — на северо-западе, то там окажется один из драматических пунктов европейской трагедии — Ямполь, центр одноименного Ямпольского уезда. Его судьба предопределялась близостью территории Молдавской республики, откуда через Днестр власти перегоняли бессарабских евреев.

Об этом можно узнать из подробного рассказа Д. Г. Куничан, которая ныне проживает в Одессе. До войны она со своей сестрой жила в г. Сороки — на правом берегу Днестра, где находилось много евреев разных сословий и профессий — богачи и интеллигенция, торговцы и ремесленники. С началом войны пришлось испытать ужас от бомбежек и переправы через реку, а когда румыны и немцы заняли их городок, пришла новая беда — вышел "приказ о явке всех евреев во двор школы, имея при себе документы и ценные вещи". "Домой нас оттуда уже не отпускали, — вспоминает Дуся Григорьевна, — а вещи и документы отобрали. Среди собранных евреев искали тех, кто сблизился с советской властью в 1940 году. Вернулись те же румыны, что ушли в 40-м, и они мстили за их изгнание и унижение: с какой ненавистью они смотрели на дома и имущество, чтобы скорее этим завладеть!"

Оказывается, дедушка Куничан был почетным гражданином города, участвовал в третейских судах, его почитал даже шеф полиции и другие румынские власти до 1940 года. Но теперь "они не признавались, отводили взгляд при встрече". Более того, этого дедушки — Мойше Зильберберга, тоже ока-

завшегося в школе, вызвали вместе с другими 40 евреями из числа самых авторитетных в городе и вывезли за город. "Там их построили в щеренгу, каждому четвертому велели взять лопату и выкопать ров".

Исход был известный: "Туда повели остальных 30 человек, расстреляли на их глазах. Моему деду выпал горький жребий – захоронить расстрелянных, среди которых были и его близкие друзья и соседи". А через несколько дней всех согнали в гетто на окраине города – в квартал, где были ветхие домишко и сараи, и там содержали в нечеловеческих условиях до осени, так что "люди вымирали от голода, болезней и из-девательств".

Но вот новый этап – из Сорокского гетто в Косауцкий лес, где всех держали две или три недели под открытым небом – в дожди и на болоте, пока не начались ночные заморозки. "Полуживых достреливали, а иногда закапывали живьем". Там, в этом "Черном лесу" (название вполне справедливо!), осталась вся родня бабушки Куничан – 8 человек. А еще спополь, причем это происходило так: "На мосту стояли с двух сторон солдаты, которые отбирали остатки сохранившихся продуктов и поклаж, а сопротивлявшихся сбрасывали с моста в реку".

Тогда же вместе с ними выводили этапом из леса жителей других городов и сел Бессарабии, согнанных туда раньше. В Ямполе всех сгруппировали в большую маршевую колонну и погнали под охраной солдат с собаками на Украину – тогда уже Транснистрию.

"Сотни, тысячи обессиленных людей, – вспоминает еще Дуся Григорьевна Куничан, – двигались в неизвестные им места, оставляя на дорогах трупы измученных непосильной дорогой, голодом и холодом несчастных людей, их родных, наших близких и знакомых, которых солдаты были прикладами и пристреливали". При этом "ночью располагались на кратковременный отдых под открытым небом, а утром облизывали влагу с придорожных растений или пили воду из лишенные всяких надежд и доведенные до отчаяния и безразличия к своей дальнейшей судьбе люди передвигались скорее бы наступила конец этим мучениям".

Они дошли до села Бырловка, где их "затолкали в свинарник и бросили на погибель. Там же умер вконец измучен-

ный, истощенный морально и физически дедушка, которого раньше везли на телеге, хотя его и сбрасывали оттуда, так что приходилось подбирать на обочине дороги, и бабушке удалось договориться, чтобы похоронить его недалеко от свинарника".

Тогда еще заболела мать, но все же ее удалось спасти от смерти ("забрали к себе близживущие крестьяне и прятали на печи, пока она немного не поправилась"). И эти же крестьяне подсказали, что неподалеку, в 7-8 километрах от этого села, находится Бершадь, а там имеется еврейское поселение и община. Туда и выбрались ночью, ускользнув от своей охраны, а когда наткнулись по дороге на двух румынских солдат, сразу захотевших спрятаться с ними, то удалось откупиться от них: "Нас спасло знание румынского языка – мы вымогли пощаду в обмен на золотое кольцо, которое еще хранилось у бабушки".

В Бершади местная община приняла их с большим трудом ("так как было приказано чужих не брать"). Поселившись в хижине с тремя семьями, одна из которых была тоже из Сорок, они начали свою борьбу за выживание в этом гетто – с добыванием кусков макухи и свеклы вблизи на маслобойном и сахарном заводах. Этим преимущественно, занималась сама маленькая Дуся, тогда как ее мать, уходя в соседнее село Пилиповка – с жителями-старообрядцами помогала им по хозяйству, а бабушка вязала для селян носки и варежки, за что получала немного продуктов. "Вот так и выжили", – подытожила свои воспоминания Д. Г. Куничан.

После такой исповеди нетрудно уже представить, какие испытания еще доводилось переносить в ту пору – осенью 1941 года, когда в разных уголках Транснистрии создавались гетто. Однако до того, как попасть в "лагеря уничтожения" – Богдановку или Доманевку, а в также Печеру на территории бывшей Винницкой области, случались и самые невообразимые формы издевательства над евреями. Например, **Семен Израилевич Трейтман** из местечка Томашполь на Винничине рассказал, что тамошнее гетто было не просто огорожено колючей проволокой между вбитыми столбами, но и что на этих столбах... висели головы коз ("чтобы все окрестные жители знали, что там находится еврейское гетто"). **Эмма Абрамовна Шойхет** из Ольгополя вспоминает, как на ее глазах в гетто приползла из Балты женщина, которая "рассказала, что выбралась из ямы, где расстреливали". **Илья Соломонович Литвак**, тоже из Ольгополя, а до этого живший в Одессе, после

перенесенного в гетто брюшного тифа должен был "выгребать из казанов подгоревшую мамалыгу у соседей, а ками откапывал мерзлый бурак и картошку и сырьми ел", ком и кишечником, всю жизнь не вылезая из больниц". А Евгения Иосифовна Кержнер из местечка Теплик Винницкой области работала в свои 15 лет на... каменном карьере в Райгороде ("била молотком камни на щебенку... очень тяжело было!").

О ТОМ, ЧТО ТВОРИЛОСЬ на территории новообразованной провинции –Транснистрии могут дать представление не только воспоминания коренных жителей Одесской, Николаевской и Винницкой областей, жители Молдавской АССР или пригнанные из Бессарабии и Буковины.

В мои руки попала обширная рукопись – сценарий, написанный Н. Самсоновичем о жизни населения одного из украинских сел – Ногатовки с момента его оккупации немецкими и румынскими войсками. Автор воспроизводит живую картину происходившего, и это, на мой взгляд, позволяет во всем объеме представить то, что было с еврейским населением как этого села, так и всей Транснистрии.

Вот некоторые отрывки из киносценария "Евреи" (или "Еврейское счастье") Наума Самсоновича:

= "Заходящее солнце над Ногатовкой. С поля возвращаются работники, в том числе Рива. В отличие от крестьянок, она еле передвигает ноги. Невдалеке от жандармерии расстаются, и Рива направляется к своему дому, а вслед ей уполюкает часовой. Рива пугливо ускоряет шаг. Уже темнеет.

Придя домой, тревожно интересуется, где сын.
– Борээ с бабушкой, – отвечает Соломон.

Спускаясь с печки, Сура зажигает керосиновую лампу и причитает: мол, уже кончается керосин...

– Не причитай, старуха! – останавливает ее муж. – На наши дни, которые отмерил Иегова, карасина хватит...

В сенях стук, распахивается дверь. Входят полицаи с позывками на руках. Ставят бутылки с самогоном на стол, садятся на скамью.

Один из них – Ситник поворачивается к Соломону:

– Ну, старый, радуйся... Пришел с корешом – свататься! Все смотрят на другого – Андрющенко, потом на Риву.

– Ох, господи! – всплескивает руками Сура. – Она же мужняя жена. У нее муж Мона.

– Никаких Моней зараз вже не будет, стара...

Глоухо отзывается Соломон:

– Если б и не было Мони... все равно моя дочь за гоя не пошла бы! Да и ко всему ты еще изменник...

– Такой уж и ты преданный советам! – язвит Ситник. – А забыл, как тебя в ГПУ таскали из-за золотишка?

– Чем Гитлер – лучше уж Сталин! – выпаливает Соломон.

Ситник тяжело поднимается со скамьи, выпив из бутылки:

– Все равно... вас, всех жидов, немец пустит под нож. А я хотел спасти твою дочку и внука...

= На площади перед жандармерией огромная толпа. Люди с узлами, чеходанами, колясками, тележками, скрабом. Большинство здесь стариков, женщин и детей. Крупным планом Рива с ребенком на руках.

Серый рассвет поднимается над Ногатовкой. Толпу окружает цепь немецких солдат и полицая, вооруженных автоматами и карабинами. За оцеплением стоят русские и украинцы – жители села, пришедшие проводить своих друзей и знакомых из евреев.

На крыльце жандармерии выходит комендант Ногатовки капитан Грубер-Мюллер, с ним староста Ситник и другие офицеры.

– Евреи, – обращается к толпе Ситник. – Все вы теперь граждане Великой Германии. Ввиду этого вас решено переселить в другой регион, где вы были бы в полной безопасности от посигательств разных бандитов. А сейчас нужно выстроиться в колонну по четыре, чтобы сосчитать, на сколько человек готовить обед на новом месте...

По толпе прокатился вздох облегчения. Люди оживленно заговорили.

Когда все кое-как выстроились, комендант распорядился, чтобы вышли из строя мастера и специалисты. Ситник приближается к строю и тыкает рукой в каждого: Нуээм, Дубинский... и ты – он показывает на Риву. Некоторые препираются и их бесцеремонно подталкивают.

Комендант надолго задерживает взгляд на Риве. Потом берет у нее из рук ребенка, передает в толпу. Там его подхватывает мать Ривы – Сура. А комендант, вынув из кармана платок, тщательно отирает руки.

— Соломон, ты же знаешь, что я никуда не поеду. Разве тебе надо это несколько раз повторять?

Донесится сильный взрыв. Женщина вздрогивает и кричит с повозки:

— Что мне с вами делать, глупые евреи? Не понимаете, что вас ждет?

Молчание. Снова взрыв.

Рива торопливо кидает узел на фуру, то же самое делают и родители. Целуются. Рива взбирается с ребенком на узлы. Повозка наконец трогается. Рива оборачивается и видит, как сиротливо стоят отец и мать.

— Стойте! — на ходу начинает сбрасывать узлы, потом скакивает сама, придерживая ребенка.

Крестьянин остервенело стегает лошадь. Та взбрыкивает сзадними ногами и галопом уносит возок.

Снова взрывы. Стрельба.

Горят дома.

= Огромный дом из красного кирпича в центре Ногатовки. На фронтоне трафарет с крупной надписью: "ЖИДОВСКОЕ ГЕТТО".

На том же куске фанеры написан приказ:
"ГРАЖДАНАМ МЕСТЕЧКА НОГАТОВКА!

ВСЕХ ОСТАВШИХСЯ В МЕСТЕЧКЕ И СЕЛАХ УЕЗДА ЖИДОВ НАПРАВЛЯТЬ НА РЕГИСТРАЦИЮ В КОМЕНДАТУРУ В ТЕЧЕНИЕ 36 ЧАСОВ. КТО НЕ ЯВИТСЯ В УКАЗАННЫЙ СРОК, А РАВНО И ТЕ, КТО БУДЕТ УКРЫВАТЬ ТАКОВЫХ, БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ.

КОМЕНДАНТ ГАРНИЗОНА КАПИТАН ГРЮБЕР-МЮЛЛЕР".

К дому приближается повозка. За ней следуют несколько евреев. Позади них Ситник и один полицай. К повозке бросяется Рива, увидев в ней своего отца.

— Па-па...

Соломон протягивает ей дрожащую руку, гладит волосы Ривы. Глаза у него воспалены и слезятся, а борода шевелится от ветра.

Рива пробует приподнять его. Другие подбадривают ее. Полицай смеется, глядя на них исподлобья. А Ситник важно замечает Риве:

— Спасибо, что дали жить!"

4. ИЗ БОЛЬНИЦЫ – В ГЕТТО

ЕСЛИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ Одессы жизнь евреев, загнанных в гетто, как-то уже определилась, то в городе она проходила в обстановке полной неопределенности каждого за свой завтрашний день, за каждый предстоящий час. Ибо в любой момент оставшиеся дома могли быть изгнаны на улицу, а там была одна участь — либо путь в тюрьму, либо угон на какую-нибудь окраину, а то и внезапная гибель по прихоти встречного жандарма или просто пьяного румына. А иначе говоря, по-прежнему творился произвол.

"Евреи, погибшие в первые дни оккупации, были наиболее счастливыми из своих собратьев". Эта фраза одного из жителей Одессы того времени приводится писательницей Верой Михайловной Инбер в сборнике "Черная книга", и действительно, как она замечает с горечью, "не требует пояснения".

Мне доводилось уже говорить о том, как после террора первых дней оккупации — с захватом заложников, с уходом людей в тюрьму и к поселку Дальник, со сжиганием в артиллерийских складах и с повальным расстрелами и вешанием после взрыва комендатуры в парке Шевченко наша семья оставалась в помещении 1-й городской инфекционной больницы на Херсонской улице. Там мы пережили и первые страхи перед появившимися румынскими военными, и смерть знакомых — вроде упоминавшихся водителей, и опасность угона. Особенно тревожило, что будет с моим отцом, который был, как и раньше, неподвижным больным.

Но нас ободряла мама — по-прежнему работавшая на своем посту, несмотря на все, что происходило. Более того, ей довелось вместе с другими врачами, собиравшимися неподалеку — на углу Херсонской и Ольгинской, в одном из помещений медицинского института, решать важные вопросы. Там, где теперь размещается Израильский культурный центр, возник в ту пору своеобразный "штаб" для помощи евреям, для их лечения и снабжения продуктами, просто для учета — составления списков оставшихся. То самое, что впоследствии делалось на Слободке — в тамошней больнице, где по сути работал своеобразный "совет" — "юденрат".

Благодаря маминому участию в такой вынужденной общественной деятельности стало известно и о том, что делается вообще в городе. Как ни странно, власти действовали так, словно вокруг не было этой трагедии с еврейским населением: принимались разные постановления о наведении порядка

(уборка улиц от развалин, сжигание остатков листьев), о переписи населения – для выдачи продовольственных карточек (по домам ходили специальные чиновники!), о введении частной собственности в промышленности и торговле (открывались часовые мастерские и пекарни, парикмахерские и сапожные будки). Стала выходить местная газета, которая называлась по сути никак – “Одесская газета” (“Даже не могли своего приличного названия придумать!” – так усмехался папа, узнав об этом), и в ней появлялось все что угодно – вплоть до стихов.

Однажды, принеся ее номер – на одном листке небольшого формата (как и выходившая во время осады газета “большевистское знамя”), мама с недоумением ткнула пальцем на помещенные там объявления о частных приемах у врачей (и довольно известных – Живатова и Волосенко!). Особенно поразило меня то, что, оказывается, открылся кинотеатр... и даже где – на окраине, на той самой Слободке, куда потом нам придется попасть – увы, не для просмотра фильмов, а в новоиспеченное гетто! А брат Сергей чуть не заскрипал зубами, когда нашел в этой “Одесской газете” заметочку о том, что должен начать свою работу... кто бы только подумал? – ни более ни менее – Оперный театр. Тот самый театр, рядом с которым мы раньше жили, некоторых артистов которого я знал в лицо, а один из которых – тенор, с мягким симпатичным лицом Аяров, называвшийся даже ласково “Аярчик”, – и жил в нашем доме – 8-м номере по Театральному переулку.

– Ну, а что... что там, на фронте? – помню, осторожно спросил папа, морщась не то от своей боли, не то от такой газеты, или, скорее всего от вестей, которые он отрицал.

Это было в середине ноября, и тогда Япония еще не напала на американскую базу в Тихом океане, а Америка не успела объявить войну ей и заодно Германии. Но все равно чувствовалось, что уже весь мир охвачен пожаром, и бедный папа лишь качал головой когда я стал читать, к тому же старательно, с дурацкими школьными выражениями – либо о действиях немецких подводных лодок, либо о мобилизации в Канаде. Помню, в одном месте еще упоминалось про выступление Гитлера 8-го ноября на каком-то собрании, где тот заявил о “скромном взятии советской столицы”, а про Ленинград, якобы “сжатый в кольцо”, высказывался так: “Если этим русским нравится морить своих людей, то мы им поможем...” Конечно, все мы были подавлены такими новостями, не говоря уже

о том, что узнали: Красная армия воюет где-то под Ростовом, а в Крыму прорвана оборона Перекопа. И, выходит, Одесса находится в глубоком вражеском тылу, так что нам здесь нечего ждать какой-то помощи.

Ну, так что же, спрашивается, делать, как жить вообще в дальнейшем?

“Пока что бороться с холодом...” – так сказала наша практичная бабушка. И тогда мы стали думать, как сделать, чтобы немного утеплить ту комнату, в которой все ютились – под лестницей приемного отделения. Тут же бабушка вспомнила, что именно делали в трудное время после гражданской войны, когда тоже была разруха: топили “буржуеки” – так назывались чугунные печки с железной трубой, выходившей в окно.

И когда Сергей через пару дней приволок добытую где-то им поломанную печурку (кажется, ее дала одна из санитарок нашей больницы), то мы живо приспособили ее для обогрева. “Так еще можно жить!” – удивилась моя мама, едва из печурки не только повалил легкий едкий дымок, а и потянуло теплым духом. А когда все протиснулись к этой печурке, на которой стал шипеть поставленный чайник, так что и подумалось: имеется ли такое добро и вообще такой домашний уют у тех, кого погнали этой холодной порой за город?

И уже не считалось тягостным то, что доводилось мне с братом, – добывать воду, простую воду для питья или умывания. Надо было идти с тем же чайником или ведерком на соседние улицы – вплоть до угла Торговой и Садовой, где обычно стояла длинная очередь – от Нового базара к самому служебному входу в цирк, набирая воду из единственного источника – дворового колодца. Но разве нам еще жаловаться, если другим приходится вместо воды жевать снег на дороге, а тепло бывает лишь у костров по вечерам, когда перестают гнать по стели?

Да, так и было – относительно спокойно и даже терпимо, пока война не добралась до нас вплотную. Но вдруг однажды над нашими головами что-то запуршило и затрещало – это стала работать радиоточка, тот радиодиктор, который висел в углу каморки. Когда Одесса еще не была сдана, он изредка тоже прорывался – изрыгая какие-то призыва и бодрую казенную музыку, а теперь не сразу можно было понять, на каком языке там говорят, – кажется, даже на немецком.

Лишь на следующее утро удалось мне расслышать, что это передают из Бухареста – и даже на русском языке. То и дело

пропавший мужской голос сообщил о боях "на подступах к Москве" (значит, она все-таки не взята!), а потом несколько торжествующе назвал какой-то Пирл-Харбор, где "Америка наголову разбита" (значит, тоже вступила в эту войну!). Когда же зазвучала музыка, то папа в своем уголке не выдержал: он тихо застонал, потом замычал в такт и вскоре даже стал подпевать – кажется, арию Каварадосси. "Мой час настал – и вот я умир-а-ра-ю..." – почти завыл он своим давно не слышанным баритоном. А потом сорвался на фальцет: "Нет, я еще не умираю! И не умру... не думайте!" Так что мы удивленно обступили его, хотя раньше не раз слышали, как он по-оперы "Запорожец за Дунаем". У него, повторяю, был хороший голос – и как потом этот голос даже поможет папе!

О том, что война заденет нас, трудно было еще представить до того декабрьского дня, когда в русской передаче из Бухареста замелькало упоминание про Феодосию и Евпаторию. Оказывается, там был высажен десант... да, такой же, как раньше, в сентябре, в Одессе, и теперь,омнится, мама с папой сразу защущукались: мол, не ожидается ли и у нас такое? Ведь иначе кончилась бы эта жизнь – существование на краю гибели, когда все евреи были бы спасены...

Видно, этот вопрос горячо обсуждался и в том "штабе", куда входила мама, потому что она возвращалась оттуда за-кое-как поужинав – тем, что сумела приготовить бабушка ("картошка в мундирах, слегка подмерзлая, и горячий чай с подушечками" – любимыми конфетами кубической формы, сохранившимися с довоенной поры), взрослые даже начинали мечтать о том, что, возможно, удастся еще вернуться домой, а потом и вообще – чем черт не шутит – возвратится старая жизнь.

Так что даже начинали вспоминать, как было раньше хорошо и интересно: и ходили в кино (нашумевший фильм "Бесприданница", а то и чаплиновские "Новые времена"!), и прогуливались по бульвару Фельдмана – по его гравию, который скрипел под ногами (так что раз даже наткнулись на выходившего из гостиницы "Лондонская" знаменитого скрипача Давида Ойстраха, который едва вернулся из Брюсселя, где победил на всемирном конкурсе!), и выезжали на свою дачу... да, на собственную, а не ту, которую снимала бабушка на 7-й станции (пусть и совсем скромную – деревянную халаду!).

Воспоминания о дачной жизни особенно волновали нас. Что там было интересного: море, совсем близко пляж – в нескольких метрах от нашего куреня, а также ледяной источник, в котором бабушка держала еду в кастрюльках, чтобы она не испортилась от жары. Эту дачу, или как еще называли ее – "куренъ", папа построил до своего ареста – примерно в 36-м году, послушавшись совета своих сослуживцев – инженеров Ильенко и Никольского. С ними у него, правда, не было каких-то тесных отношений, и мы не дружили семьями, как говорится, но просто всем было приятно посидеть у самой воды – прохладной и пряно пахнущей – после хлопотливого душного рабочего дня, а то и порыбачить в свой выходной, чтобы затем поесть хрустящих жареных бычков.

Мне же там было любопытно наблюдать за дочкой соседа Ильенко – Лидой, которая хорошо плавала и обещала и меня научить. Тогда ей было 16 лет, и с ней раз даже случилось целое событие: она очутилась в воде рядом с одним важным лысым и толстым дядькой, который был в окружении двух охранников. Этот дядька обратил внимание на красивую смешную пловчиху и разговорился с ней, пока сам плескался поблизости. А она не сразу узнала, что это был Хрущев, – да, лично он, руководитель Украины, отдыхавший по соседству – в санатории имени Чкалова...

Теперь родители только покачали головами, вспомнив и про Ильенко с дочкой, и про этого деятеля – Хрущева: мол, где они все? Инженер Ильенко умер, сокрушаясь по поводу папиного ареста и даже упрашивая дочку – "беречь Сушона", а сам Хрущев... знал бы тот, в каком положении очутилась Одесса и ее люди!

Правда, Лидия все же узнала теперь, что мы здесь, в больнице, и даже стала сюда заходить. Так же, как и я, изредка выходя с Сергеем за водой, встречая на улицах кое-кого из старых знакомых или школьных товарищей. И только удивляло, что некоторые из них успели как-то пристроиться: то промышляли на базаре, а то даже ходили в школу или ФЗУ. Один из них вдруг затащил нас перекусить в "бодегу" – так назывались открывшиеся дешевые кафе, у входа в которые обычно весело гремели динамики со старыми знакомыми пластинками – вроде "Рио-Риты" или лещенковским "Чубчиком". Да, уже открыто и свободно крутили и вещи этого заграничного певца, раньше запрещенного, и иногда казалось, что вокруг даже налаживается какая-то нормальная и чуть ли не завидная жизнь. Как это сказал там, в шумной

сытной бодеге, один наш приятель, пока мы с Сергеем упирали заказанные бутерброды с пахучей жесткой колбасой (еще на советские деньги – тридцати рублевки!): “Житуха – во! Только морально... да?” Так что и побоялись рассказать дома, что с нами было на улицах и в наших душах.

НО ВОТ О КАКОМ СОБЫТИИ стало известно в это же время.

Румынские власти действительно думали о том же, о чем и мы у себя в каморке или на Херсонской – в еврейском “штабе”. О десанте, подобном тому, как было в Феодосии или Евпатории. О том, что советские войска могут высадиться и здесь, в Одессе. И о том, что их ждет – не дождется население, особенно еврейское – наиболее угнетенное.

Но власти не только думали об этом, а и предпринимали меры на случай такого десанта. Первое, что они сделали: гнали с побережья поселившихся там дачников в их курениях, вроде нашего на 10-й станции Большого Фонтана, румыны стали строить у самой воды бетонные укрепления – круглые бойницы с отверстиями для орудий и пулеметов.

Об этом я случайно узнал, столкнувшись возле Нового базара с одним парнишкой. Он не стоял за водой в очереди, как мы, а бродил среди развалик в поисках чего-то, как оказалось, водопечурку – такую же, как в нашей каморке “буржуйку”. Мол, ему с мамой приходится мерзнуть почти в такой же развалике, вообще скитаться, как бродягам. Потому что их лишили родного дома – отселили с аркадийского берега. Вместе с другими рыбаками семьями. Чтобы строить ДОТы. Вот как! Я сообщил об этом дома как главную новость.

Но самое страшное – румыны предприняли и другие меры. Из-за боязни советского десанта они решили избавиться и от тех, кто мог поддержать такой десант. “В случае русского десанта в Одессе или ближайшей местности из-за этих евреев может случиться катастрофа” – так напрямую было заявлено в одном румынском документе, о котором я узнал только после войны. Это была секретная телеграмма начальника генерального штаба румынской армии генерала Татаряну, датированная концом декабря 41-го. Она опубликована в 1949 году в книге “Одесса в Великой Отечественной войне”, во втором томе этого издания, являясь документом для понимания того, почему в Одессе гетто было создано раньше намеченного срока.

Характерно, что телеграмма генерала Татаряну, отправленная под номером 29709 (надо всем знать этот номер!) и помеченная 28 декабря 1941 г. (а если точно – 14 часами 30 минутами) с указанием места отправки – “Карпаты” (очевидно, резиденция румынского генерального штаба), – эта телеграмма содержит прямую ссылку на инициативу в таком историческом решении самого “кондуктора” – маршала Иона Антонеску.

“Господин маршал Ион Антонеску сказал: “Держать их там – это преступление. Я не желаю позорить свою деятельность недостатком предвидения!”

Там же еще дается ссылка на другое заявление этого великого деятеля – как бы развитие его соображений о злокозненных евреях и об общей военной ситуации в районе Черного моря. Оказывается, Антонеску “приказал, чтобы все евреи были немедленно изгнаны из Одессы, так как ввиду сопротивления Севастополя и недостаточного количества сил, находящихся там, мы можем ожидать внезапных сюрпризов”.

Сам Татаряну, ссылаясь на полученное сообщение из советского министерства Румынии, со своей стороны давал в телеграмме следующее указание:

“Прошу немедленно связаться с губернаторством Транснистрии, довести до его сведения вышеизложенное и совместно приступить к немедленному исполнению приказа господина маршала”.

Этот чудовищный документ, переведенный с румынского и обнаруженный потом в машинописном списке, и определил судьбу десятков тысяч одесситов еврейского происхождения. Хотя евреи и были обречены на гибель изначально как евреи.

Но мы тогда – в последних числах декабря – еще ничего не подозревали, копошивая в своем больничном убежище. О губительном решении румынского руководителя не знало и остальное население Одессы, как не знали даже многие из румынских заправил нашего города.

“Еврейское решение” маршала Антонеску совпадало с наступлением Нового года, и в те дни многие готовились как-то отметить то, что неизменно тешит людскую душу – календарный поворот жизни, сулящий какие-то надежды на перемены к лучшему. Да, разве и нам не хотелось на что-то надеяться, сидя возле печурки-“буржуеки” с кружками горячего чая и кусочками хлеба, добывшего мамой через санитарок?

Мы даже с любопытством прислушались к нашей радиоточке, откуда донеслось некое музыкальное приветствие – пес-

ние в честь Нового, 1942 года. По-румынски "сорок два" звучало так: "патру зэчъ ши дой" и это, помню, рифмовалось у них со словом "рэзбай", что значит "война". Видно, там пели про успешное окончание войны в 42-м году и пели так круто и назойливо, что у меня потом надолго засела в ушах мелодия такой песенки, а вернее танго, под которое, возможно, где-то в других нормальных условиях кто-то и танцевал...

Так записал это новогоднее танго спустя много лет мой приятель – музыкант, которому я напел кусочек запомнившейся мне мелодии. И признаться ли, что она вызывала в моей душе добрые чувства, как и надежду на то, что 42-й год – этот "патру зэчъ ши дой" в самом деле будет хорошим?

Помнится, я даже выскочил в полночь с ее наступлением из каморки наружу – на звонкий морозный воздух, в котором звучали отрывистые выстрелы, как и в тот вечер, когда румыны вошли в Одессу. Я выскочил, признаться, по нужде, но пока стоял, сунувшись почти по колено в выпавший накануне глубокий, пущистый и сверкающий, настоящий новогодний снег, вдруг забылось, в каком положении мы находимся. Да, от возбуждения я что-то и закричал, а потом мне захотелось даже запеть – от внезапных доверчивых чувств, как любил петь и папа...

Но, впрочем, нам можно было спокойно жить еще целых десять дней, пока не появился приказ – в соответствии с приказанием кондуктора Антонеску.

Приказ о создании гетто в Одессе. О конце такой нашей жизни.

ВОТ ОН, этот исторический приказ, изданный не в какой-то Тигине, по-нашему Бендерах, как раньше. Приказ, опубликованный в "Одесской газете" почему-то с задержкой – 14 января 1942 года.

Воспроизвожу его полностью – вместе с инструкцией к нему, а также сохранением стиля и грамматики.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
ДЕПАРТАМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРСТВА
ТРАНСНИСТРИИ
Приказ № 35

Я, Ион Антонеску, Маршал Румынии и Главнокомандующий Армией, при посредстве Господина профессора Г. Алексяну, Гражданского Губернатора Транснистрии, для обеспечения порядка и безопасности Армии, Администрации и населения, на основании полномочий, данных мне декретом № 14 от 19 августа 1941 года

Приказываю:

1. Все евреи, находящиеся в городе Одессе и ее окрестностях, эвакуируются из этого города и поселяются в северной части Очаковского уезда и южной части Березовского уезда, в населенных пунктах, установленных администрацией.

2. Евреи должны ликвидировать свое имущество только при посредстве контор, учрежденных при Полицейских участках, и в соответствии с установленными правилами.

3. Все оставшееся от евреев имущество будет продано населению с торгов.

Деньги, вырученные от этой продажи, будут выплачены евреям.

4. Эвакуированные евреи должны взять с собой носильные вещи, хозяйственные принадлежности и пищу.

5. В местности, куда их поместят, евреи будут жить на свой счет.

Они могут быть использованы на всякую работу для общественной пользы, на земледельческих и индустриальных предприятиях или в профессиональных мастерских, с вознаграждением пищей и содержанием в соответствии с приказом № 18.

6. Административные и Полицейские власти в местах поселений должны обеспечить доброе сожительство евреев с местным населением.

7. Эвакуация евреев начнется 10 января 1942 года в соответствии с планом, который будет установлен.

8. Господин Инспектор Жандармов и Господа Префекты Одесского Очаковского и Березовского уездов, а также Господин Прeфект Одесской Полиции уполномочены привести в исполнение этот приказ.

Дан в моем кабинете сегодня, 2 января 1942 года.

Губернатор,
Профессор Г. Алексяну.

(Приводится в орфографии подлинника)

ИНСТРУКЦИЯ
ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ ГОРОДА ОДЕССЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Для выполнения приказа № 35 относительно эвакуации еврейского населения из города Одессы и его окрестностей приказываю ниже следующее:

1. В городе Одессе создается Центральное Бюро по эвакуации,

работающее в Префектуре Полиции в 6 Районных Отделах, которые работают поочередно в каждом Полицейском районе, в порядке, указанном Центральным Бюро.

2. Центральное Бюро состоит из:

- а) Префект Одесского Уезда (Председатель);
- б) Старший Прокурор Военного Трибунала города Одессы;
- в) Префект Полиции города Одессы;
- г) Высший офицер, делегат Военного Командования города Одессы;
- д) Городской Голова.

3. Обязанности Центрального Бюро состоят в следующем:

- а) Выполнять приказ и инструкции, относящие к эвакуации еврейского населения из Одессы и ее окрестностей;
- б) Давать указания, следить и проверять работу Районных Бюро;
- в) Принимать все необходимые меры, чтобы работа Районных Бюро шла правильно;
- г) После получения докладов из Префектур Очакова и Березовки составить список сел – в районах переселения, установив количество евреев, которые будут там поселены.

4. Каждое Районное Бюро состоит из:

- а) Офицер Судебного Ведомства (Председатель);
 - б) Представитель от Нац. Банка или Министерства Финансов;
 - в) Начальник соответствующего района Полиции;
 - г) Офицер – представитель Военного Командования г. Одессы;
 - д) Два жителя Одессы, делегаты Городского Головы.
5. Обязанности Районного Бюро ниже следующие:
- а) Установить личность каждого эвакуированного;
 - б) Произвести перепись и регистрацию эвакуированных;
 - в) Произвести личный и домашний обыск;
 - г) Произвести перепись имущества, оставшегося после эвакуированных;

д) Установление стоимости и уплата в марках стоимости всех ценных предметов, задержанных комиссией.

Весь инвентарь, оставшийся после эвакуированных, сдается под ответственность дворникам.

Всякое недвижимое имущество, как жилища, магазины или мастерские, закрываются и опечатываются.

6. Разрешается каждому эвакуированному еврею взять:

а) Продукты питания, которые у него имеются; каждый эвакуированный должен иметь с собой продукты питания на время перевозки;

б) Одежду, хозяйственные принадлежности и инструменты по специальности и работе;

в) Денежные суммы в марках, принадлежащие ему, а также деньги от продажи предметов, задержанных комиссией;

г) Медикаменты и разные гигиенические принадлежности;

д) Каждому разрешено нанять за свой счет средства для передвижения там, где транспорт происходит пешком.

7. Запрещено сохранять и везти с собой:

а) Художественные произведения, драгоценности и другие ценные вещи;

б) Всякие другие деньги, кроме марок;

в) Любые Государственные и Банковские ценные бумаги;

г) Любое огнестрельное и холодное оружие;

д) Автомобили;

е) Любые взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества и вообще всякие военные материалы.

Нарушители будут наказаны по законам, установленным в военное время.

8. Драгоценности, ценные вещи и иностранные деньги будут покупаться специально учрежденным Бюро.

9. Очаковская и Березовская Префектуры должны:

а) Обследовать деревни в районе переселения;

б) Установить возможности размещения;

в) Обследовать и установить маршрут, а также населенные пункты, где будуточные остановки.

Они сообщат обо всем Центральному Эвакуационному Бюро Одесской Префектуры.

10. Префектура Одесского уезда, Одесский Городской Муниципалитет и Одесская Префектура Полиции должны по-заботиться о реквизиции и предоставлении в распоряжение эвакуируемых необходимого транспорта для стариков, женщин, детей и багажа.

Составленные партии будут руководиться полицейскими чинами, количество которых будет зависеть от величины партий. Охрана будет меняться на каждой ночной остановке.

По приходе на место назначения конвои будут приняты Уездными и Сельскими властями, которые их будут размещать по местам.

11. Эвакуация евреев будет производиться пешком до станции Одесса-Сортировочная. Для стариков, женщин, детей и багажа будут предоставлены Городской Управой и Полицейской средства передвижения, согласно вышеуказанного распоряжения. На станции Одесса-Сортировочная эвакуируемые под стражей будут посажены в поезд и отвезены до Березовки. От Березовки они будут продолжать путь пешком; для стариков, женщин, детей и багажа будут предоставлены подводы, реквизированные в округе Префектом данного уезда.

12. никто из евреев не имеет права брать с собой груз более 25 килограммов багажа, состоящего из вышеуказанных предметов. Если они имеют больше, то им предоставлено право взять его своими собственными средствами в местность, куда они переселяются.

13. Всякому еврею запрещено оставлять назначенное ему местожительство без специального разрешения Уездного Префекта. Всякий еврей, найденный в ином месте, чем то, которое указано в разрешении, будет считаться шпионом и будет наказан в соответствии с законами военного времени.

14. Внутренняя организация для руководства и администрации поселениями евреев предусмотрена приказом № 23.

15. Для выполнения в данных условиях эвакуации евреев командируются на все времена эвакуации, для проверки и наблюдения Господин Полковник Петала, Инспектор Жандармерии, и Господин К. Чиурния, Генеральный Административный Инспектор.

16. Эти указания будут переведены на русский язык и опубликованы в "Одесской газете".

Губернатор,
Профессор Г. Алексяну.

Да, основательно поработала бюрократическая машина оккупантов – чиновники, как бы оправдавшие свое двойное жалованье “для обеспечения порядка и безопасности!”

Но, спрашивается, сработала ли их тщательная разработка переселения большой части городского населения? Так ли все разумно было на деле?

По этой скрупулезной разработке следовало занять немалый аппарат исполнителей – от “Господина Инспектора Жандармерии” до “Господина Городского Головы”, а то и его “делегатов” – двух жителей... Ну а это лицемерие с ликвидацией еврейского имущества “при посредстве контор...” и даже с “выплатой денег от этой продажи!” Но кто видел их – и такие конторы, и тем более деньги? Или упоминание о дворниках, которым “сдается под ответственность” имущество угнанных. Не говоря уже о заботе с подводами “для женщин, детей и стариков”. А такое издевательство, как обеспечение “доброго сожительства евреев с местным населением” – после всех расправ по пути или на месте прибытия! Или забота об “использовании на общественной работе” и даже о “вознаграждении пиццы и содержанием”.

Характерно и то, что в деле ограбления евреев открыто приглашались чиновники из румынских финансовых органов – как бы в продолжение одного из приказов еще в ноябре 41-го про изъятие драгоценностей... С другой стороны, не скрывалось заранее, что угоняемые будут находиться под охраной, а особенно гнусно выглядело определение “шпионом” всякого, кто покинет свое место проживания.

Позорные и преступные “уши” грабителей и убийц торчали почти из каждого пункта или параграфа документа за подпись губернатора Транснистрии Алексяну!

Замечаясь также по прочтении его приказа и инструкции то, что он был опубликован не сразу после подписания, а спустя почти две недели. Неужели столько времени понадобилось для перевода текста на русский язык? Как показывает простой опыт, перепечатка этого текста на пишущей машинке занимает не больше часа, а перевод, пусть и малоопытным специалистом, занял бы целый день.

Но, видно, власть была заинтересована в том, чтобы сперва погнать людей из их домов – совершив свою “историческую миссию” без всякой юридической формы, а лишь потом, этап вдогонку, сообщить этим людям, что они имели какие-то права, когда многие из них, вероятно, уже замерзали по пути на Слободку в гетто, а то и были подстреляны при попытке бежать оттуда через колючую проволоку.

Не предназначался ли вообще губернаторский приказ с инструкцией только в качестве красивого документального

прикрытия "для истории" – на будущее, когда потомки будут копаться в этих событиях?

Так, например, я сам по-новому взглянул на иные положения этих документов. С одной стороны, там с самого начала предусматривалось расселение евреев в Очаковском и Березовском уездах, а гетто на Слободке оставалось лишь условием такого расселения – для сосредоточения в одном месте будущих поселенцев перед их этапированием.

Но ведь до начала всей операции – с возникновением ее идеи в голове "предусмотрительного маршала" и разработки целых 15 пунктов с кучей подпунктов губернаторской инструкции – будущие жертвы ничего такого не предполагали. Для нас, евреев Одессы, это Слободское гетто представилось как бы единственным вариантом нашего будущего, стало завершающей стадией тех мытарств, которые были уготовлены врагами, вообще последним привалом после предыдущих угонов, этапов и расправ.

Вон даже в другом румынском документе – том приказе, который явился непосредственным толчком для ухода в гетто всего еврейского населения Одессы, ничего не было сказано про будущее расселение по каким-то уездам и тем более – о трудовой жизни там, пусть и "под охраной". Хотя, с другой стороны, в той "эпохальной" инструкции не было ничего на счет будущих прав ссыльных евреев – вроде того же "общественного совета", иначе – "юденрата", о чём уже заходил разговор раньше.

Не потому ли губернаторские чиновники не удосужились пообещать евреям те права, которыми пользовались наши со-племенники в Восточной Европе – Польше или Чехословакии (где "юденраты" были узаконены и действовали на полный ход), что заранее знали о нашей гибельной части, о том, что мы ненадолго загоняемся туда – в пограничные уезды Транснистрии?

Конечно, можно допустить, что чиновникам Транснистрии было не до детальных разработок будущего устройства евреев из Одессы между Очаковом и Березовкой. Но настораживает и явная стыдливость в публикации даже этих данных – про последующее переселение из Слободского гетто. А, скорее всего, мысль о переселении пришла к ним позже, и сперва было одно стремление: согнать одесских евреев в одно место – на Слободку.

Да, кстати, заметим, что губернаторский приказ с инструкцией вышел позже военного приказа о гетто. Сперва же

появилось то, что было расклеено на афишных тумбах до опубликования в "Одесской газете".

А именно – этот взбудораживший всю еврейскую Одессу приказ.

Приказ за подписью генерала Тибериу Петреску и военно-юриста. Краткий приказ со ссылкой на губернаторский – за № 35/942 и индекс.

Хотя последний, повторяю, был еще не известен всему населению.

Вот он, зловещий приказ про гетто:

"Ст. 1. Все без исключения евреи, находящиеся на территории города Одессы и его окрестностей, интернируются в гетто на Слободке, куда и обязаны явиться в течение 3-х дней, начиная с 10 января 1942 года, с 8-ми часов утра".

Как видим, тон этого приказа жестче губернаторского. Здесь речь уже идет не об эвакуации, а об интернировании.

А следующая статья 2 приказа так и начинается со слов: "Интернируемые в гетто евреи", с перечислением уже известных предметов и вещей, в том числе драгоценностей и денег.

И уже совсем по-военному: "Запрещается евреям брать с собой в гетто: мебель, легко воспламеняющиеся или взрывчатые вещества, могущие служить средством поджога или минирования зданий".

Статья же 3, посвященная сдаче оставленных квартир и имущества в них, начинается без обиников: "Направляясь в гетто..." – не то, что с расплывчатой "эвакуацией" у губернатора!

Зато еще более категорично и сурово, если не сказать – устрашающе, излагаются последующие статьи приказа за подписью генерала Петреску:

Ст. 4. Управляющие домами и смотрители домов, а также всякий гражданин, знающий какого-либо еврея, не являющегося в полицейский участок или не явившегося в гетто в вышеуказанный срок, или еврея, который под фальшивыми документами скрывает свое еврейское происхождение (изменяв имя, национальность и религию), – обязаны немедленно заявить о том в письменной форме в районный полицейский участок (стол военной юстиции), указав место, где скрывается такой еврей.

Ст. 5. Лица, которых касается содержание ст. 1 и которые нарушают распоряжение, изложенное в ней, будут подвергнуты смертной казни, если будет установлено, что они упорствуют в подчинении настоящему приказу с целью ока-

зания помочи врагу; во всех других случаях наказание будет заключаться в осуждении на каторжные работы сроком от 5 до 25 лет".

Так же строго должны быть наказаны каторжными рабочими от 5 до 10 лет те, кто будет "укрывать, принимать к себе на квартиру или каким-нибудь другим способом помогать евреям в уклонении от интернирования в гетто или... не сообщать о них властям". Это же наказание предусмотрено "евреям, нарушившим указанную статью", то есть за попытку "укрыться". И дальше: "В случае возникновения пожаров или взрывов виновные будут подвергнуты смертной казни".

Характерно, что военные власти грозились судом даже в более безобидной ситуации, предусмотренной статьей 8 этого приказа, — при нарушении сохранности еврейского имущества или его порчи "с ведома хозяев или без их ведома".

Последняя, 10-я, статья приказа предписывала издание приказа "на румынском, немецком и русском языках". (Справивается, а почему бы и не на еврейском, как это делалось в других местах расправ с евреями — в Польше или даже в Буковине?). Ведь здесь их было не меньше, чем там!

Приказ также публиковался "путем расклеивания на улицах, в гражданских и частных учреждениях". А входил в силу "со дня его опубликования и расклеивания". И это действительно было в точности соблюдено.

Под приказом, кроме подписи генерала Т. Петреску и военного юриста подполковника К. Солтана, стояла дата: "10 января 1942 г."

Что и говорить, это был черный день в истории евреев Одессы.

ВСПОМИНАЕТСЯ: тогда выдался вполне нормальный день. С утра было пасмурно, но безветренно и тихо. А к обеду стал сыпаться легкий снежок — эстак по-зимнему вполне уютно!

О том, что на улицах появился какой-то новый приказ о евреях, я узнал только после обеда. "Обед" — такого, впрочем, тогда не происходило, потому что мы просто перекусывали тем, что приготовила бабушка.

Но когда явился Сергей, куда-то ходивший за продуктами, и сообщил о появлении на столбах приказа, вокруг которого толпятся люди, мы оторопели. Сразу стало тягостно на душе, хотя к приказам уже как-то привыкли и даже не всегда на них обращали внимание.

"Вот... дождались!" — помню, в сердцах сказала бабушка,

тут же перейдя к своим делам. Потом она заметила, что как раз суббота — особый день для верующих евреев.

Да, вот, мол... какое наказание пришло в этот день, как сделали враги! Действительно, устроили Судный День!

Но еще трудно было сообразить, что с таким приказом кончалась вся наша тогдашняя жизнь — с приютом в больничном помещении, с маминой работой, которая не прекращалась, что бы ни происходило, и даже с папиным неподвижным лежанием... кстати, что с папой было теперь делать? Об этом стали вслух думать в первую очередь, и сам папа — там, в своем углу, на койке, только досадливо поморщился: "Вот еще гембель на вашу голову..."

Да, как бы там ни было, ведь мы привыкли даже к такому скромному и чуть ли незаконному существованию — на территории городской больницы, где продолжалась своя жизнь — с врачами и сестрами, с санитарками и даже уборщицами, не говоря уже о больных — то ли оставшихся от осадной поры, то ли новыми — за последние недели, а то ли из числа пленных раненых. Впрочем, все это должно было оставаться без изменений — во главе со знаменитыми деятелями медицины вроде Скrocкого и Коровицкого. А только мы — наша семья, всего несколько человек, должны были уходить отсюда.

"Но куда... куда, спрашивается?" — с надрывом, даже заламывая руки, заговорила мама, когда вечером при свете догоравшей свечки (похоже, и ее существование здесь кончалось!) взрослые стали обсуждать наше положение. Раньше мама держалась, как всегда спокойно — рассудительно и строго, взвешивая разные обстоятельства, так что даже немного суетливая бабушка слушалась ее, подчинившись такому порядку, но вот теперь она не выдержала. И хорошо еще, что теперь папа не подкачал, каким ни безнадежным и просто неопределенным казалось его положение — что называется, лежачего...

— А я никуда и не собираюсь! — отозвался он из своего угла. — И пусть кто-то попробует меня отсюда вынести...

Эти слова, пусть и в привычной для папы бодрой, даже шутливой форме, как бы сами собой предопределили его будущее. Действительно, куда ему деваться и где дальше быть, если не оставаться здесь же — как больному? И мама решила, что поговорит с больничным начальством о его дальнейшем устройстве. Об остальных: бабушке и своих сыновьях она словно и не думала поначалу. Авось, как-то решится само собой, что делать...

Хотя, собственно говоря, тут мудрить не приходилось. Приказ есть приказ – уходить в течение трех дней... и оставалось лишь собрать вещи. Чем мы и стали заниматься с утра на другой день под командой бабушки.

Признаться, это невозможно было еще представить: мы куда-то уходим... пусть это вроде бы и совсем близко – на Слободку, видневшуюся даже из некоторых окон больницы. Украина, казавшаяся издали этаким скоплением за железно-дорожной насыпью маленьких домов в зеленых зарослях, без единой заводской трубы, а лишь с куполом небольшой церкви. И даже идти туда недолго – минут 10 по узкой дорожке направо и вниз от Херсонского спуска, с горы, называемой почему-то горой Юлиуса – с зарослями по бокам и с “копанкой” – ручьем чистой, вкусно искривившейся воды из под камней прямо у дорожки. Изредка попадая туда, я только любовался местностью вокруг, ни за что не предполагая, что теперь там будет. О, этот наступивший 42-й год, воспетый по радио и суливший нам пугающую неизвестность!

Но кто, Господи, думал о нынешних превращениях нормальной жизни? Вон мама явилась вечером еще больше расстроенная и не из-за разговора с начальством больницы о папе. Да, там не возражали, чтобы его поместить в одну из палат к обычным больным, и это можно сделать даже завтра.

А что больше всего подействовало на маму – посещение того здания на Херсонской угол Ольгиевской, где находился своеобразный “штаб” врачей из медицинского института и больницы. В нем, оказывается, уже почти никого не осталось: многие тоже собирались уйти на Слободку, в будущее гетто, а одного или двух успели забрать румыны из дома. “Кончился наш “штаб”... – так сокрушенно заявила мама. – И кто теперь будет руководить? Кто поможет всем?”

Насколько тяжелым было это событие, я понял лишь спустя много лет, когда прочитал о нем в упоминавшейся брошюре профессора С. Борового. Вот что писал в послевоенные годы Саул Яковлевич в своем известном очерке “Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации”:

“В эти трагические дни в городе были сделаны попытки организовать еврейскую общину. Один из очевидцев рассказывает: “Существование общины (хотя правовое положение ее было весьма сомнительным) имело некоторое значение для евреев. Община помещалась на Ольгиевской улице угол Пастера. Сюда входили отдельные, с опаской пробирающиеся, прижимаясь к стенам домов, евреи и еврейки за содей-

ствием: по улицам ходить евреям было опасно. Правда, многим община на этот раз оказала содействие, но недолго. Спустя несколько дней община приходилось в изнеможении разводить руками...”

Увы, я сам видел, как моя мама буквально разводила руками – на все вопросы папы о том, что же там теперь осталось! Так же, как больше ничего не оставалось от нашего уголка здесь, под лестницей приемного покоя.

Ничего не осталось, когда мы окончательно выбрались оттуда.

Что было в Слободском гетто

ДА, МЫ ОСТАВИЛИ там все: и нашу “буржуайку”, которая как-никак обогревала нас, и даже репродуктор “Рекорд”, пусть это и был какой-то источник новостей в то смутное время. А папину койку вместе с ним самим еще накануне унесли два санитара – из наших пленных, которые выздоравливали и могли передвигаться.

“До встречи в Театральном переулке!” – так крикнул нам папа, не теряя бодрости духа даже в таком положении. Хотя, конечно, тогда мы не предполагали, что не всегда сумеем как-то повидаться с ним, находясь на Слободке. И спасибо, что нашлись другие – бескорыстные и бесстрашные помощники, заменившие впоследствии нас рядом с ним.

Выбрались же мы в свой горестный путь со всем грузом, который могли прихватить. Это было среду – в тот самый день, когда в “Одесской газете” появился пресловутый приказ губернатора Александру с инструкцией к приказу о том, что именно мы должны или не должны делать.

Правда, только спустя лет 50 я смог увидеть номер этой газеты, чтобы ознакомиться там с нашими обязанностями и какими-то правами. Как говорится, “лучше позже, чем никогда”... Ну и что теперь показалось мне там, как ни странно, привлекательным? Что происходило в мире той порой?

На первой странице был фотоснимок Гитлера в военной форме. Фюрер стоял весьма браво, подбоченясь и глядя в пространство безумными глазами. А надпись над его головой гласила: “Я знаю только победу”. Вот уж, что называется, лучшей насмешки теперь над ним не придумать! Но знали ли мы тогда, что все обернется наоборот? Да, правильно говорят о тех, кто смеется последним...

Теперь я могу и представить, как мы выглядели со стороны

– группка из двух не очень молодых женщин и двух мальчишек, тащившихся по заснеженному тротуару с баракхом в руках и на плечах. Конечно, идти пришлось не по горе Юлиуса, тогда заваленной камнями после бомбёжек и с зарослями сухого бурьяна, а узкими улочками к Сенному садику – тоже с заваленными хламом аллейками. И мы там были не одни, а сразу присоединились к кучкам других с узлами и чемоданами. К другим евреям, тоже подчинившимся приказу об уходе на Слободку, об "интернировании".

Обо всем том, что происходило тогда – в середине января 1942 года, вспоминали многие одесские евреи, и можно уже сказать, что такое описание стало даже традиционным – как и упоминание о начале войны 22 июня 1941 года.

Да, почти каждое заявление, направленное в Ассоциацию жертв узников гетто и фашистских концлагерей, сопровождается этой фразой об уходе в Слободское гетто после 10 января: "Когда вышел румынский приказ, мы покинули свой дом..." И еще: "Сильный мороз, но мы вынуждены были собрать вещи и пойти, как на верную смерть..." Или: "Был самый страшный момент в жизни – уход на Слободку, где нас никто не ждал, а вернее – ждала полная неизвестность, если не верная гибель..."

Вот что пишет теперь бывшая студентка музыкалиша **Ида Львовна Шкраб** (по мужу **Нудельман**): "10 января 42 г. мы втроем, т. е. мать, золовка и я, по приказу отправились на Слободку. Мать передвигаться не могла: от всех переживаний у нее отнялись ноги, и ее водрузили на подводу, на которой лежали узелки или вещмешки соседей". Пишет **Изабелла Исааковна Борщевская (Пелиновская)**: "...оккупанты издали приказ, по которому все оставшиеся в живых евреи были согнаны на Красную Слободку. Многие не дошли до Слободки. На улицах было много окочневших трупов стариков и младенцев. Стояли лютые морозы – минус 30-40 градусов. Мы – я и мама пытались бежать..."

Оставили свои горестные воспоминания и те, кто встречал угонявших евреев на этой окраине Одессы, – жители Красной Слободки, как тогда она называлась. И тут мне хочется обратиться к запискам моего литературного помощника **Владимира Михайловича Гридина**, которого я уже раньше цитировал. Он вспоминает следующее:

"Это началось под вечер, незадолго до сумерек, и многие слободские жители еще не знали, в чем тут дело, видя направлявшиеся по их улицам фигуры с прихваченным до-

машним скарбом – явно бездомные и неприкаянные. Когда к ним подходили с расспросами, то некоторые обреченно качали головами: вот, мол... что им давно угрожало "за грехи"! Но большинство еще довольно деловито устраивалось, тут же наложивая какой-то контакт с жителями и даже перебираясь к ним на квартиры. И не сразу обнаружили, что назад пути нет: по тем улицам, которые вели из центра города к этой окраине, стояли румынские патрули – вооруженные карабинами жандармы в защитных шинелях с синими повязками на рукавах и малиновыми нащитами буквами "J. M." – "жандармерия милитэрз" ("военная жандармерия"). Патрули топтались на выпавшем снегу и из-за хватавшего за ноги мороза возле узких проходов, оставленных между рядами свеженатянутой колючей проволоки, и то и дело подгоняли заходивших в эти проходы евреев: "Гай...Рэпэдэ!" ("Быстро!"), но назад их не выпускали. Оказалось, что пропускают туда – к центру только слобожан и вообще тех, у кого в паспорте не обозначено в графе "национальность" слово "ЕВРЕЙ".

Об уходе одесских евреев в это злополучное слободское гетто писал, как уже сказано, знаменитый писатель Валентин Петрович Катаев. В его трогательном рассказе "Отче наш". О судьбе молодой еврейки и малолетнего сына, старавшихся избежать угона из города и в конце концов погибших, есть такие штрихи трагического пути на Слободку:

"Евреи двигались в гетто со всего города по крутым спускам, толкая перед собой тачки и ведя за руку закутанных детей. Среди домов и деревьев, покрытых инеем, они шли один за другим, как муравьи..."

Правда,уважаемый автор этого рассказа не описывает, что же было непосредственно на территории гетто, когда несчастные заходили за колючую проволоку, опоясавшую его. Он даже, повторяю, ошибся с местом, куда сгонялись евреи "со всего города": "Гетто было устроено на Пересипи", тут же давая свою характеристику этой "скучной, низменной части города, где на уровне моря стояли обгоревшие нефтяные цистерны, похожие на палатки бродячих цирков". Заблуждение, в которое был введен наш земляк, когда ему, по его словам, "рассказали... эту историю" и когда он "года полтора носил ее в себе". Видимо, и неправильно рассказали, и что-то подзабылось за время творческого вынашивания такого рассказа...

Об угоне евреев и именно на Слободку было написаны

также стихи, к тому же не одним автором из числа упомянутых. Вот, например, что я нашел в воспоминаниях **Ефима Ильича Нильвы**, моего коллеги по работе в Ассоциации евреев – жертв гетто и лагерей:

*Был грустный день. В подводе
С охраной небольшой,
С винтовками на взводе
Везли нас на покой.
Везли нас по Еврейской,
Затем по Слободской.
Хотели иудейский
Народ в хомут впрочь свой.
Приехали. Слободка.
Зabor, дома, охрана...
А для меня находка!
Быть может, очень странно?
Хожу по коридорам,
Ищу знакомых где-то.
При виде же заборов,
Я понимаю: гетто...*

Или вот что еще писал о том, как возникало гетто, М.Гридин: "Некоторые замедляли шаг уже на подступах к железнодорожному мосту, который тянулся у Суконной фабрики, потому что там дорога шла вгору. А когда все же проходили под этим мостом, где стояли жандармы с карабинами у проволочного заграждения, то нередко сразу сваливались тут же на снег. Дотянувшись до первых домов на этой улице – Городской (до войны им. Сталина) часто пристраивались под окнами и вскоре начинали стонать – от холода и страха, от наступившей темноты и сознания своей обреченности. Старики нередко читали молитвы, вскинув бороды вверх, как на рисунках Марка Шагала, а старухи, прикрыв заплаканные красные глаза, просили смерти..."

Кроме этого входа между столбами с колючей проволокой у Суконной фабрики (тоже носившей до войны имя Сталина), были оборудованы и другие входы в Слободское гетто, в том числе со стороны Дюковского сада, по дороге Новинского. Это была безлюдная, глухая местность с остатками трамвайной колеи, полузасыпанной снегом, и с мусорной свалкой за обоими тротуарами, где взлетало и жутковато каркало воронье. И именно там мы шли за нашей тачкой вместе с другими городскими жителями – тоже под мост, у которого справа громоздился полуразвалившийся корпус нового сероватого

здания с черными, зловеще зиявшими окнами, кое-где обугленного от пожарищ и с остатками белых наклеек крест-накрест – еще со временем бомбежек минувшей осенью.

Туда – в помещение бывшего общежития Водного института – мы попали, чтобы провести в нем почти полгода. И это считалось, пожалуй, самой благоприятной обстановкой для таких, как мы. Примерно такие же условия были у тех, кто очутился в другом помещении – на Суконной фабрике, в ее цехах и канторах, хотя там тоже успели все разграбить и исчезнуть.

Остальные же пригнанные евреи разместились по всей окраине – Красной слободке, называвшейся еще в начале революции Рыковкой (в честь тогдашнего, после смерти Ленина, председателя Совнаркома), а до революции – Романовкой (как это ясно, в честь царских правителей).

Там была сосредоточена основная масса евреев – кто на частных квартирах, кто в бараках. И оттуда же в первую очередь стали угонять на этап.

Как и предусматривалось приказом Алексеину – для вывоза под Березовку.

О том, что выпало этим людям, рассказывают многие.

ОДНА ИЗ РАССКАЗЧИЦ – известная писательница, уроженка Одессы Вера Михайловна Инбер. Тоже на основании воспоминаний очевидцев, как и ее коллега по перу В. П. Катаев, она писала:

"Уже к вечеру первого дня на улицах Слободки валялись группы замерзших. Раздавались вопли людей, изгоняемых из Одессы лагеря смерти. Слободка превратилась в гигантскую ловушку, скрыться было некуда. Везде румынская жандармерия и полицейские.

Одни шли сами, других вели их близкие, третьих несли на руках. Лишь немногие имели счастье умереть на своей постели. Но помещений не хватало. Люди толпились на улицах. Больные стонали и валялись прямо в снег. Румыны топтали упавших пощадами. Раздавался плач замерзших детей. Крики ужаса, мольбы о пощаде".

Вот другое авторитетное свидетельство, собранное тоже по рассказам очевидцев, – уже упоминавшегося здесь профессора С. Я. Борового:

"Итак, Слободка стала заполняться евреями. Размещались они в условиях невероятной скученности. Некоторым удалось устроиться на квартирах у обывателей. Одни давали

евреям приют из сострадания, другие сделали из этого источник наживы и обогащения. Многие в эти страшные морозы оставались под открытым небом.

В первые же дни запасы продовольствия, которые люди взяли с собой, были съедены, и начался голод. Лишенные права выходить за пределы Слободки, евреи вынуждены были приобретать продукты по баснословным ценам. Некоторым вечерами в темноте, оплачивая часовых, удавалось отлучиться на несколько часов в город и оттуда доставлять продовольствие. Некоторым друзьям и родные – не евреи – привносили из города передачи.

Власти позаботились о том, чтобы сделать положение евреев совершенно невыносимым. Чтобы не дать им возможность приобретать продукты на Слободском рынке совместно с другими жителями, был издан приказ, по которому евреям запрещалось появляться на улицах до 12 часов дня. А базар для евреев должен был начинаться только с 12 ч. 30 мин. дня.

Свои свидетельства как очевидец всего происходившего Владимир Гридин публиковал в отдельных очерках. Так, газета "Одесский вестник" поместила его воспоминания о том, как одна еврейская семья поселилась в доме, где он жил. Туда, на Наличный (ныне Латвийский) спуск, эту семью привела с другого конца города – с Базарной (ул. Кирова), из дома № 3 (ныне наполовину разобранного под новую застройку) подруга его матери. В этой семье, разместившейся в летней кухне – неотапливаемой и тесной, была девушка – студентка консерватории, пианистка, и она по вечерам общалась с 17-летним Гридиным в его квартире, рассказывая о своей прошлой жизни. Тогда он знал только ее имя – Руна и лишь спустя несколько десятков лет, посетив дом на Базарной, где она жила, узнал фамилию: Гофман (что позволило заполнить карточку о ней для института Яд-Вашем).

Тогда же в квартире В. М. Гридина – в отдельной комнате – проживал старый человек – профессор вместе со своей сестрой. В беседе со мной Владимир Михайлович рассказал, что этот профессор по фамилии Мирлис был с улицы Франца Меринга (теперь Нежинская, как и до революции), что он являлся филологом и взял туда с собой ряд своих рукописей и даже пишущую машинку с латинским шрифтом.

Седовласый грузный человек, он с трудом передвигался даже по квартире – не в пример его тоже немолодой сестре, довольно активной особе, отличался немногословием, явно

удрученный своей судьбой. И когда уходил на этап, то оставил молодому хозяину этой квартиры несколько своих книг, в том числе сборник стихов немецкого поэта, приобретенный перед войной в букинистическом магазине за большие деньги (что было видно по штампу на обложке – 400 с лишним рублей), а также рукопись с просьбой передать ее в научную библиотеку им. Горького. Эта рукопись профессора Петра Мирлиса вскоре пропала, затерявшись в общей суматохе, а латинская машинка – в обмен на продукты для него с сестрой – была передана руководству Одесской консерватории, тогда начинавшей свою деятельность (через мать Гридина – Антонину Николаевну, родную сестру директора этой консерватории – профессора Н. Н. Чернинского).

Мой коллега по работе над этой книгой также вспоминал о своем школьном соученике – Марке Герценштейне, который, сперва побывав в Одесской тюрьме, где у него, как тот жаловался, "от сухарей стали кровоточить десны". Даже будучи сильным и ловким, спортивного типа юношей, он дошел в гетто до положения инвалида, которого пришлось увозить на этап в повозке. "Последняя повозка из гетто" – так и назывался гридинский очерк в газете "Одесский вестник", и это тем более потрясало, что вскоре там была помещена заметка с довоенной фотографией Марка на одном из одесских довоенных пляжей: беспечный и улыбающийся, в одной майке, он стоит рядом со слободским приятелем – тоже простецким, в такой же майке и так же невинно улыбавшимся. Этого приятеля впоследствии ждала совсем другая – благополучная и даже сногшибательная судьба: то был будущий руководитель КГБ СССР, член политбюро ЦК партии при Брежневе и Горбачеве – В. М. Чебриков. Поистине, неисповедимы пути если не Господни, то житейские в нашем мире!

На глазах Владимира Михайловича разворачивалась драматическая ситуация и с его другими школьными коллегами-евреями. Так, при нем была задержана прямо на главной улице – Городской ученица 9-го класса 76-й школы Эмма Шварц, выданная одной из школьниц прямо руки проходившего мимо комиссара Слободского отделения полиции капитана Манжеску. Лишь ее характерная внешность – светлые волосы и голубые глаза – помогли ей выдать себя за... немку, а потом и благополучно дожить до освобождения города (правда, под опекой приютившей ее русской соученицы Елены Мельниковой). Но не удалось воспользоваться немецким "аусвайсом" браком соученику, как Григорий Бурда с его матерью и

тиком, и только за большую взятку он спасся, перебравшись позже в сельскую местность, а остальные члены его семьи погибли.

В. М. Гридин вспоминает также, что одним из тех мест, где евреи как-то перебивались, пока их не угнали на этап, был дом на Лавочной улице, — там, где раньше, еще до революции, находилась слободская синагога. В этом доме поместились преимущественно богатые евреи, которые могли себе позволить (“перед смертью, так и быть...” — как они говорили) даже вкусную пиццу (якобы чуть ли не специально испеченные для них торты—“наполеоны”!), а поедали все это со слезами на глазах...

Что еще вспоминает этот свидетель про использование личных сбережений евреев. Они шли на взятки, собираемые колективно, а не поодиночке в каждом отдельном случае притеснения со стороны румынских жандармов. Это происходило, когда начались массовые этапы из гетто — в район Пересыпи и дальше — до станции Сортировочная. Об этом я расскажу ниже, а сейчас лишь опишу как это, со слов моего литературного коллеги, делалось.

По домам, где размещались еврейские семьи, ходили “свои” же — евреи, так называемые “сборщики”. Они были как-то связаны с румынами — этими “J.M.”, у которых узнавали распорядок проведения этапа: какая именно улица предназначена на завтра к угону на Пересыпь. Собирая деньги у таких “приговоренных”, сборщики потом передавали деньги румынам — и это обеспечивало отсрочку угона на некоторое время.

Конечно, рано или поздно такая угроза возникала снова, потому что этапы были неизбежны, но людей успокаивала даже небольшая отсрочка — в ожидании спада морозов или просто каких-то послаблений.

Ведь человек всегда склонен надеяться на лучшее! Но на этом, к сожалению, паразитировали не только жандармы. Были случаи, когда сборщики взяток... присваивали собранные деньги. Казалось бы, невероятный и страшный парадокс тех событий!

В КНИГЕ Д.З. СТАРОДИНСКОГО рассказывается, как проходил последний путь угоняемых евреев со Слободки на Пересыпь, и в этом он тоже находил парадоксальные особенности, которые трудно себе представить...

Нет, это был не путь пешком — от злополучного моста на

Городской улице вдоль железнодорожной насыпи по засыпанной снегом трамвайной колее к другому мосту — Переяславскому, где раньше проходил другой трамвай — 20-й, как это описывает В. Гридин в своей повести “Мальчик с Красной Слободки” — о том времени. Впрочем, там же он описывает, что его героиню — тоже по имени Рунечка, как и в жизни, — гнали в колонне под порывами снежных вихрей не под эти мосты, а вдоль слободского базарчика — видимо, к той же школе, где готовилась отправка. И его герой Шурика, как и самого автора, тогда огrel палкой по спине сопровождавший эту колонну часовой в высокой заснеженной папахе (он даже пригрозил: мол, сам пойдешь туда — в колонну с ними!) за то, что он бросил обреченной пианистке буханку белого хлеба, купленную наспех по ее просьбе.

А с автором “Одесского гетто” Давидом Стародинским в местной школе было иначе.

“Ждать отправки долго не пришлось. Во второй половине дня подъехало несколько десятков подвод, и нам велели грузиться. За предоставленный нам транспорт мы должны были платить.

Процессия растянулась по улицам. Жители Слободки стояли на тротуарах и провожали нас молчаливыми взглядами. В целом это напоминало грандиозные похороны немногих сотен живых людей.

Некоторые жители Слободки подносили к подводам всякую пищу и продавали ее. Продавали даже домашние пирожки и, как ни странно, обреченные на смерть люди покупали их...”

Так же, как ни странно, тогда — уже по пути по Московской улице — угоняемому без матери 18-летнему юноше довелось в последний раз встретиться со школьной подругой. Вот как прошла у Давида эта встреча:

“Здесь я увидел Люду с матерью. Они вышли в надежде встретить меня. Я слез с подводы и пошел пешком. Фактически охраны не было, и я мог свободно идти с Людмилой, а мать ее шла несколько сзади.

Так мы прощались с Людой. Казалось бы, все так просто: никто не охраняет, мы гуляем по улице и можем свободно вернуться. Но вернуться мне было некуда...

Примерно в районе Ярмарочной площади Люда с матерью повернули назад. А я сел в телегу и поехал дальше.

Нас довезли до станции Сортировочная, где уже был приготовлен состав товарных вагонов.

Вскоре состав тронулся. Так я покинул Одессу".

Давид Стародинский еще заключает, что "вскоре со Слободки отправили всех евреев" и что "закончило свое существование Одесское гетто".

Но нет, было иначе. Там же, на Красной Слободке, многие евреи оставались до весны – из тех, кто находился в помещении общежития Водного института, вроде нашей семьи.

А часть их была и на Суконной фабрике – тоже взаперти, как в настоящей тюрьме.

И что с ними там происходило в ту пору?

ОБ ЭТОМ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ представление из воспоминаний человека, находившегося там, Иосифа Менделевича Мармерштейна, о котором раньше уже упоминалось.

Он писал свои воспоминания в 60-е годы, заполнив свыше 20 ученических тетрадей. Теперь они поступили от его сына Ильи Мармерштейна, живущего в США, после кончины отца в 1983 году.

Вот что писал этот бывший мученик Слободского гетто в своей первой же "мемориальной" тетради:

"На Суконной фабрике... людей было очень много. В ожидании эвакуации разместились также в бездействующей бане, в разбитых магазинах и других местах, а также в частных домах – благодаря добродушию и желанию местного русского населения чем-нибудь помочь, облегчить страдания этих обреченных. Но особенно много брали на этап находившихся в помещении Суконной фабрики – примерно по одной тысяче человек.

Эта работа каждый день начиналась с самого утра. До эвакуации людей приводили на специальный пункт, который назывался пунктом санитарной обработки. Таких пунктов было несколько, и санитарная работа проводилась там быстро.

Когда меня в порядке очереди завели в санитарную комнату, я увидел там пять человек в белых халатах. Один из них был старший, он командовал, а другие четверо "работали".

Их работа заключалась в следующем. Двое сидели за столом и записывали в журнал фамилию и имя каждого входящего на санитарную обработку. Сама обстановка в этой комнате выглядела сурово: кроме лиц в белых халатах, еще стояли два жандарма, вооруженные автоматами, и вид у всех них был неприятный.

Те, которые писали в журнале, задавали каждому один и

тот же вопрос: "Ваша фамилия и имя?", а после того, что это было записано, старший, который командовал, жестом руки направлял к двум другим, которые стояли посреди комнаты. Те тоже долго не разговаривали, а только сурово произносили одни и те же слова: "Золото, валюту и советские деньги выложите на стол!", показав при этом на рядом стоящий стол. И добавляли: "Если сами не положите, а при обыске найдем, – будет плохо... Получите за это пятьдесят раз!"

Но все равно, если кто имел что-то и выпожил на стол, не освобождался от обыска. Обыску подвергался каждый, и при этом было приказано поднять руки вверх, и человек в белом халате с ловкостью профессионала начинал ощупывать свою жертву сверху донизу. Он велел снимать ботинки, выворачивать карманы, распарывать швы в одежде – и таким образом был произведен полный обыск. В этом заключалась вся санитарная обработка..."

Тут не трудно заметить иронию автора – эту особенность воспоминаний Мармерштейна, что выглядит особенно убедительно. В ту пору ему было около 40 лет – и у него, уже познавшего человеческий, житейский опыт, нашелся скептический подход к происшедшему вокруг. Более того, он даже рискнул задавать своим мучителям неприятные вопросы. Так, читаем:

"Когда я проходил эту процедуру, то как-то осмелел и спросил: "Что это... вся санитарная обработка?" Но вместо ответа увидел летящие искры из моих глаз – от сильного удара в лицо тяжелой рукой жандарма..."

Как видим, у него хватило юмора вспоминать обо всем спустя много лет!

"Я быстро вышел на улицу и подумал: какой ужас... ограбление ни в чем не повинных людей перед смертью! И этому дали название – "санитарная обработка"!"

Такое язвительное выражение насчет санитарной обработки он еще не раз употребляет, доводя его до абсурда. Пожалуй, как персонаж из произведений Шолом-Алейхема, хотя не известно, хватило ли бы у великого еврейского классика – мягкого и грустного писателя – столько сарказма и гнева для оценки того, что творилось на Слободке зимой 42-го года.

"Теперь нужно было на улице ждать, пока все пройдут эту обработку. Не трудно себе представить, какое мучение испытывали тогда многие из нас. Помимо предстоящей – неизбежной смерти, надо было еще ждать очереди на нее. А как могли ждать на улице – на холода, без еды и воды –

старики и старухи, дети и подростки, физическая сила у которых была уже подорвана? Ведь ждали по шесть или восемь часов, пока всех не обыщут эти санитары с их обработкой, и лишь потом уведут на вокзал".

Иосиф Менделевич в своих записках подробно передает состояние этих ожидающих. И теперь чувствуешь, как словно дрогнул его голос:

"Слышен был беспрерывный плач детей, на которых не могли влиять утешения матерей. Ведь дети были голодные, не говоря уже о холодах...

Плакали не только дети, но и взрослые. Плакали и постоянно приходящие люди — из русских, которые все это видели, но не могли больше ничем помочь".

Проглатывая читать у такого беспощадного мемуариста об этом уважительном отношении к тем, кого иные вспоминают больше как хапуг и недругов! Описывая же положение евреев, он делает это с предельной горечью.

"Вот, наконец, "санитарная обработка" кончилась. Обычно это длилось до четырех часов вечера, а ведь зимний день короткий — скоро темнеет.

Но лишь тут начинается этот злополучный этап. Несчастную толпу людей, как уже говорилось, примерно тысячу человек, гнали пешком от Суконной фабрики вниз к насыпи и дальше на Пересыпь. Такая эвакуация происходила ежедневно на протяжении полутора месяцев..."

Далее И. М. Мармерштейн вспоминает, как проходил этот путь — до Сортировочной. И, нужно сказать, несколько иначе, чем это описано в книге Д. Стародинского.

"Большое ли это расстояние? Должно быть, километров восемь, но для детей и старых людей оноказалось бесконечным, вообще ужасным. Ведь от холода сбивалось дыхание, а жандармы, которые конвоировали всех, то и дело подгоняли, хлестая длинными арапниками и покривлявая: "Репед!"

О том, что было там, в конечном пункте, на Сортировочной, он вспоминает потом так же достоверно и впечатляюще. И к этому я еще вернусь.

Но вот еще одно воспоминание о Суконной фабрике. Его оставила недавно умершая Евгения Ефимовна Хозе:

"Мы с мамой и многими другими евреями — в оцепленном полуразрушенном здании бывшей Суконной фабрики. Все вместе в ледяном зале этой разрушенной фабрики ждем отправки в Богдановку на расстрел, как многие считали. Правда, был еще вариант: евреев загоняют в теплушки,

увозят за 40-50 километров от города, ставят состав на запасной путь и через рассчитанное время открывают вагоны с замерзшими трупами, которые складывают штабелями, а освобожденный состав отправляют за следующей партией.

А пока после обiska и полного ограбления сидим в бывшем клубе фабрики. В спину мою упирается что-то твердое — оказывается труп. Неожиданно появляется пожилая немка — жительница Слободки Эмilia Ивановна с Церковной улицы под видом торговки пирожками. Она выводит меня (как будто свою помощницу) из оцепленного помещения к себе.

Вскоре повезло и моей маме. На утро следующего дня бывшая школьная учительница Зинаида Ивановна Недина, зная меня, договорилась с румынским солдатом-шофером вывести нас в город и там спрятать.

Но по дороге с фабрики нас с Эмилией Ивановной видят один из жителей Слободки и догадывается — кто мы. И как только входим в дом немки, он приводит румынского патрульного и указывает на нас: "Вот они". И нас опять под конвоем ташат на этап смертников..."

Интересно, что об этой же сердобольной слободской жительнице-немке добром вспоминает и другая жертва гетто — Лилия Густавовна Силис (до замужества Бреман), проживавшая до войны по соседству со мной в Театральном переулке вместе с матерью:

"Поселились мы в доме недалеко от церкви. Запомнилось имя хозяйки — Эмilia (как и моя мать — Эмilia Михайловна). Эта семья, состоящая из отца, матери и дочери с зяпованной. Эта семья, живших рядом, старалась облегчить нашу участь. Нашими соседями была семья Галпериных с 5-летней дочкой Беллой и семья Иоффе, а также Полина Исаевна Стародинская с сыном Додиком..."

Как видим, судьбы многих евреев, упоминаемых здесь, тесно переплетались между собой! Но особенно волнует судьба одного врача, который тоже находился на Слободке и был некоторое время занят в областной больнице там, где работала и моя мать. Между прочим, о ней вспоминает еще один узник Слободского гетто — А. И. Хасин, ранее упоминавшийся здесь:

"Доктор Сушон самоотверженно ухаживала за больными, оказывая им посильную помощь. Позже она заболела, заразившись от них и сама. Но, слава Б-гу, выздоровела. Я подружился с ее сыновьями Сережей и Леней. Леню Сушон все называли Ледик..."

Он также упоминает других докторов больницы,

"лечивших по мере сил больных, в том числе профессора Срибнера и доктора Турнера. И даже приводит характерную особенность лечения там, связанную с одной сестрой:

"Ее все называли "Оля с термометром" (фамилию не помню). Только у нее хранился термометр, и она ходила с ним по тифозным палатам, меряя больным температуру. После войны эта "Оля с термометром" руководила во Дворце пионеров шумовым оркестром, аккомпанируя этому оркестру на пианино. И в этом оркестре, привлеченный туда этой Олей, играл я..."

Что и говорить, еще более удивительные сцепления людских судеб и житейских обстоятельств!

Ну, так вот, из сохранившихся в больнице врачей один специалист, невропатолог, доцент Лев Павлович Бланк попал в январе 1942 года в ту же Суконную фабрику на "этап смертников", как называет это Е. Е. Хозе.

Он был, как пишет она, "многолетним другом родителей, вообще любимцем одесситов". Это последнее качество врача связывалось с тем, что "он не только не брал гонорар за визит, а незаметно подкладывал под рецепт свои деньги для покупки лекарства". И далес читаем у нее:

"Доцент Бланк – истинный ученьи, глубоко интеллигентный человек, в совершенстве владевший 6-ю языками, изучавший высшую математику, шел в этап с учебником японского языка в кармане (и я потом сохранила этот учебник). Когда его гнали с другими по мостовой, то жители города узнавали своего доктора. Они подходили к колонне, плакали и целовали его, даже говорили конвойным: "Что вы делаете? Такого человека мучаете!" Но конвойные спрашивали: "Жидан?" И после утвердительного ответа отгоняли русских, тут же крича этапникам: "Гай! Гай!", чтобы шли дальше..."

Тогда же, по дороге в Слободское гетто, как еще сообщила Хозе, этот доктор отстал от этапа из-за своей старой тетки. Благодаря этому ему и удалось пристроиться в больнице, где власти поначалу хорошо приняли его.

"Румыны выдали ему "адеверинцу" – справку, в которой указывалось, что его с семьей должны выслать последним этапом. Вообще же он был холост, но в эту защитную справку, по его указанию, была вписана я (будто его незаконная дочь). А у моей мамы был "караимский" паспорт, сфабрикованный известным одесским юристом, много сделавшим для спасения одесских евреев, А. В. Дьяконовым, позже погибшим в ГУЛАГе".

Но, как мы знаем, популярный врач и прекрасный человек – доцент Л. П. Бланк все же очутился в ледяном помещении разрушенной фабрики, а потом попал в другую обстановку – не только ледяную...

"Когда нас выбрасывали из теплушек в ледяную воду под Березовкой в полной тьме, в которой мелькали лишь ручные фонарики румын, мы с Львом Павловичем потеряли друг друга. Потом оказалось, что с него сняли шубу конвойные (при 25-градусном морозе!) и забрали все вещи, а самого избили. Когда же отставшие гнали в Богдановку на расстрел, то они проходили через село Мостовое, где доктора узнал кто-то из местных жителей – бывший больной в Одессе, и даже спрятал у себя. В начале марта мы получили от Бланка записку: "Живем с продажи брюк", но спустя две недели его расстреляли немцы-колонисты".

Таков был трагический конец одного из узников с Суконной фабрики.

А что вышло в другом месте, где жила наша семья?
Речь идет об общежитии Водного института.

Среди больных и мертвых

В очерке профессора С. Борового "Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации", есть не только описание того, как люди, подобно упомянутым свидетелям, уходили через Пересыпь на Сортировочную, а даже приводятся такие подробности, которых нет в книге "Одесское гетто" или у Мармерштейна и Хозе.

"По инструкции эту часть пути, примерно 12 километров, должны были проходить пешком. Самый страшный отрезок дороги шел по низкому перешейку, отделявшему лиман от моря. После того как в дни обороны была взорвана дамба, это пространство было сплошь запито лиманной водой. Принадлежало нескользко километров брести по колено в ледяной воде на сильнейшем морском ветру. Для очень многих, если не для большинства, это означало обморожение конечно-стей и последовавшую за этим невозможность двигаться дальше... что кончалось расстрелом их как отстававших..."

Об этом "ледовом побоище" написал в своей поэтической хронике "Одесское гетто" Владимир Гридин:

... по льду
С водой наполовину все идут –
В том месте, где взорвали раньи дамбу

*Матросы, про врага крича зло: "Амба!"
Но вышло, что погибель подогнав
К еврейским обессиленным ногам...
И много ли – как будто с легким паром –
Тогда до Сортировочной попало?*

О самой же диверсии – взрыве дамбы Хаджибейского лимана, который был произведен в трех местах советскими саперами (несмотря на умоляющие протесты местного населения, пострадавшего от содеянного), написал очень подробно позже – в марте 1943 г. инженер **В. Борецкий** в очерке “Одесская дамба”.

Его материал в “Одесской газете” может тоже служить обвинением против жестокости – на этот раз со стороны своих... Ведь от хлынувшей лиманской воды в ночь на 16 октября 1941 года сперва пострадало население Пересыпи: люди, заранее не предупрежденные о взрыве, спросонок бежали из квартир, затапливаемых на метр с лишним, и нередко гибли – в темноте и общей панике, среди хаоса вещей и разных предметов. А спустя три месяца евреи лишь продолжили их трагедию – с такой же картиной гибели, какую описал в стихах тогдашний одесский школьник.

Сразу же после освобождения Одессы в альманахе “Героическая Одесса” стихотворные заметки **Льва Рожецкого** были помещены – вместе с очерком Валентина Катаева “Катаомбы”:

*С тяжелой ношей за плечами
Идут нетвердыми шагами
И мати с ребенком на руках,
И старичок на костылях.
Пурга ревела, бушевала.
Природа скорбно провожала
В безумной ярости своей,
На гибель идущих сыновей...*

Так вот – кроме описанной более суровой, чем в книге Д. Стародинского, участи угонявшихся из Одессы евреев, С. Я. Боровой отмечает не менее страшное испытание оставшихся обитателей Слободского гетто:

“Скученность, голод и мороз делали свое дело. Среди “интернированных” началась массовая смертность, пошли эпидемии сыпного тифа, дизентерии и т. п. Многие евреи-врачи, находившиеся в гетто, самоотверженно вступили в борьбу с эпидемиями. Им удалось даже организовать больницу...”

Именно такая участь досталась нам – моей семье и всем, кто попал в закрытое большое и битком набитое помещение в бывшем общежитии Водного института.

Мы тоже пережили и эпидемии, и угрозу смерти среди других умиравших. И вместе с другими врачами моя мать, что называется, “вступила в борьбу” с этой бедой. Она также была среди тех, кто пытался организовать лечение в больнице, а там и приобщиться к деятельности той общины – “юденрата”, о которой уже говорилось.

Обо всем я постараюсь рассказать в виде маленьких историй, как они запечатлелись в моей памяти или по рассказам других.

День рождения Сережи и бабушки

Как ни странно, свое проживание среди других в скученности и в холода общежития – этого просторного трехэтажного здания с длинными коридорами и тесными, с одним окном, комнатами, мы начали с... торжества.

Увы, это было очень скромное и даже жалкое торжество – в общем шуме и среди наваленного хлама, чуть не под плач тех, кто рядом свалился и, возможно, был уже при смерти. А главное – без того, что обычно сопровождало какое-то торжественное застолье, – без вкусной еды и выпивки.

Так мы отмечали исполнившийся 15 января 1942 года день рождения моего брата и одновременно бабушки – да, явившихся на свет в этот день! Бабушка тогда хлопотала больше, чем обычно, а что касается Сергея, то он вроде бы не придавал такому дню никакого значения. Брат был больше занят главным – устройством отопления в нашей комнате...

Эта комната, 12-метровая, с одним окном и выбитыми стеклами, как бы насквозь продувалась сильным пронизывающим ветром. Ветер – настойчивый, матерый норд-ост, казался тем более свирепым, что мы находились на третьем этаже – на самой верхотуре огромного здания, на его “галерке”, выражаясь театральным языком. К тому же ветер дул с простора над железнодорожной насыпью, которая пролегала под нами, а за этой насыпью тянулись трущобы, переходящие в Пересыпь, и дальше уже было море. Правда, моря отсюда не было видно, но я и так знал, что оно теперь замерзло наглухо и накрепко и покрыто этакой сплошной белесой, почти алечастрового цвета, корой льда. Оттуда и несло немыслимым холodom, проникавшим, что называется, в душу, как ни кутайся

в одну, две или три одежки... Ну и как такое стерпеть, даже если оказался в помещении, пусть и тесно заселенном – едва ли не десятком людей, пусть и плотно насыщавших?

Первое, за что взялся Сергей, чтобы соорудить здесь отопление были поиски “буржуйки”, как и у нас в больнице. Он прихватил с собой меня еще в первый день нашего поселения в общежитии Водного института – 12 числа, и это, возможно, помогло – такая поспешность. Обойдя все комнаты нашего этажа, мы наткнулись в одной из них – в самом конце коридора, откуда только накануне угнали первый этаж на Пересыпь, что-то похожее на отопительное сооружение – старую небольшую духовку с продавленным и сильно закопченным дном. Эта духовка стояла на трех кирпичах, между которыми валялись остывшие обгорелые головешки. “То, что нам надо!” – обрадовано заявил брат, подхватывая духовку обеими руками, как лучшего друга, а меня заставил нести кирпичи. И когда мы явились в нашу комнату, то все обрадовались.

Но стоило поджечь под такой печуркой, установленной у окна, кое-какой костерик из бумажного хлама с помощьюю оказавшихся у одного из пожилых курильщиков спичек (еще со знакомой довесенной наклейкой: “г. Речица, Беларусь!”), как потянулся едкий дымок и многие закашляли... Еще одна помеха, как нарочно, вместо облегчения!

Стало ясно, что дым надо выводить наружу – в разбитое окно, и нам теперь предстояло другое – найти такую трубу. Мы снова стали обследовать комнаты, а потом забрались по пожарной железной лесенке в конце коридора на чердак, но и там ничего не нашли. Мы лишь набрали целые охапки всякого хлама, который можно было сжечь под нашей странной печуркой, которую и не назовешь “буржуйкой”, как ту – бывшую больничную. Правда, при виде нанесенного хлама – щепок и тряпья бабушка замахала руками: “Ну, только этого добра здесь не хватало...” И все же стало как-то легче, когда потянуло теплым духом от зажженного костра.

Тогда кто-то подсказал: ведь внутри духовки можно и что-то греть – кашу или консервы. Это обрадовало ее, нашу дорогою именинницу: “А я могу даже спечь праздничный пирог!” – И при этом бабушка хитро глянула на внука, хотя печь было не из чего. Но у одной из наших соседок по комнате нашлиось в торбочке немного кукурузной муки – желтоватой и вкусной на вид. И бабушка, достав прихваченный из больницы котелок, приготовила мамалыгу.

Раньше я никогда не ел такое блюдо – мамалыгу, одно на-

звание которого казалось мне смешным и невкусным. Но мама, имевшая подругу, как уже было раньше сказано, в Тирансполе, знала разные молдавские блюда, а поэтому подсказала бабушке, как лучше приготовить. “Ну, было бы сало или хотя бы подсолнечное масло... и я сама догадалась бы!” – отмахивалась бабушка, готовя эту мамалыгу “на одной воде”, как она несколько раз с презрением повторяла. А когда вокруг пошел прянный сладковатый дух, то многие с завистью заглядывали в нашу комнату. И чуть ли не забылась вся та беда, которая обрушилась на нас. Оказывается, как мало надо в беде человеку!

Конечно, было совсем не до такого торжества. Кроме холода и тесноты, в нашей комнате оказались невыносимыми стены из одного конца, где лежала старуха, закутанная в одеяло, и детские крики – из другого, где громоздилась коляска. То и дело заходившие посторонние люди спрашивали – нет ли здесь такого-то родича или знакомого. Иногда грохотали сапоги жандармов, метавшихся по своим делам, а скорее всего – за подачками. И пугали выстрелы, доносившиеся из-за окна.

В такой обстановке невольно вспомнился другой праздник – новогодний. Тогда было обидно – до чего мы дошли, в каком положении оказались, и единственным развлечениемказалось радио, заигравшее веселую музыку. Но, кстати, помню ли я еще мелодию того танго, которое передавали из Бухареста? В нем воспевался наступивший год – 42-й, зарифмованный со словами “разбой”... и действительно, это напомнило нам настоящий “разбой”, а не просто там было упоминание о войне, которая должна закончиться победоносно для врагов... А теперь позавидуешь и той обстановке!

Кстати, что теперь происходит, какие дела на фронте... знает ли кто-нибудь об этом? Лишь у одного соседа нашелся обрывок “Одесской газеты”, но там после заголовка “Война в России” газетный лист был грубо оборван. Похоже, его использовали для одного дела... да, между прочим, было трудно еще с некоторой робкой заботой. И многие даже не решались спрашивать у близких: как здесь обстоит с уборной? Не говоря уже о простой воде... Ну и здешние заботы!

Когда же мы все, наконец, уселись в кружок – кто на чем дане, кто на узелке или прямо на полу, то и поздравили Сергея с его 14-летием. Как и поздравили бабушку – ту, которой было почти на полвека больше, из-за чего она даже прослезилась. “Зай гезинд!” – так произнесла мама то единственное,

что она знала по-еврейски, порывисто обняв за плечи свою дорогую маму-тетку, а потом крепко расцеловала старшего сына – уже большого и крепкого парня. А я тоже прижался к щеке того, у кого даже проступал на губе пушок – и впрямь, вполне взрослого, лишь стесняясь такого проявления чувств к бабушке, как я по-своему ни любил ее...

Конечно, при этом мы ничего не выпили, а только шумно и бодро давились кусками горячей, немножко твердой мамалыги. А когда потянули из кружек и чашек что-то похожее на чай, то бабушка вспомнила одну песенку. Нет, совсем не ту, что передавали по бухарестскому радио, а исполнявшуюся, как уже говорилось, раньше в цирке. Бабушка ходила туда вместе с Сережей, не взяв меня, “чтобы не испугалась зверей”, и там вперемежку между разными страшными и забавными номерами был и такой – пение. Просто пение, когда на арену выходила пожилая пара, усаживалась на стульях прямо посреди опилок и начинала попеременно петь про своих сыновей. “Сыновья” – так и называлась эта грустноватая песня про Борю, Леву и Моню, которых вспомнили их родители под Новый год. О, такая уютная недавняя наша жизнь!

“Налей же рюмку, Роза...” – напела теперь бабушка припев этой песни, а потом и горько покачала головой: мол, и пить нечего, и кто знает, что будет с этими сыновьями... Она показала маме на меня с Сережей, и мы невольно поежились от тяжелого неведения, как и от нынешней обстановки – в тесноте, с воплями и выстрелами.

Наше предчувствие вскоре и оправдалось – тогда же, в конце вечера. Не успели мы подняться с мест, как вдруг в комнату вломились жандармы – и сразу трое. Один из них обратил внимание на чемодан, который служил нам вместо стула, а вообще стоял под стенкой, среди нескольких мешков и торб. Чемодан был светлого цвета, с блестящим замком и являлся собственностью Сережи: тот держал в нем свои вещи, учебники для 7-го класса, альбом с коллекцией марок, а также самое пикантное – наряду с иностранными монетами, фотографиями семьи и авторучкой – осколки снарядов и бомб даже гильзы от патронов. Выдвинув этот чемодан к двери видно, им явно понравилась такая эффектная штука!), румыны, не спрашивая нас ни о чем, уже собирались уйти.

Я увидел, как перекосилось лицо брата, а мама тут же стала, как могла, пояснять, что там, в чемодане, нет ничего ценного. А когда главный румынский вор уже взялся за ручку, она стала умолять его “оставить”, заламывая руки. Не вы-

держав, Сергей вцепился в чемодан и стал кричать: “Пусти... там мои вещи!”, а когда жандарм оттолкнул его, то вдруг вцепился зубами в его руку. Отпихивая хозяина, румын пнул его ногой в тяжелом ботинке на толстой подошве с обмотками поверху. И это было особенно обидно и больно, судя по исказившемуся лицу Сережи. Бедный брат... с ним вышла цепкая драка!

Я тоже бросился к ним и стал тянуть румына сзади за шинель. Развернувшись, тот прикладом больно ударил меня в лицо, и я сразу залился кровью. Когда мама с криком рванулась к нему, солдат, держа чемодан в одной руке, другой захватился на нее и попал наотмашь в ухо. Тогда мама, помню, медленно свалилась на пол, а другие румыны, сбившись в дверях, лишь с кривыми улыбками наблюдали за этой сценой.

В комнате поднялся шум, стояли плач и выкрики переполошенных и возмущенных соседей, сыпались проклятия на голову румын. Не обращая на все это внимания, жандарм с чемоданом перешагнул через лежавшую маму и пошел к дверям. Он унес чемодан со всеми его бесценными предметами – последнюю память о старой семейной жизни, о нашем детстве.

Вот так окончился поначалу трогательный день – день рождения близких людей. Потрясенная именинница – бабушка долго приводила маму в себя, у которой после этого ухо болело до конца ее жизни. А Сергей тихо всхлипывал под стенкой, словно малыш, хоть и показавшийся мне взрослым!

Ну, а что касается меня... Это было одно из моих первых потрясений в той обстановке.

Тетя Сарра

Впрочем, знать бы нам, что тогда произошла настоящая беда!

Это вышло не с присутствовавшими на скромном семейном вечере в честь Сергея и даже не из-за папы, который лежал где-то там в больнице и которого мы тогда помянули как одного из любителей пения.

Дело было с человеком, находившимся в городе, а не здесь, в гетто, и даже погибшим по той причине, что оставался там, пусть и в своей квартире. Беда пришла в тот же день, 15 января, когда мы сели праздничную мамалыгу, а я узнал обо всем лишь... спустя 15 лет. Вот какая страшная мистика с такими цифрами! И как еще не верить в судьбу?

Речь идет о маминой двоюродной сестре Сарре. Она была студенткой Одесского университета, жила одиноко, без роди-

телей. Помню, что всегда нуждалась, и мои родители ей помогали, чем могли. Так, нередко она приходила к нам обедать, и кой-то не от мира сего: рассеянная, с отрешенным взглядом, тетя оставалась этакой жалкой фигурой – в больших роговых очках, щедущая и тихая, как бы заранее обреченная. Но знать бы, что именно с ней случится, что ее ожидает!..

Работая в 50-е годы в Одесском филиале Гипрограда, который располагался на углу Преображенской и Троицкой улиц, я однажды вспомнил, что там до войны, во дворе этого дома, и жила тетя Сарра. Как-то раз, выйдя покурить, я случайно разговорился с человеком, жившего здесь во время оккупации. И он-то рассказал мне о том, что случилось с маминой сестрой.

Это было в середине января 1942-го, когда румынские власти стали проводить "очистку" города от евреев. Тогда полагалось на воротах домов, откуда были выселены еврейские жильцы, писать крупными буквами объявление: "ЕВРЕЕВ НЕТ!", а жандармы, убедившись в этом, ставили рядом белый крест, выполненный по трафарету масляной краской. Это же было сделано на воротах дома со стороны Троицкой и на дверях парадной со стороны Преображенской.

Но однажды дворник этого дома обратил внимание на то, что на четвертом этаже в квартире, где проживала одинокая еврейка, ставни окон то открыты, то закрыты. Он понял, что там кто-то есть, и стал ломиться в эту квартиру. Его туда не пустили, а когда все же удалось с силой ворваться, то от злости этот тип избил хозяйку квартиры. Похоже, что он избил ее до полусмерти, а возможно, она сама там была уже еле живая... Чтобы действительно "очистить" квартиру от незаконных еврейских жильцов, как было приказано, дворник схватил жертву за ноги и... потащил наружу. Он поволок ее по металлической лестнице – и ясно, что это добило несчастную. Когда она очутилась на первом этаже, у нее из носа, ушей и рта шла кровь.

Это видели соседи, выглянувшие в страхе из дверей. И от погибшей еще остались очки, которые подобрал сам рассказчик этой жуткой истории. Они долго лежали у него, пока он не отдал их какой-то старой женщине.

Этот человек закончил свой рассказ, потрясший меня, так: "Груп пролежал целые сутки во дворе. А потом пришел Федька – такой тип, который имел тачку и давно обслуживал тот

дом. И он отвез труп куда-то..." Хорошо еще, что тетю Сарру не успели разделать, как это описано и в рассказе Валентина Катаева "Отче наш"!

Там указано, что за героями рассказа – женщиной и ее сыном, которые замерзли в зимнем парке на скамейке, заночевав после всех безуспешных попыток найти какое-то убежище, приехал грузовик с солдатами. "Женщина с мальчиком... были одеты почти одинаково. На них были довольно хорошие шубки из искусственной обезьяны, бежевые валенки и пестрые шерстяные варежки..." Эта подробность – насчет одежды на покойниках-евреях, очень удивила меня, потому что я привык видеть совсем другое – как выглядят трупы...

Но так или иначе от тети Сарры, оказывается, остались только очки. Те самые, без которых, как мне помнится, она не обходилась, потому что была совершенно слепой. Очки, которые ей были уже больше не нужны. И которые, пожалуй, достойны быть в музее – как страшный экспонат...

Таковы были события в городе, пока мы отмечали день рождения брата.

Но потом выяснилось, что в городе совершилось кое-что и другое. Не только трагические события, но и даже какие-то веселые.

Партизаны в катакомбах и Петр Лещенко на афишах

Это выяснилось, когда мне с Сережей довелось побывать там, в городе. Да, мы сумели попасть в центр, как это ни казалось поначалу немыслимым.. Попасть туда, где находился наш отец, о котором мы не забывали.

Действительно, что с ним теперь там, в больнице? Остался ли он в той палате, куда его унесли на носилках, или его выставили куда-нибудь? И жив ли он вообще – в обстановке всех расправ, хотя мы еще не знали о тете Сарре...

Выбраться же из заточения – из здания общежития Водного института, по сути из своеобразного маленького гетто, нам удалось, как ни странно, просто. Удалось в той суматохе, которая творилась у входа в общежитие – маленькой проходной рядом с воротами. Ведь туда продолжали поступать новые и новые жертвы – те, кого по-прежнему гнали вдоль Дюковского сада от спуска, где пролегала трамвайная колея, занесенная снегом и утоптанная так, что, казалось, по ней больше никого не пройдет трамвай № 15.

Люди приходили сюда со своим барахлом, их тут же засталивали внутрь помещения, а мы вертелись среди них – два невысоких парнишки. Сперва нам просто хотелось увидеть, кто там пришел, нет ли среди них знакомых или соседей. А когда мы увидели, как часовые, бывает, отворачиваются – то ли от ветра, налетающего из-за насыпи, то ли для наведения порядка среди прибывших – с окриками и даже вскидыванием своих карабинов, то невольно попытались рискнуть. И тем более, что мы видели, как один довольно взрослый парень, сунув какую-то подачку зазевавшемуся жандарму, юркнул за проходную, тут же смешавшись с вереницей тех, кто еще подходил к воротам. А ведь дальше был мост, за которым легко можно скрыться, чтобы потом юркнуть в кусты Дюковского... Да, в самом деле, попытаться нам, что ли?

Признаться, меня подымало сразу же так сделать – по-пробовать с подобной вылазкой. Но рассудительный Сережа остановил меня: мол, надо и предупредить маму, и прихватить что-то для папы, и вообще... все хорошо продумать! Я еще возражал, боясь, что мама с бабушкой строго-настрого запретят нам выбираться в центр. Как раз в нашей комнате оказалась молоденская девочка, которая уже успела смотреться к себе домой – куда-то аж на Большую Арнаутскую... и ведь мы могли бы так же! Это явно повлияло на маму, как ни качала головой бабушка, а потом, пошептавшись, они решились даже на ответственный шаг: "Дадим мальчикам по такому случаю... для покупок!" – и вынули из каких-то тайников единственную ценность – часы, что были под рукой.

Конечно, это было вручено Сереже – как старшему, а я лишь запоминал, что именно за них надо купить там, на городском рынке – Новом базаре. Кое-что из продуктов – сало и селедку, муку, картошку и лук, а также спички и керосина. Хотелось еще спросить: а конфет можно будет... хотя бы самых простых – "подушечек"? Но нам помешали соседи, одним из которых был старик. Сильно бородатый и с пейсами, он явно умирал, приткнувшись в угол. А потом и надо было хлопотать с печуркой, которая, как и раньше, сильно дымила. "Кстати, хорошо было бы и... – спохватился Сергей, – раздобыть какую-то трубу... да?"

Так мы собирались уйти в центр города из своего "малого гетто". И когда утром возле ворот началась обычная толкотня, мы сумели выбраться, как и рассчитывали, только еще сунув одному из часовых какую-то взятку, заготовленную бабушкой в пакете. "Когда-то я это делала... – тут же вздохнула

она, – спасалась от казаков – тогда, при погроме. История, выходит, повторяется!" Но мама, собираясь куда-то тоже уходить, лишь грустно усмехнулась: наверно, тогда было немного легче? Она спешила, пока из комнаты уносили умершего старика с бородой и пейсами, чтобы как врач удостоверить его смерть. И сколько еще умерших смертей ей предстояло проводить! Нам же, нетерпеливо настроенным, было как-то не до смертей...

Выбравшись за мост, мы – сверх ожидания – не должны были буквально "уходить в кусты", прячась в чаще Дюковского сада. Как раз от общежития ехала пустая повозка – после доставки сюда из города евреев, и старый веселый возчик согласился подвезти двух мальчишек! Видно, приняв нас за русских, он даже заговорщики подмигнул: что, мол.. тоже наживается на них, на "этих еврейчиках"? Когда же мы замолчали, сжал губы, он только добавил с сожалением: "А как будет потом... как делать коммерцию после угона всех туда...", – и взмахнул кнутом не то в сторону Пересыпи, не то в небо.

Мы с трудом выдержали этого типа, пока добирались вверх по крутой горе, как и раньше, вдоль заметенной трамвайной колеи. И сразу соскочили с повозки, когда возчик, проезжая мимо массивного здания сразу за поворотом, кивнул на него: смотрите, мол... уже сняли вывеску, слава Богу! Мы еще успели поинтересоваться, что там была за вывеска, а он охотно, даже с усмешкой пояснил: "Ну, жидовская же... По-еврейски было написано! У входа в отделение милиции – Шестое. Разве не знали?"

Он громко рассмеялся нам вдогонку, когда мы затопали пешком на противоположную сторону от этого здания – действительно, похожее на что-то казенное, где теперь возились военные и штатские деятели. Наверно, здесь снова обосновались власти – только полицейские вместо милиционеров, и это напоминало, как раньше, еще в бытность там, в больнице на Херсонской, маме пришлось иметь дело с полицейским чином, который приходил для заполнения каких-то анкет и требовал явиться в полицию – зарегистрировать паспорт. Как ни пугало это слово – "регистрация", маме потом пришлось ходить неподалеку – в управление полицейского участка на Херсонской между Конной и Торговой улицами, и там ей – после окриков и даже угрозы мыть полы в приемной – поставили штампы на паспорта – ее и бабушкин. И когда мама вернулась оттуда, то долго не могла опомниться: "Ну, насмотрелась

лась я на этих – европейских воинов... такой позор!"

Потом я узнал, что начальником (или как там – префектом) этого полицейского отделения был Никулеску, правда, не тот подполковник, который подписывал приказы о явке евреев в тюрьму, или кого считать вообще евреями, а всего лишь взяточник и истязатель.

Но теперь, не делая различия между всеми этими начальниками, в том числе Шестого отделения, я еще долго испытывал ненависть к самому зданию, которое увидел там, у поворота на Косвенную улицу, не говоря уже о ненависти к возчикам...

Хотя тут же меня разозлило другое, что сделали власти. Казалось бы, простое объявление, висевшее на простом столбе у перекрестка. Но когда его мимоходом прочитал Сережа, а потом и показал мне, то я сжался.

Там, на небольшом листке бумаги, было напечатано по-руски:

"13 ноября с.г. утром двумя русскими террористами-коммунистами были убиты два румынских солдата, в тот момент, когда они работали по закрытию катакомб.

Доводится до всеобщего сведения, что подобного рода террористические акты беспощадно караются румынскими властями.

Все граждане города Одессы, которые знают о местонахождении террористов-коммунистов, скрывающихся в домах, погребах, катакомбах или в каких-либо других убежищах, обязаны немедленно сообщить об этом в районную полицейскую префектуру.

В случае нападения на румынских или немецких солдат будет расстреляно 500 коммунистов за каждый случай террористического акта.

В первую очередь будут расстреляны соседи".

Прочитав такое страшное, пусть и старое – еще о событиях в ноябре – объявление, мы живо переглянулись. Нам понравилось, что, значит, кто-то не мирится с румынами, вон даже убивает их... здорово! Хотя и удручало, что солдаты замуровывают ходы в катакомбы, где находились советские партизаны. Но, наверное, всех не задушат там, не закроют навсегда... и эти партизаны еще покажут себя?!

Мы об этом долго говорили, пока шагали дальше – вверх по улице Перекопской победы. И Сережа даже предложил вполголоса, с опаской озираясь на прохожих: мол, вот если бы там, в катакомбах, кто-то из партизан помог евреям, кото-

рые находятся в гетто. "Да, напали бы, как и на этих двух румын... – сурово заговорил он. – И порядок!"

Позже я узнал из книги одной партизанки, сидевшей тогда осенью и зимой – в катакомбах под Кривой Балкой, что это был отряд Молодцова-Бадаева. Галина Марцишек, которая была связной этого отряда, писала об этом же "последнем приказе", грозившем "расстреливать по 500 человек за каждую диверсию". И на этой же странице этой книги "Мы на своей земле" приводился рассказ одного партизана, побывавшего в городе: он видел, как гнали еврейское население – "тысячи людей на Слободку в гетто, а часть в сторону Очакова". И там есть такие сочувственные слова:

"Я стоял на тротуаре в толпе. Многие не могли смотреть без слез на все это. Некоторые женщины пытались выхватить из колонны детей, но жандармы отгоняли их прикладами. Я еще и сейчас вижу глубокого старика, который прошел мимо нас. Его голова была непокрыта, седые волосы растрепались. Подняв руки к небу, он громко проклинал бога: "Тебя нет! Если же ты есть, почему молчишь? Кто дал право убить человека?!"

Просто стоять и смотреть на горе проходивших евреев... Лишь потом я стал размышлять: почему партизаны, боровшиеся с оружием в руках там, в катакомбах, когда враг напал на них, ничего не сделали, чтобы помочь нам?

К сожалению, ни тогда – в середине января, ни позже – до конца существования гетто, не сбылось то, о чем рассуждал мой брат на опасной улице недалеко от управления полиции. К тому же вскоре – через месяц – этот партизанский отряд под командованием чекиста В. Молодцова-Бадаева разгромили, а сам он вместе со своими ближайшими сообщниками был именно в пору ликвидации гетто – в конце июля 42-го расстрелян, якобы произнеся на следствии в Одесской тюрьме такие векские слова: "Мы на своей земле – и просить пощады у врага не будем..." Будто напоминание евреям, которых вечно попрекали тем, что они якобы здесь не на своей земле? И лишь позже я узнал о тех партизанах, которые все же помогали евреям, находившимся в гетто. Но об этом – в другой раз.

Пока же хочу еще добавить про нашу вылазку в город за продуктами на Новый базар и в больницу, где лежал папа. Да, мы добрались до базара, каким долгим с непривычки ни показался этот путь – через разрушенный от бомбёжки (между прочим – от попадания знакомой итальянской мины на голубом парашюте) перекресток с руинами общежития

Индустриального института. А там сумели сделать свои покупки, сбыв в первой же попавшейся будке часы "кировки" у того мастера, который, правда, попытался их обесценить и чуть ли не присвоить, увидев, что имеет дело с мальчишками да еще явно еврейского происхождения. Но когда Сергей, как он умеет, сказал веско и твердо: "Ну, нечего тут крутить шарики... или деньги, или вещь назад!", то этот часовщик мрачно отсчитал нам положенное — 50 или 60 марок. Да, то были немецкие деньги, или как они назывались официально — РККС (а полностью по-немецки "кредитно-кассовые билеты"), которые теперь выдавали в обмен на советские рубли — из расчета 1 марка за 20. И после этого мы быстренько прошли по торговым рядам — правда, довольно ждикватым, с посиневшими от холода продавцами, купив необходимое, хотя желанные "подушечки" не нашли. Но и то — слава Б-гу за это! Все-таки выполнили эту часть поручения домашних...

По дороге же с базара в больницу мы наткнулись на такое, что заставило удивиться еще больше, чем от встречи с веселым нагловатым возчиком или казенным видом румынской полиции с бывшей европейской вывеской.

На углу Конной и Княжеской улиц нам попался на глаза бывший афишиный столб с железной остроконечной макушкой наверху. Сперва мы лишь опасливо покосились на него: нет ли еще новых устрашающих приказов против евреев или просто граждан города? Как вдруг там мелькнуло трепыхавшееся от сильного ветра из-за поворота улицы изображение человека в распахнутой цветастой рубахе и даже с гитарой в руках.

Что это вдруг... не привиделось ли нам такое буйное явление в это время? Вмиг подступивший к плакату Сережа даже придержал рукой его мотавшийся конец. И тогда я увидел крупные слова:

ПЕТР ЛЕЦЕНКО.

Господи, откуда он взялся? Не тот ли самый певец, которого иногда ловил папа, когда крутил свой радиоприемник? До войны из Болгарии часто передавали то залихватский "Чубчик", то очень томные "Черные глаза", и папа, любивший, как известно, сам петь, иногда игриво подпевал, не глядя на презрительно кривившуюся от такой музыки маму. Поговаривали, что этот певец — из русских эмигрантов, что пользуется успехом там, в Европе, и что его пластинки часто привозят моряки, не боясь наказания. "Контрабанда!" — такое зловещее слово, кажется, я впервые услышал именно в связи с пластинками Лещенко.

Но вот, оказывается, теперь этот эмигрант сам приезжает сюда... да объявляется его выступление, и где — в Оперном театре, не как-нибудь!

Когда мы отошли от такой афиши, то еще несколько раз в недоумении озирались на странный афишиный столб с заиндевевшей макушкой, в которой свистел ветер. И едва ли не сразу заговорили об этом с папой, когда нашли его в палате — да, в той же палате, что и раньше, в самом углу полупустой и ходливой комнаты под двумя одеялами.

Правда, нас по пути удивили и другие вещи. Например, у огромных дверей в Публичную библиотеку возились люди с пачками книг, стружаемых на тачку (не выбрасывалась ли оттуда советская литература?), а у двухэтажного дома на углу Ольгиевской, куда не раз ходила мама с докторами Турнером, Срибнером и Гольдманом (их несостоявшийся еврейский совет — "юденрат"!), теперь была нарисована пресловутая белая шестиугольная звезда — как знак отсутствия там евреев.

Ну, а при встрече с папой в инфекционном отделении, куда его специально уложили, как настоящего больного, нам помешало присутствие у него постороннего человека. И еще когда — молодой девушки!

Папа, которому мы позавидовали...

Да, у него в гостях была некая особа: И не просто сидела там, развлекая его какими-то беседами, а чисто по-деловому хозяйничала.

Не обращая на нас внимания, она заканчивала перестилать папину постель (даже, оказывается, с чисто выстиранным бельем!) и сразу же стала кормить папу (и как полагается, с ложечки — предметом, про который мы стали забывать).

Вот чудеса... так что мы с братом сперва уставились друг на друга, пока не узнали такую неожиданную и старательную помощницу. Это была Лиза Ильинко — наша соседка по даче на 10-й станции Большого Фонтана, о которой я уже упоминал. Бойкая и красивая, она и раньше нравилась всей нашей семье, а особенно отличилась в той истории с неожиданно появившимся отпускником Хрущевым, о чем я тоже рассказывал. Теперь ее, оказывается, не остановило и это — присутствие врага в городе, чтобы помочь приятелю ее отца, завещавшего ей перед арестом "беречь Сушона". В попыхах после нашего отъезда отсюда, из больницы, мы не очень придали значения предыдущим визитам в больницу этой девушки, а

она, оказывается, сделала такие визиты регулярными – почти через день... И стоит ли говорить, как это помогало папе, насколько облегчило его положение, раз мы по сути оставили его на произвол здесь, в больнице?

Когда я рассказал о такой встрече у папиной койки там, в комнате общежития Водного института, вернувшись с братом более или менее благополучно (если не считать, как нам пришлось напытаться с грузом, из-за которого румынские постовые подозрительно оглядывали нас и едва ли не отобрали кое-что!), то мама с бабушкой многозначительно переглянулась. Похоже, тут было не только облегчение (слава Б-гу, мол... не пропадает в одиночестве и без присмотра), но и еще то, что я, тогдашний мальчик, не мог толком понять. Хотя это невысказанное подозрение, которое, похоже, невольно вкраплялось в души двух весьма опытных и премудрых женщин, потом, как ни странно, оправдалось. Ведь с весны к Петру Харитоновичу стала заходить и другая женщина, вполне проникшаяся к нему большим любящим сердцем...

Так или иначе, наша вылазка “на волю”, как это теперь говорилось, вполне удалась, и бабушка даже расцеловала каждого из нас: “Справились... на все сто!” А когда она с мамой быстренько подготовила еду (в тесноте и с неудобствами – не то, что у папы), то все с удовольствием жевали (и без вилок) и сало с житным хлебом, и вкуснейшую – жирную и ароматную селедку (чуть ли не керченскую – из старых запасов!).

По поводу последней бабушка вспомнила одну из утесовских песенок, которую раньше часто передавали по радиоточке: “Вот селедку принесли – хвост у ней на славу... Ну, по-пробуй раздели, чтоб на всю ораву!” Там дальше шло перечисление еврейских женских имен – кому делить эту селедку, но тут же отозвался сидевший спиной к нам сосед – невзрачный, в телогрейке и в неснятой ушанке. Мол, этому Утесову... что он себе думает? Ведь оказывает теперь медвежью услугу... прямо издевается над своими! Да, разве мы не слышали, когда шли сюда, на эту Слободку, как передавали из одного открытого кафе? Там ставили через репродуктор его самую популярную песенку – “Все хорошо, прекрасная маркиза!”.

Но от такого заявления бабушка сразу отмахнулась: “Ну, это русские хулиганы крутят специально... Жлобы слободские! Антисемиты!” Видно, она не терпела жителей Слободки еще с той поры, когда были погромы: ведь тогда, как писал Бунин, здесь “разбивали головы детям”. И благоразумной маме с трудом удалось унять спор двух случайных соседей...

А после такого поистине царского обеда (или ужина) мы с новыми силами занялись другим важным делом. Ведь нам с Сергеем удалось притащить оттуда же, из больницы, трубу – обычную водосточную, которая служила там для нашей “буржуйки”. Но чтобы ее установить, не пришлось выбивать стекло: и так по-прежнему зиявшее окно позволило сделать это без усилий, только привязав трубу к голой раме. Так что теперь дым из печки- духовки выходил прямо наружу, не заполняя маленькую комнату, где и без того трудно было дышать.

Конечно же, за это все обитатели похвалили нас, а мы, совсем воодушевившись, еще и отправились на чердак, чтобы буквально наломать там дров – от всех реек, которые мы уже пристрастились обламывать. И когда вернулись с этим топливом в охапку, то сразу разгорелся такой веселый и трескучий огонь, что, пожалуй, и нам теперь мог кто-то позавидовать...

Но нет – пусть в папиной палате было и холодновато, а все же он там не знал того, что доводилось здесь. Вон к концу дня выяснилось, что снова есть покойники – и сразу два: старуха и младенец, над которым причитала молодая мать. Скончавшихся уложили в коридоре, прикрыв разным тряпьем, а это значило, что утром жители комнаты должны их сами хоронить. “Тиф!” – осторожно сообщила мама, осмотревшая обоях, и это было первым тревожным сигналом – началом того, что потом поразит многих, эпидемия среди угнанных.

Оказалось, что хоронить теперь можно без участия близких: с наступлением света к воротам общежития подкатила повозка – почти такая же, на которой мы ехали за продуктами, и в нее понесли покойников из других комнат, а потом из нашей. Всего набралось около десяти человек, и когда лошадь, понукаемая пыненым возчиком, потащилась по скользкому снегу к мосту, многие из окон смотрели вслед им. И все же тогда не думалось, что наступит время, когда такие повозки будут подъезжать несколько раз в день...

Но мы еще не знали того, о чем не ведал и писатель Валентин Катаев, когда описывал, как мать с сыном были погружены в специальные повозки. У него там, в рассказе “Отче наш”, сказано, что эти жертвы были одеты, а ведь впоследствии, наоборот, стало нормой хоронить умерших раздетыми. И не только хоронить в таком виде: еще до захоронения и до вывоза трупов многие из них валялись на улицах без одежды – в одном нижнем белье и без обуви. А иногда румыны раздевали

еще живых людей, не дожидаясь, пока они умрут. Да, я с братом был даже свидетелем такого случая... И вот чего уж не знал, слава Б-гу, наш отец!

Это вышло, когда мы отправились за топливом – заранее заготовленными дровами из поломанных на чердаке стропил. Возвращаясь с ними – тихо и осторожно, чтобы нас не обнаружили враги, мы вдруг увидели в полуутяме, как двое парней лет по 15-16 возятся с какими-то стариками. Оказалось, они душат этих бедняков, которые вышли, чтобы помолиться. Старики уже хрюпали, а молодые мерзавцы тут же стягивали с них, что было – пальто, меховую куртку и шапку. При виде нас – да еще с палками – они, явно приняв меня с братом за таких же грабителей, сразу сбежали, огрызаясь на ходу. После них у одного из старииков уже шла кровь из носа, а другой заметно задыхался, хоть теперь вместо них читай молитвы... ну и ну!

Тогда мы повели их на второй этаж, а оба вдогонку обещали нам действительно помолиться – в благодарность. И не эта ли их молитва, как и просьбы к Вс-вышнему нашей бабушки, спасли нам вообще жизнь?

Хорошо, что наш папа не знал и таких ужасов. Так что ему и впрямь можно было позавидовать, как бы там ни было...

Мои питомцы

Как самый маленький в нашей комнате, где проживало около десяти человек, я пользовался особым уважением окружающих.

Кроме брата, который все время был рядом, не оставляя меня без внимания и защиты с утра до вечера, со мной всегда была забота бабушки – нашего доброго гения. А мама, едва появившись вечером, в первую очередь интересовалась – все ли со мной в порядке. Потому что вокруг было беспокойно и опасно – и это сказывалось на каждом шагу: так, румыны стали прибираться к нашей печурке. Хотя она обогревала почти всех жильцов третьего этажа, ходивших к нам “посидеть”, но в конце концов они запретили ее (якобы из пожарных соображений). Или потом жандармы стали прибираться к мальчишкам, которые, как и я с Сережей, шмыгали через проходную, чтобы попасть в город. Их ловили, избивали палками на виду у всех, а потом водили вокруг здания, заставляя кричать: “Тот, кто будет убегать, будет, как я, получать!” “Так что становилось проблемой самое насущное – как

раздобыть воду или как сходить по нужде... Что и говорить, “новый гембель”, по словам бабушки!

Но даже в такой тягостной и хлопотной обстановке, я должен заботиться о других – более маленьких и беспомощных. Это случилось с появлением среди нас настоящих малышей – как ни странно, одиноких. Сперва то был Яша – существо, которое я обнаружил как-то утром. Оказывается, он ползал в моих ногах, пока я спал, свернувшись в клубок, и жалобно плакал. Выяснилось, что его привела сюда, в нашу комнату, родная мать – по словам видевших ее, красавица. Сказав сыну, что она “скоро вернется”, та больше не появилась, а покинутый сынок стал не просто плакать, а... вдруг захотел “по-большому”. И мне пришлось за него ухаживать, как ни трудно и непривычно было это делать – и не только без воды. Тогда люди ходили в уборную, куда фактически нельзя было зайти, но я все же кое-как пристроил его.

Это привязало ко мне Яшу, и он уже не отходил от меня ни на минуту, пока за ним не начала ухаживать наша бабушка, а потом и мама. Тогда уж трудно стало с продуктами, но все равно малыш питался у нас – что называется, чем Б-г послал. Да, то был действительно Б-жий дар – наша пища, которую нам передавали – и как ... по канату! Вернее, то были куски материи, разодранной из ненужных одежд и туто свернутых, которые мы спускали из окон, а внизу их концы ловили стоявшие местные жильцы и привязывали к ним кастрюли или сумки с едой за те вещи, что им подавали сверху. О, это была целая операция – сложная и хитроумная!

Оказывается, эти женщины давали взятку румынским ч-совым, чтобы те подпустили их к окнам и вообще пустили во двор. Сами же румыны делились со своим начальством, которое устраивало проверку. Но нам и не забыть ту еду – иногда еще теплую, как это было, например, с переданным нам чайником, в котором оказалась лапша! Помню, до чего ликовал и примкнувший к нам Яша, уплетая эту пищу, уже забытую им, а потом с особым удовольствием слушал то, что я ему рассказывал, – какую-то историю, чуть ли не сказку...

Вообще он так привык ко мне, до того втянулся в нашу жизнь, что вроде бы и не скучал за своей мамой. Лишь в самом конце нашего пребывания в гетто она появилась, как ни в чем не бывало. Это вышло после того, как ее бросил подвернувшийся было дружок (чуть ли не из милиционеров — видно, дезертир). Потом мы узнали, что эта красавица все же выжила со своим сыном-сиротой, и я даже встретил его спустя

полвека... и где – в кулуарах на одном съезде, когда меня окружили разные люди после моего тамошнего выступления.

Это была удивительная встреча! Робко поинтересовавшись, действительно ли я такой-то, он стал рассказывать о себе. К тому времени Яша – или как там его полностью? – был жителем Москвы, инженером-связистом, вполне нормальным семейным человеком. А недавно я узнал, что он в 1992 году уехал с семьей в Израиль. Вот как сложилась судьба у этого моего питомца, что называется...

Вспоминается и другой, еще более драматичный случай. Однажды мама привела в комнату мальчишку с перевязанной головой. Она стала разматывать его бинт, и я ужаснулся: в открывшейся там ране зашевелились черви. Потом этот парнишка, по имени Гарик, еще приходил к нам для перевязки, и я постепенно узнал, что с ним произошло. Оказывается, он с матерью долго скрывался в городе от угона сюда, в гетто. Но их обнаружили при очередной облаве во время пресловутой очистки города (из-за чего погибла и тетя Сарра).

Тогда румынский офицер вломился в его квартиру вместе с дворничкой и соседями и обязал его с матерью на следующий день прийти в гетто. Им предстояла общая участь – без всяких надежд, как у них было... Но вечером того же дня этот офицер вдруг заявил к нему. Видно, он был привлечен матерью – все еще красивой моложавой брюнеткой. Не скрывая своих намерений, как мать ни отказывалась от таких ухаживаний, румын приставал к ней – вполне откровенно. Когда же стал даже применять силу, не обращая внимания на мальчика, то Гарик кинулся на него и вцепился зубами в руку. А тот в ярости схватил стоящий рядом на столе утюг и... ударил мальчика по голове.

Ну, так удивительно ли, что от такого удара у него остался на голове шрам, которого не могло скрыть никакое лечение? Не скрыла потом ни копна седых волос, ни вообще время – тот долгий срок, который прошел до нашей встречи с ним – уже взрослым человеком.

Я видел его второй раз в жизни в начале 90-х годов, когда этот Гарик (или как его по-взрослому?) сам узнал меня, придя в нашу Ассоциацию. Это было тоже перед отъездом его – человека, по сути выхоженного мною вместе с моей мамой, – за рубеж. Еще одна встреча, почти невероятная в этой жизни!

Думаю, и там, за океаном, он не забывает о том, что было когда-то в Одессе, в Слободском гетто! Не забывает не только все плохое, а и доброе!

Самое плохое

Выше я уже ссылался на проф. Борового, который писал о скученности людей, согнанных в гетто, и о том, что это порождало.

Да, в тех условиях было неизбежно самое тяжкое – эпидемии, которые охватили почти всех. Люди заболевали, не имея возможности мыться, покрываясь лишайми и открытыми ранами. Особенно мы не в силах были одолеть наиболее отвратительное и опасное – вшей.

Эти вши постепенно заводились на каждом, переползая от одного жильца к другому. Их было так много, что они кишели на одежде, словно та шевелится. Люди занимались, как могли, уничтожением этой гадости: были руками, давили пальцами и ногтями. Кто имел возможность, выбрасывали обобшившую одежду и одевались в другую. Но вскоре снова мучались от обилия этих вездесущих болезнестворных паразитов...

Конечно же, в нашей комнате не удалось уберечься от этого источника сыпного тифа. Сперва заболел я, хоть и не находился все время на месте, а шнырял по зданию и за его пределами. Приходилось сновать то в поисках топлива (в ход шли не только чердачные перекрытия, а и обломки тумбочек, ящики и прочее), то добывая какие-то продукты (обмен на вещи, покупка за оставшиеся деньги). И не это ли тоже было причиной заражения тифом – общение с другими?

А потом заболел Сережа, казалось бы, всячески оберегавшийся. Раньше он не оставлял меня в беде, пока я лежал с температурой и в полузабытье, а теперь нам стало еще труднее в этой обстановке. Наконец, болезнь одолела и маму – пусть и врача, лучше всех знавшую и умевшую избежать ее. Или, возможно, так вышло, потому что она перед этим прилагала все силы для помощи другим заболевшим.

Да, мама опытный инфекционный врач Фредерика Абрамовича Сушон-Золотухина тогда помогла многим евреям, заполнившим больницу на Слободке. Как и боролись за жизнь людей многие другие врачи-евреи, находившиеся при этой больнице: профессор Срибнер, доктор Турнер, доктор Райннербам, доктор Рашкович, доктор Шпанек, доктор Гольдман, доктор Хуво. Все эти врачи достойно выполняли свое дело медиков, оставаясь даже в тех невыносимых условиях верных ми клятве Гиппократа. Они являлись целителями не только тел своих больных, а и душ, вселяя в них бодрость в самых

безнадежных ситуациях. И это происходило в дальнейшем по дороге в Акметчетку и в Доманевку, в Мостовое и Карловку. Слава им всем и великая благодарность от всех!

Вместе с тем, судьба тифозных больных, как ни странно, стала для них и спасительной, если не случалось самого тяжелого исхода. Ведь это становилось препятствием для отправки таких людей на этап: румыны вынуждены были давать отсрочку от эвакуации вместе с остальными евреями в гетто. Средством для определения – кто именно еще болен и должен быть освобожден от угона, – служили так называемые “температурные графики” – начертанные на миллиметровой бумаге линии повышения или понижения температур с фиксацией их по часам и дням. Да, как ни странно, румынский комендант подходил этот цивилизованно к массе больных, следя за динамикой температуры каждого. И лишь когда после наступления кризиса падала температура, он давал еще некоторое время “на оздоровление”, а потом уже назначал этап. Ну и легко понять, что наши врачи делали все, чтобы температурная кривая на той “миллиметровке” обеспечивала больным возможность задержаться... Нелегкое, но и спасительное испытание для евреев в гетто.

Увы, наша семья прошла через такое испытание. И не заболела только бабушка, которую, видимо, хранил сам Г-г, при всех ее молитвах...

Но настало время, когда кончилось и это – самое плохое в Слободском гетто. Случилось неизбежное и все же нежданное – наш этап в неизвестность.

5. ИЗ ОДЕССЫ

Но до этого события – угона из Одессы – еще пришлось пережить немало.

Пока шла отправка евреев со Слободки на Пересыпь и дальше – в зловещую неизвестность, стояла зима со всеми ее особенностями и тяготами. Снег и морозная стужа, первые капели с крыш в конце февраля и снова пронизывающий норд-ост из разбитых окон, черные ветки там – над безлюдным Дюковским садом, и терзавшие душу крики воронья среди куч мусора на соседней свалке – все это казалось неотделимым от общей беды – гетто.

Тогда нам пришлось снова хлопотать из-за холода, добывая трубу к нашей печурке, потому что прежнюю кто-то унес из нашей комнаты. Для этого мы с Сергеем опять отправились в центр города, а там – у Нового базара – просто выломали кусок рынвы – водосточной трубы на стене заброшенного полуобгорелого дома. Тогда же мы снова побывали у нашего папы – в той же больнице, где он, бедняга, находился без нас, и даже понесли ему кое-что из белья (так распорядилась бабушка – по секрету от мамы, которая вообще не знала, что мы собираемся туда пойти!). Но, к нашему удивлению, папа, вроде бы не изменившийся и даже не павший духом, не только обходился без нашего белья, а и имел многое другое необходимое: кусочек мыла на тумбочке и даже новенькую бритву “золинген”, не говоря уже о баночке варенья внутри тумбочки или об остатках консервов и куска булки. Конечно, тут мы с братом понимающие переглянулись: это опять была забота о нем со стороны доброй девицы – Лиды Ильенко, которую, действительно, сам Вс-вышний послал нашему папе в такую страшную пору!

Но выяснилось тогда другое. При нас же появилась незнакомая особа – на вид 30-летняя, довольно приятная, статная и даже красивая. Она стала ухаживать за неподвижным больным, как опытная санитарка, начиная с его подсева. Лишь потом оказалось, что она, Антонина Анисимовна, сама лежала в этой больнице, а когда в своей палате услышала, что по соседству кто-то поет – и больше всего украинские песни, да еще поет заливисто, даже захватывающе, “с душой”, то по выздоровлению пожелала узнать, кто же он – “этот “Шаляпин”. Так они и познакомились, и эта добрая и участливая женщина, муж которой тогда находился на фронте, а дома оставался лишь 3-летний сынок, стала захаживать к Петру Харитонови-

чу, чтобы как-то помогать тому, кто остался фактически без семьи... И кто знает, не влюбилась ли она в этого веселого и обаятельного мужчины, пусть он и был полностью беспомощен, а то, быть может, и даже имела на него какие-то виды...

Как бы там ни было, примерно с марта 42-го наш отец находился под постоянным присмотром – и сразу двух участливых женщин, ибо Лиза тоже приходила к нему. Ну и как после этого нам было не признаться маме всем – хотя бы в том, что мы навестили папу и вообще побывали в городе? Пусть она и сердилась из-за такого дерзкого поступка – вылазки из нашего гетто.

Но, повторяю, все это происходило еще в сумрачную зимнюю или мартовскую пору, которая, в моем представлении, стала образом всей жизни там, в гетто. К тому же вся мрачная, буквально мертвящая обстановка в нашем помещении сочеталась с теми потерями, которые были вокруг и не только из-за эпидемии сыпного тифа, так что мы сами с трудом приходили в себя. Дело в том, что каждый раз становилось известно о гибели тех, кто помогал другим не погибнуть, – врачей, маминых коллег. Лишь впоследствии удалось выяснить количество таких жертв и даже составить список погибших – и в первую очередь в гетто.

Такой список составлялся втайне теми медиками, которые работали при областной больнице, расположенной на Слободке, и как бы продолжали список евреев – жертв фашистского террора, начатый еще в упоминавшемся “штабе” на углу Херсонской и Ольгиевской. Если это и не был законный “юденрат”, о существовании которого до сих пор нет определенного мнения, то, во всяком случае, им много делалось для конкретной помощи как многочисленным жертвам – больным и приравненным к ним, так и тем, кто оказывал эту помощь.

Поэтому с особым уважением и даже душевным трепетом я специально переписал и как бы официально привожу здесь список врачей-евреев Одессы, которые погибли – и в большинстве случаев на своем благородном рабочем посту.

Этот список возглавляют известнейшие специалисты – профессора:

Бланк Л. П. (невропатолог);
Рабинович А. С. (невропатолог);
Рубинштейн Б. Г. (гистолог);
Файнгольд М. А. (дерматолог).

В списке других врачей прежде всего хочу выделить дорогих женщин:

Бродская (odontolog);
Бронфман (терапевт);
Варшавская (odontolog);
Гаузенберг (зубной врач);
Гольденберг Н. А. (nevropatolog);
Жвиер (лаборант);
Леви (стоматолог);
Микман (лаборант);
Мошкович Н. М. (врач-лаборант);
Орлик (odontolog);
Пастернак (педиатр);
Полякова П. И. (врач-лаборант);
Ревич О. И. (педиатр);
Файнгерш (терапевт);
Фрак (педиатр);
Френкель (врач-биохимик);
Фурман (врач-лаборант);
Фурман П. М. (эпидемиолог);
Чернявкер (педиатр);
Эльзон (провизор).

Некоторые из названных женщин-врачей погибли вместе со своими мужьями – тоже врачами. Из числа последних были следующие:

Бродский (санитарный врач);
Варшавский (терапевт);
Гольденберг А. Ф. (терапевт);
Леви (зубной врач);
Ревич (педиатр);
Чернявкер Е. Л. (гинеколог).

Такие жертвы – целые семьи – представляются особенно чудовищными, если думать о невосполнимой потере, которую понесла в ту пору и медицина Одессы, и в целом еврейское население нашего города...

Но вот список врачей, среди которых есть много известных имен, что лишь усугубляет мрачную картину нашей потери:

Петрушкин (педиатр);
Чудновский (гинеколог);
Бихман (болезни желудка);
Фишер (венеролог);
Чацкий (санитарный врач);
Зингер (терапевт);

Зусман (терапевт);
Гурфинкель (уролог);
Школьник (дерматолог);
Хуво (терапевт);
Рубинштейн Г. М. (невропатолог);
Сворек (мalariaиолог);
Шапиро (венеролог);
Зайнфельд (гинеколог);
Гуз (доцент, терапевт);
Кирбис (невропатолог);
Горовиц (хирург-уролог);
Гольдберг (венеролог).

И другие. Всего в списке значится 61 человек. Я привел их не в алфавитном порядке, а так как эти фамилии были записаны в те дни – тогда.

Но, разумеется, дело не только в количестве погибших или их таланте. Страшно подумать, что так или иначе были уничтожены благородные носители знаний и опыта – каждый специалист в своей области медицинской деятельности. А самое трагичное, что погибли те, кто призван был защищать жизни!

Понятно, что мы были особенно счастливы, раз от смерти сумела уберечься наша мать, помогавшая другим выжить – как врач и человек – даже в пору своей болезни. Конечно же, она сделала все, чтобы спасти от страшной участи своих детей, страдающих у нее на глазах. И поныне не забыть, как заботливо прикасались ко мне материнские руки, когда я, уже оправившись от забытия или беспокойных приступов бреда, валялся в своем углу нашей комнаты. А бабушка – та просто не отходила от внука, то и дело поднося или какое-то лекарство, или кусочек чего-то вкусного. И не эта ли хлопотливая и упорная забота о близких поддерживала и придавала те силы, которые уберегли ее?

Помню, каким слабым и особенно жалким я казался себе, когда поднялся с постели, вернее с того тряпья, на котором лежал. Что-то из моих вещей тут же было сунуто в печурку, чтобы их сжечь, – и как весело гудело пламя там, словно тоже радуясь моему выздоровлению! Так же радостно пели за разбитым окном какие-то птички, и не сразу я сообразил, что они не просто так приветствуют меня, а и вообще что-то ме-няется вокруг...

Да, ведь наступала весна – и вон я заметил легкий зеленый пушок на деревьях Дюковского сада, а небо высоко над головой показалось ясным и чистым, словно избавленным от зим-

ней корости – снежных облаков, как и от наших болезненных струпьев. Что бы там ни было, но жизнь торжествовала в природе, и это давало маленькую надежду: авось, и мы выживем!

Потом весна стала проявляться во всем: и в теплом пахнущем морем воздухе из окна, и в людских голосах у ворот нашего здания, и даже в первых звончиках трамвая, пущенного по 15-й линии. Или когда в первых числах апреля вдруг пошел крупный мокрый снег, он все же вскоре растаял, а слух радовал и звенящие вдали колокола: как раз наступила пасха, пусть это был и не наш еврейский праздник. Но, помнится, мама привнесла тогда из больницы, в которую снова начала ходить, несколько кусочков пасхального теста вместе с крашенками то, что было получено от православных больных. И нужно ли говорить, с каким наслаждением мы набросились на такую еду? Лишь бабушка не присоединилась к нашей вкусной трапезе, не забывшая даже в этих условиях разные премудрости из своей Торы. Она воздержалась от такого соблазна, а мы от души жалели ее...

Когда же все немного оправились от болезни и ее последствий, то нас забеспокоило главное: не угонят ли нашу семью вместе с остальными? Похоже, уже нельзя было надеяться на эту таблицу – «температурный график», который определял состояние заболевших тифом и по которому румынское начальство решало судьбу евреев. Возможно, нас всех удерживали здесь из-за последнего больного – Сережи, хотя поначалу мы думали, что он заболел не сыпняком, а просто простудился, выбежав наружу в самый сильный снегопад с мокрым ветром. Тогда он не только верстался среди других задержанных, а и пробовал выяснить у попавшихся местных жителей, что слышно о фронте... где идут бои... как наши? Ведь многих еще не покидала надежда, что Одессу так или иначе освободят – то ли с моря, то ли подойдет ближе передовая...

Правда, к тому времени пропала всякая надежда на партизан, которые сидели в катакомбах поблизости, но вроде бы не пытались освобождать из гетто загнанных сюда людей. В вышеупомянутой книжке Г. Марцишек я не нашел ничего, кроме сочувствия угнанным евреям, о каких-то попытках борьбы за освобождение из гетто со стороны специально оставленного для борьбы отряда под командованием Бадаева. Но зато позже стало известно о благородном поступке одного партизана, который по своему почину стал помогать евреям, бежавшим из-за колючей проволоки, – того самого, о ком уже

упоминалось. Да, он не отсиживался в catacombe в ожидании особых приказов, а сам стал действовать – забирать беглецов из гетто в собственную catacombe – “мину” во дворе дома на поселке за Слободским кладбищем — на 2-м Лиманчике. У этого доброго и смелого человека – Василия Иванова, в прошлом чуть ли не председателя колхоза, но оставшегося беспартийным после неприятностей в 37-м году, хватила смелости, чтобы, в нарушение всех грозных румынских приказов, держать у себя целую группу таких спасенных – свыше 30 человек. Они находились у него всю зиму, получая еду и воду, слушая слова поддержки и надежды на окончательное спасение, даже пытаясь как-то содействовать партизанам, замурорванным в catacombs по соседству. Лишь с наступлением тепла кто-то узнал о прятавшихся у него евреях, а однажды, когда хозяин выходил на поверхность, чтобы запастись для них провизии, его схватили из засады сотрудники сигуранцы.

О дальнейших подробностях судьбы Василия Ивановича и его близких писала после освобождения Одессы в начале июня 1944 года газета “Чорноморська комуна” (привожу выдержки из заметки на языке оригинала – украинском):

“Довго і озвіріло допитували в сигуранці сім'ю Івановичів. Василь Іванович мовчкі переносив всі муки. Тільки, дивлячись на муки дітей, кров'ю запливалось батьківське серце, холодів у весь. А все ж таки мовчав: ні слова не почули від нього кати.

Разом з сином осіннім ранком румуни розстріляли Іванова. Дружину з дочкою засудили на 20 років категорії...”

По другой версии, которую я узнал впоследствии, власти поступили с В. И. Ивановым еще более жестоко. Они не таскали его в свои застенки, а использовали стену дома этого партизана: сперва поставили его к ней и стреляли по нему, а точнее вокруг его головы, плечей и рук, оставляя пунктирный силуэт. И лишь когда старый человек, никого не выдав, но поседев на глазах, попросил пощадить близких, расстреляли его.

Вот судьба настоящего защитника евреев – истинного *праведника*, чье имя достойно чествования в Иерусалиме!

Так вот – тогда же мой брат, не узнав ничего огражденного от вольных слободских жителей, и заболел после возвращения в комнату... не из-за нервного расстройства ли? И только из обрывков “Одесской газеты”, которые он взял у своих собеседников, можно было догадаться: Красной армии совсем не до нас... Бой шли под Ленинградом (который все же не был взят!) и под Воронежом (далековато от Одессы!), и вот что это

были за бои: “Через трупы, волна за волной, шли большевики, но все их попытки были отбиты”. А “на среднем участке фронта германские части, несмотря на неблагоприятные условия местности и сильную метель, отразили все атаки войск и в одном месте окружили часть одной советской армии, причем все попытки красноармейцев вырваться из кольца были разбиты”: Более того, в номере газеты за 28 февраля 1942 года сообщалось о больших успехах немецких союзников – японцев: о взятии ими какого-то Рангуня в Юго-Восточной Азии. И хотя мне не было никакого дела до японских побед, несмотря на близость раньше нашего дома японского консульства и даже на встречу однажды с живым японским дипломатом – в черной машине и цилиндре, я сам расстроился.

Но что это было в сравнении с тем, что начались вскоре – в мае. С одной стороны, стало еще прелестнее вокруг – с расцветом Дюковского сада и теплыми морскими дуновениями ветра, с утренними криками детишек, игравших в футбол чуть ли не на соседней свалке, или с пением по вечерам какой-то легкомысленной молодежи, возвращавшейся из кинотеатра рядом с маминой больницей – раньше имени Старостина, а теперь “Дачия” (даже не догадаться, откуда такое странное название!). А с другой стороны, пошли известия про неудачные бои наших войск под Харьковом, где попали в окружение целых три армии, и также про наступление немцев в Крыму – на крайнюю оконечность, с Керчию... вот куда они уже дошли, не считая Ростова! Одолевали мысли о том, что там с Севастополем, который еще, кажется, держался, но якобы из последних сил. А главное – как Москва, которую немцы не взяли осенью, но вроде бы и не слишком отступили от нее весной? Сколько было вопросов, на которые не было ответов, как бы я с Сережей ни обсуждал военное и международное положение, сидя у его постели, пока брат выздоравливал.

Самое же поразительное: в мае вдруг появился Лещенко! Да, все-таки приехал этот знаменитый певец, хотя тогда, в зимнюю пору, несмотря на его яркие нагловатые афиши, ничего не вышло. Об этом сообщила мама наряду с другими новостями о том, что из больницы забрали в этап очередного врача-еврея – не то Срибнера, не то Турнера (и это забеспокоило: скоро ли доберутся до нее самой?), а также в ходе разговора о том, что, кажется, уже больше нечего продавать из носильных вещей, чтобы раздобыть свежих продуктов (не отдавать же последнюю драгоценность – свадебное ожерелье...) и за что – за эти презренные “марчи”, как стали называть но-

ые деньги – РККС?!). Кстати, я еще не мог привыкнуть к этим немецким деньгам, даже к их полному названию – “райхскредиткассеншайне”, не говоря уже о том, что неумело обращался с ними (вои как тогда влетело от мамы и бабушки – за обмен из на Новом базаре при покупке сала и керосина!). Хотя вот, кстати, какие деньги выбрасывают другие (так мама называла неевреев, а прочих жителей Одессы!) – и даже на такую ерунду... подумать только, на концерт того, кто поет эти жлобские вещи – “Чубчик” или “Мою Марусеньку”!

Так я узнал о приезде Петра Лещенко и его концерте в театре – уже не Оперном, как предполагалось раньше, а в Русском – тоже открывшемся. Ну и сколько было потом разговоров, когда какая-то больничная санитарка, которая пошла туда на этот концерт с мужем, вернувшимся из плена, рассказывала и про красавца-певца (хоть и “пидстаркуватаого”!), и про то, как он “аж перекрутился”, заканчивая знаменитого “Чубчика” (“и хватило же еще сил – не говорите!”), и даже про одну “молодуху” в белом платье с огромной розой (он якобы ей “особо кланялся”!). Мы слушали все это, глотая слюнки, словно от сильного голода.

А когда мама, усталая и особенно раздосадованная, усилась за еду, приготовленную бабушкой, то Сережа лишь сказал сквозь зубы: “Ничего... нам еще споют другие!” Но если он имел в виду Утесова, то его песенки и так уже вовсю звучали вокруг – и не только сопровождая еврейские этапы, как бывало раньше. То из Дюковского сада, а то и из соседних домов можно было слышать или издевательскую “Прекрасную маркизу”, или не к месту хвалебную “Так будьте здоровы”. А у меня что-то замирало внутри лишь при звуках матросской песни “Раскинулось море широко”, в которой было все: напоминание про любимое море, тоска по старой городской жизни, смутное ожидание чего-то хорошего – от тех же матросов, которые теперь тяжело дрались под Севастополем...

Но про Севастополь поступали все более и более тяжелые вести. Вон к соседке, явившейся с продуктами к нашему общежитию, недавно вернулся из того же плена, что и муж больничной санитарки, ее племянник. Он рассказал такие ужасы: как он спасся, прячась за горами трупов, а вернее даже... укрываясь этими трупами. “Мерзавец!” – не удержавшись, выкрикнула мать, обычно спокойная и осторожная в выражениях. Но скоро она же принесла свежую “Одессскую газету”, в которой сообщалось не просто о взятии далекой Кер-

чи: похоже, и Севастополю близился конец... Хотя, собственно, эта газета приглянулась ей не ради каких-то военных действий: там было напечатано и то, что касалось прямо нас – евреев.

“УПРАЗДНЕНИЕ ГЕТТО” – так сообщалось в ней крупным шрифтом. И ниже – этакая маленькая скромная заметка:

“10 июня с.г. закрылась окончательно на Слободке больница-гетто, а также вообще гетто.

В этот же день были выселены в Березовку последние евреи, которые находились в гетто, а несколько больных переведено в больницу при центральной тюрьме.

Евреи, которые будут обнаружены или пойманы после 10 июня, будут арестованы, препровождены в центральную тюрьму и судимы Военным Судом”.

Прочитав такое, все сразу вскрикнули: “Ну, а мы... Разве мы уже уехали в Березовку? Или нас теперь схватят и тоже препроводят в тюрьму?”

Как-то поразило даже это выражение – “упразднение гетто”, как будто оно обозначало конец той жизни, которая казалась единственной и вечной. Или мы очутились за пределами вообще реальной жизни?

Но поразило и то, что, значит, теперь мама оставалась без работы – с “закрытием окончательно” слободской больницы-гетто.

Не означает ли это, что нас уже вышлют – вслед за всеми?

Мы так засуетились, что я не сразу заглянул в ту часть газеты – на первой странице, где сообщалось о военных действиях.

Между тем в ней была заметка под заголовком “На фронтах в России” о том, что шли бои под Харьковом с окружennymi частями, а также на Волховском фронте и даже у Мурманска. Но главное, что привлекло меня, – Севастополь.

“Германская пехота под Севастополем продвигается все дальше вглубь вражеских укрепленных позиций... Происходят упорные рукопашные бои.

После многодневных упорных боев взят форт “Сталин”.

Боевые самолеты потопили транспортный пароход.

В водах Крыма торпедирован один эсминец...”

Этот номер газеты – за 16 июня я потом еще долго листал, стараясь не верить многим сообщениям. И даже повздорил с братом, желавшим ее порвать.

А мама с бабушкой уже собирали наши вещи, готовясь к

неизбежному этапу. Как и те люди, которые еще оставались в нашей комнате. И вдруг стало даже тоскливо – оставлять то, с чем мы как-то смылись...

Но вышло так, что мы ушли на этап лишь через неделю – 23 июня.

Итак, прощай, дорогая Одесса!

Вокруг гетто

Впрочем, пребыванием в гетто или уходом из него не ограничивается судьба многих одесских евреев в ту пору. Ибо вокруг Слободки и в других местах не утихала борьба.

Да, весьма драматически, если не трагично складывались обстоятельства также у тех, кто всячески увиливал от загона за слободскую колючую проволоку, а потом, попадая за нее, все же сбегал оттуда, чтобы снова попасться, или скрывался по всему городу.

Можно было бы привести пример со Д. З. Стародинским, как он, поначалу избежавший отправки на слободскую окраину и пытавшийся как-то затеряться в центре Одессы, вынужден был вернуться в гетто, пусть и привлеченный туда лишь одним стремлением – найти мать. Мне известны и другие примеры сложных взаимоотношений, если так можно выразиться, с гетто: и связей находившихся жителей там с их городскими квартирами, и получением с центральных рынков продуктов в обмен на одежду, и даже с денежными комбинациями. Последнее выражалось во многом: от обмена советских рублей на оккупационные марки (что происходило официально до 31 января 1942 г., а неофициально – и позже) до злоупотреблений полученными взятками (например, как обманули студентку Руню Гофман, описанную В. Гридиным, когда ее все же угнали на этап).

Но вот глубоко драматическая история человека, который метался в оккупированной Одессе с самого начала – после прихода врагов, испытав и угон в Дальник, и бегство с других этапов, и то же гетто, как и последующие превращения вокруг него.

Привожу почти без сокращений рассказ, записанный автором одного из цитировавшихся раньше стихотворений – Ефимом Ильичем Нильвой. Он, между прочим, тоже говорит все его мытарства, связанные со Слободским гетто, а также до и после этого места еврейского геноцида.

Что сперва потрясло тогдашнего мальчика – это было еще при занятии города:

“Колонны стройными рядами шли по нашим главным улицам. В районе Оперного театра одна из колонн остановилась, так как ее встречали хорошо одетые люди, у которых на руках был большой поднос, покрытый красивым вышиванным полотенцем, а на нем – большой красивый каравай хлеба с солью”.

Потом он попал в этап, угонявшийся на Дальник. И тогда было такое:

“Когда мы заворачивали на Дальницкую, то проходили сквозь толпу стоявших одесситов, которые вырывали у евреев их узелки прямо из рук”.

А после Дальника, угоняемый дальше на Выгоду, мальчик не только “выкапывал в поле морковь и свеклу и тут же погадал ее”, но и... попал на проверку по самому деликатному обстоятельству.

“Нам объявили, что мы направляемся в Доманевку, И тогда мать моя, поняв, что до Доманевки от колонны останутся считанные люди, подошла к румынскому офицеру и начała ему объяснять, что мы сюда попали случайно, по ошибке.

Этот офицер выслушал мать, взял меня за руку и отвел в сторону к посадке. А там приказал мне снять штаны и проверил меня на обрезание”.

Приказав конвоирам “отпустить” его, “не обрезанного”, с матерью, офицер дал возможность увидеть тамошний ужас: “Вся дорога от Выгоды до Дальника была усеяна убитыми евреями”. Но когда они добрались до города и с “трудом” уговорили одних знакомых принять их, то утром совсем не могли попасть к себе домой на ул. Бебеля, 49. И тогда начались скитания по чужим углам, причем тоже примечательное...

“Мать сказала нашим соседям, чтобы “они горели с нашими вещами”, которые не хотели отдать. А на следующий день кто-то поджег мастерскую кукол, которая находилась в подвале нашего дома. И тогда соседи в один голос сообщили румынам, что знают, кто поджег их дом, указав на... мою мать!”

Мальчику потом пришлось “подкармливаться” у знакомых по соседству, хотя другие соседи “поочередно дежурили”, чтобы задержать его – и “так выйти на поджигательницу” (для чего был приставлен специальный жандарм).

Однажды такая облава едва не завершилась поимкой Фи-

мы, и только бегство по улицам и через сквозные дворы спасло его: "Судьба меня вторично пощадила".

Но с наступлением суворой зимы мать и сын, едва укрывшиеся на Троицкой в полупустом доме № 32, были выданы неким Новаковским, желавшим завладеть их квартирой. Мать успела удрать, предупрежденная дворником, а мальчика "схватили жандармы и отправили в гетто".

Он попал в уже знакомое нам бывшее общежитие Водного института, где и я тогда был с семьей. И, по его словам, "картина, которая представала перед взором, была ужасная".

"Люди... сидели на полу и били вшей. Мне такая обстановка не понравилась и я решил оттуда убежать. Очень просто – перелез через забор и попал в город".

Жаль, что тогда мне не довелось познакомиться с этим смелым и настырным парнишкой! А встретились мы с ним лишь спустя многие десятилетия – по совместной работе в Ассоциации евреев – бывших узников гетто (после его долголетней службы в ОИИМФе – бывшем Водном институте).

Тогда Фима стремился к одному – найти мать. Это удалось ему там, в центре города, но скоро их снова выдали и арестовали, а потом был суд.

"Полевой суд находился на Канатной (сейчас там находится облвоенкомат). После суда нас отправили в пересыльную тюрьму, которая была расположена на ул. Бебеля, 13. Мать оттуда увезли на расстрел, а меня отправили в гетто на Слободку..."

Опять гетто пересекло судьбу этого несчастного подростка, ставшего к тому времени сиротой.

Но ненадолго: из слободского заточения он попал на этап в сторону Березовки. Оттуда ему хотелось сбежать вместе с новым другом по несчастью – Изей Рыбаковым, но их погнали по соседним селам – в Сиротское и Мостовое.

Оттуда все-таки повезло уйти – "в открытую степь", а потом был путь на Балту – через попутный цыганский табор, встретивший беглецов недружелюбно. В Балте же не удалось попасть в местное гетто, где на обратном пути они задержались в молдавском селе Гандробуры, где потом довелось батрачить – и до самого освобождения...

Ну, действительно, не "чудо" ли спасло этого человека – ныне седого и несколько замкнутого – в тех переделках, которые выпали на его долю, и в попытках как-то избежать зловещего Одесского гетто?

УГРОЗА ПОПАСТЬ на Слободку до ликвидации там гетто висела над головами многих других евреев, избегавших насильтенного заточения туда и вообще прятавшихся от властей по городу.

Об этом свидетельствуют те сообщения, которые время от времени появлялись в оккупационных газетах: и о приготовлениях пойманным "нарушителям", и о тех, кого разыскивают "за укрывательство". К числу первых я могу отнести мою тетю Сарпу, о которой уже рассказывалось подробно.

А что касается последних... Вот некоторые выдержки из "Одесской газеты".

"Домовладельцы обязаны заявить о местонахождении евреев при облавах, которые будут производиться. Виновные в укрывательстве евреев будут доставлены в Префектуру полиции и преданы военно-полевому суду согласно действующих законов".

Это было напечатано 2 февраля 1942 года в самый разгар деятельности гетто. Тогда же – в "Сообщении Центральной комиссии по эвакуации евреев" заявлялось о резком ограничении прав евреев в гетто: они не имели права "выходить из домов до 12 часов дня" (а "обнаруженные до 12 час. дня будут задержаны, доставлены в бюро по регистрации и оттуда направлены на сборные пункты для эвакуации, причем им не будет разрешено вернуться домой в гетто за семьей"). Также запрещалось появляться на местном базаре "ранее этого часа – 12.30" ("виновные... будут арестованы и доставлены в Префектуру полиции"). И не имели права "укрывать евреев... на квартирах владельцы домов гетто".

От таких угроз власти вскоре перешли к делу – к вполне судебным "делам", о которых они тоже регулярно сообщали в прессе.

Вот что было в "Одесской газете" 28 февраля 1942 года:

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

"Военно-Полевой Суд рассмотрел дело еврейки Спектор П. С., уклонившейся от исполнения приказа М.У. № 7 о пребывании в гетто и приговорил ее к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

ХХХ

Еврей Васерштейн Ф. С. скрыл от Румынских властей свое служебное положение при большевиках и при задержании пытался избежнуть наказания при помощи взятки, но был уличен в этом и привлечен к судебной ответственности по соответствующим законам военного времени.

Военно-Полевой Суд, рассмотрев дело Васерштейна Ф. С., приговорил его к каторжным работам сроком на 25 лет.

х х х

За перемену еврейского имени и отчества на русское осуждена к трем годам тюремного заключения еврейка Финкель А. Г."

При этом сообщалось о наказании неевреев, но тоже по делам, связанным с угоном в гетто:

"За кражу вещей из еврейских квартир осуждены на разные сроки тюремного заключения..." – и давался перечень пяти фамилий.

Получается, что власти как бы защищали интересы еврейского населения! В номере от 2 апреля в разделе "Судебная хроника" сообщалось:

"Военно-Полевой Суд рассмотрел дело Суворовского Леонида Францевича, который занимался изготовлением фальшивых документов для евреев, а также скрывал их в своей квартире.

Суворовский за все совершенные им преступления приговорен к каторжным работам сроком на 7 лет и уплате штрафа в сумме 5000 лей".

Тут же перечень тех лиц, которые пользовались услугами этого инженера (четверо – семья Рубинштейнов и трое – семья Харитон). В результате их приговорили к штрафам по 5000 лей и к трехгодичному тюремному заключению – каждого за пользование фальшивыми документами, а также "за попытку скрыть свою национальность" – к двухгодичному тюремному заключению и уплате штрафа по 2000 лей и еще – "к каторжным работам сроком на 10 лет" с поражением в правах на 4 года после отбытия наказания – "за невыполнение приказа о явке в гетто..."

Вот как кропотливо копались оккупанты в делах коренных жителей Одессы и вершили свой суд "именем короля", как это полагалось по официальной формуле румынского военного правосудия...

Но когда уже было объявлено о закрытии Одесского гетто после 10 июня 1942 года, власти все равно свирепствовали в своих попытках наказать скрывавшихся евреев или тех, кто их скрывал.

"Военно-Полевой Суд рассмотрел дело инженера Якова Полищук и администратора магазина Станченко Константина по обвинению их в укрывательстве 11 евреев (скрывавшихся с 11 января по 16 мая в подвале дома № 13 по Уютной улице),

в числе которых находилась и жена Полищук – еврейка. Полищук и Станченко систематически поддерживали спрятанных ими евреев, доставляя им необходимые продукты питания и драгоценные вещи.

Приговором Военно-Полевого Суда Полищук Яков осужден к 6 годам каторжных работ, а Станченко Константин к 5 годам каторжных работ".

Еще хочется отметить сообщение в "Одесской газете" под рубрикой "Суд", помещенное на 4-й странице рядом с театральными объявлениями. И там – не только название оперных спектаклей (например, "Фауст") или драматических ("Дни нашей жизни", "Женитьба" и др.), в том числе о премьере в "Театре оперетты" "Гротеск". Среди них – объявление о... "концерте в пользу Румынского и Германского Красного Креста"... и тут у меня даже дрогнула рука с газетным листом: "При участии неподражаемого исполнителя цыганских и народных песен Петра Лещенко в новом репертуаре".

В очередном судебном сообщении рядом с такими соблазнами – как бы лишний укор румынским военным властям, жестоким карателям. И этот действительно неподражаемый певец... знал ли он про судьбу таких, как мы, – и осужденных, и выгнанных на поселение, и гибнущих? А ведь потом говорили, будто он сам какого-то еврейского происхождения – по отцу, что ли... пусть и внебрачного!

Но не прошло и пяти дней, как в "Одесской газете" – новое сообщение о зловредных евреях. Правда, это уже не из-за суда над пойманными, а про тех, кого власти хотели поймать. Как бы объявление о поиске целой группы в 17 человек представителей разных профессий и с указанием их адресов (на Екатерининской и Болгарской, Французском бульваре и Новосельской, в Книжном переулке, на Садиковской и Итальянском спуске). Среди них значились такие фамилии: Коган и Бернадский, Фишман и Голперин, Рейфин и Фишер, Бельфер, Соломан и Двош... Интересно, как сложилась их дальнейшая судьба, удалось ли им не попасться в руки "Суда"?

Опять- таки характерное соседство на той же 4-й странице: в Русском драмтеатре пьеса "Казнь" Григория Ге, а в театре оперетты – "Жрица огня". Как раз в пору, когда под Березовской свершались не просто казни евреев, а и полыхал огонь, сжигавший их трупы... Сумбурная и вздорная одесская жизнь как бы зловеще проецировалась на трагическую еврейскую жизнь!

Но огонь свирепствовал и самый страшный – на фронте.

Пока шла ловля беглых евреев и война против попавших в руки властей, не прекращалось сражение не слишком далеко – под Севастополем. Я уже цитировал раньше сообщения о боях за форт “Сталин” (существовал ли такой в действительностии), и вот что было в номере “Одесской газеты” за 27 июня: “Наступление на Севастопольскую крепость продолжает развиваться успешно. Враг понес большие потери в живой силе и военных материалах. Германская авиация особенно успешно бомбардировала ряд батарей...” И если уж говорить вообще о войне в ту пору, то вон как сражались и итальянцы на земле Египта – той самой пустыне, которая в представлении каждого еврея связана с именем великого Моисея, водившего Свой народ там 40 лет в ожидании лучшей участи для евреев. “После взятия Сиди-Барани... прямые попадания бомб в военные сооружения Мерса-Матрух...” Даже в далекой Атлантике – свои схватки и свои жертвы: “Одна подводная лодка потопила вражеский пароход в 8.000 тонн и 1 теплоход”. И как зрительное доказательство всеобщей кровавой трагедии – снимок, на котором в окружении матерых немецких солдат в касках замерли с поднятыми руками жалкие красноармейцы в гимнастерках. “У Харькова” – пишется над этим фото, и теперь, в наши дни, когда мне пришлось разглядывать этот номер оккупационной газеты, сохранившейся в архиве, невольно подумалось об их дальнейшей судьбе – как пленных. Да и те бравые немцы – живы ли остались, как у них сложилось “фронтовое счастье?” Ведь все мы – только люди, все жертвы этой тяжкой войны...

Кстати, не такие ли мысли и чувства заставили тогда же одного из врагов совершить человеческий поступок по отношению к евреям, о чём я вычитал в одном из дальнейших номеров “Одесской газеты” – выпущенном через месяц?

“Весной этого года военные власти получили сведения о том, что подпоручик младший лейтенант Иван Константинеску, находящийся в резерве армии и выполняющий в Одессе обязанности начальника почты, телеграфа и телефона, скрывает у себя на квартире двух евреек и заботится о их существовании. Когда произведенным расследованием предъявленные Константинеску обвинения подтвердились, он был арестован и заключен в тюрьму.

Военно-Полевой Суд рассмотрел впервые дело Ивана Константинеску в марте месяце этого года. Доводы подсудимого не оказались заслуживающими внимания и суд приговорил обвиняемого к 10 годам каторжных работ.

Осужденный подпоручик Иван Константинеску опротестовал решение суда и дело было назначено к вторичному рассмотрению в увеличенном составе суда. Вторично это дело слушалось третьего дня. Суд доказал полную виновность подсудимого Ивана Константинеску и подтвердил первое решение. Вследствие того, что вторичное решение суда является безапелляционным, последовал приказ о разжаловании приговоренного. Процедура разжалования состоялась в присутствии делегата военной прокуратуры, военной комендатуры гор. Одессы и многочисленных офицеров местного гарнизона”.

Что и говорить – чрезвычайное событие! Не только местные жители – русские или украинцы, а и сами руины не выдерживали того, что власти творили с еврейским населением Одессы – и шли ему на помощь, как могли... Но и подумать – какой спектакль устроили эти власти, разжалуя сердобольного сублокотенента в присутствии его товарищей по службе!

Не потому ли было сделано такое внушение остальным, что не один Константинеску помогал или готов был помочь евреям, обреченным на смерть?

Как бы подтверждало чисто человеческое сострадание (а не материальную выгоду или своекорыстие, как это иногда делалось!) к евреям, там же, в подборке сообщений рубрики “Суд” в “Одесской газете” от 22 августа 1942 года, сообщалось такое:

“Слушались два дела о сокрытии семей евреев Еленой Капитенко и Екатериной Евицкой. Из этих дел видно, что подсудимые были настолько заинтересованы в сокрытии европейских семей, что даже, не располагая материальными средствами, делились с ними последними крохами, содержащими в течение многих месяцев. Суд приговорил Евицкую и Капитенко к 3 годам тюремного заключения каждой”.

Три года заключения... Похоже, грозные военные суды все же учли сердобольность провинившихся и скалились над их бедственным положением.

Но зато эти же судьи из “КуртЯ марциал” – своего судилища на Канатной с еще большей беспощадностью карали евреев, попавшихся в нарушении. Вон еще через месяц – в конце сентября 1942 г. “Одесская газета” сообщила сперва о приговоре к 25 годам каторжных работ, а потом – при пересуждении – и к “замене смертной казни” “разоблаченной” Татьяне Заславской, которая, “будучи еврейкой, скрыла свою национальность, изменила фамилию и добыла фальшивые документы”

ты", но "продолжала настаивать на подлинности своих документов, а в конце концов все же созналась в своих преступлениях". И это спустя три недели после проводившегося в городе шумного церемониала с "амнистией", данной разным преступникам — вплоть до политических (после казни партизана Бадаева и его приближенных — как бы ликвидации вообще диверсионной, подрывной угрозы).

Не утомились власти и через год. В другой газете — "Молва" летом следующего года сообщалось:

"В пятницу, 9 июля с.г., в 10 часов утра на еврейском кладбище (вблизи главной тюрьмы) будут преданы смертной казни нижеперечисленные преступники, осужденные к смерти Военно-Полевым Судом г. Одессы..."

В числе этих обреченных оказался еврей, который "своевременно не явился в лагерь для отправки и был осужден к смерти приговором Военно-Полевого Суда города Одессы за № 28 от 3 марта 1943 года".

И в конце полного списка приговоренных к смерти — 9 человек есть такая варварская приписочка:

"При совершении смертной казни может присутствовать население города".

Не знаю, много ли там собралось народа — поглязеть на расстрелы. Но не думается, что такой средневековой ритуал проводился спокойно...

Можно представить, что туда пришло немало сочувствующих!

Тем более что раньше — в середине марта — "Одесская газета" опубликовала в двух номерах, почти подряд целые списки — на 100 и на 62 человека — тех евреев, которые прятались от угона в "колонии". И это явно подогрело настроения в городе из-за их судеб.

Впрочем, весьма напряженной была обстановка и по всей Транснистрии, особенно в тех местах, где были свои гетто и шел угон из них.

6. В ПРЕДВЕРИИ СМЕРТИ

Такой жутковатый заголовок очередной главы книги придумал не я.

Его довелось вычитать в скромной тетрадке воспоминаний одного из мучеников той поры в Транснистрии — уже упомянутого жителя Рыбница.

В начале этой книги я немного цитировал Н. Дувидзона, который рассказывал о том, как в их городок вошли враги и как они стали угнетать еврейское население. Но вот что было там позже с созданием гетто.

По правилам для еврейских поселенцев...

ВПРОЧЕМ, этот рассказ о жизни и страданиях в гетто — лишь преддверие тех мук, которые испытали многие в дальнейшем, когда людей угоняли в лагеря — то, что было заранее предусмотрено румынской администрацией и являлось конечной целью проведения их "еврейской акции".

Предварительно могу привести официальный документ за подписью самого губернатора Транснистрии, касающийся именно этого — деталей и принципов реализации плана по расселению жителей-евреев "в определенных местах", как там деликатно сказано. Характерно, что этот приказ Г. Алексяну был датирован серединой ноября 1941 года — за полтора месяца до того, как власти нашли повод для этапов — из-за советских десантов в Крыму, а опубликовали его за неделю до десантов (в номере "Одесской газеты" от 24 декабря 1941 г.).

Как обычно, изданный от имени Иона Антонеску, приказ № 23¹ констатировал, что "на территории Транснистрии находится значительное количество еврейского населения, эвакуированного из районов действий". По этой причине в приказе учитывалась "необходимость организации жительства евреев в определенных местах с целью обеспечения безопасности тыла". Также предполагалось, что "еврейское население должно собственным трудом и средствами обеспечить свое существование".

Эти исходные положения приказа стали основой для 10 статей, в которых с уже знакомой нам бюрократической тщательностью и скрупулезностью были расписаны условия посе-

¹ При этом сохраняется орфография документа.

ления, жизни и труда этих жертв – не без издевательской заботы о питании их или оплате труда.

Так, в частности, в приказе предусматривалось:

“... расселение производится, в соответствии с числом членов семьи, в жилищах, оставшихся от бежавших русских или евреев.

Если число таких жилищ окажется недостаточным, евреи могут быть поселены и на частных квартирах, особо им для того указанных, с установлением определенной квартирной платы”.

Но тут же, что называется, торчали зловещие уши такого заботливого размещения пригоняемых еврейских жителей:

“Ни один еврей не может оставить поселение, в котором ему назначено местожительство, без особого на то разрешения, выданного районным и уездным Префектом (начальником полиции)”.

Правда, дальше рисуется этакая патриархальная, если даже не идиллическая, картина проживания на поселении:

“Все евреи, входящие в состав одного поселения, образуют колонию, которая управляетя начальником колонии, назначаемым Претором района из среды поселенцев. Помощниками начальника колонии являются руководители групп: начальник колонии назначает для каждой группы (в 20 человек) руководителя, который несет ответственность за наличие в группе всех ее членов, заботится о благополучии их и сообщает о каждом нарушении, допущенном кем-либо из группы. Начальник колонии и руководители групп отвечают лично за присутствие всех евреев в колонии и за исполнение постановлений администрации и Жандармерии”.

Так же расписываются условия труда в таких колониях (с учетом профессий, наличия ремесленников или способных к труду)... “на основании списков, представленных начальником колонии” и даже указываются соблазнительные нормы оплаты труда:

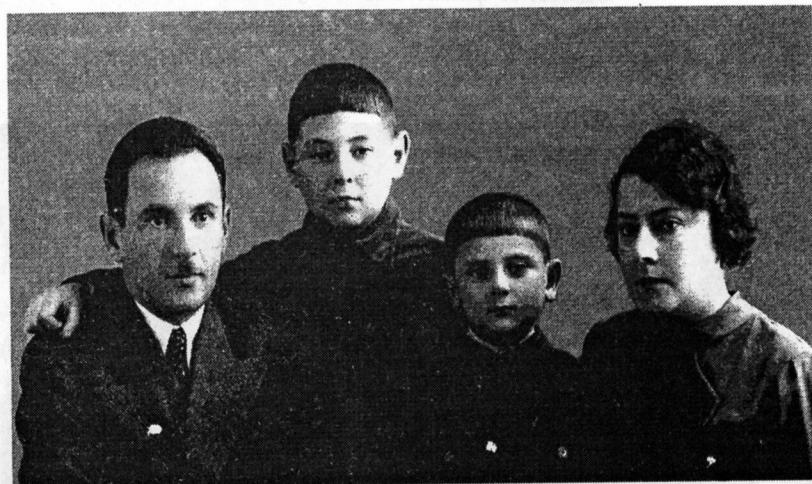
“За проработанный рабочий день выдается продовольственная карточка, соответствующая 1 рабочему дню, причем 1 рабочий день расценивается для работников квалифицированных профессий и ремесленников в 2 марки, а для лиц не-квалифицированного труда – в 1 марку”.

И тут же, конечно, не забываются строгие условия такой жизни:

“Органы Жандармерии обязаны постоянно проверять и контролировать состояние еврейских колоний, доводя до

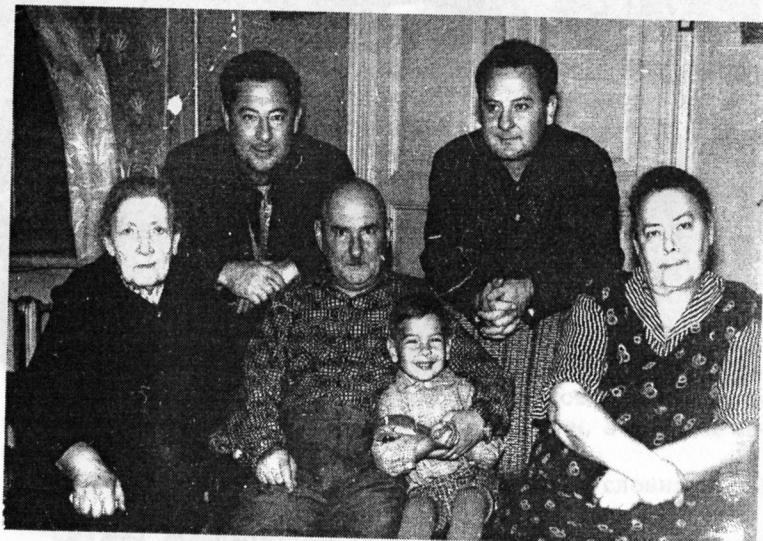
Екатерина Борисовна
Золотухина -
бабушка Л. П. Сушона
(в 20-летнем возрасте).

Семья Сушонов (1937 г.).

Леонид Сушон с родителями и братом после освобождения Одессы от фашистских оккупантов. 1944 г.

Семья Сушонов с маленьким Толей - сыном Леонида Петровича Сушона (1965 г.).

Они помогли выжить многим евреям в годы фашистской оккупации Одесчины.

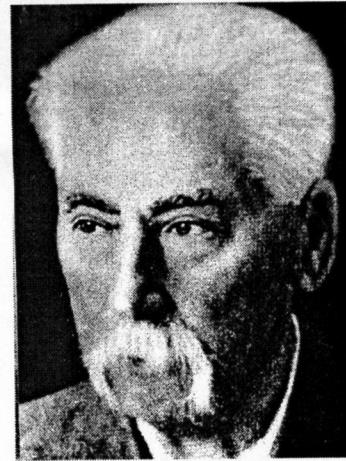
Леонид Константинович
Коровицкий.

Аркадий Иванович
Скро茨кий.

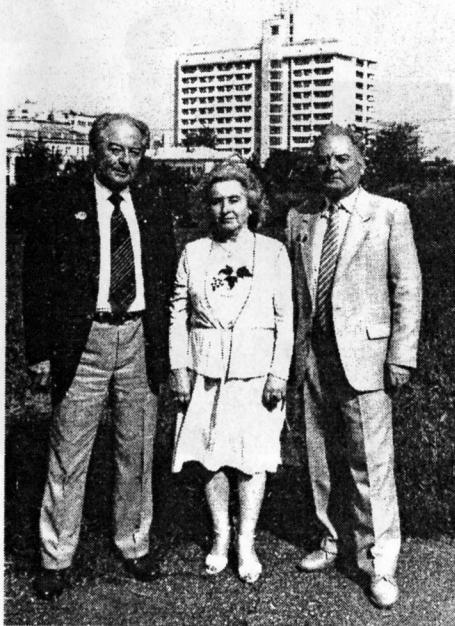

Вячеслав Карлович
Степанский.

Павел Алексеевич
Наливкин.

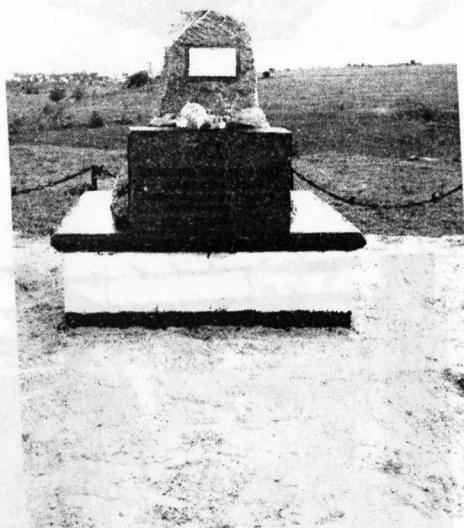
Братья Сушины
со своей
спасительницей -
Лидией Галето
(1991 г.).

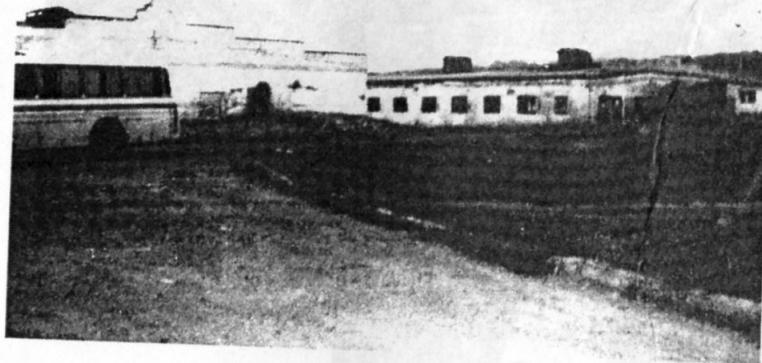
Счастливые внуки
переживших
нацистский режим.
Алеша - внук
Л. П. Сушина.

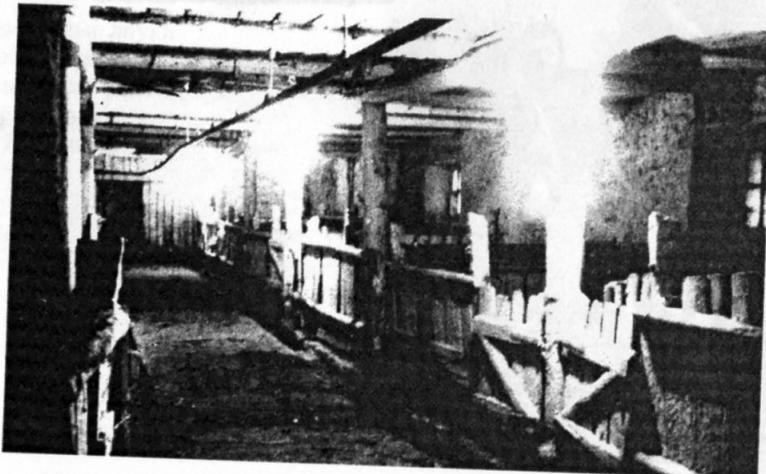
Места массового расстрела у с. Богдановка.

Памятник жертвам нацизма
у с. Богдановка.

Акмечетский лагерь смерти.

Так выглядело жилье евреев в Акмечетском лагере смерти.

Бывшая узница лагеря смерти Акмечетка Фрида Смотрицкая у памятника заживо сожженным одесским евреям (район площади Толбухина, 1991 г.).

Одесская делегация евреев на месте массового расстрела у кургана (с. Мостовое, 1991 г.)

Памятник расстрелянным евреям в с. Софиевка Березовского района Одесской области.

Л. И. Пацуло со своим спасителем Г. П. Багно и Н. Кондрашевой.
Памятник сооружен на средства Г. П. Багно (1994 г.)

Памятная доска праведников мира — спасателей евреев в годы фашистской оккупации в Прохоровском сквере г. Одессы

Аллея Праведников мира. Л. Сушон у березок, посаженных в честь спасителей его семьи - Ивана Галето и его дочери Лидии.

Обрываются цикл о гетто,
Словно кончилась кинолента,
И все кадры сошли на нет.
Но опять я не сплю ночами:
Жду рассвета, чтоб в его пламя
Бросить десятилетья спокойных лет,
Где нет гетто, слез и страданий -
Только радость первых свиданий
Над строками тяжелых побед.

Игорь Потоцкий

Лиза Шверлих, бывшая узница Богдановского лагеря, у памятника жертвам геноцида.

Наум Криммер - один из немногих, кто остался в живых при расстреле в Богдановке.

Делегация членов Одесской ассоциации узников гетто и нацистских лагерей направляется к памятнику жертвам Богдановского лагеря (1991 г.).

В президиуме учредительного съезда Международной ассоциации евреев - бывших узников гетто и нацистских лагерей (Одесса, 1991 г.).

На Всеукраинском семинаре руководителей региональных объединений, переживших Холокост. Выступает гражданин ФРГ Генрих Кассен - волонтер Международного фонда экстренной помощи "Эвен-Эзер" (1993 г.).

Представители руководства города, еврейской общественности на митинге открытия памятника "Дорога смерти".
Третий справа - Яков Маниович, бывший узник Богдановского лагеря смерти, на средства которого сооружен памятник (1995 г.).

Активисты Одесской ассоциации у памятника "Дорога смерти" (1995 г.).

Президент Международного христианского Фонда "Эвен-Эзер" Густав Шеллер и председатель Всеукраинской и Одесской ассоциаций евреев - жертв нацизма Л. П. Сушон.

Леонид Сушон - председатель Всеукраинской и Одесской ассоциаций евреев, переживших Катастрофу (слева в центре - главный раввин города Одессы и области, председатель общества еврейской культуры И. Гиссер и редактор еврейской газеты "Шемрай Шабос" Г. Блиндер).

Леонид Сушон (второй справа) - гость председателя Фонда исторических видеоматериалов "Пережившие Шоа" Стивена Спилберга среди сотрудников Фонда (Лос-Анджелес, 1996 г.).

Одесситы, пережившие Катастрофу, при открытии мемориальной доски Слободского гетто (1997 г.).

сведения вышестоящих органов о всех обнаруженных нарушениях".

А в конце, не удержавшись, губернатор в своем приказе заговорил так:

"Каждый еврей, обнаруженный за пределами своей колонии без надлежащего на то разрешения, будет рассматриваться как шпион и немедленно наказан на основании военных законов, действующих в военное время".

О том, как на практике действовал этот кисло-сладкий, запугивающе-благостный приказ, и дают представление упомянутые выше воспоминания жителя Рыбницы — одного из скромных тихих уголков тогдашней Транснистрии, где, казалось бы, не было особых сложных проблем с местными евреями.

Итак, вот что пишет житель этого городка Н. Дувидzon.

... И что было в действительности

Как бы восполняя известные нам воспоминания В. Телера, этот рыбничанин рассказал о вопиющем, сумасбродном и изувеском факте той поры:

"Помнится, оккупанты решили при жизни поставить памятник своему кумиру — "герою" Румынни, маршалу Иону Антонеску. Для этой гнусной цели были использованы надгробья с еврейского кладбища. И тогда меня и моего друга Сему Креймермана поставили мешать бетон для этого сооружения, по сути превратив нас в... бетономешалку.

Мы были молодые, физически крепкие — бывшие штангисты. Но все же мешать бетон — это тяжелая работа: с утра до ночи без отдыха и при этом на голодный желудок. Работали мы под наблюдением полицейского — злого и вздорного. Устав от непрерывной и однообразной работы, решили отдохнуть, хотя бы выпрямиться. А в это время к постройке подошел комиссар жандармерии. Увидев нас как бы стоявших без работы, он приказал полицаю принести розги. Тот задерживался недолго: видно, розги были приготовлены заранее, а с ними принес и ведро воды. И этими розгами, замоченными в воде, стал хлестать меня по спине сам комиссар. Сколько он сосчитал ударов, не знаю, но рубашка из мешковины на мне лопнула, а по спине струилась кровь. Я стоял, не выдавив из себя ни одного слова или даже стона, а только сильно скжав кулаки в карманах. Боялся, чтобы они не были снаружи, а то я обязательно ударил бы комиссара — и тогда не миновать бы расстрела на месте.... Когда же тиран

насытился избиением или, возможно, просто устал, он опустил розги, и я ушел".

Но этим не завершились издевательства над теми, кто соружал "памятник века" – великому маршалу Румынии. Хотя на этот раз люди сумели и постоять за себя – не только как покорные труяги, а и гордые борцы!

"Однажды, когда мы мешали бетон, приставленный к нам полицейский все чаще опускал на наши спины нагайку, не давая ни минуты передохнуть. Мы сперва терпеливо сносили это, а потом решили проучить негодяя. Был обеденный перерыв, хотя у нас нечего было есть, и особенно обозленные мы схватили этого полицейского и бросили его в подвал. Он завыл и поднял крик, но как раз вокруг не было ни души. И я с Креймерманом спустился вниз и там, в подвале, мы наносили ему тумаков – как раньше орудовали со штангой. А потом предупредили: если будет шуметь, то завалим этот подвал камнями и даже скрепим бетоном – навечно! Ну и наш мучитель дал слово – "не шуметь", а мы оставили его в подвале на два часа. А когда снова спустились к нему, то он буквально на коленях и с плачем просил у нас прощения. Более того, дал слово никому не говорить о случившемся. Тогда мы вытащили его из подвала и отпустили на волю – на все четыре стороны. И что же – действительно, наш урок возымел свое действие: надзирателя как будто подменили! После освобождения, уже будучи солдатом на фронте, я встретил его в Румынии. И мы там мирно поговорили, словно друзья..."

Такая жизнь в Рыбницком гетто, по описанию Н. Дувидзона, завершилась, как и у многих других обитателей гетто в разных городах и селах Транснистрии, высылкой в Березовский уезд.

"В начале октября 1943 года по приказу сигурранцы в один из пасмурных дней молодых мужчин и подростков согнали на площадь перед зданием примарии. Отобрали 100 человек и погнали их в окружении жандармов на вокзал, а там загнали в товарные вагоны и повезли.

Позже стало известно, что их увезли в концлагерь недалеко от Варваровского моста на Южном Буге – в Гурьевку. Узников разместили в двух бараках. За выход из барака звучал выстрел. Расстреливали и за то, если лагерник шел в строю мелким шагом. Смерть настигала и тогда, когда во время работы люди от усталости выпрямлялись..."

Он также описывает режим в этом лагере – совсем отлич-

ный от предусмотренного в приводившемся приказе профессора Алексяну:

"Подъем в три часа ночи. Кто не встал сразу с нар – пуля. Бывало, что каждого пятого по счету в колонне расстреливали. Систематически пользовались и более мягким методом наказания – дубинками. Кто не успел выбежать из барака, получал десяток дубинок, а кто не поднялся с полу – та же пуля. Или еще: в колонне спешили выпить из железной посудины свою баланду, сваренную на картофельной кожуре, на овсяных или кукурузных зернах. Иногда такой завтрак заканчивался десятком трупов на месте построения. Всего из ста рыбничан в живых осталось 32".

Правда, не все мирились с такой жизнью – нашлись смельчаки, бежавшие оттуда. И Дувидзон называет их: "Первым из концлагеря бежал Яша Ткач, и его не смогли обнаружить конники – предатели из Кировоградской и Полтавской областей, которые служили фашистам". Конники из "своих" – это тоже удивительное явление... И поневоле думаешь о том, насколько сложной была судьба людей, которую теперь иные спешат мазать только черной или белой краской! Или нам никогда не узнать всего, что было тогда здесь, в Транснистрии?

Во всяком случае, немалый интерес представляют воспоминания и другого человека, тоже упоминавшегося нами раньше. Это Евдокия Борисовна Браиловская, в ту пору 13-летняя девочка, а теперь автор большой, интересной, прекрасно написанной рукописи, названной, кстати, тоже с намеком на необычные ситуации в том необычном, чудовищном прошлом – "Чудеса за колючей проволокой".

Напомню: выше цитировались воспоминания Е. Б. Браиловской, помещенные в "Одесском вестнике" за март 1993 года, и там шла речь о том, как она с семьей эвакуировалась из Ольгополя, где проживала до войны, и как по пути ей пришлось и ночевать у чужих, и прятаться в открытом поле, и пользоваться услугами добрых людей, чтобы вернуться в свой город, где одна из улиц была оцеплена со всех сторон колючей проволокой, а на воротах красовалась зловещая надпись: "Трудовой лагерь".

Ну и что же там было дальше? И какие "чудеса" имели место?

"Зимой 1941–1942 гг. к нам в Ольгополь пригнали этапы евреев из Буковины. Угнанные еще осенью, измученные, больные, грязные, завшивевшие, они падали замертво просто на улицах. Их поместили в старой полуразвалившейся си-

нагоге, не отапливаемой и сырой, где люди лежали просто на сырой земле и тихо умирали. Кто еще мало-мальски держался на ногах, уходил из этой синагоги и устраивался где-то в перенаселенном доме, тот выжил. Но большинство буковинских евреев погибло в Ольгополе и похоронено на еврейском кладбище в общей яме. И там даже нет обелиска в память о них...

Зима 42-го года была очень суровой. Наши дома почти не отапливались: нечем было топить. Я помню, как моя мама ежедневно, накрываясь крестьянским платком, выходила за пределы гетто и собирала солому там, где останавливались крестьянские повозки, привозившие продукты на базар. Она возвращалась с полными мешками соломы, согбаясь под их тяжестью, но спасая этим своих детей от замерзания. Спасала нас, рискуя собой!

А вскоре началась жуткая эпидемия тифа. Каждый день сваливались десятки людей, и их увозили повозками к кладбищу. Тогда же поползли слухи о том, что Ольгопольский лагерь ликвидируется и что нас погонят по этапу в м. Ободовку. Из Балты уже прогнали первый этап туда. И многие из них, спрятавшись в разных домах и развалинах, оставались в нашем городе, а потом прожили там до самого освобождения.

Какое же чудо могло спасти нас от тифа или угона в другой лагерь?

От голодной смерти спасало великое чудо человеколюбия и милосердия со стороны окружающего нееврейского населения".

Рассказывая об этом, Браиловская приводит многочисленные примеры того, как простые крестьяне проникали за колючую проволоку и приносили евреям еду. Со временем установилась даже конкретная связь между определенными еврейскими семьями и их сельскими доброхотами.

"Были и у нашей семьи такие люди. Я уже не помню всех фамилий и имен, но об одной из этих семей хочу упомянуть.

Это семья Петрунишиных. С их дочкой Люсей я училась вместе с первого класса. Ее семья приняла огромное участие в нашей судьбе. Каждый раз в базарный день они приносили нам продукты, а однажды даже пошли на такой риск: переодели нас в свои одежду, перевели через лед замерзшей реки и привели к себе в дом на праздник Рождества Христова. И я на всю жизнь запомнила этот праздник! Депо не только в том, что я никогда не ела такой вкусной картошки, жаренной на сале, а главное, что испытала блаженство и покой, лежа на теплой печи рядом с чудесными людьми —

нашими спасителями... На всю жизнь мы остались друзьями: тетя Текля Петрунишина и ее дочь Люся поныне живут в Ольгополе, и при встречах мы всегда вспоминаем те далекие и опасные времена".

Что же касается спасения от смерти из-за тифа, то автор воспоминаний приводит следующий эпизод:

"Где-то в середине 1942 г. из Вапнярской тюрьмы было привезено на поселение в Ольгопольском гетто 150 евреев из Румынии и Трансильвании, отбывавших там судебные приговоры за различные мелкие нарушения или преступления политического характера. Например, одну женщину судили за то, что она повесила на балкон для просушки... красное одеяло! Были среди них настоящие социалисты и антифашисты, а в большинстве — люди с высшим образованием: врачи, инженеры, музыканты, рэмесленники.

Но самое главное: они хорошо знали румынский и немецкий языки, а также знали повадки властей, умев с ними общаться. Кроме того, у иных были дома большие состояния — заводы, фабрики и др., которыми продолжали владеть их нееврейские супруги, оказывавшие через Красный Крест большую материальную помощь еврейским членам семьи. Это было тоже было чудо, случившееся именно там — в Ольгопольском гетто!

Прежде всего такие пригнанные из Румынии евреи взялись за ликвидацию тифа. Для этого надо было уничтожить причину его — вшей, и эти люди разбили все гетто на отдельные участки, прикрепив к ним своих людей — бригадиров. Такие группы начали методичный обход всех домов, чтобы ликвидировать антисанитарные условия. "На зло врагам мы должны выжить!" — говорили они. Что было сделано конкретно — раздавалось мыло как первое средство для уничтожения нечисти. Ведь раньше мы мыли головы... пеплом из печки, а стирали свое белье в глиняной воде, не имея даже гребешков, чтобы вычесать волосы. Так и вышло, что Ольгополь стал самым чистым гетто во всей Транснистрии!"

Могу заметить, что, к сожалению, этого не хватало нам, обитателям Одесского гетто на Слободке, когда мы тоже изнемогали от вшей... Вот если бы и у нас появилось мыло, как у обитателей Ольгополя!

Но, оказывается, там дело не ограничилось только этим. В ход пошли и другие необходимые средства — что и говорить, цивилизованные!

"Румынские евреи открыли на собственные средства

"кантины" – что-то наподобие фабрики-кухни, где они варили еду и разносили ее по домам тем, кто был уже настолько слаб, что не мог двигаться. Они также открыли лечебницу и аптеку при ней, где бесплатно лечили больных и оказывали им необходимую помощь лекарствами".

Кроме того, евреи из Румынии наладили там и какую-то нормальную бытовую жизнь – что называется, с открытием Дома быта.

"Расположен он был за пределами гетто. Директором его был румын, а бухгалтером – местный украинец. Работали же как портные, сапожники и парикмахеры евреи из гетто. Заказчиками было нееврейское население".

Не приходится говорить о том, насколько это облегчило жизнь евреев в Ольгопольском гетто. И дело было не в одном быте...

"Мы не знали, что происходит на фронтах, какие события происходят за пределами нашего гетто. Но мы жили слухами, например, о действиях окрестных партизан (в частности, Винниччине). А потом у моих родителей, работавших портными в Доме быта, завязалась связь с партизанами. Их связные стали приносить сводки Совинформбюро, некоторые доклады Сталина, просто газеты и листовки. И для партизан тайно шили маскировочные белые халаты и фуфайки, тачали валенки. В примерочных кабинках даже устраивались явки с передачей разных материалов".

Что же, получается, ольгопольским евреям просто повезло?

Да, у них было разумное руководство, близкое к оккупантам как по языку, так и по их прошлой жизни. И там сложились условия даже для участия в партизанских делах – то, чего, к сожалению, почти не имелось в Одессе!

Вон Браиловская еще описывает, что выполняла задание партизан – раздобыть для них бумагу. Тогда она едва не превратилась, наткнувшись на румынского преторта.

Но было и так, что на пороге являлась смерть – с приближением фронта.

Хотя и тут случались поистине чудеса.

Праздники и любовь в гетто

А именно – настоящие праздники в гетто! Как ни странно... Если верить Е. Б. Браиловской – при всех ее эмоциях даже в конце жизни.

"Праздники в гетто? Возможно ли такое? Да можно ли объединить единным смыслом такие полярные понятия, как гетто и праздник? Оказывается, иногда было можно..."

Автор описывает крайний пример издевательств над евреями – в особе нового жандарма по фамилии Лунгу, который появился в комендатуре в начале 1943 года. Даже сам комендант Григореску "боялся его", потому что этот Лунгу шантажировал тем, что комендант берет взятки у евреев и, значит, "благоволит к ним". Даже в описании облика нового жандарма – нечто зловещее:

"Мрачный, тяжелый взгляд налитых кровью глаз был почти безумным. Когда фигура Лунгу появлялась у ворот гетто, улица моментально пустела. Все разбегались кто куда, только бы не попасться ему на глаза! Каждый раз он требовал новых девочек, над которыми он беспощадно издевался. Затем одной ему стало мало, и он одновременно издевался на двумя, избрав для себя двух сестер. Я не помню их имена, знаю лишь, что они были из Бессарабии. Их истерзанные, искусанные, в кровоподтеках замученные лица до сих пор перед моими глазами..."

Потом этот каратель зачастил в семью, где проживало три сестры – из тихой православной семьи.

"Они жили в доме, хозяева которого эвакуировались, и там, в больших свободных комнатах устраивались веселые приемы, вечерики, на которые заходила вся местная знать", а также оккупанты. Приглянувшись себе одну из сестер Лунгу поссорился на почве ревности с румынским агрономом, и тот застрелил его. Тогда весть о смерти самого зловещего карателя моментально разнеслась по нашему лагерю. Это и был праздник!"

Автор воспоминаний, как бы спохватываясь, уточняет:

"Нет, не было застолий, не было тостов, транспарантов или собраний. Но было всеобщее ликовование: на бледных, измученных лицах светились улыбки, глаза сияли от счастья. Люди обнимали друг друга, как в Пурим.

Стихийный, настоящий праздник Ольгопольского гетто... и подумать только – из-за смерти человека, пусть он и враг!"

Евдокия Борисовна Браиловская рассказывает еще и о таком чуде в условиях гетто, как ... любовь.

Это вышло на той работе, где были заняты девочки 13 – 14 лет вместе с парнями. Они мыли полы в различных учреждениях, поливали цветы, приносили ведрами воду из речки или колодцев, убирали улицы и скверы, сажали деревья, чистили

снег или убирали мусор. Иногда они работали с мальчишками примерно их возраста и так перезнакомились, сообща выполняя непосильную работу, и в конце концов стали встречаться и по вечерам.

"Мы стали собираться в закоулочках дворов – у мусорных и помойных ям, куда не часто рисковали заглядывать фашисты. Вели себя тихо, как мыши, чтоб нас никто не увидел и не услышал. Ни петь, ни танцевать, ни смеяться, ни веселиться... Такое нам и на ум не шло!"

Их сближало другое: рассказы о прочитанных книгах и просмотренных кинофильмах или спектаклях, игра в "слова" и "города", хитроумные "загадки-отгадки". И так было, несмотря на присутствие одного неприятного типа – маленького провокатора, даже поднимавшего руку на девочек...

"Вскоре образовалось ядро нашей дружной компании, которое мы называли ДВР – Дружба Веселых Ребят. До веселых, конечно, нам было далеко, но ведь это звучало! В ДВР входило три девочки и пять мальчиков.

Эту дружбу, рожденную за колючей проволокой, мы потом пронесли через всю жизнь, не теряя связи друг с другом и не видая на расстояния, которые нас разделили.

Теперь смерть уже вырвала из нашей среды двух человек. Но остальные еще живы, разбросанные по разным углам планеты: в Украине, в США, в Израиле и Молдове..."

Любовь, родившаяся из ненависти и горя, любовь в горниле смерти – это ли, действительно, не велическое чудо жизни?!

ОБ ОДНОМ из таких чудес рассказывает также Лев Рогжекин в своей стихотворной новелле "Синий пиджак". Там чудо – и с горьким исходом – совершается в судьбе одесского мальчика Лени. Из-за его привязанности к девочке Люсиль. И не только с любовной неудачей...

Девочка не раз
приглашала меня
войти в комнату,
но я не решался, представляя,
как мы выглядим со стороны:
она – в белом платье
с голубым пояском,
в белых носочках и сандалиях
и я –
в истлевшей рубашке
и рваных штанах, босой...
Отец ее,
Врач из Кишинева,

Работал в госпитале.

Как мало

И он, и Люсиль

Походили на узников гетто!

У них была комната

В больничном доме,

И каждый день мать Люсиль,

Маленькая, полная женщина,

Принесла из больничной кухни

Судки с обедом...

Раз Люсиль,

Взял крепко за руку,

Повела меня в сад,

Ничуть не стесняясь

Гулявших по двору солдат.

Усадила на круглый пенек

Под старой липой,

Прямо посмотрела в глаза:

– Ей,

Но однажды,

Когда я пришел к ней домой,

Окно со стуком открылось.

– Вам что-нибудь нужно,

молодой человек?

Мужчина, попыхивая трубкой,

Смуглый и усатый,

Смотрел на меня

Сквозь толстые стекла очков.

– Может быть, вам нужна Люсиль?

Она что-то говорила

О молодом человеке,

Который пишет стихи.

Он выпустил из ноздрей

Струйку дыма.

– Поэтам всегда приходилось трудно –

долги... мансарды...

Ну, а в наше время...

Ведь вы оттуда?

Он показал трубкой

В сторону бараков.

Я кивнул.

Брови его были насуплены,

Лоб наморщен.

– Вот что, молодой человек.

Люсиль... как бы это выразиться,

Дружит с дочкой майора Кодру,

начальника госпиталя,

и ваши встречи с ней

не совсем уместны...

Чем больше он говорил,

тем ниже я наклонял голову.

*Потом, не дослушав последних слов
(“я постараюсь вам добить
приличные броки
и пару башмаков”),
я медленно побрел прочь...*

Как видим, за этой маленькой банальной трагедией неравной любви – одна из особенностей жизни евреев в Транснистрии. Именно тех евреев, о которых писала Е. Браиловская, – выходцев из Румынии, знаяших язык и нравы оккупантов, имевших средства и нужные профессии. И в книге Л. Рожецкина “Позднее эхо” то и дело прослеживается разница между “нашими” и “ихними” евреями – и не только в национально-социальном смысле, а и в нравственном. Что ни говорить, а мы были разными людьми, хоть и все являлись евреями...

В самом деле, что-то подобное испытывал и я в нашем селе, когда от теплныи и, вообще, пробудившейся природы забывалась – в каком я положении, а казался себе нормальным и беспечным парнишкой. Ведь и в моем тогдашнем воображении возникла девочка, правда, с другим именем, которая жила в нашем Театральном переулке.

Но, впрочем, не всегда везло и тем, кто прибыл в Транснистрию с румынской территории, кто знал язык оккупантов и их обычаи.

Горести румынских евреев

ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛ в своих воспоминаниях Семен Яковлевич Попик. Сам родом из Буковины, живший в ее центре – Черновцах с семьей из шести человек, он, будучи младшим среди четырех детей, с первых же дней войны испытал беду – обстрел и бомбекку, поиски близких в общей суматохе, угон взрослых и расправу с ними.

“По всему городу происходили расстрелы обреченных людей. Сгоняли к реке и там расстреливали итопили. Насиливали детей, так что соседская дочь, не выдержав страданий, через несколько дней умерла”.

Так было до ноября, пока не появился приказ: всем евреям с вещами отправляться поездом в Транснистрию. Они доехали до города Маркулешты, а там производился массовый грабеж ценных вещей, и за невыполнение приказа о сдаче драгоценностей – расстрел.

“К концу ноября, когда уже шел дождь со снегом, нас выгнали из Маркулешт. Нас гнали по всей Молдавии, и мы

ночевали в свинарниках, причем там набивали людей так, что если ночью кому-нибудь надо было выйти, то ходили по головам. По дороге мы встречали целые семьи, которые лежали в скирдах соломы без пищи, в холода, мокрые. Прожибли, чтобы у них забрали маленьких детей, но никто не мог им помочь, и люди гибли. По дороге солдаты издевались над людьми, как хотели, избивали их, забирали последнее, расстреливали. Многие не выдерживали этого и лизались раскудика”.

Особые муки наступили при переходе через Днестр – с его сильным течением, которое сносило многих с моста.

“Проходя по мосту, я упал в воду, но схватился за дышло проезжающей подводы. Отец остановил поводья и вытащил меня, а когда он поднял меня и перенес на берег, румын начал его бить и заставил вновь вернуться на ту сторону. Течение воды было так сильно, что с головы моей сорвало с шапку-ушанку, и я остался без головного убора, а снег с дождем не прекращался. Я весь был мокрый, а переодеться не было во что. Другие скручились в комок, чтобы согреться, но многие из них так и замерзли. Ни воды, ни еды у нас не было...

Так маленький Сема Попик дошел до Днестра, где пришлось заночевать в стойле. А потом его с семьей погнали дальше, и по дороге их снова грабили.

“Это было в 10 километрах от Бершади. Уже лежал глубокий снег, когда нас загнали в коровник. Коровник был огорожен колючей проволокой, и через нее люди выменивали хлеб на вещи. Но в битком набитом помещении люди стали умирать, и было ясно, что вскоре там умрут все. Тогда отец решил, что надо как-то спасаться, и мы бежали через лес в Бершадь, где было гетто...”

Гетто – как спасение от верной гибели на этапе! Но, увы, там в Бершади, хоть и неподалеку от Ольгополя, где румынские евреи сумели наладить свой порядок, были другие – весьма тяжелые условия...

“На окраине мы нашли пустой дом, где и поселились. Собрали дрова, затопили печь и впервые за всю дорогу почувствовали тепло. Но из-за неисправленного дымохода дом загорелся, и пришлось искать новое убежище – возле маслобойни. Через несколько дней умер отец, не выдержав перенесенных страданий, а вскоре и мать – с отмороженными ногами. Когда умерла и сестра, я остался с обмороженными братьями. Увозили покойных в санях, где трупы

лежали, как дрова, а другие использовались, как подпорки, чтобы увеличить вместимость этих саней..."

Началась самостоятельная жизнь Семы – с необходимостью менять на продукты оставшееся добро. Но когда он пошел в ближайшую деревню за тем, кто вызвался произвести обмен, соседка по двору предупредила его: "Не ходи за ним – вин тебе убье... там цинтар!" Пришлось просить кусок хлеба в округе, чтобы прокормить оставшихся больных братьев.

"Я стал ходить по селам. Было очень стыдно. Показывал семейные фотографии, которые носил с собой, доказывая, что не нищий. Напрашивался на все работы: ходил на вокзал грузить дрова, где румын наваливал на меня поленьев больше, а также рубил на дороге лед помом – без рукавиц. И все же кое-как удалось пережить зиму – с помощью местных крестьян..."

Весной мальчик стал пасти корову у местных жителей, за что его кормили и давали ночевать. Но местные пастухи придирились к нему и даже привели румына, чтобы тот убил чужака. А тот выслушал Сему – вот когда пригодилось его происхождение из Румынии! – и приказал "не трогать!". И так удалось продержаться до наступления следующей зимы. Но когда пастбище кончилось, пришлось вернуться в гетто.

"К этому времени старшего брата этапом отправили в Балту. Осенью, когда выпал снег, забрали и среднего брата для отправки на работу туда же. Я не хотел оставаться один в Бершади и пошел за этапом. Но вначале меня не пускали к брату и прогоняли, а лишь с поддороги, когда румыны увидели, что я иду вслед, меня тоже включили в этап..."

Вот как приходилось – не только гетто, а и этап иногда казался спасением... И в Балте – по другую сторону от того же Ольгополя, где царили другие порядки, казалось немного легче, несмотря на все невзгоды.

"В Балте нас с братом определили на квартиру. Спали на полу, но было тепло. Кроме нас, в доме жили еще три семьи. Я запомнил семью Кац и там же, во дворе, жили Зверинские.

Меня определили работать на фабрике, где делали ванники. Я возил воду на детских санках, где было установлено две бочки, которые зачастую опрокидывались, обливая меня водой с ног до головы. Но даже мокрому приходилось всю смену возить эту воду, чтобы получить кусочек мамалыги и немного горохового супа..."

Еще тяжелее стало с приближением следующей зимы, ко-

гда подошел фронт. К тому времени Семен Попик работал в немецком госпитале и ему приходилось вместе с другими рыть могилы. Тогда вторично помогли его происхождение и даже культура, приобретенная в Буковине – на границе с австрийской землей!

"Однажды я носил воду, и тут вышел начальник госпиталя. Он увидел меня с босыми, чуть перевязанными тряпками ногами и спросил: почему я хожу босой? Я ответил ему на немецком языке, так как владел им хорошо. Все рассказал, как есть, – и тогда начальник скжалился: приказал выдать мне обувь. Это была за все годы благородная акция со стороны германского офицера!"

Но, спрашивается, перевешивает ли такой человечный поступок то, что обычно делали немцы, что было для них характерно?

"Перед уходом немцев из Балты нас заставляли грузить на вокзале снаряды. Людей загнали в здание между вокзалом и городом, когда работа была выполнена, и тех, кто не сумел удрать, сожгли там. Вообще немцы в последние дни страшно буйствовали: заходили в гетто и расстреливали на месте. Приходилось прятаться в подвалах и на чердаках, пока не пришла Советская армия".

Что и говорить, ужасная участь выпала на долю этого подростка из бывшего румынского города!

Поэтому и не удивляет то, что враги творили с "чужими" евреями.

В Причерноморском kraю

ДЛЯ СРАВНЕНИЯ обратимся к судьбе еврейского населения в дальнем углу Транснистрии – там, где оно проживало лишь среди русских и украинцев.

Это самый восточный уезд губернаторства – Очаковский. Его центр – Очаков сразу воспринимается в сознании как место исторических сражений в конце XVIII века – по словам классика, "времен очаковских и покорения Крыма".

Не став впоследствии конкурентом таких портов, как Одесса и даже ее скромные однолетки – Николаев и Херсон, этот рыбацикий городок, казалось бы, оставался вдалеке от бурных военных событий. И там меньше всего можно было ожидать каких-то трагедий, связанных с положением его жителей.

Но вот что удалось выяснить из архивных материалов

районного центра Николаевской области (фонд 10, опись 1, дело 57, стр. 22):

"Захватив Очаков, оккупанты начали массовые аресты и расстрелы. Многих отправили в концлагеря.

В городе разместилась румынская префектура, примария (управление) и жандармерия".

Что коснулось тогда всех жителей, а не только евреев? Это можно выяснить, если обратиться к свидетельству массового истребления населения. Оно приведено в сборнике "Одесса в Великой Отечественной войне" (том II, стр. 24):

"Из станции Рыбница румынские власти выселяют всех, кроме жителей румынского происхождения. Многих, которых эвакуируют из этого района, отвозят в Очаков, а там их всех конвойным путем отводят на пароход, который курсирует между Очаковом и румынским портом Констанца. Но на этом маршруте всех несчастных людей... посреди пути выбрасывают в море, не считаясь ни с чем и ни с кем, кто бы они ни были, и судно возвращается обратно в Очаков и делает то же самое, что и раньше.

Таким образом, всех, кто подлежит эвакуации и будет подлежать, в том или ином роде будет ждать такая же судьба..."

Судьба быть затопленным в открытом море – это еще одна форма расправ оккупантов над населением, в том числе над евреями! Такую зловещую роль сыграл в чудовищной античеловечной практике румынских захватчиков прежде тихий, захолустный городок Очаков.

Или вот рассказ Ивана Герасимовича Коншина – председателя Комиссии по Очакову (из книги А. Н. Умеренкова "Путь на Николаев", в сборнике "Рассекретить, опубликовать", изданном "Маяком", Одесса, 1986г.):

"В балке между Очаковом и Черноморской оккупанты расстреляли большую группу военнопленных и советских людей. Страшно было смотреть на разрытую братскую могилу. Матери лежали, прижимая к себе маленьких детей. Комиссия установила, что многие были погребены с легкими ранениями, а часть детей заживо..."

А на следующей – 145-й странице этого же сборника читаем также:

"Чекистам рассказали об одной очаковской старушке, которой удалось спастись от смерти девятилетнюю еврейскую девочку. Полтора года укрывала она ее у себя. И когда уже близко было освобождение, девочка неосторожно выбежала

ла во двор. Ее заметил полицай и донес в префектуру. Девочку фашисты расстреляли".

К счастью, совершенно иначе сложилась судьба другой девочки в противоположном уголке Транснистрии – по другую сторону от Одессы. А именно – в Овидиополе, который расположен на том берегу, где воды Днестра стекают в лиман, так и называющийся – Днестровским, а оттуда уже попадают непосредственно в Черное море, становясь там солеными, словно от слез, которые были пролиты в верховье этой древней и многострадальной реки, омывающей берега с разными народами, в том числе румынскими.

Да, так случилось, что именно румын – этот вроде бы представитель другой, злой, силы сумел пойти навстречу представительнице самого несчастного народа – еврейского, как и представителю русских – ее защитнику.

Конкретно дело обстояло, по рассказу **Марии Ефимовны Шерман**, так.

Перед войной она с матерью жила в селе Троицком Беляевского района. Когда туда пришли оккупанты, всех местных евреев собрали на территории больницы и затем угнали в зловещую неизвестность. Но главный врач больницы **Борис Григорьевич Сатов** спрятал от угона мать и дочь – и держал их тайно всю зиму, которая, как известно, выдалась очень тяжелой, до февраля 42-го года. Бывало так, что по доносу туда приходили жандармы, но главврач всякий раз откупался, лишь в феврале, когда явились три жандарма, девочку снова угнали вместе с матерью.

С большим трудом Сатов все же вырвал девушку – в ту пору уже 15-летнюю, заплатив румынам золотыми часами. Под страхом Маша осталась у него, но в конце концов снова попалась, и на этот раз ее препроводили в тюрьму. То было в Овидиополе – в городке по имени античного поэта Овидия, который, по древней легенде, был сослан в эти края из Рима в наказание и слагал здесь свои прекрасные стихи на латыни – языке, который впоследствии, соединившись с местным языком – дакским, превратился в румынский язык...

Девушке приходилось находиться в одной камере с угонянницами, пока не представилась возможность и румыну проявить к ней доброе участие. Правда, оно было весьма своеобразным по одной щекотливой причине: комендант Овидиополя майор Думитреску попал в руки врача Сатова, как... венерический больной. Став пациентом главврача, он внял его просьбе – насчет Маши, и та снова поселилась

лась в больнице – уже до самого освобождения городка. Она жива и поныне, а Б. Г. Сатов провозглашен в Израиле “праведником”.

А вот что удалось узнать, кроме рассказа М. Е. Шерман, о жизни в селе Ясски, расположенному севернее Днестровского линами.

Там параллельно текут реки: большая – Днестр и маленькая – Турунчук, и по ту сторону этой речной границы простирается чисто молдавская земля, в ту пору целиком находившаяся под властью королевской Румынии. Даже из небольшого письма жителя этого села **М. И. Поненко** видно, что там было...

Оказывается, и в той глупи проходило нечто необычное – террор не только против евреев. Сперва там пострадали другие местные жители – цыгане, которые тоже были признаны румынскими шовинистами как “враги”.

“В 1941 году... румынские и немецкие войска гнали тысячи мирных жителей – цыган. Их пригоняли в глубокую осень – в декабре, а расселяли в январе 1942 года. Расселяли их там, где находились коровники и свинарники. Раньше находившийся там скот – поголовье коров и свиней, а также соответствующую технику угнали в советский тыл – до реки Буг...”

Тогда же стали пригонять туда евреев – и в еще большем количестве. Их тоже селили в помещениях для скота, где не было ни окон, ни дверей, а когда свирепствовали сильные ветры со снегом и морозом, люди неимоверно страдали от холода.

“Эти мирные жители были под охраной румынских солдат. Они страдали и от голода, а обогревались своими телами, прижимаясь друг к другу. Скоро там появились мертвцы – среди них были женщины и старики.

Тогда румыны издали приказ: чтобы на носилках перевозить умерших от голода и холода в ямы, выкопанные для строительства домов (так называемые “глиницы”). Там, в этих ямах, было закопано около 200 человек. Неподалеку располагалось сельское кладбище, но его отгородили от захоронений евреев и цыган”.

Подобная же расправа учиналась и в других населенных пунктах: как к югу по Днестру – в селе Маяки с его рыбакским хозяйством или в районе Овидиополь (где произошла драматическая история с бедной девушки, о чем я рассказывал выше), так и к северу – в Красном, Чобручах и Слободзее,

пусть там и проживало мало евреев. Власти шныряли везде в поисках буквально каждого человека еврейского происхождения, и их расправа была одной: смерть с ограблением, издевательствами и пытками.

Тут подошла очередь коснуться судьбы евреев в Тирасполе, казалось бы, наиболее удаленном, стоящем в стороне от общей беды города.

Надо заметить, что бывшая столица Молдавской АССР находилась в особом положении. С одной стороны, румыны проявляли определенную слабость к этому городу – так сказать, исконно близкому и по языку и вообще национальному духу, и в миниатюре создали там жизнь, сходную с одесской. В этом городе также было налажено какое-то промышленное производство, открыто много питейных заведений, работали кинотеатры и даже театр, а для молдавского населения выходила газета (и не с латинским шрифтом, а на кириллице – русскими буквами!).

Но, конечно же, там уже не печатали свои произведения военные поэты-евреи – вроде автора поэмы “Тирасполь”, а в созданном Молдавском культурном обществе большинство составляли настоящие румыны. И, естественно, не осталось никаких следов от той культурной женщины – специалистки-медика, с которой когда-то дружила моя мама... Можно только догадываться, какая горькая участь постигла ее с мужем! И не в той ли тираспольской тюрьме, куда сперва, по рассказам других, сажали евреев, чтобы затем угнать их на верную гибель – на крутом Днестровском берегу?

Ну, думалось ли раньше, что голос диктора из Тирасполя, который иногда даже смешивал своими шепелявыми звуками, теперь обернется зловещим приговором тем, кто много делал для процветания этого чудесного края? Недаром с Тирасполем и пошла беда на землю новообразованной Транснистрии – как столицы этой злополучной провинции после ее создания в 1941 году.

Особым образом сложились драматические, даже гибельные обстоятельства в другом крупном городе этого причерноморского края – в Бирзуле.

Глядя не раз на карту, где тянутся вверх по Днестру населенные пункты вроде Григориополя или Дубоссар, невольно думаешь: что было с тамошними евреями? А что было в таких мелких, но с явным еврейским корнем населенных пунктах, как Горканы или Гояны, Цехановка или Малаевцы?

Отсюда взгляд устремляется на Котовск, окруженный Ро-

залевкой с Любомиркой, и не сразу вспоминаешь, что тогда было даже уничтожено это название – Котовск. Возможно, так делалось в порядке борьбы с тем, кто в пору революции стоял во главе народных масс этого края, пусть он даже был по национальности вполне своим – молдаванином. Да, вон что сотворили румынские захватчики с Котовским, а вернее – с его прахом, едва заняли этот город летом 41-го...

Об этом читаем в Акте специальной комиссии от 18 апреля 1944 года – после освобождения города от врага:

“В 1925 году в г. Бирзуле – ныне Котовске... был похоронен легендарный полководец Красной армии Григорий Иванович Котовский. В 1935 году, в ознаменование десятилетия со дня смерти Котовского, в городе построили памятник-склеп, в котором хранилось набальзамированное тело Котовского, доступное для осмотра трудящимися. Памятник представлял собой чудесное сооружение, воплощавшее священную память народа о талантливом командире Красной армии, одном из выдающихся борцов за освобождение Украины от захватчиков в период гражданской войны и интервенции.

Письменными показаниями местных жителей установлено, что 5 августа 1941 года румыно-немецкие войска, ворвавшиеся в город, разрушили исторический памятник, а над гробом и телом Котовского учинили чудовищное надругательство и останки закопали в яму вместе с расстрелянными гражданами города...”

Вот как! “Вместе с расстрелянными гражданами города...” Учитывая характер такой формулировки – с уклонением от прямого наименования таких обязательных расстрелянных, как евреи, можно сразу представить себе картину расправ над ними. Если в “Акте” еще сообщается, что “при раскрытии ямы было обнаружено: цинковый гроб Котовского разбит, расплющен, останки перевернуты и перемешаны с землей и битым стеклом”, то ужасает – в каком состоянии рядом с этими останками были другие останки – евреев.

О том, сколько их там было, несчастных жертв из числа местных евреев, свидетельствует другое, на этот раз краткое, даже слишком краткое сообщение в той же книге, где и помещен котовский “Акт”, – в томе III “Одессы в Великой Отечественной войне”:

“Город Котовск:

...Оккупантами было расстреляно 5000 мирных жителей города и района”.

Пусть и опять такстыдливо сказано: “мирных жителей”...

Но вот такая цифра – 5000! Не слишком ли для небольшого райцентра?

О, старая Бирзула, описанная раньше классиками! Вполне mestечковый город, хоть и с молдавским окончанием на “ул”. Название, которое евреи выговаривали явно с картавостью, отчего оно звучало более эффектно.

Но там, недалеко от Одессы, был не единственный путь на гибель. Свои испытания пришлось перенести также нам – таким же обреченным. И на этот раз по пути из Одессы.

7. ПУТЬ НА ВЕРНУЮ ГИБЕЛЬ

Наш этап

Да, таким представлялся путь из Одессы – после всего пережитого в гетто. Как уже говорилось, это произошло 23-го июня 1942 года в один из самых скорбных дней в моей жизни.

От том, что нас могло ожидать в пути из гетто, свидетельствовали сами враги. Позже стало известно само сообщение одного чиновника румынской пропаганды “о большом количестве трупов мирных граждан, разбросанных по городу” (как это подается в книге “Одесса в Великой Отечественной войне”, т. I):

“В районе 2-й Заставы, на территории Старого базара, между Александровским проспектом и Успенской улицей, за Слободкой и по дороге к Слободке валяются трупы замерзших евреев: некоторые трупы окровавлены. Этих евреев раньше застрелили или убили и бросили на дорогу.

Небольшое количество трупов находится на Сортировочной (ж/д. ст.), по вагонам, на железнодорожном пути и других местах”.

Нас же теперь погнали именно по этому пути – к Сортировочной, пусть и не стояли морозы, когда можно замерзнуть. Погнали этапом – это слово пугало еще задолго до того, как нам предстояло такое испытание. Ведь за многие месяцы пребывания на Слободке доводилось не раз жить в страхе перед отправкой куда-то в зловещую неизвестность, так как до нас, находившихся в гетто, доходили тревожные слухи. Слухи, что вывозимых со Слободки евреев доставляют на станцию Березовка, откуда местные полицаи гоняли их на расстрел, как пишет в своих воспоминаниях упоминавшийся раньше А. Хасин.

Вот как он тоже передал картину перед каждым этапом – то, что постепенно запечатлевалось в нашей памяти, превращаясь в вечное состояние страха, в предчувствие неизбежной мучительной гибели:

“В день этапа... во двор начинали выезжать подводы. Плач и крики неслись изо всех комнат. Старухи рвали на себе волосы, старики призывали на помощь Б-га, а обезумевшие матери метались по этажам, стараясь спрятать детей.

Но ничего не помогло. Намеченных румынской администрацией к отправке солдаты находили на чердаке, выгоняли

из уборных, вытаскивали из подвалов и силой усаживали на подводы”.

Слободское гетто, просуществовавшее 6 месяцев, выполнило свою роль, если можно так говорить о варварской акции оккупантов. Оставшиеся в живых после предыдущих этапов уничтожения – в пороховых складах на нынешней площади Толбухина, у села Дальник, в шахте у Дворца спорта – были сперва сконцентрированы на Красной слободке. А потом эти остатки несчастных планомерно отправлялись румынскими властями туда, где удобно было окончательно уничтожить еврейство Одессы под видом его “изоляции” или даже для нормального труда в “резервациях”. “Местами расстрелов назывались села Одесской области: Мостовое, Богдановка, Доманевка”, – еще писал Хасин.

Но там же, в этих селах, были использованы другие методы уничтожения – голод и холод, непосильный труд и систематические издевательства местных властей.

Правда, как-то утешала мысль о том, что даже в условиях лютой зимы и бездомного существования, при недоедании и эпидемии тифа удавалось спасать многих – и в первую очередь врачам-евреям, действовавшим в больнице на Слободке. Уже говорилось о таких видных и смелых медицинских работниках, как доктор Турнер и профессор Срибнер, с ними надо упомянуть также доктора Рахиля Исааковну Райнерман, Мирона Гольдмана и доктора Рашкович, как и мою мать – Фредерику Абрамовну Сушон-Золотухину (говорю об этом с полным правом!). Все они не просто составляли некий “штаб” по спасению больных евреев при больнице или даже “юденрат” (пусть никем не избранный или несанкционированный румынами), а и целую инициативную группу по оказанию медицинской помощи. Действуя и среди остальных пригнанных евреев в трех пунктах гетто – в бывшем общежитии Водного института, на Суконной фабрике и в областной больнице, эти люди не считались с опасностью для их жизней, с постоянными препятствиями со стороны жандармов и даже нехваткой самого необходимого – лекарств, ваты и бинтов, не говоря уже об инструментах. Они преодолевали тогда и такую помеху – появившихся на Слободке евреев, которые пытались захватить инициативу, пользуясь своим преимуществом – знанием румынского языка. Так, явный лидер одесских евреев в гетто доктор Турнер был потеснен бессарабцем – молодым и красивым Изей Фельманом, и одесситу пришлось заниматься лишь медицинскими делами. Но тем не менее мно-

Что такое Мостовое

С описаниями А. И. Хасина перекликается уже упоминавшийся И. М. Мармерштейн, который попал туда же в село Мостовое раньше, за несколько месяцев до нас – весной. Он тоже ехал поездом от Сортировочной, и в зимних условиях такая езда была особенно тяжелой:

“Люди... сами хотели попасть в этот проклятый вагон: может быть, там можно будет немного нагреться? Или просто отдохнуть после ходьбы с самого утра? Но все вагоны были набиты до отказа – не только присесть, а и стоять было негде, особенно с маленькими детьми на руках.

Ехали глубокой ночью, вокруг стояла мертвая тишина – никто не разговаривал, боясь наказания жандармов, и лишь стучали колеса, равномерно перекатываясь на рельсах: везут... везут... везут... Некоторые, прижимаясь друг к другу, начали от усталости дремать – и им в тесноте некуда было упасть... А через небольшие щели на крыше вагона проглядывали светлые звезды на небе – морозном и враждебном.

Так мы доехали до одной из станций перед Березовкой, когда жандармы стали открывать вагоны и закричали: “Выходи!” Поезд стоял в степи, где не было ни погрузочных, ни разгрузочных площадок, и вагоны были без ступенек, так что пришлось спрыгивать, и так как многие не решались, то жандармы с криками и кулаками просто выбрасывали людей наружу.

Опасаясь ударов, многие соскакивали вниз – в темную пропасть и разбивали себе ноги и головы, а некоторые просто погибли. И когда поезд без нас ушел, а вокруг стало светить, нас погнали по степи, хотя ноги не двигались. Погода была скверная: пасмурно и холодно так, что все дрожали с посиневшими лицами, а жандармы еще подгоняли прикладами и кричали что-то не по-русски.

И так мы тащились, как пояснил старший из жандармов, к местечку Мостовое...

Ну, а вот что было тогда в Мостовом, по его же описанию: “Всех привели в лагерь, или, как говорили – на “пересыльный пункт”. Этот пункт находился на территории бывшего райисполкома – двухэтажного здания без окон и дверей, а также одноэтажного, почти не поврежденного, и еще нескольких подсобных помещений и сараев.

Нас направили в сарай, и хотя здесь тоже было, как и в поезде, темно и холодно, но все же можно было располож-

жество людей вспоминали добрым словом тех, кто помогал им пережить зиму 42-го года и эпидемии, кто помогал продуктами и добрым словом.

Как бы там ни было, все это завершилось в июне. К тому времени были отправлены из гетто два крупных этапа – в апреле и мае, и по слухам, они полностью попали под расстрел. Оставшихся, вроде нас, которые жили в общежитии, придержали, чтобы перенесенные нами болезни не распространились за стенами нашего проживания и не охватили сельскую местность.

Теперь, увы, оставался наш этап – последний, в который вошли последние евреи.

Он также описан Аркадием Иосифовичем Хасиным:

“Был яркий солнечный день. Закрылись за нами высокие ворота, и Одесское гетто перестало существовать.

Бежавшие за подводами мальчишки свистели и бросали в нас камни. Останавливались на тротуарах, глядели нам вслед прохожие. А мы отправлялись в новый скорбный путь, оставляя позади братские еврейские могилы...”

Нас везли и гнали пешком до района железнодорожной станции на Пересыпи. К тому времени эта окраина уже не была залита лиманской водой после советского взрыва Хаджибейской дамбы. И помню, как теплый ветерок нес на всех сухую пыль. Словно это было прощание одесской земли с нами...

Но вот что нас основательно засыпало: другая пыль – угольная, когда мы очутились по 50–80 человек в вагонах для перевозки. Там раньше перевозили уголь, и мы сразу покрылись черным налетом. А кроме того, давала себя знать духота – без какой-либо воды. И мы ехали в зловонии и тесноте, сидя на корточках или даже лежа друг на друге. Ехали среди шума и стонов детей, женщин и стариков. Все это продолжалось около 4 часов!

Дальше было, как описывает Аркадий Хасин:

“Когда в Березовке полицай открыл вагоны, мы услыхали хохот: “Хлопци, хиба то жиды? То ж негры!”

Отряхиваясь от угольной пыли, мы с ужасом смотрели на этих людей. За плечами у них были винтовки, в руках кнуты. Очевидно, это были те самые полицай, которые встречали зимние этапы и гнали их на расстрел.

Обыскав наши котомки, “хлопцы” забрали приглянувшиеся им вещи и погнали нас в Мостовое.

житься на отдых — правда, на земляном полу, где валялась гнилая солома.

Все делалось на ощупь, и сплошь было, как многие кричали: "Не наступайте мне на ноги... они отморожены!" Лишь к полуночи все как-то затихли — кто дремал, кто думал о том, что с нами произошло.

Но после полуночи зашли жандармы на крик одной молодой женщины с ребенком, которая в полуబезумном состоянии стала призывать на помощь своего мужа, тогда находившегося в Красной армии ("он скоро придет и за это отомстит!"), и вывели их наружу, а там раздались выстрелы. И потом еще раз заходили полицаи с фонариками в поисках денег и драгоценностей и страшно разозлились: "Их без нас обработали!" И даже ударили одну пожилую женщину в живот...

А рано утром, как только на востоке побледнело небо, двери сарай раскрылись и всех выгнали во двор, чтобы сортировать на четыре колонны, даже отделя родителей от детей. Кто пытался перейти из одной колонны в другую, подвергался жестокому избиению.

Когда же стали уводить колонны по разным направлениям от Мостового, то оказалось, что этот путь людей был для них последним: в степи их ждали дополнительные карательные немецкие колонисты и сразу же приступали к расстрелу. Людей стали подводить к заранее выбраным ямам по десять человек, ставили их лицом к яме и потом стреляли. Так образовалась даже своеобразная очередь на расстрел — без какой-то возможности сопротивления.

Лишь потом оказалось, что один обреченный — пожилой мужчина, уже поставленный на колени перед ямой, вдруг поднялся, вырвал у ближайшего полицая заряженную винтовку и успел произвести три выстрела, убив старшего полицая. Но... затем он упал, подкошенный пулями других карателей.

Я же попал в четвертую колонну, а ее в конце дня угнали дальше — в местечко Доманевку, за 25 километров от Мостового..."

Все это происходило, повторяю, за несколько месяцев до нашего прибытия туда же, в Мостовое, и к тому времени положение в этом местечке изменилось. Еще И. Мармерштейн отмечал, что в нем тогда же — во время расстрелов пригнанных из Одессы — вроде бы свободно разгуливали другие евреи. И когда мы туда прибыли, то даже удивились появлению,

как ни в чем не бывало людей. А это были местные крестьяне, которые открыто предлагали отдать им наши вещи. Так, одна женщина сказала моей бабушке: "Отдайте вашу торбу — она вам уже не нужна..." И при этом указывала на курган невдалеке: там, мол, наш конец...

Но все же весь этап из Одессы — около 400 человек — не постигла та же участь, что и пригнанных сюда весной. Бабушка не отдала свою торбу, а принесенные вещи обменяла у тех же крестьян на продукты, чтобы подкормить нас — меня с братом. И мы только прошли мимо того кургана — места, где лежали расстрелянны раньше. Б-г миловал нас — и не помогли ли те молитвы, которые возносила к небу наша бабушка?

Этот курган, где покоятся десятки тысяч наших сограждан, я с Сергеем посетил впоследствии — в 1980 году.

Доманевка, Богдановка, Семихатка, Акметчетка

Признаться, не раз я вижу его во сне. Вместе с теми жуткими картинами, которые сопровождали нас по пути от Березовки до Мостового и в конечный путь этапа — до районного центра.

Доманевка... это слово все чаще стало звучать вокруг, пока мы шли. И с каждым шагом оно приобретало разный смысл: то ли казалось нам долгожданным местом отдыха или хотя бы просто привалом на длинном изнурительном пути, то ли даже каким-то обетованым краем, где кончатся все муки и начнется почти нормальная жизнь. Да разве не это ли предусматривалось в румынских планах расселения евреев на земле Транснистрии? По крайней мере, такой пункт — Доманевка значится в одной из серьезных исследований об изгнании евреев — как последний. Он словно завершал, по выстроенной его автором — Г. С. Шапиро схеме концентрации еврейского населения со всех уголков Транснистрии в излучине Буга.

Но когда мы наконец прибыли в эту Доманевку, то не оправдались никакие ожидания. Нас разместили в одноэтажном здании (а совсем не в местной синагоге, как у Шапиро!), к тому же в одной комнате — на 15 человек. Вместе с нашей семьей там расположились сестры Шнапек и их две девочки. Удобства не было никаких, не говоря уже о пропитании, и приходилось как-то перебиваться с остатками провизии. "В темноте и в обиде..." — то и дело качала головой бабушка, устраиваясь с нашими вещами.

Честно говоря, невольно вспоминалось то приволье в сте-

пи, когда мы шли сюда, в Доманевку, по этапу. Мы тогда еще не пришли в себя от сознания, что больше не находимся в заточении, как это было на Слободке — в тесном и грязном обшежитии Водного института. Нас поражали и простор вокруг, и свежий воздух, и солнце, хотя порой и было невыносимо от его лучей — слишком палящих, как и поражало пение птиц над головами — словно дразнивших нас. Поначалу не слишком докучали и румыны, сопровождавшие колонну, пока они не стали притираться ко многим из нас, и не только из-за медленной ходьбы. Солдаты присматривались к торбам — и вытаскивали из них содержимое, а потом стали засматриваться на молодых женщин и особенно девушек, выхватывая их за руки из колонны. И к ужасу своему я видел, что они творили с ними — под крики этих жертв... Впервые в жизни увидел то, о чём и не подозревал!

— Впрочем, даже об этом забылось, когда нас погнали оттуда из Доманевки.

И это, к счастью, была дорога не в Богдановку, о которой мы тоже успели наслушаться много ужасов. Но тогда еще не знали всей правды о происходившем там на полгода раньше.

ПОЛНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о трагедии в этом селе я получил лишь недавно, ознакомившись с официальными документами.

Имеется архивная справка за подписью зам. директора Государственного архива Одесской области М. М. Цобенко о расследовании злодейний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Ломаневском районе Одесской области.

"В первых числах ноября 1941 года в село Богдановку под конвоем румынских жандармов начали прибывать группы мирных советских граждан, в том числе старики, женщины и дети, согнанные по приказу румынских оккупационных властей из Одесской области и Молдавской ССР. Указанные советские граждане отдельными колоннами от 1500 до 5000 человек каждая по прибытии в село Богдановку передавались румынским конвоем в распоряжение местной жандармерии, возглавляемой плутонером Милионеску Николаем и его помощником Гиреску. В день своего прихода в село Богдановку каждая такая группа жертв румынского произвола отводилась в совхоз "Богдановка", находившийся в полукилометре восточнее села.

Невзирая на суровую зиму 1941—1942 гг., птицей разме-

218

щали в свинарниках и летних шапашах для свиней, а то и просто под открытым небом. Общее количество арестованных советских граждан-лагерников в середине ноября 1941 года доходило до 55000. Уцелевший от расправы гр. Кимов Борис Филиппович характеризует условия жизни в лагере так:

"Жизнь лагерников была ужасна. В свинарнике, где раньше помещалось около 200 свиней, находилось свыше 2000 человек. Вместо подстилки для свиней осталась только прелая солома, на которой лежали люди, в том числе старики и дети. Значительная часть людей находилась под открытым небом. Арестованные полностью были лишены пищи, воды и утоляли жажду снегом".

В начале декабря 1941 года прибыл в село Богдановку румынский префект подполковник Изопеску Модест. Здесь он приказал местному населению доставить в лагерь печеный хлеб и лично в сопровождении румынского офицера продавал этот хлеб заключенным по цене 5 рублей золотом за 500 граммов. Собранные золотые монеты и ценные вещи им увезены. 18 декабря 1941 года в район лагеря прибыла легковая автомашина с двумя немецкими офицерами. Указанных офицеров сопровождал начальник местной жандармерии Милионеску. Все они вместе произвели осмотр находившегося в 15 метрах от лесопосадки на восточной окраине совхоза глубокого оврага, спускавшегося к реке Буг.

20 декабря туда же прибыл карательный отряд из 60 человек под командованием немца Гегеля. На рассвете 21 декабря 1941 года начались массовые расстрелы лагерников, которые продолжались до 15 января 1942 года. Наиболее интенсивные расстрелы происходили 21, 22, 23, 27, 28 и 29 декабря 1941 года.

Заключенным в лагере было приказано соорудить земляную плотину, назначение которой заключалось в необходимости задерживать потоки крови, которая струилась по склонам оврага в реку Буг.

Порядок расстрела мирных советских граждан осуществлялся побарачно. Заключенные каждого барака выводились к полуразрушенному строению, находившемуся на опушке леса в 30 метрах от места убийства. У этого строения все ценности и одежду расстреливаемых складывались, а раздевавшиеся догола заключенные направлялись к краю оврага, подталкиваемые ударами приклада и железными палками. Группы по 15—20 человек устанавливали на колени на краю обрыва, после чего палачи карательного отряда в 20—30 чело-

век располагались в 3—5 метрах от своих жертв и производили таким образом расстрелы. С края оврага убитые, а также частично раненные жертвы падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сверху бросали живыми в пламя горящего костра. "Рабочие бригады" из числа расстреливаемых, складывали тела на этот костер. Свою "работу" они проводили в глубоких лужах крови.

Сжигание трупов не прекращалось ни днем, ни ночью. По ночам жители села Богдановки видели из своих домов большое зарево в районе совхоза и слышали доносившийся до них запах горевшего человеческого тела.

Таким образом румыно-немецкие палачи истребили в лагере села Богдановка свыше 54000 мирных советских граждан".

К этому жуткому описанию расправ над еврейским населением, пригнанным из других районов Одесчины, из самой Одессы и из Молдавии, официально прилагается акт. Его подписали следующие граждане села Богдановка, Доманевского района Одесской области: Кучмий З. Е. — председатель сельсовета, Козицкая Н. А. — учительница, Чаули И. К. — слесарь совхоза, Гульченко Л. Е. — учительница, Кучмий В. М. — учительница, Голодняк С. П. — рабочий совхоза, Руденко Е. С. — агролесомелиоратор, Каванева В. П. — зав. десятильми совхоза, Бессарараб Н. Е. — учительница, Запорожан И. Ф. — рабочий совхоза, Шеремет К. К. — управляющий животноводческой фермой, Свередюк С. В. — плотник совхоза, а также представители от воинской части: гвардии капитан Курицин И. Я., гвардии ст. лейтенант Каравас И. Д. и находившиеся в лагерях и случайно оставшиеся в живых Совер С. И. — портной, Сатановский Г. Я. — сапожник, Юсев Я. С. — ученик — и Понтель А. С. — грузчик.

Ими составлен акт о зверском злодеянии, совершенном немецкими оккупантами в селе Богдановке Доманевского района Одесской области в период с 21 декабря 1941 г. по 15 января 1942 года. Тогда производился расстрел мирного еврейского населения, согнанного из Одесской области и Молдавской республики в лагерь при совхозе "Богдановка" в количестве 54 тысяч человек.

Из всех находившихся в лагере было расстреляно у ямы около сосновой рощи совхоза "Богдановка" 44 тысячи человек. Пожги живыми в трех корпусах-свинярниках в каждом по 1000 человек, отказавшихся выходить на расстрел. Умер-

ших от голода и холода находившихся под открытым небом было 500 — 700 человек в день. Трупы расстрелянных и умерших граждан скижали на костре, в горящий костер бросали живых детей. Перед расстрелом ценные вещи отбирались. Расстрелом руководили немцы: Бихлер, Фиттер и другие. Кроме них, руководили: Сливенко Иван Сергеевич — начальник полиции, Кравченко Иван Иванович, полицайский Назаренко Иосиф Емельянович, Назаренко Николай Иванович, Бессарараб Федор Федорович.

В числе расстрелянных были: Шафир Роза Абрамовна, 27 лет, депутат райсовета, зав. РОНО, орденоносец; Самфер Блюма Гилловна, 34 лет, вместе с 4 детьми (Гриша — полтора года, Петя — 9 лет, Нина — 13 лет, Соня — 14 лет); Сатановская Гиня Исааковна вместе с двумя детьми (Володя — 16 лет и Оля — 14 лет); а также Юсев Самуил Авраамович, Юсева Роза Химицковна, Юсева Рива Самойловна, Гныт Гаймыц — 92 лет.

Да, судьба миловала нас, не попавших раньше туда, в Богдановку...

И я мысленно тоже склоняюсь перед прахом погибших.
А в последнее время часто бываю в Богдановке.

ДАЛЬШЕ НАШ ПУТЬ, казавшийся неизбежно гибельным, продолжался в село Семихатка — небольшое село в 18 километрах от райцентра Доманевка, где среди нас произвели очередной отбор (тоже вопреки теории Г. О. Шапиро).

Этот путь был сплошной мукой. Конвоиры требовали, чтобы мы шли быстро — "репедэ". Они били нас палками по спине, повторяя свое невыносимое слово: "Репедэ... май репедэ" и при этом ругаясь чисто по-русски — при женщинах и детях. А идти быстро было невозможно, как, впрочем, и вообще идти, потому что стояла невыносимая жара. Со всех лился пот от несения тяжестей, еще оставшихся у людей, но воды нигде не было. Дети вокруг плакали, старики непрерывно стонали и громко молились или ругались на древнем языке. И самых немощных, отстававших от колонны, конвоиры расстреливали. Это невольно подгоняло остальных!

Так мы тащились, стараясь дойти до наступления темноты к месту назначения. Как ни странно, то было не село, а стоявшие в открытом поле три передвижных вагончика на колесах — такие обычно перевозят тракторами.

Мы, добравшиеся туда остатки нашей колонны — человек 150, были немало удивлены, когда услышали из этих вагончиков смех и даже приятную музыку. Там играли на гитаре и пе-

ли... и кто, оказывается! — советские военнопленные. Это были красноармейцы, работавшие здесь без конвоя.

Не передать, с какими смешанными чувствами мы восприняли все это: и встречу со "своими", и ту обстановку, которая там была. Но и пришли в недоумение: где сами будем находиться... и что здесь дальше делать?

Сразу конвоиры стали загонять нас... под вагончики, как ни странно. "Аколо... — закричали они, размахивая палками и показывая именно туда — под колеса, в темную узкую щель. — Аколо... репэд!" Ничего не поделаешь — и пришлось лезть туда, тут же сваливаясь от усталости в темноте и тесноте. Лежа и переворачиваясь под долгой ходьбы, все невольно прислушивались к родному веселому пению — и это было как колыбельная после всего...

В такой неожиданной обстановке мы поднялись утром, охраняя двумя румынами. И не слишком удивились или возмутились, когда нас погнали на работу в поле. Нам предстояло там удалять сорняки — делать прополку их, причем по установленной норме.

Конечно же, многие не имели представления — что такое вообще прополка, не говоря уже о выполнении какой-то нормы. Об этом долго шептались мама и бабушка, кое-как дергая свеженький бурьян и неумело наклоняясь к земле. Сразу стала ныть спина и захотелось пить, не говоря уже о том, чтобы поесть. И удивительно ли, что скоро многие стали что-то жевать — чуть ли не тот же буряничек? То и дело охранники покрикивали на нас, а издали на них покрикивали пленные, работавшие на другом участке, и даже посмеивались над ними. Это как-то подбодрило нас, и мы почувствовали себя не такими несчастными, как казалось вначале...

Но все же было невыносимо находиться там, на поле, весь день, не получая воды и изнывая от жажды. Правда, поначалу есть не хотелось: нас кое-как покормили утром — до угона на работу. Но где-то после полудня стала стоять бабушка, то и дело жалуясь: "Нет, не могу больше!", и широко отирая лицо стянутой косынкой. А мама пусть и работала молча, но чувствовалось, что делает это из последних сил. К ней след в след подступал Сергей, чтобы помочь — с теми сорняками, которые она не выдрала. И мне оставалось последнее — выбрасывать охапки вырванных сорняков на обочину. Но стоит ли говорить, как и мне было не по себе?

Так мы промучились целый день до вечера. А когда добрались до своего вагончика и уселись под ним, чтобы кое-что

поесть — из полученной баланды, то, честное слово, не было сил жевать. Теперь уже как-то не доходило до нас пение веселых соседей — военнопленных, а когда от них передали что-то съедобное, то даже рука не поднялась, чтобы взять это от них — вроде еще более несчастных... "Что значит — закалка! — изумилась бабушка. — И вообще — мировые ребята... нико-гда не думала!"

Но потом стало еще хуже. Вдруг пошел дождь, и на следующий день было страшно выходить в поле, где сплошные лужи и грязь. Меня оставили на месте, и я присматривал за маленькими детищками, среди которых были знакомые: Володя Гольдман и Леня Крылов. А когда захотелось есть, то пришлось пользоваться единственной посудой — крышкой от чайника. И как страшно выглядели вернувшиеся с поля: они снова не смогли справиться со своей работой — и из-за дождя, и от общего истощения. Им пришлось также узнать понукания и побои недовольных конвоиров. Людям не могли помочь и те из пленных, которые работали на соседних участках. Румыны отгоняли их, а те лишь издали махали руками и качали головами.

И удивительно ли, что нас долго не задержали и на этом месте?

Да, ведь этот отбор, который производился в Доманевке, именно предусматривал степень работоспособности пригнанных евреев. Там выясняли — кто прежде всего является ремесленником, и отделяли от всей массы портных и сапожников, механиков и жестянщиков, а особенно врачей. А теперь, когда среди нас не нашлось не только агрономов, но и сносных держателей лопаты или сапки, конвоиры с раздражением погнали всех дальше. И как бы в наказание, теперь это был самый пугающий загон для евреев. Тот, о котором давно шли самые разговоры — еще в бытность на Слободке.

"ЛАГЕРЬ СМЕРТИ" — именно так, а не иначе называли Акметечту. Теперь я нашел в записках И. Мармерштейна описания того, что там было раньше, и снова вынужден привести из них выдержки — как наиболее достоверное свидетельство очевидца задолго до нашего появления в этом поистине аду.

"Село Акметечка находится примерно в 12 километрах от Доманевки. Путь туда казался длинным и очень тяжелым из-за жаркого дня и теплого пыльного ветра в лицо. Воды нигде по пути не было, и все изнывали от тягостной жажды. К тому же полицаи вели себя, как никогда, нагло: били, кого хотели, стреляли из винтовок в воздух, кричали самые нецен-тели,

зурные слова, какие только бывают. Когда через некоторое время две женщины и один пожилой мужчина стали отставать, их отвели немногого в сторону от дороги и пристрелили. А на одном привале они выстрелили в девушки, которая немногого отошла в сторону и присела под кустом, и эта 15-летняя лишь успела крикнуть слабым голосом: "Мама..." Дальше колонна пошла в оцепенении, и многие еще долго оглядывались на оставшееся под кустом тело девочки...

До села дошли к вечеру, когда солнце уже приближалось к закату. Но в Акмечетку нас не пустили, а разместили в сторонке: "Здесь и будет ваш лагерь!" — заявили конвоиры. На том месте стояло несколько старых сараев и небольшой ветхий навес, но поблизости никто не проживал. Должно быть, это было какое-то давно заброшенное отделение совхоза, но там же стоял свежий знак — с указанием на центр, от которого хождение разрешалось на четыре стороны на 100 метров, после чего находился ров шириной примерно в 60 сантиметров и такой же глубины. Этот ров, заявили полицай, является границей передвижения по территории лагеря, и предупредили: за переход через ров будет расстрел на месте... Так нас сразу лишили возможности отлучаться в село для покупки чего-нибудь съестного, и стало ясно: всех привели сюда для быстрого вымирания..."

Но нет, румыны произвели и там очередной отбор рабочей силы — для прибывших туда же представителей местного совхоза, а по-новому — фермы "имени Маршала Антонеску", находившейся по соседству — в селе Карловка. Им потребовалось 250 человек, чтобы копать землю для высокого вала шоссейной дороги, и хотя за такую работу было обещано лишь питание, но среди желавших идти на такую работу оказалось и много женщин, готовых оставить своих детей.

Описывается у Мармерштейна также жуткая картина во-плей и бегства вдогонку покинутых детишек, а особенно потрясаёт попытка одной девочки перепрыгнуть через ров и ее провал туда — под выстрелом конвоира, правда, тут же вытащившего ее оттуда...

Об Акмечетском лагере смерти, куда потом довелось попасть и нам, пишет Г. С. Шапиро:

"В то время здесь было три полуразрушенных барака. Они были окружены глубокими канавами. Вода находилась далеко, на расстоянии двух километров. Вокруг — голая степь. Сюда начиная с 10 мая 1942 г. стали пригонять евреев из Доманевского района. Бараки были разделены на малень-

кие узкие клетки, где раньше находились свиньи. Из барака не выпускали ни на шаг. Вшивость, болезни, голод. Дневной паек — кружка отрубей..."

О, эти клетки для свиней, о которых я тоже не в состоянии забыть!

Кажется, до сих пор чувствуешь дух, отвратительную вонь, исходившую от них. То, что не улетучивалось после пребывания там животных, которые на одном и том же месте ели, пили и испражнялись. Неистребимый и невыносимый животный тлетворный запах, от которого всегда тошило...

Это вспоминается, словно вырываясь из самой глубины своего существа, едва только глянешь на фотоснимки, где запечатлена поездка туда — в Акмечетку большой группы бывших узников местного гетто.

Но и что говорить о том, каково было подолгу жить в той обстановке, как бы срашиваясь с мерзкой вонью, с видом этих клеток и даже их названием.

"Люди содержались там, как скот. Или хуже скота, ибо за них ухаживали".

Так я записал в своих заметках, набросанных после поездки туда.

Хотя не забыл отметить и то, как мы все же жили там...

Как же это, спрашивается, происходило?

Приведу отдельные зарисовки.

Белая лошадь

Ее появления ждали с нетерпением, даже с мольбой.

Ведь это была единственная радость в той жизни — на пороге смерти.

Так происходило раз в две или три недели. Непонятно, кто организовал приезд лошади: ведь наш лагерь был заранее обречен.

Возможно, так делалось для того, чтобы местное население знало: узников кормят — им привозят еду. Хотя, конечно, жители Акмечетки помнили, как зимой здесь, недалеко от села, румыны расстреляли более 14 тысяч евреев.

Лошадь была белой масти, и один вид ее давал представление о каком-то просветлении в нашем существовании. Хотя на ней везли для нас то, что поначалу казалось умопомрачительным. Да мыслимо ли было представить такую еду — отруби? Впрочем, мы называли их половой — из-за обилия соромы и каких-то твердых включений.

Итак, белая лошадь появлялась у нас, как радостное видение, и мы выстраивались в очередь. На человека приходилось примерно 500 граммов еды. Посуды не было, не было и торбочек или бумаги — ничего не было, чтобы удавалось туда всыпать, как-то поместить и сохранить драгоценный продукт. Поэтому многие ссыдали это лакомство, как манну небесную, сразу. Пусть так и ускорялся смертельный исход.

Отруби отпускал старый дядька, который и погонял скаженную белую лошадь, сила на скрипучей полуразвалившейся повозке. Обычно он ехал неспеша, словно жалея свою коняту, а не нас — заждавшихся ее появления. Или нам только казалось, что она тянется медленно, словно стоит на месте.

Возможно, мы тоже казались ему нереальными — потрясшие человеческий облик от голода. Там, в Акметчетке, я увидел два типа живых трупов. Если на Слободке умирали в основном от болезней, а голод был только ускорителем этого угасания жизни, то здесь одни становились дистрофиками — с кожей и костями, а другие — опухшими до невероятных размеров, когда кожа натянута и блестит. Те и другие уже не могли двигаться, а только лежали, да и то неподвижно. Делая под себя, они не шевелились даже под руками тех, кто вырывал у них зубы — золотые или серебряные. Обычно вырывали ходячие — те еще не думали о смерти, к тому же рвали клещами или чем приходилось. Но если иной обреченный, которого лишили драгоценностей, и кричал, то его крика вовсе не было слышно. И после этого их переносили в один из смертных бараков — третий, где уже не нуждались в приезде белой лошади. Так, кстати, тоже ушла на тот свет — ослепительно белый — родная сестра моей бабушки — Бетя. И так же умер один человек, которого успела запечатлеть его дочь — художница.

Это была молодая девушка — Валя Фукс. Она часто делала зарисовки, и среди ее картин была такая — “Узники ждут белую лошадь”. На ней изображалась повозка с этой самой белой лошадью. Валин отец, красивый, высокого роста, всегда ожидал ее, успев разбухнуть до неизвестных размеров. Я наблюдал это, пока он жил в своей клетке — напротив нашей. Там же он и умер. А Валя Фукс выжила, но сколько мы с братом ни пытались найти ее после войны, нам не удалось...

Теперь часто, если я встречаю людей, которые говорят, что они были в Акметчетке, я спрашиваю: “А вы помните нашу белую лошадь?”

Моя рогатка

Как ни висела над нами угроза смерти, люди оставались людьми, в том числе дети.

Что спасло лично меня? Наверно, неиссякаемый интерес к тому, что было вокруг. У меня с раннего детства, как я уже описывал, был живой, любознательный характер, и это качество не покинуло меня и тогда.

Не забыть, как привлекала в условиях голодахи в Акметчетке та растительность, которая была вокруг. Помню, у окружавших нас кустах появились какие-то зелененькие плоды — “калаачики”, как мы их называли, и я стал заводилой — срывать их и есть. Пожалуй, это было полезней отрубей, или, по-местному, “половы”!

Кстати, впоследствии наша легендарная белая лошадь чаше стала возить и другие продукты. Это были сухари и мамалыжная крупа. А откуда такая роскошь, мы узнали лишь потом, так снабжал нас, евреев, не кто-нибудь, а... Международный Красный Крест. Да, оказывается, наша беда дошла до высокой и далекой мировой общественности. Но вот в каком виде и в насколько мизерном количестве ее помочь доходила до нас — затерявшихся в глубине одесских степей, к тому же загнанных там в свинарники!

Самое же вкусное, что удавалось добывать тогда в тех чудовищных условиях — получше официальной международной подачки и даже вкуснее тех “калаачиков”, простые воробы. Я сбивал их, соорудив заветное орудие, к которому пристрастился еще в глубоком детстве. Рогатка — это была моя любимая игрушка и бич всего дома 8 по Театральному переулку.

Кажется, не было окна в нашем дворе — при всех его разворотах, которое я бы не разбил. Сколько было жалоб на меня маме, и особенно бабушке, даже от самых знатных соседей — от тенора Аярова до хорошенкой балеринки — за попадание то по спине, то по голове, из-за этой скверной страсти. И вот теперь — такая удача: я нашел в кустах остатки какой-то резины, тут же раздобыл кусочек шпагатика, потом сломал веточку с двумя ответвлениями и обстругал ее, как следует, — и так, словно сама собой, получилась рогатка — вполнеличная, как в доброде мирное время!

Увидев ее, мой брат аж просиял от удивления и восхищения: мол, до чего неисправимый хулиган — этот Ледик! Правда, даже он не сразу догадался, зачем именно мне нужна теперь такая рогатка. Нет, конечно, не стрелять по румынским

конвоирам — авось, на них найдется настоящая управа! А чтобы раздобыть то, что может пойти в пищу, чтобы полакомить маму и бабушку и чтобы самим как-то насладиться... Ну кто мне запретит, что называется, роскошно есть.

Я стал лазить в округе, как настоящий охотник. Поначалу с непривычки трудно было разглядеть в кустах притаившихся пернатых. Лишь по чирканью и внезапному шуршанию листьев я начинал догадываться — где моя добыча. А когда стал целиться, то, признаться, руки мои дрожали. И даже было жалко, что лишаю жизни эти пернатые существа... Но что же, спрашивается, делать?

Первого убитого воробья — серого и лохматого — я не показал никому, даже Сергею. Только когда меня засек за моим занятием сосед Фукс, который тогда был еще жив, я вынужден был признаться, в чем дело. Но тот, похоже, лишь неодобрительно покачал седой головой. И когда потом я рассматривал его на дочкином рисунке, то мне иногда казалось, что он по-прежнему укоряет меня, хотя уже не жил на свете...

Но знали бы там, в Международном Красном Кресте, что мы спасались не только благодаря их помощи.

На простой лопате

Правда, эта международная мука однажды очень пригодилась мне — и в такой праздничный день!

Это было в ноябре 1942 года. Мне исполнилось 11 лет — и решено было как-то отметить его, пусть даже в таком месте, как свинарник. Чуть ли не назло всем врагам на свете...

До этого наши хозяйки — мама с бабушкой научились весьма искусно использовать в хозяйстве то, что даже перестали пренебрежительно называть отрубями. Удручало лишь то, что этой муки бывало очень мало — что называется, на один зуб, если ее употреблять без толку. Но когда ее смешивали, соединяя все порции, то получался суп с клецками — вполне по-человечески, даже удивительно! Разве что к нему не было никаких приправ. Не говоря уже о приличной посуде.

Но вот, кстати, и с посудой мы обошлись по-своему. Сперва в мой день рождения бабушка стала что-то готовить, используя обычное — крышку от чайника, снятую и давно не надеваемую на чайник. Видя это, я притащил то, что использовал для прожарки убитых из rogatki воробьев, — старую прогнившую лопату, найденную раз в поле. “Ты всегда что-то придумаешь, габелок!” — помню, одобрительно отозвалась

бабушка при виде этой лопаты. Но, оказывается, она сама сумела кое-что придумать — и такое, что совершенно украсило наш стол, пусть и в свинарнике...

Дело в том, что за несколько дней до этого ей пришлось выполнять одну деликатную и сложную работу. У одного из конвоиров-полицая вдруг рожала жена, а кто-то сказал ему, что наша бабушка Катя — испокон веков опытнейшая акушерка. Ее позвали к той, которая никак не могла разродиться, и... на свет появился не только новый человек (пусть и от таких родителей!), а и целый ворох продуктов — в благодарность (немного муки — настоящей, давно не виданной картошки и кусочек сала!).

Вот, значит, что бывает на этом свете! Как они — конвойные или охранники — ни уничтожали евреев, но когда их прижажа тоже беда — сразу евреи пригодились и даже помогли им... И бабушка потом сама удивлялась: побывав в селе, куда ее отвел охранник — из местных жителей, она увидела там вроде бы нормальных людей — со всеми их делами и заботами, так что и стало жаль охраннику с ее родовыми муками... На что мама резонно и горделиво отозвалась: “Да, медик — всегда должен быть выше политики!” А бабушка добавила: “И люди тоже должны быть выше!”

Так или иначе, к моему дню рождения в руках у них появились кое-какие возможности приготовить нечто вкусное. Правда, в последний момент оказалось, что в самый день — 1 ноября, от вкусных продуктов осталось совсем немного. Поэтому что та же бабушка — с ее сердобольным нравом — почти все раздала окружавшим, а особенно старалась для своей сестры Бети. Но та, как уже сказано, все же умерла от голода — и как раз в день моего рождения.

Так что этот знаменательный день вообще едва не был отменен, если бы я заранее не позаботился. А именно — принес посудину чтобы изготовить на ней что-нибудь вкусное. И какую, — уже названную лопату, к тому времени достаточно обугленную.

Я также разжег костер, а бабушка стала накладывать на лопату аккуратные кружочки мокрого теста — из той же настоящей муки. И получились вкуснейшие блинчики — настоещее объедение, кто понимает...

Что ни говори, а лопата — не только для копания земли!

За водой

Это была еще одна проблема в тогдашней жизни — вода. Она не просто находилась далеко от нас, как уже сказано. А как ее привести, если нет ведер да и вообще ходить вокруг не полагается?

Как бы в виде особого одолжения наши охранники-полицай разрешили брать ее не взрослым, а нам — мальчишкам. Обычно для этого набиралась ватага — человек девять или десять, прихватив с собой разную посуду — чайники, кастрюли и бутылки.

Сперва это казалось нам даже удовольствием — идти через поле, озираться по сторонам, видеть зеленые насаждения и вдыхать удивительный воздух — свежий, пахучий, сътый. Невольно вспоминалось прошлое, когда я выбирался за голову, а то и на пляж, о котором сейчас думалось, как о чуде. То и дело мы обращались друг к другу с неудержимыми воскликами: "А помнишь, как раньше... или еще такое было, да?" Или вдруг сразу замирали, услышав какое-нибудь необыкновенное птичье пение или совсем диковинное — писк суслика поблизости...

Но зато что было, когда мы возвращались с водой! Мало того, что уже успели устать от ходьбы — еще бы, нелегко от дополна напитой во все посудины воды, не говоря уже о том, что на месте напились, что называется, от пузя. Неизбежно кое-кто стал отставать в пути, и наша ватага растягивалась по тропинке.

А это, как обычно, не нравилось охранникам, которые издали наблюдали за тем, что мы делали. Потом оказалось, что наша девятка или десятка водоносов надоумила их на такую зловещую игру — в "девятку-десятку". Это значило, что они не просто начинали обстреливать отставшего — последнего по счету. Между ними заключался такой зверский спор, кто раньше подобает его? Пари на меткость стрельбы по живым мишням — с посудой в руках! Подумать только — смерть из-за того, что делаешь доброе дело...

Так что не всегда удавалось нам донести воду, как полагается. Многие расплескивали ее, боясь очутиться в хвосте и топаясь вернуться в наш лагерь. Хотя полицайм ничего не мешало и там расправиться с провинившимися. Так было, когда однажды они поймали одного парнишку — якобы сбежавшего и решили наказать его "за нарушение порядка". На глазах у всех они отвели его метров на 10 от всех собравшихся, чтобы расстрелять, и я в ужасе смотрел на эту расправу. До сих пор в моих ушах стоит неистовый крик этого мальчика, "Не надо, дяденька! Я хочу жить!" Но его застрелили — как ни в

чем не бывало. И потом снова стали играть в карты.

Самое невероятное, что это сделал один из тех местных охранников, который не раз обращался к нам за помощью. Он просил маму, которая была опытным детским врачом, и ей приходилось помогать его детям, как это ни было тягостно. Но зато благодаря такой помощи охранник сжался и сделал так, что мы перебрались в другое место.

Да, мы избавились от пребывания не просто в свинарнике, а и среди таких поистине тоже животных, как полицай из местных жителей. Или как иначе назвать этих извергов, если для них было обычным делом вырывать зубы — золотые или серебряные — у человека, который еще не успел умереть? Взяв обычные щипцы для колки сахара, они втыкались в мученически раскрытый рот своей жертвы, которая уже не могла кричать, но еще вздрагивала и тихо стонала. Увы, я не раз был свидетелем таких чудовищных сцен, и до сих пор мне становится не по себе, если я вижу, как работает стоматолог, даже самый мягкий!

Впрочем, такое же внутреннее содрогание я испытываю и при виде деревенских колодцев. Бывает, как ни хочется из них напиться, но мне сразу вспоминаются охранники, которые стреляли в "девятку-десятку" — в мальчишек с посудой, полной воды, и невольно пропадает всякая жажда... И еще не могу спокойно видеть, если бываю на бывшей Красной слободке (ныне слободка Романовка, как и до революции), здание кинотеатра, где томились евреи, а потом было отделение сигуранды (с тогдашним названием "Дачия" — по имени даков, от которых произошли в древности румыны).

ТАК ДОВЕЛОСЬ жить нам, пока не наступила зима. Пусть она была и не такая суровая, как минувшая, которую мы проводили в Одессе.

Но все же невольно завидовали тому, как было в родном городе до создания Слободского гетто. Ведь тогда мы были вместе с отцом и могли общаться со старыми друзьями, и еще теплилась надежда на скорое освобождение советскими войсками! Не говоря уже о том, как тогда вышла встреча Нового года — не только под звуки заработавшей радиоточки — с ее новогодним румынским танго, а и с новостями про десанты в Крыму...

Ну и вот чем теперь обернулось бодрое танго про сорок второй год, когда, возможно, могла закончиться война — "разбой"!

Этот действительно разбой не просто продолжался, а и вылился в такие жуткие формы — и прежде всего с евреями, что тут была бессильна самая разнужданная фантазия. Видано

ли: с места были сорваны и изгнаны из родного гнезда десятки и даже сотни тысяч евреев, от которых к концу этого же зловещего 42-го оставалась лишь малая часть.

Довершением такого варварства явился цинизм властей — как это было написано в "Одесской газете" 1 января 1943 года. В статье "Итоги плодотворной работы румынской администрации в Одессе" я теперь прочитал то, что вызвало у меня поистине бешенство:

"Проделана огромная работа по восстановлению нормальной жизни города... проведен ряд важнейших мероприятий по разрешению еврейского вопроса".

Массовое уничтожение еврейского населения — оказывается, было восстановлением нормальной жизни!

И там еще такое признание в грабительской деятельности властей:

"Стоимость имущества, оставленного бежавшими евреями, выражается приблизительно в 5 000 000 марок".

Подсчитывание богатства, доставшегося от погибших... что может быть более позорным?

Рядом с этим кажутся издевательскими все остальные итоги деятельности румын в Одессе за истекший год — от работы предприятий, развития торговли и денежной стабильности до пуска трамваев или количества коеч в лечебных заведениях. Или что сказать о похвальбе насчет увеличения жилплощади на душу населения (с 2,5 кв. метров до 10) — не за счет ли угона евреев?

Ну, а что сулил нам всем наступивший 1943-й? Я старался не думать об этом, радуясь выпавшему мягкому снегу: ведь можно было кататься, как раньше, на санках! И даже не вспоминал про свои коньки, оставленные дома.

А бабушка, кутаясь в облезлый платок, лишь качала головой при виде меня...

* * *

Мы ушли из Акмечетки в начале 43-го года — в один из февральских дней, и на душе у нас все-таки было чувство облегчения. Ведь, что бы там ни было, смерть обошла нашу семью стороной!

К сожалению, мы тогда не знали того, что тоже придало бы нам бодрости духа. Еще бы — именно в ту пору дела на фронте пошли благополучно.

Оказывается, немецкая армия потерпела поражение под Сталинградом!

Не это ли было залогом нашего дальнейшего спасения?

8. ГИБЕЛЬ ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДА В Одессе

Но, увы, Сталинградская битва еще не спасала тех, кто знал о ней.

Я сужу об этом, получив впоследствии доступ к информации о событиях непосредственно в городе — Одессе и ее окрестностях.

Тогда шел второй год оккупационной жизни, и за это время одесситы все же как-то приспособились к новым условиям. Если раньше я сам видел, как открывались закусочные и барчики, то теперь работали мастерские или даже отдельные заводы, а жители стали ходить в кино и чуть ли не на танцы. Да, теперь, как выяснилось, установилось почти нормальное существование, если не считать того, что все происходило БЕЗ ЕВРЕЕВ, которые были полностью исключены из такой жизни. "Одесса без евреев!" — так охарактеризовал город знаменитый иностранный журналист — Александр Верт, прибыв сюда сразу после освобождения в апреле 1944 года. И для него — англичанина, чьи родители или предки когда-то сами жили в России, это представилось удивительным парадоксом.

Но теперь я смог прочитать в оккупационных газетах того времени не только об оживлении, но даже разгуле определенной жизни для одних, а и об уничтожении тех, для кого она не была предназначена. Оказывается, оккупанты с самого начала создания Слободского гетто развернули самую беспощадную расправу с теми, кто уклонялся от такого самозаточения на этой одесской окраине. Да, не только преследовались беженцы — вроде упоминавшегося Ефима Нильзы и не просто устраивались облавы в городских руинах, как было с Давидом Стародинским. Но "нарушителей" самым откровенным образом наказывали — и как... вплоть до смертной казни, к тому же не боясь об этом публично признаться, а даже наоборот — широко объявляя о своих палаческих мерах (не для острастки ли других непокорных?).

Вот что я нашел теперь о судьбе несчастных "беженцев", когда стал просматривать номера выходившей в ту пору "Одесской газеты". Пока я сам с семьей находился в гетто, жалуясь на тамошние условия, другие лишились жизни из-за того, что не могли и не хотели смириться с этими условиями. И уже спустя всего месяц после официального создания гетто

свершилось наказание таких людей — после учиненного над ними вражеского суда. Так, в номере этого оккупационного органа от 22 февраля сообщалось (сохраняем его стиль):

“Военно-Полевой Суд рассмотрел на днях ряд дел уколовившихся от исполнения приказа М. У. № 7 о пребывании их в гетто.

Евреи: 1) Фридман Марк Филиппович, 2) Бениашвили Арон Шмилович, 3) Лись Абрам Борисович, 4) Киселевский Стефан Вениаминович, 5) Барда Елизавета Давидовна бежали из района гетто.

Постановлением суда все вышеуказанные евреи как бежавшие и злостноуклоняющиеся от исполнения приказа № 7 приговорены к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение в субботу 14 февраля с. г.”.

Кроме этих лиц, были наказаны решением военного суда и те жители из русских, которые явно покрывали таких евреев либо просто прозевали их.

“Ряд управляющих домохозяйствами и дворников, покрывающих евреев, привлечен Военно-Полевым Судом к строгой ответственности”.

Характерно, что в этой же заметке — “Судебная хроника” сообщается о наказании тех жителей (указывается — “русских” и даже “немцев”!), которые “уклонились от сдачи властям радиоприемников”. Приводится список из двадцати виновных и указано, что они приговорены “к наказанию ка-торжными работами сроком от 5-ти до 10-ти лет”. И это сразу выполнялось: “Осужденные заключены в тюрьму...”

Вот до чего свирепо наводили свой хваленный “порядок” оккупанты в ту самую мрачную пору их господства в Одессе!

Но и спустя год они не угомонились. И вот что я нашел в номерах “Одесской газеты”, вышедших в марте 43-го, — и прежде всего об общем положении, о наиболее характерном, что тогда происходило.

Напомню, за месяц или полтора до этого немцы отмечали траур из-за поражения под Сталинградом и с трудом оправились, подстегнутые выступлением их главного идеолога — Геббельса в берлинском “Шпортааласте” с пресловутым лозунгом “тотальной войны”. Тогда всем стало ясно, что забрезжила надежда на их окончательное поражение, и разве трудно представить себе состояние людей, ждавших освобождения, в том числе тех евреев, которые сумели остаться в Одессе, несмотря на все обыски и облавы по дворам и на улицах?

Рассказывают, что многие русские или украинцы не боялись подтрунивать над немцами, выговаривая слово, ненавистное и обидное для тех, с характерным акцентом, “Штадлинград...”. И такому настроению не могли помешать даже сообщения с фронта об успехах германских войск под Харьковом или даже о взятии этого города, как было в сводке от 15 марта. Ведь, кстати, в той же сводке передавалось о боях в районе Донца — значит, линия фронта приблизилась... и возможно, скоро дойдет до Одессы?!

Но все же это не могло радовать тех евреев, которые находились в городе. Потому что их систематически вылавливали — для дальнейшей расправы, и делалось это открыто, как бы в порядке вещей, как само собой разумеющееся. Так, в “Одесской газете” на последней странице был помещен целый список лиц еврейского происхождения с целью их задержания и наказания (“Лица, знающие что-либо... должны немедленно сообщить об этом в ближайший полицейский участок”). И с содроганием теперь читаешь список этих обреченных — целых 100 человек! — с указанием их домашнего адреса и даже профессии... Похоже, что в каждой строке можно наткнуться на своих знакомых или даже родственников!

“ФИЦМАН Лейб, Болгарская, 10, сапожник.
ВАЙНЕР Штоль, Успенская, 14, экспедитор.”

АФЕРМАН Борис, Лазарева, 51, портной...”

Я взял эти имена на выбор — каждого пятого. Но неизменно трогательно там повторяется то типично “еврейская” улица — Мясоедовская или Большая Арнаутская, то типичная профессия, пусть и самая заурядная (вроде жестянщика, плотника или бухгалтера). Кроме мужчин, в списке встречаются, пусть и не очень часто, женщины: например, Богез Ида, проживавшая в Треугольном переулке, 28... И невольно душа сжимается от мысли, спаслась ли эта жительница по соседству с домом, где когда-то родился и вырос Леонид Утесов?

Но такой список — это было еще не все, что искали оккупанты. Через три дня, в одном из следующих — 26-м номере “Одесской газеты” они поместили дополнительный список — на 62 человека. Там уже не было ни одной женщины, а из профессий добавились кондитеры, фармацевты и шапочники, как и расширина география их проживания — вплоть до Крымской Балки. Зато неизменным осталось обращение к возможным доносчикам в преамбуле этого списка: “Можно (сообщать) анонимно, но только с точным указанием, где, у кого разыскиваемый находится!” И уже невольно смотришь

как на совсем обреченных всех этих Давидов, Мотеле, Янкелей и Шмулей, а от самых курьезных фамилий не хочется улыбаться, как это бывало в обычной жизни, когда они воспринимались анекдотически: Казан, Соловинал, Лебед, Брамбарш...

Оторвавшись от такого списка — как будто заведомого мартиролога, с недоумением читаешь рядом разные заметки и объявления о текущей одесской жизни: приемы у врачей В. И. Савко и Б. Н. Чуистова, возобновление занятий на курсах иностранных языков ("прием на немецкое и румынское отделения") или такое — "продаются по дешевой цене мезга и картофельные отходы". А вот еще "Только в магазине "Прима" на ул. Короля Михая I № 40) имеются в большом выборе часы всех систем — продажа с гарантией (и прилагаются рисуночки часов). Далее следуют объявления об открытии парикмахерских или Ботанического сада, и об уходе из дома 18-летнего ученика гимназии Ложникова Георгия или о матче бокса между Тхаржевским и Мариничем (легкий вес, 3 раунда).

Правда, эта нелегкая и обидная жизнь, оказывается, отличается и серьезными неприятностями: так, в отделе "Происшествий" всерьез сообщается, что в ресторане по Рицлеровской, 78 "вследствие неисправности дымохода загорелся потолок", а "Проданов Иван 11 лет, проживавший в доме номер 18 по Коблевской улице, был искусан собакой".

Эта обывательская действительность соседствует, как уже нетрудно догадаться, с настоящей европейской бедой — и вполне реальной, а не запограммированной в списках "разыскиваемых". В газете сообщается о заседании Военно-полевого суда, который заслушал дело Краснопольского из Рыбницы и приговорил его "к смертной казни за то, что, будучи евреем, он скрывался, уклоняясь от этапирования в гетто". Это было, повторяем, в середине марта, а вот номер "Молвы" за среду 7 июля, и там — под рубрикой "Сообщения" я нашел в конце этого же несчастного Краснопольского: "КРАСНОПОЛЬСКИЙ Яков, еврей, за то, что своевременно не явился для отправки в лагерь, осужден к смерти приговором Военно-Полевого Суда города Одессы за номером 28 от 3 марта 1943 года". И в преамбуле такого "сообщения" значится как бы анонс: "В пятницу, 9 июля с.г., в 10 часов утра на еврейском кладбище (вблизи главной тюрьмы) будут преданы смертной казни нижеперечисленные преступники"… А там в числе других — осужденных "за взлом

и кражи", "за хранение оружия, грабежи и кражи", "за организацию банды" — всего полутора десятка преступников упомянуты и тот, кто всего-навсего еврей, который "не явился"...

Продолжаю перелистывать газетные страницы... И вот что еще происходило тогда — в разгар лета 43-го. В Доме ученых — лекция на тему "450 лет со времени открытия Америки", а "в следующий понедельник — "О возможности межпланетных сошений", "в консерватории приступили к организации двух пансионов для студентов и студенток, приезжающих из сельских местностей", а "торгово-промышленное товарищество "Зенит" субсидирует мелкие кустарные мастерские и отдельных ремесленников..." И на другой странице губернатор господин профессор Г. Александру заснят в момент вручения ему букета цветов на административной конференции в Балте, в той самой милой Балте, где, как еще писал о ней В. Катаев, "сияя речка, блестя чешую, ползет за домами по яркому лугу..."

Но вспоминается, что именно в этот день началось сражение на Курской дуге — одно из решающих в советско-германской войне. Сражение, которое тянулось целый месяц и завершилось прорывом Красной армии с занятием того же Харькова одновременно с Белгородом, в честь чего Москва впервые огласилась пушечными победными залпами!

К сожалению, и это было неведомо для тех, кто находился в Одессе на положении смертников — для евреев, которые прятались по закулкам городских трущоб или даже под землей. И непостижимо, как эти несчастные сохраняли веру в какое-то спасение, откуда у них брались силы, чтобы бороться за свою жизнь! Тем более удивительно, что так было не только со взрослыми евреями, а и с детьми...

Вот свидетельство Р. Г. Бобровской — тогдашней 8-летней девочки, которая вместе с родителями была изгнана в начале оккупации из своей квартиры в доме номер 16 по улице Петра Великого и успела побывать и в тюрьме, и на коротких этапах и на глазах которой даже обливали людей бензином и сжигали в жестоких муках. Избегая Слободского гетто, из которого, как ей стало известно, отправляли людей в Березовку — на верную гибель, маленькая Раја попала в условия, о которых я упоминал раньше, — в катакомбу под домом жителя поселка Куяльник В. И. Иванова, этого признанного спасителя многих евреев. И потрясенно читаешь ее воспоминания о такой жизни:

"Моя бабушка жила на Куяльнике — по 20-й линии трамвая. А отец там родился, и его все там знали, так что, он

решил: авось, удастся спрятаться. Он обратился за помощью к бывшему председателю колхоза Василию Ивановичу Иванову, который тоже хорошо знал отца.

Мой отец был в 1929 году раскупачен за свой добросовестный труд: он держал овец и коров, но все нажитое им отобрали, а самого отправили в Сибирь, пока он передвойной не вернулся оттуда. Василий Иванович сказал отцу: "Я знал, Гриша, что ты большой труженик и как тебя обидели — все забрали. Знаю, что ни в чем не был виноватым, а поэтому хочу спасти тебя вместе с твоей семьей..."

Тогда у ее бабушки находились еще две дочки — обе тети со своими семьями, а также мамина родная сестра с двумя детьми. И поневоле они пошли к Василию Ивановичу — к этому единственному из партизан спасителю!

О нем Раиса Бобровская дальше пишет в своей скромной школьной тетрадке:

"Через его сарай можно было зайти в катакомбы. Когда мы спустились, то испытывали страх и ужас. Муж папиной сестры, спускаясь туда, упал и на месте скончался. Видно, получил обширный инфаркт от переживаний.

Мы прожили в катакомбах около 8 месяцев вместе с партизанами. Выходя оттуда, погиб мой папа. За домом сидела засада, и как только он вышел из катакомб, его убили выстрелом. Когда партизаны пытались втащить его тело обратно, завязалась перестрелка. Но его труп так и не смогли втащить обратно.

У нас не было, что есть, и пришлось тоже выйти из катакомб. Мы вышли ночью и поплыли на животе, чтобы нас не заметили патрули. Но когда наступил день, нас заметили пастухи и по нашему жуткому виду догадались, откуда мы появились.

Они стали звать румын, говоря, что мы сбежали из гетто. Тогда нас арестовали и отправили в сигурранцу — на улицу Бебеля, в дом 12.

Там держали две недели и отпустили по приказу — детей до 12 лет не арестовывать..."

Тогда же погибли другие близкие Раисы, в том числе ее родная сестра, которая была старше ее.

"Мою сестричку взяли раньше, так как она вышла из катакомб отдельно и попалась полиции в другом месте — в районе Куликова поля. Как и другим подросткам 15–16-летнего возраста, ей грозила смертная казнь, и сперва им дали в руки лопаты, чтобы ониры рыли могилы для себя. Потом

их расстреляли: кто падал в ямы мертвый, а кто раненный.

Об этом я с мамой узнала, когда находилась с ней на допросе в сигурранце. Туда привезли мужчину, который после этих расстрелов закапывал погибших. Он слышал их стоны из-под земли, а сама земля вздрогивала.

Мама узнала об этом, зная уже, что и ее расстреляют. Там она наказала мне, чтобы я спущалась старших и была хорошо девочкой.

Потом поцеповала меня на прощанье, и больше я ее не видела..."

В своих записках Раиса Григорьевна Бобровская еще рассказывает, что ее оттуда увезли в тюрьму, где находился и ее 4-летний братик, который потом попал в детский дом. А сама она просидела там около года — вместе с воровками, прося милостыню в помещении, куда приносили передачи.

"Таких детей, как я, было очень много, и нас называли беспризорными. Я даже привыкла к этой жизни и согласна была бы всю жизнь там сидеть, лишь бы моя мать, отец и сестра были живы..."

Но на этом испытания детей не кончились. Их погнали на станцию Одесса-Товарная, погрузили, "как скот", в товарняки и повезли до станции, где находился поселок Амбарово, и небольшое гетто и отдали руки местного хозяйствика.

"Хозяином над нами был очень кровожадный человек. Он каждый раз отбирал людей на расстрел, и никто не знал, когда его очередь. Работали мы в степи на всех работах — куда пошлют. Позади нас шел жандарм и гнал нас, как овец, и кто не успевал, тот получал резиновой плеткой по голове или по спине..."

Эпопея маленькой жертвы продолжалась в больнице села Ширяево, куда она попала, заболев сыпным тифом. Впрочем, и здесь этой бедняжке "было так хорошо", что она забыла, что числится "за гетто". Там ей помогали и жена главврача — еврейка, "подбрасывая еду под скамейку", где девочка "сидела в садике". А муж ("тоже был человеком") держал такую больную, "сколько он мог", пока ей все же не пришло вернуться в гетто...

Но к тому времени в гетто наступили новые трудности и лишения, связанные с появлением румынских евреев — из Бухареста, которые "нас не любили, потому что мы голые и босые".

Действительно, босиком девочке приходилось бродить по дорогам с просьбой милостыни, "Замотаешь ноги в тряпки и

идешь, а они разматываются... и босыми ногами по снегу", хотя порой она несла "полную торбу еды". Однажды чуть не упала в колодец — до того была легкая, что попала в колодезное ведро, а потом и просидела в ожидании прямой смерти ("ждали на улице, что привезут пулемет и расстреляют, но что-то им помешало...").

Так было, когда уже приближался фронт, но и то "заблудил какой-то донской казак и грозил всех при отступлении поубивать". Одним словом, бесконечные и немыслимые испытания пришлились на долю ее — еврейского ребенка из Одессы!

Ну так спрашивается, легче ли было от того, что врага уже разбили под Сталинградом, что победоносно закончили бои на Курской дуге и что германские и румынские войска даже отходили к Одессе? А тем более, что эти жертвы по-прежнему ничего не знали о происходящем!

Вон мой брат Сергей вспоминает и такое: "Мы тогда считали, что Москва давно в руках немцев и что Красная армия разбита..."

Но все же отрадно, что люди, несмотря на полную безнадежность, еще сохраняли волю к жизни.

Даже были евреи, которые боролись — и, что называется, с оружием в руках!

Именно так и характеризует их "Одесская газета" в октябре 1942 года, сообщая о приговоре военного суда "за пребывание в катакомбах с оружием в руках".

Там, в катакомбах, оказывается, находились, "кроме русских партизан", и следующие евреи:

Фрида ХАЙТ
Евгений ФРИДМАН
Давид КРАСНОШТЕЙН
Элик ЗОСОВСКИЙ
Дмитрий ВАРИГ
Харитон ЛЕЙБАШ
Шая ФЕЛЬДМАН
Денисий СЕМЬЕРГ.

Они были расстреляны, но их имена — как борцов Еврейского сопротивления — необходимо знать и помнить всем живым! Эти люди — не просто герои, которые не сдавались перед лицом вражеского террора, а и символ еврейского духа в самую тяжелую пору — в Катастрофе.

В той же оккупационной "Одесской газете", кроме приво-

дившихся материалов о поисках евреев-одесситов разных профессий и по разным адресам, есть и упоминания о пойманных — вроде Розалии Горовицкой или Розалии Гинзбург. Имеются также упоминания о тех, кто занимался "укрывательством евреев": это Р. Зод (с Польцейской, 36), Х. Елеград (17 лет) и Г. Михель (30 лет) — с улицы Толстого. Возможно, и при поддержке таких людей у евреев не угасала вера в свое спасение...

Во всяком случае, румынским властям так и не удалось до конца выкорчевать и, что называется, выкурить, еврейское население из Одессы, как это предусматривалось известным постановлением губернатора за ноябрь 1941 года. И это происходило даже в условиях относительной стабильности их оккупационного режима — в период переменчивых сражений под Сталинградом и Курском.

Но интересно — что было в ту же пору за пределами Одессы и ее ближайших уездов на востоке или западе? Или какова была судьба евреев на севере Транснистрии — в тамошних лагерях смерти?

Печора и вокруг нее

Раньше мне не приходилось слышать название такой местности — Печора.

Но это было не название реки на Крайнем Севере страны, а глухой городок на Винниччине, который приобрел за годы оккупации зловещую славу. Там была уготована евреям наиболее страшная судьба — с массовым уничтожением.

В эту Печору (или, возможно, правильнее — Печеру, от украинского слова "печера", что значит "пещера") в начале вражеской оккупации стали сгонять еврейское население, большинство из которого нашло там свой неизбежный конец. И постепенно Печора стала огромной могилой для десятков тысяч несчастных из Буковины и Молдавии, особенно из прибрежных районов Днестра. А со временем она превратилась в такой же центр геноцида в этой части Украины, как Акметчетка или Богдановка на юго-востоке Транснистрии, если не превзошла их по количеству и способам уничтожения людей.

В книге Юлиуса С. Фишера "Транснистрия: забытое кладбище" приводится свидетельство Мозеса Каца о жутких "экзекуциях", как он пишет, с евреями в районе Печоры. Уже в октябре и ноябре 1942 года там было собрано 3 тыс. жителей еврейской национальности, пригнанных из Могилева.

Особой жестокостью к ним отличался немецкий ефрейтор Ганс Руккер — как шеф этого нацистского лагеря, по приказу которого были брошены в реку Буг все еврейские девушки от 14 до 20 лет. Истязания и уничтожения продолжались там и в 43-м году: так, в мае были “замордованы” 600 евреев, о чем свидетельствовала случайно спасшаяся Фрида Коллер, а к сентябрю были убиты еще 28 человек... И это лишь одно, действительно случайное свидетельство!

Когда смотришь на карту этой румынской территории, то видно, что там подобных центров было несколько: кроме самой Печоры, это и Затище, и Ободовка, и Ольгополь. На одной из таких карт к каждому из этих центров протянули линии со стрелками — как обозначение путей угона туда из седниных городов, местечек и сел.

Так откуда же гнали евреев в крайний северный угол губернаторства — вплоть до самого изгиба Южного Буга? Какие были конкретные пути еврейской беды?

Стрелки направляются с юга — из расположенных ниже по карте таких названий: Брацлав, Тульчин, Шпика, а также совсем к югу — Ладыжин. В некоторых из этих мест легко прослушивается звучание распространенных еврейских фамилий — вроде “Тульчинский” или “Брацлавский”. Как потом будут также ассоциироваться с соответствующими же фамилиями Бершадь, Шаргород или Чечельник. Это лишний раз говорит о том, какое именно население проживало там и, конечно, как много жителей было угнано на верную смерть в центры уничтожения.

ИТАК, ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИЛО в малознакомой и обретшей зловещую известность Печоре? Какова была судьба людей, попавших в эту поистине мясорубку?

Чтобы дать представление об этом, обращусь к небольшому, но емкому письму одной из жительниц г. Тульчина, которая была угнана в Печору с самого начала войны.

Вот что сообщает Т. С. Птах:

"Там были сконцентрированы евреи из четырех районных центров.

Делать же мы ничего не делали и кормили нас не кормили. Кто что захватил из вещей с собой, мог в какой-то день подойти к забору, куда крестьяне подносили на обмен хлеб типа макухи. У проходной стояли полицаи из местных жителей — молодые, но настоящие звери, которые были по-чёрному.

Летом всех нас однажды выгнали во двор, отобрали за

мых молодых и увезли на работу — строить шоссейную дорогу. А мы, оставшиеся, находились в конюшне, где спали на сопоме. Кушать нам давали похлебку из чечевицы и буханку хлеба на 8 дней. Это была немецкая фирма "Эрас и Эттерих" во главе с комендантом лагеря по фамилии "герр доктор Грубер". Охраняли нас литовцы, которые были еще хуже немцев и носили эзесовскую свастику. Каждый день на глазах у всех они расстреливали по два человека. Мастерами у нас были поляки — тоже очень злые.

Сперва мы работали в селе Михайловка Гаинского района, а потом нас перевели в село Ивангород — по трассе, потом в Краснopolку и, наконец, в Талалаевку. Там я находилась до декабря 1943 года — в конюшнях, сильно оборванных. А под занавес немцы стали копать глубокие ямы, опускали туда по несколько человек голыми и убивали их. После таких расправ нам привозили немножко одежды. Местные же люди стали говорить, что идет отступление, и это подтолкнуло всех к побегу.

Один из мужчин разрезал ночью колючую проволоку, и многие разбежались в разные стороны. Я со своей подругой после больших трудностей и при помощи крестьян добрались до местечка Бершадь. Там нас приютили жители, немножко приодели, и оттуда мы отправились в Тульчин. А вскоре — 14 марта нас освободили".

В конце своего обстоятельного письма его автор — Губа Срулевна добавляет, что ее мать "умерла с голода в Печоре", имея двухлетнего ребенка на руках, а другая сестренка, оставшись одна, бродила по селам, пока они обе не встретились в детдоме.

Это выразительное свидетельство, рассказанное вроде бы спокойно и невозмутимо, с затянутой обидой и ненавистью из-за перенесенных испытаний, дополняет своими воспоминаниями другая обитательница Печорского лагеря — **Л.С.Брехман** (в девичестве **Штваркман**), уроженка Могилевской Полесьской.

Поначалу, живя с матерью и младшим братом дома, она разделяла общие тяготы с поисками еды и обслуживанием богатых соседей. Тогда же им помогала женщина украинка, которая впоследствии присматривала за их домашним добром, когда пришлось уйти в гетто.

"Но все беды начались потом, когда нас в 1942 г. узняли в лагерь "Печора". Там мы жили в бывшей конюшне, еды в лагере не давали, ходили голодными и опухшими. Раз прие-

хали машины с немцами, нас построили и отобрали людей, а потом и расстреляли. Тогда мамин брат, находившийся там же, принял решение о побеге и договорился с проводником, который за вещи, оставшиеся у нас, вывел всех из лагеря.

Мы ходили по ночам, обходя каждое село. Днем прятались в лесах и оврагах. И так добрались до Могилевской Подольского, где поселились в гетто и дождались освобождения".

Еще одна, пережившая ужасы Печоры — бывшая жительница ст. Вапнярка П. Л. Спектор, тоже рассказывая о немо-верных лишениях там — в помещении бывшего санатория, особо останавливается на издевательствах охранников — из числа местных жителей.

"Когда моя дочь Раиса однажды возвращалась в лагерь, на нее натравили собаку, которая ее искасала. Девочка с тру-дом добралась к нам, чути живая (ей тогда было всего 7 лет!). Нас часто избивали полицай без всякой причины, и в результате побоев у меня поврежден позвоночник. Особой жестокостью там отличался полицай по имени Мишка Кубанчик, который систематически издевался над нами. От побоев и голодной смерти в 1942 г. на моих глазах умер муж..."

С другой стороны, о добрых людях из местного населения пишет в своем письме Л. Ш. Пресман — уроженка румынского города Брешила, которую тоже пригнали через Бессарабию в Тульчинский район на Винниччине, а оттуда — в Печору.

Ей тогда было пять лет, и поэтому она признается: "Помню, мало". Но все же "некоторые эпизоды запечатлелись в детской памяти". И один из таких эпизодов связан именно с помощью евреям со стороны украинских жителей:

"Помню, как маме досталось несколько картошек, которые принесли женщины-крестьянки. Эти люди и раньше подносили еду к ограде из колючей проволоки".

Такое делалось на виду у тамошнего врача из евреев. Но этот прислужник, наоборот, препятствовал оказанию помощи евреям:

"Врач Вишневский, который собирал подростков для похоронения мертвых, спокойно подошел к огню, на который мама поставила ржавый чугунок с картошками, и перевернулся его своим сапогом..."

В этих же воспоминаниях встречается указание на костно-туберкулезный санаторий — как одно из мест содержания евреев. И тем более разительно выглядят методы бесчеловечного, заведомо карательного обхождения с теми, кто в нем на-

ходился, даже если это был медперсонал. Так, тот же Вишневский на глазах у всех издевался над братом Любови Шмулевны, когда отобрал его для своих целей:

"У брата был флюс, и вся его щека опухла. Мама умоляла Вишневского оставить брата, но этот "врач" сказал, "Сейчас он будет здоров" — и с размаху ударили его купаком по щеке. Гной и кровь хлынули по лицу, и в таком состоянии брат пошел рыть ямы для смертников".

В числе умерших там оказалась и старшая сестра Пресман, которая раньше успела с отличием окончить педучилище: ("Она не смогла смириться со всем и была похоронена в братской могиле — в лесу села Печора"). Теперь на том месте установлен памятник на большой могиле, где захоронены многие жертвы. И когда нынешняя 60-летняя мученица приезжает туда, то вспоминает даже уникальный случай, чему была свидетелем при расправах в Печоре эсэсовцев с евреями, в числе которых был и ее несчастный брат:

"Фашисты стали погружать молодежь в машины под немо-верные крики, стоны и плач. Но один из стоявших там румын подбежал к Лене и вывел его из толпы вместе с на-ми..."

Это расценивается, как чудо: "Поистине, рядом с нами был ангел-спаситель — иначе не скажешь!"

Хотя тогда же палачи из отряда СС "забрали двоюродную сестру и брата", которые "больше не вернулись". Любовь Шмулевна добавляет, что полицай убили ее отца — Шмуля Хаймовича Пресмана, который "был человеком исключи-тельной честности и порядочности..."

"Эти изверги издевались над моим отцом, а сестричку насиловали — и ее белые кудри валялись по всему двору. Главным убийцей этих жизней был полицай Вовк, которого в 1945 году Верховный суд приговорил к расстрелу..."

Так в этих воспоминаниях от эпизода к эпизоду нагнетаются те страшные факты издевательств и расправ над людьми, которые творились в Печоре — казалось бы, весьма скромном и заброшенном уголке северо-восточной Транснистрии.

А другой узник этого лагеря смерти, где очутились жители нескольких прилегающих районов, как бы подытожил все обстоятельства вражеского террора. В записках С. М. Бороховского читаем:

"Загнав людей во двор бывшего санатория на р. Буг, полицай окружили их охраной и никуда не выпускали, но и к

работе никакой не привлекали. Они заявляли нам: "Здесь вы все умрете голодной смертью". И действительно, спустя полтора — два месяца люди начали опухать и умирать с головы.

Считаю, что через лагерь "Печора" прошло 17—18 тысяч людей, а в живых осталось из них лишь 450—500 человек. Остальные погибли в страшных мучениях".

О себе он сообщает, что после гибели брата Иосифа и сестры Хай бежал в Томашполь, где находился в гетто до марта 1944 года. И характерно также, что о причинах своего выживания там Семен Моисеевич пишет: все это вышло "благодаря тому, что местное население из крестьян всячески оказывало помочь продуктами".

НО НЕ ТОЛЬКО непосредственно в Печоре румынские и немецкие каратели проводили политику уничтожения еврейского населения.

До угонов туда людей из указанных соседних местечек и сел — Тульчина, Красного, Шпикова, Брацлава, Ладыжина и других, враги расправлялись и на месте — в созданных там гетто.

"Именно там мы впервые услышали слово "гетто", — вспоминает жительница местечка Меджибоже **Б. И. Халфина**, которая пережила целую эпопею — с облавами, угоном за колючую проволоку, работой по добыче и перевозке гранита в местном карьере, издевательствами конвоира-латыша, заставлявшего петь изможденных людей "Москва моя, ты самая любимая", а также с побегами в другие места с помощью добрых людей — местных жителей-украинцев наперекор предательницам — вроде переводчицы, позже приговоренной к 25 годам лишения свободы.

О пребывании в другом гетто — в городе Литине написала **А. Я. Зайдель**, которая была угнана в осеннюю непогоду в открытое поле и там стала свидетельницей того, как расстреляли ее дедушку, а затем она бежала с близкими людьми — семейством Нахлисов в сторону Жмеринки ("Шли ночью через огорода, поля и лес и встретили женщину-украинку, которая пожалела меня, сироту, и забрала к себе с риском для жизни").

Житель с. Торково Шпиковского района **Э. Л. Кушнир** вместе с другими попал в с. Рогизну, где всех загнали "в здание клуба и амбулатории, а кому места не хватило, пришлось разместиться в погребах и чердаках. Так там "был образован

лагерь, огражденный колючей проволокой и охраняемый снаружи полицаями", откуда потом всех перевели в ту же Печору. Как он еще описывает в своих воспоминаниях: "Лагерь находился в красивом месте, на берегу реки Буг, в бывшем имени графа Потоцкого".

Таким образом разные судьбы людей — от взрослых до самых маленьких — в той части Транснистрии неизменно замыкались на одном месте, где осуществлялось массовое уничтожение. "Мертвая петля" — так еще называется в некоторых воспоминаниях лагерь смерти в Печоре. И нужно ли пояснять, почему он получил такое зловещее название?

Вместе с тем хочется отметить то, что даже Печора со всеми ее ужасами не являлась крайней степенью карательных мер врага.

ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕРРОРОМ, проводимым немецкими войсками, действия румынской жандармерии там казались, как ни странно, более терпимыми. Да, румыны не щадили евреев, и можно сказать, что они хорошо, весьма исправно выполняли свою задачу по угону и уничтожению еврейского населения. Но за пределами Транснистрии — на земле "Райхскомисариата Украина" было еще хуже, и об этом свидетельствуют, казалось бы, неожиданные факты: многие евреи стремились перейти Южный Буг — естественную и военную границу, отделявшую друг от друга оба оккупационных режима.

Об этом узнал, читая изданную в 1994 г. в Тель-Авиве книгу "Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление": "Немцы убивали с шумом, а румыны были более "благородны" — мучили голодом, холодом, болезнями", — так не без горькой иронии вспоминает один из узников Печоры — **М. А. Бартик**. И если он даже называет этот лагерь "винницким Освенцимом", то все же насколько страшнее созданной на той же винницкой земле, но уже руками немецких карателей и под началом немца — гебитскомиссара лагерь в Зинькове!

Поэтому не случайно в воспоминаниях бывшего обитателя этого лагеря — **В. К. Кипилера** дважды произносится выражение о том, что люди "собирались пробираться в Транснистрию — зону, находящуюся под румынским правлением". И действительно, они приходили туда, по дороге выясняя у местных жителей, "где же находится эта самая Транснистрия". А когда утром вышли к границам Транснистрии, то

“никакого ограждения не было”, хотя “охрану увидели сразу”. Он еще добавляет: когда “пошли по территории, принадлежавшей румынам”, то встреченные румынские полицейские “нас даже не остановили”. И потом пришлось удивляться тому, что увидели на территории местного гетто — в Копайгороде:

“Люди ходили вполне свободно. Был базар. Вообще атмосфера совсем не напоминала ту, к которой мы привыкли. Евреев из гетто брали на работу и за его пределами”.

Что и говорить, истина познается в сравнении. Но, спрашивается, легче ли было от такого сопоставления тем, кто погиб от румын в Печоре?

Затишье, Ободовка, Ольгополь...

УПОМЯНУТЫЙ ВЫШЕ Копайгород был по другую сторону Транснистрии, в ее крайнем северном углу, неподалеку от берега Днестра. Он входил в то число населенных пунктов, которые объединялись общим лагерем в Затишье. Именно туда сгонялось еврейское население из Жмеринки и Шаргорода, Мурафы и Джуриня, а также из ближайших районов Бессарабии.

Что же происходило тогда, в том же Копайгороде — мещечке, выросшем близ железнодорожной станции Копай?

Об этом рассказывает его уроженка Р. Б. Эйдельман (в девичестве — Гельман), которая была свидетельницей всех испытаний евреев сразу после прихода туда немцев и румын спустя три недели после начала войны:

“Первая ночь была страшной: бесконечные выстрелы, затем зловещая тишина. Прятались всей семьей на чердаке, а на утро спустились в погреб, где мы находились длительное время без пищи и воды, и только наши соседи-украинцы пронесли кое-что...”

Это положение усугубилось с появлением там бессарабских евреев, которых грузили на станции для дальнейшей отправки — в лагеря смерти на территории Польши, а заодно взялись и за местных евреев.

“Нас выгнали из гетто. Издевались над всеми, особенно над мужчинами и мальчиками. Жестоко избили моего отца и брата.

Было приказано построиться отдельно мужчинам и женщинам, старикам и детям, взяв с собой только ценные вещи. Пока шло это построение, застрелили несколько человек,

которые пытались убежать. А потом погнали в лагерь, который располагался в лесу близ станции Копай.

Этот лагерь в 5 километрах от местечка был построен в сталинские времена для заключенных. Его окружала колючая проволока в два ряда, а внутри находилось два барака с одним засохшим колодцем”.

После описания заселения там пригнанных жителей с их криками и плачем — тем, что известно уже по другим воспоминаниям, автор делится трогательно-скорбными впечатлениями о гибели там своего дедушки, которого сбросили в яму — вместе с другими, не выдержавшими лишений и издевательств. Она также рассказывает об эпидемии сыпного тифа, охватившей тех, кто переселился в бараках. И особенно впечатляет рассказ о том, как им помогали местные жители и даже один священник:

“Крестьяне из ближайших сел и со станции Копай привезли нам еду — картошку, куски хлеба, печенные буряки и бросали все это через колючую проволоку. Мы набрасывались на каждый съедобный кусок — и кто был сильнее, тот повил больше. А некоторые женщины — украинки и русские — приносили даже горячую еду — суп или борщ и когда передавали нам, детям, то мы хлебали из одной посудки...

Я помню случай, когда к нам из села Винож приехал на бричке священник (фамилию, к сожалению, не знаю). Он предложил спрятаться у себя меня и бабушку — в благодарность за то, что моя бабушка Штейман в 1930 году, когда в селе разгромили церковь и сам он был арестован, помогала семье этого священника. Но мы не воспользовались его добротой — таким высоким проявлением взаимной человечности, потому что не хотели оставить нашу семью.

В течение всего дальнейшего пребывания в том лагере крестьяне регулярно приносили нам продукты из села Винож. Без этой помощи, как и без поддержки со стороны других жителей, мы не спаслись бы от гибели. Кроме этого, они спасали нас, узников в Копае, пряча от преследований в погребах, сараях и на чердаках, когда лагерь закрывался с приближением фронта”.

Прошедшая через ту же злополучную местность — Копайгород другая тогдашняя жертва — Б. П. Куперман также останавливается в своих воспоминаниях на этой стороне жизни и смерти евреев, которая была связана с помощью местных жителей.

Попав в город Бар — по соседству с Копайгородом, где

жила с родителями до войны, она сперва узнала жестокую людскую неправду, когда отправилась к бывшим соседям "просить милостыню".

"Никогда не забуду, как постучалась в дверь своего родного дома. Оттуда вышла на крыльцо его новая хозяйка — моя первая учительница, и вместо того чтобы дать мне кусок хлеба, столкнула меня с крыльца, напомнив при этом, что я такая..."

Но зато ей повезло впоследствии с другими, настоящими людьми.

Во время уничтожения жителей, находившихся за колючей проволокой, в общей сумятице мать вытолкала ее в отверстие, за которым стоял некий чужой человек. И лишь потом девочка узнала, что он раньше был знаком с ее родителями.

"Я плакала, не хотела идти с ним. Но он стал обещать, что это "на несколько дней", и дал мне немногого семечек — мою любимую еду. И я пошла за ним, не понимая, что больше никогда че увижу своих родителей".

По дороге этот человек стал внушать, что она является его внучкой и что он везет ее к "бабушке", хоть и не сказал ни их имени, ни фамилии. Кое-что поняв, девочка перестала плакать и со всем согласилась.

Но дальше вышло не так просто...

"Неделю я живу у "бабушки и дедушки". Потом соседи доносят на меня. И бабушка прячет меня в уборной на огороде, где пытается обнаружить такую преступницу пьяный каратель, пряткая дверь штыком. Но бабушка сует ему бутыль самогонки — и это мое спасение..."

А еще через неделю самозванный дедушка привез ее сестру. Потом на двоих он отвез "своих внучек" к настоящей бабушке — в местечко Джурин, где тоже было гетто, но без колючей проволоки и со сносными условиями. Там довелось узнать о ликвидации гетто в Баре, где "в числе тысяч жертв были живыми закопаны и наши родители", — сокрушенно сообщает Б. Куперман.

"А тот названный дедушка спас еще одну женщину — соседку, которая во имя спасения своей жизни оставила дома 3-летнего сына и прикованного к постели мужа".

Это еще один уникальный случай — так сказать гуманистичная наизнанку: когда сделанное людям добро обличалось злом для других! И автор воспоминаний, сама ставшая учительницей — носителем доброго начала, пытается разобраться в этом явлении:

"Кто мог упрекнуть человека в том, что он такой ценой спас свою жизнь? И куда делась эта женщина после войны?"

О событиях в том же городке Бар рассказывает другая жертва фашистского террора — Р. П. Каплан. Она была старше Б. П. Куперман лет на 7-8, и поэтому у нее иное восприятие тогдаших событий, да и обстоятельства личной жизни сложились иначе.

Выросшая в достаточно в интеллигентной семье (мать — заведующая детским садом, которую уважал "весь наш маленький городишко", а брат — студент Одесского педагогического института), она с самого начала была в шоке от того порядка, который ввели оккупанты: "На еврейском кладбище заставляли таскать кирпичи с места на место", а затем ей довелось пережить расстрел маминой сестры — больной и одинокой женщины в ходе первого погрома в создании гетто. Но постепенно девушка втянулась в ужасную обстановку страха и преследований — как бы приняла вражеские условия той чудовищной игры, которую они навязали не только взрослым. И сердце скимается от обиды за это тонкое и беззащитное существо, вынужденное тогда испытывать самое страшное. Вот что она вспоминает:

"В одно кошмарное утро был очередной погром, когда перестреляли уже всех — и пожилых, и молодых, детей и взрослых.

Мы — ни живы ни мертвы — прятались в одном доме на территории гетто несколько дней. Куда бежать? Больше не было ни еды, ни питья, но у папы в кармане пиджака нашлось несколько сухих вишен. И он по одной в день давал их мне.

Потом родители решили, что надо по одиночке куданибудь бежать. У нас был знакомый чех Новак, который до войны работал плотником в детсаду. Может быть, он спрячет у себя дома? Удачно сбежав, я пробралась к нему, но не застала его дома, а жена — пьяница и злока — меня не пустила.

Тогда я попросила их сына Болека вызвать своего соученика Стаса Зелинского, родители которого дружили с моими. И Стас спрятал меня в сарае, но с предупреждением, что долго жить у них нельзя. Поэтому пришлось уходить в соседнюю деревню — Войнашовку, обзаведясь кое-какой одеждой, так как уже похолодало..."

Позже Роза Петровна узнала, что ее мать также ушла из домика в гетто. Но ее выдал охранникам пьяница — некий

Гришка. А потом стало известно, что она была расстреляна, как и тысячи других из Барского гетто.

Наиболее обстоятельно поведала о тамошней трагедии **Майя Давидовна Яновская**, ссылаясь на воспоминания матери — Ц. Н. Нухимович.

“Это произошло в 1942 г. в оккупированном фашистами поселке Бар Винницкой области на Украине. 16 членов большой семьи моей матери, издавна проживавших в Баре (старики, женщины и дети), не успели эвакуироваться и оказались в гетто. Среди них были раввин Бара (брать деда моей матери) и двоюродная сестра моей матери Лиза Лившиц — 20-летняя студентка Московского химико-технологического института, приехавшая за несколько дней до начала войны на каникулы к родителям в Бар и застрявшая там. Именно она, живой свидетель нечеловеческой “акции” фашистских палачей в Баре, спасенная местными жителями, тайно вывезенная позднее на телеге из Бара в Жмеринку и проживавшая в Жмеринском гетто до освобождения города советскими войсками от румын, которые не истребляли их, хоть и издавались, детально воспроизвела леденящую душу правдивую историю зверского убийства немцами своей семьи и всех евреев Барского гетто.

Первую партию несчастных силой согнали в лес за пределы города, разделили на 3 группы (мужчины, женщины, дети), заставили разделиться до гола, подвесили к краю рва... Когда Лизу Лившиц оставили в живых только потому, что она попросила по-немецки своих палачей разрешить ей перейти в группу матери и умереть вместе с ней, девушка увидела такую картину: перед обезумевшей толпой обреченных гольных людей вышел ее дед-раввин и обратился к толпе на идиш, умоляя людей молиться вместе с ним и принять смерть покорно и достойно. Он убеждал их в том, что они умирают не по вине немцев, а по воле своего Б-га, и толпа замерла. Один из фашистов, поняв смысл обращения раввина к своим единоверцам, подозвал его, похвалил за мудрость и милостиво даровал жизнь. “Я не приму ее от тебя, — сказал раввин, — я пойду вместе со всеми. Позволь мне только завернуться в талес, я не могу сойти в яму голым”. Получив разрешение, он набросил на себя талес и, помолившись, первым спустился в ров. Когда за ним пошла толпа, фашисты начали стрелять... И больше тетя Лиза ничего не помнит. Когда же моя мать и бабушка вернулись из эвакуации в Бар, местные жители рассказали им, что еще несколь-

ко дней спустыны были крики и стоны, и земля вздымалась и дышала, захлебываясь кровью жертв. Всего в Баре в результате двух “акций” с интервалом в 3 месяца было истреблено несколько десятков тысяч евреев.

Свидетельница трагической и в то же время героической гибели евреев г. Бара — **Лиза Лившиц**, оставшись сиротой, после войны окончила в Москве свой институт, работала до пенсии преподавателем химии в “кремлевской” школе, ежегодно приезжала в Бар на священные могилы, активно участвовала в создании памятника жертвам геноцида на месте их расстрела и без устали рассказывала о пережитом, чтобы все это осталось в нашей памяти и никогда не повторилось. Она и моя мамочка уже ушли к своим родным, и теперь я продолжаю их дело: мы ничего не имеем права забывать — в память об ушедших и в назидание следующим поколениям. Поэтому я не могу не рассказать о трагической гибели в том же Баре в 1941 г. моего деда — **Нухима Срулевича Нухимовича**, 1884 года рождения.

“До войны он работал начальником цеха на Барской ткацкой фабрике и не успел эвакуироваться, так как решал вопросы реализации продукции, которая не должна была достаться немцам. В надежде выбраться из оккупированного Бара в гетто не пошел и в течение четырех месяцев вместе с 9 товарищами прятался за городом в балках. Но в конце октября голодный и затравленный, не имевший никаких весей о судьбе своих близких, решил выйти из укрытия и попытаться узнать о положении в Баре. Товарищи его отговаривали, но он сказал им, что больше не может прятаться, как зверь, что в Баре все его знают и что ему непременно помогут: ведь он столько за свою жизнь сделал людям добра... До своего дома он не дошел, на первой же улице его... Да своего дома он не дошел, на первой же улице его действительно узнали и... сдали немцам “как жида и коммуниста”. Фашисты надели ему на грудь табличку с надписью “Юде-партизан” и провели по городу. Многие местные жители его видели, одни прятали глаза, другие провожали взглядом. А он лишь просил передать жене и дочери, что спокоен, зная, что они в безопасности. Его увел за город один автоматчик и расстрелял. Никто не знает, где оборвалась жизнь моего доброго, умного и бесконечно порядочного дедушки, которого я видела лишь на фотокарточке, образ которого останется в душе до конца дней. В 1944 году по возвращении из эвакуации в Бар его жена и дочь воссоздали его последний путь по рассказам очевидцев, но

места экзекуции не нашли".

Примерно такую же "семейную" историю пребывания в гетто и за его пределами рассказала **М. Х. Байдер**, хотя находилась в другом городке того же района — Джурине. Будучи старше Каплан на 10 лет, она — по профессии бухгалтер на сахарном заводе — более трезво восприняла обрушившуюся на нее и ее семью общую беду. Не имея возможности работать, молодая женщина страдала не только от недоедания и других лишений ("питания не было, питьевой воды не было, лекарств не было, вообще никакой помощи не было"). Ее угнетали и издевательства над достоинством евреев под властью фашистов.

"Мы 4 года сидели в почти неотапливаемых домах и в темноте. Я, мои родители, сестра и ее дети ходили в ободраных тряпках, все превратились в замученных, грязных, нищих людей, если нас еще можно было назвать людьми..."

При этом Мания Хаймовна приводит такую необычную особенность издевательств над людьми:

"С первых дней оккупации нас, женщин, загоняли на площадь, где заставляли маршировать и петь песни, а также собирать камни и складывать их в кучи. Старых евреев тоже собирали в кучи и тоже заставляли работать и петь. Более того — им стригли бороды, а кто не соглашался — тех били".

В том же Джурине жила **Э. С. Зац** (до замужества — **Бендская**), и она дает более развернутое описание их местечка и условий жизни при оккупантах. Поразительно, что враги решились вводить свои порядки и особенно изощряться в своих издевательствах над евреями, невзирая на их весьма малое количество. Поистине, расправа над еврейским населением носила повальный характер — это была действительно "тотальная война", по известному призыву Гебельса!

"Село Джурин представляло собой населенный пункт, разделенный речкой на две части. Одна — это село, где находились сахарный завод, МТС, завод стеновых материалов (каменный карьер) и другие организации, а население в основном украинское и всего 5-6 еврейских семей, в том числе наша семья. Вторая же половина села находилась на косогоре, где было несколько улиц, на которых проживали евреи, а также улицы с украинским населением. На все местечко было только два колодца".

Но когда вошли враги, то вот какую бурную деятельность они начали:

"На всех столбах висели листовки: "Смерть жидам и

коммунистам!" Всем евреям — детям и взрослым было приказано носить на рукавах белые повязки с шестиугольной звездой, а без повязки — "смерть"! Было приказано нам также оставить свои дома в селе и перебраться на те улицы, где образовалось гетто. За пределы гетто выходить запрещалось — и тоже под страхом смерти.

Но наши дети и старики, рискуя жизнью, все же ходили в село, чтобы менять вещи на продукты или просить милостыню. И надо сказать, что местные украинские семьи очень доброжелательно относились к жителям гетто".

Далее в рассказе Эмилии Соломоновны, которой тогда было около 20 лет, следуют обычные, ставшие как бы нормой, своеобразным чудовищным штампом примеры отношения к евреям фашистских захватчиков: и отрабления (у нее, например, выдрили из уха серту, а другую пришлось самой отдать!), и мракобесия (клуб превратили в конюшню!), и жестокости (так, ее отца избили кнутом за то, что он не смог снять высоко висевший портрет Ленина), и издевательства (когда у одного заводского служащего-еврея выбрали машинкой огромный крест в черной шевелюре и заставляли ходить с наклоненной головой).

Кстати, по части издевательств враги особенно преуспели. Кроме уже приведенных случаев с маршировкой и пением, как в рассказе Байдер, Эмилия Соломоновна рассказала, что старых евреев... заставляли есть лук и затем плысать, потешаясь над тем, что у них текут слезы не только из-за лука, а из обиды!

Но что выходит уже за пределы чисто бытовых тягот и лишений, как и такого нечеловеческого глумления, — это судьба собранных туда евреев.

"Было у нас в гетто много беженцев из Печорского гетто, а потом приспали евреев из Румынии и Буковины — всего несколько сот семей. И из-за перенаселения, антисанитарии и голода началась страшная эпидемия тифа. Умирало по нескольку десятков человек в день. До сих пор существует кладбище, где похоронены в основном умершие от сыпняка".

Между прочим, она передает такую необычную деталь, связанную с борьбой против эпидемии тифа:

"Среди румынских евреев бытовало поверье, что если совершить обряд венчания на кладбище, то эпидемия прекратится. Но даже когда нашли бедную девушку и парня и обвенчали их там, эпидемия еще долго не прекращалась".

Что еще было необычного: отлавливали молодежь из числа евреев не просто на работы, а для отправки в Тирасполь, и

оттуда почти никто не вернулся. Ходили также тревожные слухи и даже угрозы, что скоро всех выплюют в Могилев-Подольский, где находилась резиденция румынского претора. Если же говорить о положении в Могилеве-Подольском Винницкой области, то вот что там происходило:

По данным переписи за 1939 г. в городе проживало 8700 евреев. Вскоре после прихода фашистов 15 августа 1941 г. и было создано гетто, и в нем находилось 3733 местных еврея и около 15 тысяч депортированных из Буковины и Бессарабии. В конце года в этом гетто, как и в других гетто Транснистрии, началась эпидемия сыпного тифа, унесшая более 1250 жизней. В детдоме с апреля 1942 г. по июнь 43-го погибло от болезней 346 еврейских детей. В мае — июне 1942 г. из города было отправлено в село Сказинцы 10 тысяч евреев из числа депортированных. И в октябре того же года началась принудительная отправка местных евреев из города в лагерь Печора, где большинство из них погибло от голода, холода и болезней.

Завершая свой рассказ, Э. С. Зац добавила такой неожиданный факт:

“Все тревожные слухи прекратились после того, как в середине 43-го партизаны... выкрали в полном составе всю местную жандармерию! Хотя через неделю, когда прислали новую, все продолжалось по-прежнему”.

Вот, пожалуй, единственный пример на всю Транснистрию того, как партизаны вмешались — активно и действительно — в расправы над еврейским населением, чтобы как-то помочь несчастным жертвам.

А в воспоминаниях **Х. Д. Рудман** из Жмеринки приводятся совсем необычные факты проживания там в местном гетто, которое было создано за копейкой проволокой из нескольких улиц. Факты, противоречащие многим рассказам о судьбе в ту пору...

Тогда ей было 5 лет, но она не только твердо помнит, на какой улице (им. Урицкого) их поселили и что там... был клуб, где “евреи ставили спектакли”. По ее словам, “в Жмеринке евреев не расстреливали”, а их убивали лишь по соседству — в Брацлаве. Зато, оказывается, сильно бомбили советские войска, когда они наступали в эту пору (“все время самолеты гудели и разрывались бомбы... прямо у нас под окном, и мы иногда уходили ночевать в другой дом”). Но до этого, оказывается, в том же клубе не только ставились спектакли, но и устраивались... “смотры девочек на красоту”. Почти как и в наши времена — “мисс гетто”, что ли? И вызывает горькую снисходительную улыбку даже такое описание:

“На сцене сидела комиссия, а мы проходили мимо. Мама одела меня в белое кружевное платьице. Мой подружке Поле (они жили в доме напротив нашего) за ее красоту подарили ботинки, а мне — ничего, и я даже плакала”.

Что тут сказать... слава Богу, что она плакала только по этой причине!

Там же были и такие вполне культурные возможности:

“В гетто я немного ходила в школу — месяца три. Учились мы по книжке “Телефон” К. Чуковского (“У меня зазвонил телефон. — Кто говорит? — Слон” и т.д.). Но потом нас обстреляли, и больше я в школу не ходила”.

Как видим, тут препятствием послужил не какой-то акт геноцида, а простое соседство военных действий...

Так не служит ли подобное положение евреев в Жмеринке еще одним объяснением того, почему многие стремились на территорию Транснистрии из районов Украины, где господствовали немецкие оккупанты?

Зато вот какую жуткую картину вражеских расправ приводят в своих воспоминаниях житель той же Жмеринки и на той же улице Урицкого **Е. О. Юфа**, которому тогда было немного больше лет — девять.

“Осенью 1943 года всем жителям гетто — взрослым и детям приказано было построиться на улице Горького, рядом со зданием общины. Председателем этой общины являлся портной Юкелис — румынский еврей, а президентом гетто — доктор Гершман. От них зависела вся жизнь евреев в Жмеринке вплоть до марта 1944 года. Существовало же гетто с осени 1941 года, когда центральную часть города, густо населенную евреями, обнесли колючей проволокой с двумя выходами-входами и поставили охрану там, чтобы выводить людей на работу и с работы этапом. Там работал и мой отец — Осей Ефимович.

Так вот — всех евреев пригнали туда очень рано. А накануне в районе рощи Белинского были вырыты ямы-рывы. Они были подготовлены специально для расстрела жителей гетто, и все об этом знали. Там нас продержали без еды и без воды до позднего часа, но, оказывается, за это время доктор Гершман, который отлично знал немецкий и румынский языки, сумел откупиться — за большое количество золота, и расстрел тогда не было. Так что в гетто был чуть ли не праздник...”

Можно легко догадаться, что эта радость перепуганных и отчаявшихся людей была преждевременной — и не только по-

тому, что дальнейшие события показали истинное лицо оккупантов.

Характерно также, что тогда враги раскрылись и в отношениях между собой — как бесчеловечные существа, не щадящие друг друга.

Так вышло в одном случае, о котором потрясенно рассказала **Б. Б. Сухер**.

“Я, Сухер Белла Борисовна, дочь Бенчика Сухер и Шендли Галюз,— свидетельствует она,— находилась в еврейском гетто г. Жмеринка с 1941 г. по 20 марта 1944 г. Помню, что мы жили на улице Верхняя Трудовая...”

И далее подробно, с завидной памятью она описывает всех своих соседей. Оказывается, там каждое утро взрослых отправляли на работу к немцам из гетто на русскую территорию. На улице Горького (по-старому Базарная) на перекрестке улицы, где находится сберкасса, были ворота, и в них стоял часовой, выпускавший евреев по пропускам. Потом немцы над ними издевались — били, даже убивали. И все плакали, кто вернулся...

“Моему брату Саше, — продолжает Белла Борисовна, — было 13 лет, и я помню, как он вернулся с работы и с плачом рассказывал маме о том, что было. Их повезли на поле и велели рыть большую яму, а затем подъехали грузовые машины с трупами — голыми, завернутыми в бумагу, чтобы бросать их в яму. Но вдруг из одного бумажного мешка заговорили... и даже по-немецки! Лежавший там стал тихо просить — не бросать его в яму... мол, у него в Германии жена и четверо детей. Тогда подошел священник и сказал евреям: “Мальчики, отложите его, надо подождать. У него такое крепкое сердце, что укол еще не подействовал...” После того, как всех побросали в яму и засыпали ее, священник стал успокаивать: мол, они похоронены здесь, а души их перенесутся на родину”.

Тоже успокаивая Сашу, мать пояснила, что немцы делают своим солдатам уколы, чтобы они умерли — те, которые были ранеными и лечились в госпитале. Да, когда там видели, что надо отнять руку или ногу, так что человек останется инвалидом — его умретвляли — свои же!

Поэтому для похорон специально брали подростков — как несмышленых...

Ну и удивительно ли, что подобные изверги не оставили в покое и жмеринских евреев, пусть в начале их и не расстреляли?

Да, позже произошел расстрел оставшейся части евреев местечка Браилов, что был под Жмеринкой. И тогда этому свидетелем стал тот же Е. О. Юфа.

“Дело в том, что в начале оккупации немцы расстреливали еврейских жителей этого местечка, но небольшая часть евреевбежала от расстрела и спряталась в Жмеринском гетто. Там они прожили больше года, никуда не выходя за его пределы, словно их и не было.

Но однажды на Жмеринском базаре приехавшие туда браиловские крестьяне встретили одну еврейку из Браилова. Узнав ее и обрадовавшись этой встрече, они долго расспрашивали ее, а она чистосердечно рассказала обо всем. И когда крестьяне вернулись домой, то рассказали другим о такой встрече, а это дошло до браиловского коменданта. Тогда он обратился к коменданту Жмеринки, чтобы вернуть этих евреев. И это как раз совпало с праздником Йом-кибур...

Всех браиловских евреев собрали в кирпичном здании, строго приказав взять с собой драгоценности — якобы для перевода в другое место. Там их продержали до полудня, а после этого браиловские полицаи повели их группами по 15-18 человек за город. И там, не доходя до Браилова, расстреляли — всего человек 200.

“Я сам видел, как их уводили...” — горько заключает этот свидетель.

Воспоминания Ефима Овсеевича подтверждаются ссылкой на его друга детства **Я. Р. Зайцмана**, который, как и он, живет поныне в Жмеринке и даже пишет стихи, печатая их в местной газете. “Мы часто при встрече вспоминаем свои детские трудные годы, прожитые в гетто... — и Юфа меланхолично, трогательно добавляет: — Есть о чем вспомнить!”

Свои впечатления о пережитом выразила в стихах и **Белла Верникова** — дочь **Д. Б. Верниковой (Меламуд)**, перенесшей ужасы той поры в местности, противоположной от Жмеринки — на юге района Затишье.

Все кажется, что счет утрат
Немыслим, призрачен, обманчив.
Расстрелян немцем мамин брат,
Нессовершеннолетний мальчик,

На лавочке застрелен дед
Ильским утром раскаланным,

*Большой родни затерян след
В кровавом рву под Могилевом.*

*Убит отец, а старший брат
В том страшный год воюет где-то
И весточку послать бы рад,
Но мать с сестрой в румынском гетто.*

Эти стихи, из которых приведена здесь только первая половина, были не просто написаны талантливой поэтессой, а и напечатаны в 1980 г. в журнале "Юность" и в ее книге "Прямое родство".

Сама же Дора Бенчиковна была свидетелем всего указанного в стихотворении: и расстрел отца, обвиненного в том, что он был советским военнослужащим, и мучительной гибели брата, дедушки и дяди, сброшенных живьем в речку Мурафу. С матерью и бабушкой она все время ждала и своей кончины, перенося то унижение из-за необходимости носить желтую звезду — как позорное клеймо, то тяготы и лишения без пищи и воды, без тепла и света.

Как и в Жмеринке, ей довелось пережить расправу, или ее угрозу, тоже во время одного из еврейских праздников.

"В 43-м году в день празднования Пурима, согнали многих евреев, и нас в том числе, в синагогу. Сказали, что к ве-черу нас всех расстреляют. Каким чудом нас выпустили, не знаю. Говорили, что собрали большой выкуп".

Или вот другое испытание, перенесенное ею с близкими:

"В начале 44-го жандармы и полицейские обошли все хаты и вели всем — от грудных до стариков — выйти на площадь нового базара возле почты, а квартиры оставить открытыми и с собой ничего не брать.

Поднялась большая паника — люди стали советоваться, идти или прятаться в подвалах. Все же решили идти, ибо смерть для нас не являлась чем-то удивительным, раз мы выжили до этого времени.

Мы шли, а вдоль шоссейной дороги с двух сторон стояли вооруженные полицей и жандармы. Шли, уже готовые ко всему, увы. Справа и слева от площади находились рвы, и там были установлены пулеметы, из которых нас должны были расстреливать.

Но команда не подавалась — по какой причине, одному Б-гу известно.

Так нас продержали до вечера, а потом отпустили..."

В таком положении — от обычного прозябания до страха смерти — они прожили 2 года и 8 месяцев. Неудивительно, что на всю жизнь в душе этой женщины осталось то, что она и передала своей дочери, написавшей обо всем проникновенные стихи!

О том, что было по соседству с Мурафой — в местечке Шаргороде вспоминают и другие пережившие тогдашнюю трагедию гонений и уничтожений.

Так, в одном из писем читаем: "Смерть мы ожидали каждый день", а также рассказывается об ужасной эпидемии: "В гетто свирепствовала какая-то болезнь... и к умершим боялись подходить даже родные". А когда их хоронили, то "только людей складывали на санях и потом вывозили за местечко, где сбрасывали в одну яму".

Жительница Шаргорода Ц. М. Таллер тоже пишет о вывозившихся трупах — то были бессарабские евреи из бедных, не выдержавшие холода, тогда как богатых разместили в самых лучших, тоже богатых квартирах". Но впоследствии и те, и другие первыми не выдержали этой же эпидемии тифа — как менее "закаленные", по ироническому замечанию автора воспоминаний.

Впрочем, разные слои еврейства перемешались в ту пору, когда началось немецкое отступление и приходилось защищаться общими усилиями от угрозы повального уничтожения.

"Март был холодный, и немцы, двигаясь по нашей улице, заходили в квартиры, чтобы погреться, — еще вспоминает Цилья Моиссеевна. — Жизнь населения висела на волоске. Многие немцы предупреждали нас, что последними пройдут части СС и всех нас убьют..."

И вот к нам зашел очередной немецкий солдат. Румынские евреи, которые жили у нас, спросили его, хорошо владея языком, что будет с нами. Тогда он успокоил всех — и румынских, и местных, что нас будто бы не тронут, так как армия быстро отступает. И это еще больше всех объединило!"

Но тогда же произошло то, что раньше и не мысленно было предположить. И дело не только в богатых или бедных, как у нас с румынскими жителями.

"Этот немец вдруг посадил меня, ребенка, к себе на колено. Потом и погладил по головке — беленькой, не похожей на еврейскую... Тут же он рассказал, что у него дома тоже есть такая девочка. И даже дал мне консервную банку мяса. Эту банку — уже пустую — мы, признаюсь, потом хранили много лет!"

“В память о хорошем немце”, как сама это определяет по-жилая еврейка Циля Моисеевна Таллер, сохранилось и то, как во время паники с немецким бегством один сосед пригласил к себе несколько солдат, чтобы “угостить их”. И другие солдаты действовали с поблажкой, даже когда поступил приказ “открыть двери”, а жильцы в жутком страхе сидели на хердахке, втачив туда 80-летнего “моего дедушку”. Подстегивая севозможно, так было потому, что тогда уже подступали партизаны — и врагам, что называется, было не до нас!

В одном из писем-воспоминаний тамошних евреев называется и такой малоизвестный городок — Станиславчик, расположенный западнее Жмеринки и к северу от Затишья. Даже с минимальным количеством еврейских жителей, оказываются, были свои расправы и жертвы, хотя немецкие или румынские части с передовой там и не появлялись.

Как видно, оккупанты, несмотря на отдельные случаи снисхождения, оставляли буквально “очищенную” от евреев землю — так реализовали свой план “выуженной земли”. И все-таки не все погибли, чтобы рассказать об этом всем своим потомкам. Как это ни тяжко теперь читать и слушать...

ТАК ЖЕ ТЯЖЕЛО узнавать о том, что творилось в другом “лагерном” районе Транснистрии — в Ободовке. Она размещается намного южнее от Затишья — в северо-Бершадью, известным Крыжополем и Жабокричем с Тростяцем.

“Я находился в концлагере с. Ободовка Бершадского района”, — так и начинается одно из писем человека, который позже был переведен в другое место — Балту, в самом центре Транснистрии.

И там же С. Д. Лемперт подробно рассказывает, как он с семьей — матерью и ее двоюродной сестрой, не сумев эвакуироваться дальше реки Ингулец на Днепропетровщине, попал туда — в Ободовку, будучи 4-летним мальчиком, одетым в старую фуфайку и повязанным платком: “Там начались настоящие страшные мучения”.

В чем это конкретно проявлялось?

“Маму гнали каждый день на работу, и первое время она тянула меня с собой. Как на зло, зима стояла очень холодной, морозы были градусов 30-35. Когда я заболел скарлатиной, мама просила свою сестру, чтобы та как-нибудь за

мной присматривала. Они работали по разным сменам, и мама сильно переживала, что меня из-за болезни сразу же расстреляют. Но, к счастью, в другом бараке нашелся живой человек, который до войны работал аптекарем, и благодаря ему я быстро встал на ноги.

Когда же однажды пошел с мамой на работу, то вдруг случилась новая беда. Нас везли на повозке, и возле небольшой лесопосадки, откуда ни возьмись, началась стрельба. Оказалось, это небольшой партизанский отряд — человек 20 отбивал нас от охраны. Но мама не поддалась на такой шанс спасения: подхватив меня на руки, она принялась бежать, то и дело падая в снег вместе со мной. Пока мы не оказались на окраине Ольгополя, где пересiedли в сарае до темноты с другими беглецами.

На утро все отправились в путь до села Песчаны, а когда добрались туда, нас снова поймали. И на этот раз были румыны, которые поместили всех в гетто”.

Далее следует бесхитростный рассказ о пребывании в Песчанском гетто мальчика с матерью — за колючей проволокой. Их пропускали за пределы заграждения только для работы по побелке солдатской казармы. От этого мамины руки были до крови разъедены известью. А каждое воскресенье, когда все стремились на базар, людей там ставили на колени и так держали часами. И если кто-то пытался встать, то подбегал по стовой румын и бил по голове резиновой дубинкой (у автора воспоминаний до сих пор на голове шрам).

Проходившие мимо крестьяне только крестились, жалея евреев, но их близко не подпускали. А когда один из жителей бросил яблоко, то его сразу избили до крови (и мальчик тоже пострадал — с рассеченной губой).

Любопытно, что тогда же проявилась и своеобразная “справедливость” этих извергов. И вот как об этом с иронией вспоминает Семен Давыдович:

“Видя, что я истекаю кровью, мама бросилась к этому румыну и на ломаном языке заявила, что завтра она по-жалуется претору на такое избиение. За это ей тоже достанется! Но тут же подошел помощник претора, который знал маму по работе с побелкой в комендатуре. И он хлестнул этого румына-драчуна нагайкой — два раза перетянул его, приговаривая: “Надо знать, кого бить!” Это называлось — “делать батай”, по-ихнему!” (И такое зловещее выражение тоже запомнилось ему на всю жизнь...)

Кроме прямой угрозы со стороны румын на воскресном

базаре, особенно пугало тамошних евреев то, что по соседству — в Хощеватах, на расстоянии 25 километров от Песчан, действовала машина-душегубка для уничтожения еврейского населения.

“Мы ожидали эту душегубку со дня на день. Известно, что туда загоняли людей и плотно закрывали дверь, а во время движения машины накоплялись выхлопные газы — и люди сразу задыхались.

Но, слава Б-гу, такая кара нас миновала. А зато пошла новая паника, когда немцы и румыны стали отступать. Мы должны были, наспех собравшись с кое-какими вещами, укрыться на окраине села в камышах.

Там мы просидели целые сутки, так озябнув, что не падал зуб на зуб. Пока не узнали, что в селе уже появились военные в плащ-накидках и с красными звездочками на шапках — советские разведчики...

О пребывании в другом гетто — Теплицком рассказала **Д. М. Глубочанская**, которая в ту пору была старше предыдущего рассказчика лет на 10. Ей пришлось работать на ремонте и строительстве дороги Гайсин — Умань, которая проходила через Теплик. И вот что там творилось — сверх того, что уже известно:

“Над нами издевались, как хотели. Больных, которые не могли идти на работу, убивали и свозили на окраину, где их сваливали, как скот, в противотанковый ров. Там же были погребены многие раненые — их зарывали живо.

Особенно неистовствовали комендант жандармерии немец Рудольф — рыжая отвратительная морда и староста Шурупа, бывший учитель средней школы. При мне зверски вели себя также жандарм Иван Руденко и Федя Мудрик, которые вместе с немцами из СС, напившись пьяными, на глазах у всех насиливали девушек.

Когда одна из них — по фамилии Кушнир, как я помню, сильно кричала, ей закрыли рот бинтом и вывели за зону. А там выпустили на нее овчарку, которая разорвала девушки на куски.

И потом еще по громкоговорителю пригрозили на украинском языке: “Кто из девушек будет сопротивляться, того ждет такая же участь!”

Счастье, что потом меня спрятала у себя крестьянка Анна Лукьянновна Комарук. Потому что других из Теплика расстреляли на скотном кладбище, и там теперь стоит памятник...

Помимо маленького Теплика, местом расправ над евреями стал и Крыжополь, о котором вспоминает не один оставшийся в живых мученик тамошнего гетто.

Вон **А. Н. Нудель** находился в нем с 6-летнего возраста, и даже — еще малютка — был вынужден работать (“нас выгнали на мороз, зверски избивали за любую провинность”). О тяжкой работе в гетто 12-летней девочки пишет **М. М. Ободовская**, мать которой была занята даже на погрузо-разгрузочных работах на местной железной дороге.

Особенно трудно стало, когда во главе гетто был староста — еврей Нусик Шнайдер, а ему помогали два европейских полицая: свои же эксплуатировали людей хуже немцев! “Помню, как страшно избили моего друга Леву Шихмана, который был пойман без знака “могендувид” за пределами гетто. Полицай Кравец, — еще вспоминает Мария Мордковна, — вдобавок изощренно отплатил парнишке, нанеся ему 25 ударов нагайкой, и парня еле отходили...” А ее младшая сестра — Зинайда Мордковна, помогавшая старшей “убирать улицы и конюшню”, как она признается теперь, “постоянно боялась, что меня будут бить и всегда дрожала, когда видела полицая...”

О страхе при жизни в обстановке гетто Крыжополя рассказывает однофамилец Шихмана — **Гедаля Мошкович**, в ту пору совсем маленький — 8-летнего возраста:

“Немцы постоянно держали евреев в страхе. Они согнали всех нас на одну из улиц и сказали, что мы должны жить только там, а если нас увидят на другой улице, то расстрелят.

Базар они перенесли, и люди тоже со страхом ходили туда, так как бывало, что к ним придирились ни за что. Помню, как-то я стоял на улице, а мимо меня прошел один старый еврей. Стоявшие неподалеку два немца подошли к нему и тут же я услышал крик, поистине истерический крик этого старика, потом увидел, что он лежит на земле, а немцы избивают его прикладами и топчут ногами.

Перепуганный, я побежал домой к маме и рассказал ей обо всем. А после спросил, за что немцы так избили старого еврея? Мама ответила просто: “За то, что он еврей”.

Гедаля Мошкович еще добавляет, что всех евреев, живших на их улице, должны были расстрелять, и только быстрое наступление Красной армии спасло их. Так что после этого освобождения он с мамой буквально побежал к себе домой — в село Миастковку.

В той же Миастковке (или Городовке) при оккупантах гос-

подствовали после немецких передовых частей румынские жандармы в количестве 25 человек во главе с локотентом. Едва прибыв туда, они сразу приступили к созданию гетто: "Раздели деревню на две части, огородили одну колючей проволокой, вход за которую был категорически запрещен, как и выход оттуда под страхом расстрела".

А дальше произошло, по воспоминаниям Б. Г. Пойзнер, самое страшное:

"Через неделю всех проживающих в гетто согнали на башенную площадь, а часть закрыли в помещении цеха местной фабрики. Из Крыжополя приехали румынские и немецкие офицеры и зачитали бумагу о расстреле всех евреев. Для выполнения этого приказа поставили три пулемета возле католического собора".

Правда такой расправы не произошло: "Минут через 10 оттуда вышли два священника и стали говорить с офицерами, там был наведен порядок — с ответственностью за побеги или отказ от работы. За этим наблюдал выбранный староста — бывший мясник, деловой и бесстрашный человек, благодаря усилиям которого все были спасены от голодной смерти и полного физического уничтожения".

Казалось бы, опасность для евреев миновала и даже наступила сносная жизнь.

"Население гетто было разделено на бригады, которые выполняли разные работы в зависимости от возраста и состояния здоровья: по обработке полей, севу и уборке урожая, по заготовке сена, строительству и ремонту дорог, а также разгрузке вагонов на железнодорожной станции. С Транснистрии — на восстановление дорог и дорожных постов, на земляные работы. Но при этом каторжном труде раздетые и разутые, чудом сохранившиеся люди возвращались в гетто".

В конце концов положение в гетто ухудшилось. Многие болели от холода и голода, страдали от страшной завшивленности. За два года в гетто умерло полторы тысячи человек, в основном старики и дети. Правда, пишет Пойзнер, "легче стало лишь к концу 43-го года, когда было разрешеноходить в гетто местным жителям с заказами к сапожникам, часочникам, получавшим за свою работу муку, хлеб и картошку".

Но вскоре появились спухи об уничтожении всех обитателей гетто из-за приближения фронта. А с началом марта — после ухода румынских жандармов — стали свирепствовать украинские националисты".

В этом воспоминании Берко Гериковича как бы в миниатюре воспроизводится судьба многих гетто и их обитателей на территории Транснистрии. Жизнь под страхом смерти и при условии постоянного изнурительного и унизительного труда — таков был удел не только этого молодого 20-летнего узника, а впоследствии — воспитанника Одесского педина.

С его рассказом во многом совпадает то, что довелось пережить там же, в Мишковке-Городовке, более молодому — 12-летнему М. С. Вейберману. И хочется выделить в его рассказе лишь характерные детали:

"Мы с матерью прятались в подвалах, избегая встречи с оккупантами. Но я, как и другие мальчишки, не мог мириться с долгим заточением в подвалах и иногда выходил на улицу. А там, недалеко от нашего дома, румынские военные установили походную кухню и стали выпекать хлеб, складывая его в палатку. И мальчишки из-за вечного недоедания стали выпрашивать у румын этот хлеб.

Но был случай, когда после передачи нам буханки хлеба откуда-то нагрянул немец и выхватил этот хлеб. А меня избил и пригрозил, что если я еще раз появлюсь здесь, то пристрелит меня..."

Такая угроза впоследствии осуществлялась — и даже в широком масштабе. Это было при вторжении в село румынской жандармерии, которая вместе с немецкими карательями производила облавы и массовые расстрелы евреев.

"Во время этих акций моя мама хватала меня за руки, и мы убегали огородами в село к ее подруге Ганне, которая прятала нас и кормила, рискуя жизнью. Но не успевших спрятаться моих двух двоюродных братьев с их матерью оккупанты расстреляли в соседнем mestechke — Жабокриче".

Однажды власти, заподозрив еврейскую молодежь в связях с партизанами, устроили им тщательную и рискованную проверку:

"Нас всех, детей, собирали перед жандармерией, устанавливали по всему периметру забора пулеметы и два жандарма и их офицер пристально заглядывали в лицо каждого из наших мальчиков, сверяя их со своей фотографией. Но, к счастью, нас отпустили — к радости родных, ожидавших нас со спезами на глазах за колючей проволокой".

Тут же трогает в воспоминаниях Вейбермана то, что он жалуется, как детишки "в годы оккупации... не занимались. Школа для евреев была закрыта..." Как видим, все же велика ностальгия к образованию, вообще культуре у этих обреченных юношей!

Это осуществилось лишь после освобождения села советскими войсками, когда, по воспоминаниям Мили Соломоновича, он "пошел учиться во второй класс".

О том, какую неожиданную роль сыграла еврейская школа в оккупированном Крыжополе, вспоминает его однолетка — С. Г. Краснер:

"В школе возле питомника был пересыльный лагерь, через который прошли тысячи евреев из Бессарабии и Буковины. Они шли к Бугу, где им обещали райскую жизнь, но здесь умирали десятками за ночь от голода и холода, так что их даже не хоронили.

Останки погибших собрали потом, после войны, и захоронили далеко в питомнике. Но до сих пор там нет никакого знака — землю сравняли. А на месте даже соорудили застройку — новую школу".

Что же касается тех, кто творили эти бесчинства и террор, то Соня Григорьевна называет начальника полиции Кравчука, полицаев Данчука, Мелинчука и Тенчука, а также переводчицу немецкой комендатуры Бычковскую. Последняя дошла до того, что "тушила сигареты на лицах евреев", и при этом ей помогал полицай по кличке "Рябой".

Как видим, все они были украинцы. Но тут же Краснер поминает "добрый словом тех земляков-украинцев, которые под страхом смерти перебрасывали через проволоку хлеб, картошку и другие продукты".

Если еще говорить о достойных помощниках евреев в условиях гетто, то следует обратиться к воспоминаниям И. А. Гурьевского, который находился в Крыжополе. При названном ранее тамошнем председателе еврейской общины Нуцике Шнейдере, оказывается, был избран старостой человек, отличавшийся от других прислужников, — Иван Иванович Парашук. Но тот староста, по словам Изи Абрамовича, "оказался человеком с хорошими моральными качествами". Военное командование "вскоре заменило его на некоего Кравеца", тоже упоминавшегося мной, "который вполне соответствовал их режиму". И далее: "Большую помощь оказал еврейской общине И. И. Парашук". Что же, это только при-

ятно — лишний раз воздать должное тем неевреям, которые достойны этого! Хотя у многих людей, переживших гонение и уничтожение поныне сохраняется недобродеревое воспоминание об отношении украинцев к их судьбе.

Как видим, обстоятельства пребывания еврейского населения там — в общем лагере смерти вокруг Ободовки — принесли своей специфике мало отличий от обычного стандарта для всей Транснистрии — румынской территории.

А как было в районе южнее Ободовки — начиная с Бершади и кончая Чечельником и Кодымой с центром в Ольгополе?

РАНЬШЕ УЖЕ ДОВОДИЛОСЬ писать об Ольгополе: и как сюда гнали еврейское население в начале войны — еще до взятия Одессы румынскими войсками, и как оккупанты издевались над людьми, еще не выработав обычной формы расправ с ними. Да и многие евреи метались по разным местам в поисках подходящего пристанища, прибыв сюда из-за Днестра или Левобережья.

В этом отношении характерны воспоминания И. М. Фердмана, который до начала войны жил в Одессе. Потом, после мобилизации отца в армию, его семья "решила уехать в село Бершадь (там жили родственники Вайсберги и Фишманы)". Но там их "постигла участь всех евреев, оставшихся в оккупации ("нас сослали в г. Балта... потом гнали в г. Ободовка — в 10 км от Балты"). Там, к счастью, были румыны и итальянцы, и благодаря этому мы остались живы — пишет этот довоенный одессит. Действительно Иосифу Моисеевичу повезло из-за таких переездов — каждый искал спасительный вариант в ту пору!

Но вот уникальная судьба того, кто родился в самый разгар расправ над евреями — в 1942 году, к тому же прямо в одном из этих злополучных мест — в Бершади.

К тому времени другой человек, имевший фамилию с названием этого городка, — Бершадский Виктор Арнольдович уже успел стать известным молодым поэтом и находился на фронте как защитник своей родины. И что же было в жизни едва появившегося на свет бершадчанина В. Б. Зайдмана (Пизнера)!

Естественно, обо всем он передает со слов матери, которая рассказывала, что "когда пришли немцы и румыны, то жизнь стала невозможной". Хотя ему все же дали появиться на свет в феврале!

И вот какие остались воспоминания раннего детства у Владимира Борисовича.

"Нас, маленьких детей и стариков ночью в мороз выгоняли на улицу и не разрешали даже как следует одеться. Было так, что мама держала меня на руках, а немец вырвал меня из рук и ударил в грудь прикладом. При этом он изуродовал ножом до кости мою ногу и сломал мою руку, а сам смеялся.

Моя мама очень плакала, но немцы продолжали издеваться, когда нас сгоняли в сарай, чтобы поджечь его. Но тогда же подоспели партизаны во главе с начальником отряда Хаймом Докторовичем — и они спасли всех нас. А у меня до сих пор остались шрамы на ноге и руке..."

Таково единственное свидетельство о жизни тогдашнего младенца — сохранившиеся следы издевательств врагов! И с другой стороны, это весьма убедительный пример спасительных действий партизан в том районе. Ведь никому еще не доводилось говорить о помощи со стороны партизан у нас — в Одессе...

Родившийся задолго до этих событий — на 10 лет раньше в той же Бершади **А. И. Бернштейн**, отец которого был преподавателем еврейского языка в местной школе, подробно вспоминает, как у них было создано гетто — и к тому же "совместно с полицаями-предателями". Тогда сразу последовала обычная устрашающая и унизительная практика — с грабежами и убийствами, с загоном в определенные кварталы, с ношением "могендувида" и тяжелой работой.

После потери отца, расстрелянного в ходе строительных сооружений, мальчику пришлось пережить обычное тяжелое испытание — эпидемию тифа. А указанные действия партизан обернулись страшными жертвами:

"Очень часто напоказ вешали людей на столбах, и они висели по несколько дней". Конечно, не обошлось и без хождения "в деревню за милостыней", и без помощи "добрых людей украинцев и русских", и без отбиения жандармами полученных продуктов. Такое пришлось пережить тому, кто еще не успел достигнуть совершеннолетия! И легче ли было Александру Иосифовичу, чем бершадскому младенцу Зайдману?

Его однолетка и земляк **А. Х. Мицель** был там, в Бершади, свидетелем такого случая, когда за выход из пределов гетто комендант привязал "нарушителя порядка" к лошади и погнал ее к комендатуре, пока пойманный не скончался в пути. Другим "нарушителем" — местным евреям этот же комендант приказал дать 25 ударов шомполами по ладоням. И все же

даже при таком запугивании Абрам Хаимович рискнул вместе с близкими на побег:

"Мы переоделись в крестьянскую одежду — без "могендувидов" и пошли в деревню, где понаслышке жил врач-ветеринар по фамилии Ладунчик. Он посмотрел мой глаз, поврежденный из-за удара румыном. Но, к сожалению, помочь ничем не мог из-за отсутствия каких-то медикаментов. И на мне рана зажила — "как на собаке": едва вижу этим глазом".

Даже в таких условиях там, оказывается, существовало свое подполье. Командиром был его двоюродный брат — **Никончик Мицель**, а обсуждение многих партизанских дел проходило в их доме — в частности, по сбору вещей для партизан, засевших по соседству — в Яланецких лесах.

Но, как водится, среди них нашелся провокатор, выдавший хранившиеся списки помогавших и сочувствовавших. И за несколько дней до освобождения местечка жандармы уничтожили во рвах за городом много человек — около 400. А потом родные убитых с трудом узнавали их по отдельным признакам, откалывая тела из рва.

Пожалуй, такой трагический и героический сюжет вполне был достоин пера их знатного земляка — Виктора Бершадского, позже написавшего поэму и об одесских партизанах, действовавших в катакомбах!

*Ради нашей любви
В это утро весеннее марта
Я дерусу не цветы,
А холодную сталь автомата.
Я стою на посту
В потайной горловине колодца.
Рах, праздновать рано,
Но верю: не поздно бороться!
Над моей головою
Гестаповец рыщет матерый,
По глухой мостовой
Тарахтят тягачи, транспортеры...
Слыши — лает собака,
На улице лает собака!
А внизу светличок
Свой фонарик зажег среди мрака.
Вспоминаю деревья и небо,
и чайку морскую...
Если б знала, любимая,
Как по тебе я тоскую!*

“Их сожгли и похоронили в братской могиле...” — так начинается еще один рассказ о событиях в Бершади после прихода туда оккупантов. Речь идет о близких А. Я. Сандлер, которая попала туда в начале войны, будучи в гостях у своей бабушки-еврейки. Сама она по матери была русской, и поэтому не попала в первую партию задержанных.

“В барак к нам приходила староста тетя Вера, и мать ей доказывала, что я не еврейка, — вспоминает Алла Яковlevна, которой тогда было 7 лет. — В нашем бараке находились люди смешанной национальности, в том числе поляки. Когда маму уводили на работу (по уборке помещений), они старались присмотреть за мной и немножко подкормить, но я очень боялась, что мама не вернется. Староста тоже жалела меня, так как у нее были свои дети. Она даже брала меня иногда к себе домой и ухаживала за мной — мыла и т. д. Благодаря ей удалось выжить”. Остался в живых и ее отец, вернувшийся в 1946 году с фронта, и они съездили в Бершадь, чтобы поклониться той братской могиле, где похоронена ее мать.

Казалось бы, это самая благополучная судьба из всех преследовавшихся евреев и их близких в Транснистрии! И вместе с тем тоже живое обвинение оккупантов, которые преследовали людей только из-за их национальной принадлежности...

А вот судьба другого “малолетки” — 10-летнего А. И. Ясиновского, для которого Бершадь даже стала спасением после всего пережитого им на германской оккупированной территории — в районе Каменец-Подольска:

“По слухам, на румынской территории — за Бугом в Бершади было большое гетто, где можно было как-то выжить. И темной январской ночью, чуть не замерзнув, я выбрал момент, когда прошел патруль, и перешел замерзшую реку, чтобы добраться до Бершади.

По дороге добрые люди давали мне кусок хлеба и кружку горячей воды, а в одном селе старушка сунула мне даже конфету. В Бершадском гетто была община, которая имела возможность приютить таких, как я. Оттуда также можно было тайком выбраться в близлежащую деревню, чтобы заработать кусок хлеба.

И так я жил до июня 1943 года...”

Что было дальше с 12-летним Анатолием Израилевичем? Невольно съеживаешься, читая его воспоминания.

Оказывается, из гетто забирали рабочих для концлагеря в Сливино — на строительство моста через Буг. И рослого под-

ростка забрали туда вместе с другими — крепкими мужчинами-евреями.

“Побои, голод и изнурительный труд, не говоря уже о видах, — все это трудно теперь представить. Загнали нас в бывшую конюшню местного совхоза, охраняли русские катарели — еще хуже немцев. Спали мы на цементном полу, чуть прикрытом соломой, оставшейся от лошадей. Каждый день до места работы и обратно бегали по 10 километров под нагайкой и прикладом. Пища — утром 100 грамм мамальги, в обед — кружка баланды и вечером снова мамальга. И в середине октября я не вышел на работу — не мог подняться...”

Как ни странно, вместо суровой расправы над ним случилось маленькое чудо. То, что и раньше случалось: редкая доброта врагов.

“Как раз в тот день в лагерь приехал немец — врач с овчаркой. Узнав обо мне, он задал только один вопрос: “Сколько лет?” Когда я ответил, немец дал команду сопровождавшему его чину — отпустить меня. И даже распорядился дать мне буханку хлеба и кусок сала. А потом объяснил, что сразу нельзя все есть (“будет капут!”). Таким образом я остался жить — дотянул до прихода в середине марта советских войск...”

Что и говорить, тоже благополучный исход — и даже благодаря врагу! Спасение того, кто впоследствии учился военному делу, кто окончил спецшколу и авиационное училище и кто стал кадровым советским офицером!

С Бершадью связана также судьба бессарабских евреев. Их пригнали сюда, как об этом вспоминает Б. С. Гительмахер (Чернер) в октябре 1941 года.

“Я без боли в душе не могу вспоминать этих людей — голодных и измученных. Их целых три месяца гнали из Молдавии в Украину — гнали то вперед, то назад, при этом унижая их и всячески издеваясь.

Тогда сразу же было создано гетто: улицы и переулки забили досками, поставили охрану и запретили выходить. Вскоре там распространилась эпидемия тифа, а в разгар ее пригнали савранских евреев. Наряду с жестокими морозами и начавшимися голодом все это создало невыносимые условия для людей.

Резко возросла смертность — мертвые лежали в пустых домах. Специальная повозка с лошадью каждый день объезжала улицы и подбирала троны, отвозя их на кладбище.

Как пример массовой смертности: в одной квартире с нами жила семья из одного румынского города — всего 53 человека, а в живых осталось всего три человека...

Берта Соломоновна добавляет, что выжить удалось лишь благодаря бегству оттуда в августе 43-го в Саврань — к юго-востоку от Ольгополя.

Некоторые бывшие узники Бершадского гетто вспоминают из своей жизни там отдельные случаи, поражающие особой жестокостью или абсурдом.

Так, Г. Я. Тойбер рассказал, что однажды он стоял у калитки дома и не заметил коменданта, который шел по улице. Тот подозревал его и приказал вытянуть руки ладонями вверх, чтобы бить по ним плеткой ("за то, что я стоял на улице, когда он шел"). Или вон как он расправился, тот же комендант самодумал, с несколькими мальчиками, которые просто стояли и разговаривали: "Он отпустил собаку — овчарку, с которой ехал. Она с такой скоростью бежала, что мы не успели удрать от нее. И она искасала одного из нас, пока комендант стоял и смеялся. А затем он отозвал этого пса обратно..."

Или вон Н. Г. Дукач сообщил, как ему в той же Бершади пришлось быть свидетелем того, что румыны придрались к девушке, которая вела за руки своих беспомощных родителей. Солдаты требовали, чтобы девушка оставила их, но когда Мира (так звали ее) стала сопротивляться, один из румын выхватил пистолет. "Я от страха закрыл глаза, — пишет автор, — слышу выстрел. Мира мертвата..." А еще одно его воспоминание было о том, как оккупанты расправлялись с партизанами, которых возглавлял некто Яша. Его расстреляли вместе с другими и выбросили гроб с телом на свалку, хотя сам Яша все еще был жив. Да, и это случилось тогда — уму непостижимо! Поистине, неисчерпаемы и невероятны ситуации, имевшие место там, в Бершади, при обезумевших от ненависти оккупантах!

И чудовищными кажутся иные штрихи или детали, невообразимые в обычной жизни. Например, плавающие в сельском колодце... вши — от одежды тех, кто набирал там воду (согласно воспоминаниям А. С. Гудина). Или взять такой самый невероятный эпизод, описанный им же: как в январе 1944-го в Бершадское гетто прибыли представители Палестины, чтобы вывезти оттуда детей, и Александр Срулевич, попавший в число этих спасаемых детей, вдруг... сам вернулся назад уже по пути в Балту под охраной полиции в специальному санному обозе.

Оказывается, он испытывал раскаяние: "Ведь я оставил там больную мать — одну!" И пешком, в рваных ботинках и одежде, с ночевкой в сене у одного безымянного крестьянина, маленький сын вернулся в гетто.

Наконец, с ним вышло и нечто авантюрное. Попав в руки начальника Бершадской еврейской полиции, которого сопровождали два немецких автоматчики, юный Саша, будучи в их распоряжении, вдруг услышал гул самолетов. И он увидел, "как с них падали фигуры, а над ними раскрываются купола парашютов". Так что "немцев и полицаев как ветром сдуло" ... Это наступала Красная армия!

Таким стало его окончательное спасение — как, впрочем, и всех узников Бершадского гетто — в знаменательный для них день — 24 марта 1944 года.

Ну так удивительно ли, что все это вспоминается в малейших подробностях этим людям и спустя полвека после всего случившегося?

В западной Транснистрии

Рассматривая положение в узловых точках Транснистрии, где происходило накопление и постепенное уничтожение еврейского населения этой части Украины и Молдавии, необходимо дополнить общую картину Катастрофы здесь и тем, что происходило в западной части губернаторства — начиная с левого берега Днестра.

Ямполь и Песчанка, Дзыговка и Томашполь с Комаргородом — таковы были пункты трагедии евреев, через которое проходил один из этапов от границы. А другое направление шло через Чечельник и уже упоминавшийся Ольгополь к Савраню, доходя до восточной части Транснистрии и упираясь в правый берег Буга.

Это был огромный кусок территории без больших городов, но с множеством местечек и сел, густо населенных евреями, — тот самый район, где в свое время действовали герои произведений классика еврейской литературы Шолом-Алейхема. Увы, там же оправдались худшие тревоги легендарного героя этого писателя — Тевье, который был поставлен перед необходимостью покидать свое родное гнездо и тять все добро, нажитое хлопотливым трудом.

"Изыди из страны своей, из места своего рождения!" — эта библейская фраза, давшая и название шолом-алейхемовской новелле "Изыди", словно предрекла судьбы тех потомков лю-

дей, которые, подобно Тевье-молочнику, спустя много лет тоже покидали свои дома, с той лишь разницей, что уходили они на верную смерть, а не просто "за пределы"...

Да, именно по дорогам грустного бодрязка Тевье пошли многие, кто носило распространенную еврейскую фамилию Ямпольские, — из Ямполя на самом берегу Днестра. В воспоминаниях жителей этого городка то и дело мелькают названия соседних местностей — станции Вапнярки, Томашполя и Крыжополя, куда бежали люди, переполошенные начавшейся войной, а потом возвращались обратно, когда фронт уже донес их и покатился дальше на восток.

Так, 10-летний **О. М. Клеман** со своей семьей, успевшей углубиться далеко — до Копайгорода, описывает нелегкое возвращение через вражеские посты домой и чувство облегчения с возвращением в родной город. Но знали бы они все, что их ожидает там!

"Зайти в Ямполь по центральной улице мы боялись и пошли в обход, — рассказывает он. — В дом дедушки мы уже не попали, потому что там жила украинская семья, а сам дом находился на улице Ленина, которая не попала в состав гетто.

Гетто же было образовано сразу после прихода румын: выделили одну улицу, которую тут же огордили высоким забором из колючей проволоки в несколько рядов и на которой поселили оставшихся евреев города.

Так началась наша долгая, тяжелая, голодная и холодная жизнь в гетто"...

Леонид Мотькович еще вспоминает подробно эту жизнь — с угоном на работу, с портняжескими подработками на дому ради продуктов, с издевательствами над людьми вплоть до использования детского труда без всякой оплаты, а также с болезнями из-за отсутствия какой-то санитарии.

"Что же давало нам силы пережить этот нечеловеческий образ жизни? — философски, почти как Тевье, вспоминает он. — Это была вера в неизбежное освобождение, в приход Красной армии".

Тогда в гетто каким-то образом удавалось узнать фронтовые новости. Мы знали, что немцы Москву не взяли и что под Сталинградом германская армия разбита, а также, что продолжается наступление советских войск. Мы ждали, что придет конец ненавистному вражескому режиму. И этот светлый день настал 17 марта 1944 года, когда наши танки вошли в город"...

По соседству — в Дзыговском гетто находился **Л. Х. Берман**, который описывает такие особенности жизни там, как частые наезды из Ямполя немцев и грабежи еврейских домов.

"Немцы также отбирали молодых мужчин и увозили на работу в Николаев, откуда не все возвращались..."

Тут характерно то, что немецкие власти открыто хозяйничали на территории румынской администрации, используя местную рабочую силу, не говоря уже о полном пренебрежении к условиям труда этих жителей, как и вообще к их жизни. Так же бесцеремонно они набирали людей для постройки железной дороги на берегу реки Буг — у станции Трихаты.

Об этом вспоминает тогдашний житель с. Городковка — к западу от Ямполя — **А. А. Воскобойник**:

"Нас погрузили в товарные вагоны под усиленной охраной, без воды, пищи и элементарных условий жизни. Труд был очень тяжелым, приходилось кормиться, чем могли, добывая поблизости. Несколько человек умерли от холода, голода и побоев. И к зиме оставшихся в живых отвезли домой — в Городковку..."

Однако "дома" был тот же лагерь — условия гетто, где надо было носить шестиугольную звезду, находиться за колючей проволокой и получать удары резиновым шлангом или даже пулю полицейского. И более того, Городковское гетто дважды подлежало сплошному уничтожению во время наездов эсэсовских карателей, оставлено было только из корыстных расчетов.

"В нашем mestечке существовал колхоз "Новое життя", в котором раньше работало около 80 процентов евреев. Поэтому после долгих совещаний нас решили оставить в живых, чтобы использовать там на сельскохозяйственных работах. Лиши расстреливали стариков, которые уже не могли работать.

Труд там был под охраной жандармов и полицаев самый жестокий: за малейшую провинность не просто избивали, но и капечили: так, несколько человек получили увечья. А зимой мы работали по очистке дорог от снега и мелкому ремонту — тоже под палками и дулами".

Там же, в Городковке, находилась вместе с Аркадием Айзиковичем его будущая жена **Анна Овсеевна** (в девичестве **Бондарь**). Она с ужасом вспоминает, как дважды стояла под эсэсовскими пулеметами во дворе бывшего МТС и как у нее были отморожены руки из-за тяжелых зимних работ на очи-

стке дороги. И это происходило не со взрослым работником, как и вообще человеком, а с 12-летней девочкой, вынужденной как-то помогать своей матери!

По другой сторону от Ямполя — в Песчанке жила **П. Ю. Крет**, которая вместе со своими детьми и близкими родичами отправилась по этапу осенью 1941 года. Она пишет, что “всех, кто отставал от колонны, расстреливали”, и уже в начале пути была убита ее свекровь. Колонна прошла такие местности, как Попельхи и Кодыма, и в последнем mestечке одна женщина — М. Н. Муррова предложила отдать ей dochь Раю, которой исполнилось всего 6 месяцев. И “поскольку мне было крайне тяжело нести ее на руках, — признается Полина Юдковна, — я согласилась на это...”

Впоследствии стало известно, что той женщине нелегко досталось воспитание еврейского дитя (ведь многие даже не хотели, как это ни дико, продавать молоко для “жидівської дитини”), и девочку пришлось крестить. Самоотверженная добрая женщина дожила до 60-х годов, а dochь — уже давно познравившаяся — проживает ныне в Тирасполе, являясь по документам Раисой Алексеевной Муровой.

“Но до этого пришлось выдержать судебный процесс из-за того, что она не хотела возвращаться в нашу семью, когда в ее 4-летнем возрасте мы заявили права на нее”, — пишет несчастная мать. Оказывается, Мурова отказалась от всех денег, которые были выданы ей для покупки дома и коровы, и даже пожизненной пенсии, на что согласилась вначале, взамен на отданный ей чужую dochь! Что и говорить, еще одна трагедия — как бы эхо военных лет!

Вспоминая о своей судьбе по ходу расправ над евреями, Полина Юдковна еще рассказала о том, как она с этапом, держа за руку оставшегося сына — 3-летнего Леню, прошла такие пункты — Борщи, Обомельниково, Котовск и Любашевку, прежде чем попала в конечный пункт — злонополучную Богдановку. А оттуда из-за начавшихся расстрелов ей с мужем и сыном пришлось бежать, и тогда начались их скитания по разным местам — вплоть до Бершади. “Путь был долгим и тяжелым, — вспоминает она. — По дороге многие местные жители помогали нам — пускали переночевать и поили, однако от некоторых приходилось и откупаться”. Словом, пришлось испить свою чашу горести вместе с жителями других mestечек и сел — действительно, куда более тяжких, чем у Тевье из произведений Шолом-Алейхема...

О своеобразных тяготах тогдашней жизни в гетто бывшей

жительнице Ямполя, попавшей тогда в Крыжополь, сообщает в своих кратких воспоминаниях **Л. Г. Кац**. Это была и жизнь впроголодь, и тяжелая работа на станции по разгрузке и погрузке, и нещадные избиения за присвоение горстки муки или сахара. Но Ливша Гершовна упоминает также о таком факте: прячась от приставаний полицаев с румынских солдат, ей пришлось не только одеваться, как старухе, а и однажды “выпрыгнуть из чердачного окна”, после чего у нее остались сильные ушибы и произошел вывих ноги.

Своебразно сложилась судьба у другой жительницы Крыжополя — **С. А. Рощмар**, тоже работавшей на железнодорожной станции. Она рассказала:

“В 1942 году нас всех собрали, посадили на грузовики и повезли в Жабокричи — это в 12 километрах от Крыжополя — на расстрел. Часть людей там расстреляли в погребах, но остальных не успели: приехало какое-то начальство и приказало прекратить расстрелы.

Мы, оставшиеся в живых, пошли пешком назад, в Крыжополь, и нас приютила украинская семья — бабушкины соседи. Но над всеми издевался начальник полиции из Голубечи Кравец, и соседям пришлось укрывать нас, делясь последней едой.

А когда в марте 44-го года всех оставшихся в живых евреев посадили на телеги и повезли на расстрел, нас освободили партизаны — один из отрядов под командованием Ковпака...

Это была еще одна решающая помощь со стороны тех, кто в свое время — и не только в условиях Одессы — ничего не делал для еврейского населения. Кстати, тут в очередной раз бросается упрек не только отряду Молодцова-Бадасева, действовавшему возле Слободского гетто.

Да, ведь там был лишь один наглядный пример помощи узникам этого года — в действиях уже упоминавшегося Валентина Иванова с его домашней катакомбой, где он прятал большую группу евреев. Того самого Иванова, о котором даже написал прекрасные взволнованные стихи поэт Виктор Бершадский:

Сигуранца. Все знакомо, все не ново.

Прямо к стенке привалили Иванова.

— Партизан! — локотенем кричит с похмелья,

Признавайся, где дорога в подземелье...

Быкинул варвар автомат — и разошелся:
длинной очередью по небу прошелся,

*а потом ударил очередью снова
по великому молчанию Иванова:
Видишь, пулями в стене родного крова
выбит контур партизана Иванова.*

Увы, другие одесские официальные партизаны тоже не забились о спасении евреев, и это подтверждается документами, опубликованными в сборнике “Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.”, изданном гораздо позднее трехтомника конца 40-х годов с аналогичными документами по одной Одессе. Там опубликованы десятки отчетов партизанских и подпольных групп с их разными задачами и заботами — вплоть до выпуска листовок, но нигде и никогда у них не ставился вопрос о евреях, хотя, как мы знаем, о преследованиях их публиковались вполне открытые объявления и списки.

Так, о положении в Кодыме — поблизости Городковки и Крыжополя, где происходили описываемые здесь расправы над евреями, оказывается, принимались решения комсомольско-молодежной группы “Чайка” и “Крылья Советов” только о “диверсиях... к задержке поездов с грузами оккупантов”, о “похищении печати... для документов, дающих доступ к станционным объектам” и, конечно же, о “расклейвании листовок на станционных постройках”. А подпольная группа “под руководством В. Б. Кривенцова”, действовавшая в том же Кодымском районе, докладывала лишь про смонтирование радиоприемника для принятия сводок Совинформбюро и даже о... “поджоге скирды соломы у села Лабушного в феврале 1943 года”.

Зато единственными спасителями тут оказались для евреев местные жители. Об одной из таких благородных, самоотверженных украинских семей, спасших обреченных на смерть, вспоминает **М. И. Файнских**. Он называет жителей села Ивашково Кодымского района — Андрея Корнеевича Олейника, его жену Фатину и дочь Татьяну, которые приютили его после бегства из оккупированной Одессы, а потом из Кодымы, где караатели готовились утнать евреев “в другое место” — явна на расправу. Чтобы избежать такой участи, некоторые из соседей покончили самоубийством, а Марк Isaакович с семьей дяди Давида и сбежал в Ивашково, хотя бабушка не могла быть с ними и погибла. Так вот — Олейник, который был другом отца и дяди Давида, “не оставил нас в этом ужасном положении”. Несмотря на то, что румыны “шастали по

селу и предупреждали, что те, кто прячет евреев, будут расстреляны вместе с евреями”... А именно: “Мы там пробыли пару недель, находясь в одной половине ихнего дома”. Но так как об их тайном пребывании узнали соседи, пришлось уйти в Чечельник, где, по слухам, было гетто. Правда, там творилось ужасное: “Люди пухли от голода и холода”, и судьба Файнских была тоже под угрозой гибели. Но и тогда им помогли Олейники: “К нам несколько раз, очень рискуя, приходила Татьяна и приносила картофель, кукурузную муку и другие продукты”. И это несмотря на то, что тогда же умер глава этой украинской семьи — Андрей Корнеевич. Но Марк Isaакович по-прежнему поддерживал добрые отношения с Татьяной и ее детьми, до сих пор проживающими в селе Ивашково Кодымского района Одесской области... Поистине трогательный пример доброты и благодарности, прекрасных отношений между людьми — не в пример казенным органам!

Ну, а что же, спрашивается, было там тогда с другими людьми, постоянно ожидавшими своей смерти и никак не способными бороться?

“Нас гнали на работу, и я привязывала ребенка на спине — и так носила камни, — описывает свою судьбу **Х. Р. Сигал**. — Потом нас погнали дальше... была уже глубокая осень, и чужие люди старались помочь нам: бросали в колонну куски хлеба, картошку или буряк — кто что мог.

Когда же пригнали на место, то одна женщина дала полицаю бутылку, а меня с ребенком забрала через окно, и я побыла у нее несколько дней. Но позже попала в облаву, и снова была дорога, где я шла полураздетая и голодная. А возле свинарника начали расстреливать, и я упала. Потом ползком ночью пробиралась к той женщине с моим ребенком. Но уже не дошла до нее...”

Эти душераздирающие подробности — еще один жестокий укор не только палачам, которые творили зло на нашей земле.

Впрочем, то, что было с Ханой Рахмилевной, происходило и в другом месте.

9. В ОЖИДАНИИ СВОБОДЫ

Под Березовкой

Все это случилось с ней и ее ребенком по дороге в Березовский уезд.

Именно там молодая мать переносила невыносимые страдания — вплоть до потери своего младенца и возврата его, получая лишь помощь от чужих.

Что же касается партизан — этих защитников народа, на которых возлагались большие надежды людьми, попавшими под иго оккупантов, то вот как они действовали тогда там же — в местности от Акмечетки до Богдановки.

Об этом можно получить представление из вышеупомянутого издания "Одесская область в Великой Отечественной войне". Там имеется соответствующий материал: "О подпольной организации Доманевского района (ноябрь 1941 — декабрь 1944 гг.)", где сообщается, что в этом районе "партийное подполье заблаговременно создано не было", но что инициатором его явился "бежавший из вражеского плена старший лейтенант Красной Армии, член ВКП(б) Мазепа Анатолий Тихонович (подпольная кличка Белый)".

Разумеется, с невольным интересом знакомишься с описанием деятельности тех подпольщиков, которые проявили себя именно в той местности, куда я сам попал спустя год и где перенес то, что мне тоже, как и многим другим, казалось преддверием гибели — без всякой надежды на чью-то помощь.

"В ноябре 1941 года Мазепа А. Т. прибыл в свое родное село Богдановку, — значится в отчете Доманевской подпольной организации, — и стал группировать вокруг себя советских патриотов".

Дальше называются имена его сообщников — учителей Богдановской средней школы, а также ведущих работников свинофермы и совхоза. Соответствующие подпольные группы были созданы также в прессловутых зловещих местах массовых расправ с евреями — в селах Акмечетка и Доманевка. Там и комсомольцами и позже провел совещание с их представителями, на котором тогда же "был образован районный подпольный партийный комитет" во главе с ним самим и руководителями сельских групп. И вот что было дальше — в пору, когда в эти села уже интенсивно гонялись из-под Одессы и из

других районов Транснистрии колонны евреев с их мытарствами в пути и размещением в самых чудовищных условиях:

"Среди населения сел распространялись сводки Совинформбюро, антифашистские листовки, организовывался саботаж мероприятий фашистских оккупационных властей, совершившиеся диверсии..."

Далее перечисляются конкретные диверсии — саботирование уборки урожая, препятствие вывозу оккупантами хлеба и тракторов или заражение скота чумой. И из числа операций, связанных с какой-то помощью жертвам оккупантов, указана только одна:

"Подпольщики вели агитационную работу среди солдат противника и в лагерях советских военнопленных. Они помогали советским военнопленным бежать из фашистских лагерей, укрывали их, снабжали продуктами и одеждой. Военнопленные, как правило, вступали в ряды подпольной организации или уходили в партизанские отряды. Подпольщики вели подготовку к вооруженной борьбе с фашистами, для чего добывали и прятали оружие и боеприпасы".

И это все, что касается работы подпольщиков с населением и узниками оккупантов...

Зато подробно рассказано дальше о чисто организационных и даже бюрократических заботах А. Т. Мазепы и его окружения — начиная с мелких совещаний и кончая "уездным партийным съездом" в Голте, где этот руководитель был избран командиром всех партизанских отрядов и групп уезда.

Как важное событие в его дальнейшей деятельности указано то, что он "10 ноября 1943 года написал и разоспал в подпольные организации приказы № 1 и № 2", в которых давался инструктаж по подпольной деятельности. А 1 декабря этот Мазепа издал очередной, 3-й приказ о... борьбе с расхлыбанностью, с нарушением дисциплины и конспирации. Что и говорить, важные дела!

Поневоле спрашиваю себя: а что именно происходило в моей жизни в ту пору — в ноябре и декабре? Да, как жила моя семья тогда, когда рядом, оказывается, усиленно совещались и принимали строгие решения подпольные деятели? Или, возможно, мне — подростку, как раз отметившему в ноябре свое 12-летие, было неизвестно о важных делах у взрослых, не говоря уже о таком историческом событии, как Сталинградская битва, как раз вступившая в свою главную фазу?

Но и мой старший брат Сергей, достигший к тому времени 15-летнего возраста, в своих устных воспоминаниях, записан-

ных на видеокассету продолжительностью в четыре часа и присланых недавно из Лос-Анджелеса, ни словом, никаким намеком не упоминает о каких-то подпольщиках, действовавших вокруг нас, или об их каких-то мероприятиях.

Хотя, оказывается, они тогда же, в конце декабря 43-го, собирались провести свой "2-й уездный партийный съезд" (для "утверждения инструкции и окончательного плана выступления партизанских отрядов"). Но, как сообщается там же, в книге об Одесской области в Великой Отечественной, "деятельность уездного партийного комитета была прервана арестами", а в январе следующего года "фашистские караатели расстреляли Мазепу А. Т. и других наиболее активных членов подпольной организации Доманевского, Первомайского, Кривоозерского, Врадиевского и Савранского районов".

Поэтому не хочется особенно обвинять этих людей, а тем более — вспоминать с иронией об их делах, пусть они и носили зачастую формальный, далекий от насущных нужд, а тем более — от человеческой трагедии характер.

Но так или иначе находившиеся в этом углу Транснистрии, как и в вышеупомянутом Кодымском районе, евреи — жители Одессы и соседних районов были предоставлены сами себе.

Нам, увы, оставалось только одно — ждать освобождения с приходом советских войск, как ни мало мы знали об их успехах в борьбе с вермахтом.

В ожидании этой свободы и держались наши силы душевые и физические.

Пусть они и были тогда совсем на исходе, почти угасали, как свеча.

"На тонкой ниточке" — по словам портного у Шолом-Алейхема.

Вот что с нами происходило тогда.

В свинарнике

Как уж говорилось, наша семья была направлена в Мостовое и Доманевку, минуя страшную Богдановку, а затем в Карловку и Семихатку. И оттуда осенью мы попали в Акметчетку, где задержались до февраля будущего года.

Я также писал, в каких условиях мы тогда жили, а именно — в свинарнике, где стоял невыносимый дух от пребывания там раньше животных и где люди были размещены в отдельных загончиках — "клетках" для свиней, покрытых прелой соломой на цементном полу...

Впрочем, об этой поистине скотской жизни лучше меня рассказал в своих воспоминаниях мой брат Сергей. Это было тогда, когда я недавно навестил его в Израиле, где брат теперь благополучно живет. Молодежный и импозантный, с интеллигентным, умным лицом и в красивых очках человек, с добротной русской речью, он поныне остается для меня достойным образцом. А в ту пору это был подвижный, очень энергичный и разумный юноша с крепкой черной шевелюрой (не то, что теперь) — не просто мой брат, а лучший друг и самый любимый человек, которым я гордился и у кого искал защиты. Недаром "Сергей" — это имя означает радость, и он действительно оправдывал его во всем — как будущий талантливый студент политехнического института и прекрасный специалист-теплоэнергетик, защитивший диссертацию и приносящий другим эту радость — общения и поддержки (например, буквально — когда он поистине вынес на руках бабушку, оставшуюся без сил после долгого изнурительного перехода от одного села к другому летом 42-го).

Так вот — хорошо запомнивший и даже лучше меня знавший многие стороны нашей жизни в акметчетском свинарнике, Сергей Петрович написал специально для этой книги о том, что было тогда в Акметчетке до февраля 43-го года:

"Барак свинофермы. Вместо свиней в клетках — исхудальные, измученные завшившие люди. Слышины стоны, крики больных и умирающих. Люди валяются на голом полу — среди собственных нечистот. Грязь и вонища невыносимые, а вода, чтобы помыться, — на вес золота.

В такой обстановке все то и дело ждут какой-то подачки — вроде раздачи кукурузной или просняной муки (по кружке на душу два раза в день). Изголодавшиеся и изнывающие от жажды люди набрасываются на горсть муки и поедают ее в сыром виде. И только некоторые пекут лепешки на костре, используя любую жестянку (а мы — крышку от чайника, пусть и заржавелую, прихваченную из предыдущих мест!). Но и этого достаточно, чтобы у всех развязались языки и даже возникли какие-то мечтания о будущем..."

И дальше брат с присущим ему юмором описывает то, что происходило там, в свинарнике, с наступлением темноты.

"Освещения нет, поэтому барак медленно затихает. Стоны и восклицания, плач детей и ворчанье страдающих и умирающих или просто мучающихся от бессонницы стариков становятся все реже. И в этой обстановке все отчеливее доносятся разговор двух-трех женщин, лежащих, как и мы, на цементном полу через две клетки справа, ближе к выходу.

Судя по произношению, построению фраз и общему кругозору, это люди из какого-нибудь местечка или городка в Одесской области — вероятно, из мастеровых, портных или парикмахеров. Из тех, кто был описан не только бесмертным знатоком этого края Шолом-Алейхемом, а и Жаботинским — одесским журналистом, который однажды ужаснулся, сойдясь с ними поезде.

Отдавая должное эрудиции брата, особенно преклоняюсь перед его хорошей памятью в описании того, что там было...

“О чём же они говорили. Что интересовало их в ту пору?

— Эх, — воскликала одна. — Если придут наши и мы останемся в живых, то мне лично ничего не надо. Только стол, табуретки — две штуки и, конечно, кровать с чистым бельем, а также картошка в мундирах... ну и еще селедка с черным хлебом. Опять-таки, если Бог нас спасет...

— Ой, что вы говорите, Сура? — откликалась другая. — Разве вы не догадываетесь, что всех евреев обязательно направят на два-три месяца в санаторий? Правда, только тех, кто будет еще немножко живым...

— Я с этим согласна, — вступала в разговор и третья. — Но я также считаю, что все мы будем награждены званием Героя Советского Союза. Точно таким, как у Чкалова или Папанина!

Были еще предложения — чтобы после войны поселиться в Крыму: мол, разве евреи не заслужили это своими страданиями? Но прозвучала и такая мечта: чтобы девку Фроську — наглую и жадную и ее мужа-дезертира, ставшего полицаем, засудили по закону и отправили подальше от Крыма — в самую глубокую Сибирь и поселили в таком же свинарнике — на солоне, без света и на холода...

Так они говорили, постепенно затихая, словно ублаженные своими надеждами и чувством, мести. А утром — снова крики и стоны, рыдания из-за скончавшихся и возмущения, если кто-то нагадил прямо на дороге..."

О том, что происходило по соседству — в Карловке, рассказал в своих воспоминаниях другой обитатель местного свинарника — уже цитировавшийся раньше А. И. Хасин:

“Перед бараком, где раньше держали свиней и где предстояло жить нам, стояла спортивная “кобыла”. Как объяснили старожилы лагеря, полицай притащил ее из сельской школы, чтобы наказывать на ней заключенных.

За малейшую провинность человека привязывали к “кобыле” и секли кнутом. Об этом в первый же день провел беседу староста лагеря, бессарабский еврей господин Аб-

рамович. Беседа сводилась к тому, что если мы будем плохо работать, нас познакомят с “кобылой”.

Аркадий Иосифович также описывает, какую работу приходилось выполнять там евреям:

“Заключенные Карловского концлагеря строили дорогу, и нашу семью тоже пригнали на стройку. Матери дали тачку, мне и сестре — лопаты. Мы насыпали тачку землей, а мать покатила ее по деревянным мосткам, проложенным через болотистую местность, к насыпи, по которой должна была пройти шоссейная дорога.

На стройке работали в основном женщины и дети. Кормили раз в день супом из гнилой картошки. И когда поварила мадам Вайнштейн, привозила на повозке суп, рядом с ней сидел на облучке господин Абрамович. Во время раздачи супа он следил за порядком. Если кто из детей пытался пролезть без очереди или, что еще хуже, просил добавку, господин Абрамович пускал в ход палку...

А. И. Хасин еще вспоминал, как несчастным еврейским детям доводилось просить милостыню, чтобы как-то прокормиться. Но их часто ловили в соседних селах — Ивановке, Викторовке и Новоселовке, а потом полицай Стефан сек их на “кобылке”, приговаривая: “Задницу маешь? Двадцать пять!”

Но там же было нечто устрашающее и для взрослых — барак “голых”, где жили умирающие.

“В него попадали те, кто изорвался и измучился на каторжной работе. Эти несчастные лежали на нарах, прикрытые грязным тряпьем, и умирали голодной смертью. Они не работали, им не полагался паек. Некоторых подкармливали работающие родственники. Но одинокие были обречены.

Каждое утро подъезжала запряженная волами повозка, и в нее укладывали нескольких мертвцев. В лагере говорили не “умер”, а “Гершман забрал” — по имени извозчика.

Но в той же “комнате голых” одна женщина — Музу читала по вечерам по памяти Пушкина, Лермонтова, Некрасова, рассказы Чехова и Зощенко, и, оставльные, слушая ее, забывали о своих страданиях. Слушать Музу приходили из других бараков, а заодно приносили ей кто картофелину, а кто кусочек мамалыги..."

Свои воспоминания о тамошней жизни оставил и другой одессит, тоже упоминавшийся раньше, — ныне уже покойный, Д. З. Стародинский в книге “Одесское гетто”. Тогда он работал ночным конюхом в совхозе, находившемся в 15 километрах от Буга. Юноша немало претерпел от полицая, не раз на-

ходясь под угрозой расправы — вплоть до расстрела из-за интриг жандармов и их любовниц. Правда, одна из них — бывшая румынская еврейка, выручала его, а однажды и рассказала, как в Румынии по-разному относились к евреям — явно с оглядкой на их богатых заокеанских хозяев.

“Как мне рассказала Люсиль, — писал он в своей книге, — в Румынии евреи не подвергались физическому уничтожению. В этом заслуга молодого короля Михая и его матери-королевы, сумевших защитить своих подданных от маршала Антонеску и так называемых “железногвардейцев”. Более того, поражало, что бывший муж этой королевы — Елены и отец Михая, в прошлом король Румынии Кароль II был связан с евреями, имея любовницу еврейку, с которой бежал в Англию, но, несмотря на это, его бывшая жена и сын не проявили антисемитизма.

Евреи в Румынии сохранили свои предприятия и магазины, и единственным ущемлением их прав была необходимость отработки так называемой трудовой повинности на тяжелых физических работах. Но зажиточные люди уклонялись от трудовой повинности, давая взятки или нанимая вместо себя других работников”.

А с приближением фронта автору “Одесского гетто” пришлось вплотную столкнуться и с эсэсовцами, которые, однако, не тронули еврея, явно привлеченных его знанием немецкого языка. И остановившиеся в селе “добровольцы” даже пригласили юношу за свой стол на угожение и выпивку, чуть ли не жалуясь на свою незавидную судьбу. Так по-разному складывалась жизнь — и не только у евреев, а и у тех, кто тоже обнаружил в себе какие-то человеческие особенности и кто по-своему страдал...

Эта жизнь, повторю, продолжалась до февраля следующего года — того года, когда уже завершилась Сталинградская битва, о которой мы тогда — по авторитетному заявлению теперь Сергея Петровича при нашей встрече — ничего не знали. Немцы стали отступать, а с ними отступали те, кого называли “власовцами” — русские и украинцы, одетые в немецкую форму. Они действовали как конвоиры и даже карательи, изгоняя местное население с насиженных мест вслед за отступавшими, и особенно измывались над остатками евреев. Эти предатели формально не входили в состав подразделений Власова, а являлись лишь так называемыми “гиви” — “Hilfwillige”, по-немецки “добровольными помощниками”, для которых не полагалось ношения погон вермахта. К ним

относились и казачьи части, свирепствовавшие под Одессой, и калмыки, учинившие резню на окраине города в апреле 44-го года.

Но, не слишком присматриваясь к их “неполноценной” немецкой форме, люди огульно прозвали их “власовцами” — за год до того, как “гиви” официально были включены в состав “Русской Освободительной армии” под командованием генерала Власова, объявленного президентом КОНРа — будущего правительства “Новой России”...

Не зная ничего этого — вплоть до того, какую роль эти “добровольцы” сыграют в нашей судьбе, мы влачили свое существование на новом трудовом месте — на скотоферме одного из соседних совхозов. Там, где удалось более или менее благополучно пробыть до самого прихода наших освободителей — настоящей Освободительной армии в марте следующего, 44-го года, когда у нас появились первые красноармейцы на танках...

Как же мы жили там — на скотоферме № 3 бывшего совхоза им. Энгельса неподалеку от села Викторовка.

В коровнике

Да, на этот раз мы разместились не в свинарнике, а в коровнике — все же, что ни говори, а жилье для более благородного скота!

Это произошло потому, что в тамошней местности распространилась деятельность моей матери — как врача-педиатра, бывшей ученицы известного одесского профессора Скроцкого. С ней стало считаться и начальство, которое в конце концов перенесло маму со всей семьей в другое, лучшее место.

Впрочем, к тому времени прибывшие евреи расселились небольшими группами по разным хозяйственным объектам. Период от прямых расправ — с расстрелами остался позади, хотя сохранился прежний режим — медленного уничтожения: нас почти не обеспечивали питанием и нам приходилось самим добывать себе средства к жизни — именно на этих хозяйственных объектах.

Наша группа, работавшая на ферме, составляла около 70 человек, и это было не больше 5 процентов от находившихся в Акметчетке одесских евреев. И лишь потом удалось точно подсчитать, сколько людей осталось навечно лежать вокруг Акметчетки и других лагерей смерти...

Нет, наша скотоферма не являлась каким-то лагерем смер-

ти. Но условия жизни и работы здесь были достаточно суровыми: подъем происходил в 5 часов утра, работать приходилось в поле, засеянном кукурузой и картошкой, многие страдали от болезней — не только брюшного тифа, а и дизентерии, желтухи, малярии или просто от простуды из-за работы в стужу и непогоду.

Тяготы еще усугублялись и тем, что комендантом этого лагеря был грубый и беспощадный тип — местный немец-колонист Григорий Фитер. Вечно пьяный, с постоянными придирками, он буквально измывался над евреями, и от его произвола пострадал однажды мой брат. Сергей работал у него кучером, и когда ему пришлось подвозить этого самодура, тот сперва отмахнулся, собираясь идти пешком — не прибегая к своей двухколке. А затем отплатил за то, что кучер не подвез его на ферму из дома, где, наверное, в очередной раз досталось ему от буйной жены Дуськи из-за его пьянства. Фитер прибегнул к плетке, с которой обычно не расставался: он жестоко избил брата, когда тот не согласился повиниться — встать перед ним на колени.

Да, самолюбивый Сергей, не чувствуя себя виноватым, категорически отказался так унизиться перед этим злодеем, а тот пустил в ход свой кнут. Даже сбежавшиеся люди уговаривали брата подчиниться, но Сергей еще стал дерзить, заявляя немцу: “Ни за что... не хочу!” Фитер кричал на него: “Давно ли ты стал таким смелым и сильным?” — и бил его так, что Сергей упал. Немец бил и лежачего брата — бил ногами, до крови, пока тот не затих. Потом Сергей не мог ходить, а раны его долго не заживали... и мне запомнилась эта дикая расправа на всю жизнь!

Правда, к нам, евреям, хорошо относились другие местные жители. Среди обитателей Викторовки особое место занимала семья Ивана Илларионовича Галето — увы, не дожившего до наших дней. Его жена и дочь Лида (ныне Лидия Ивановна Кример, вышедшая замуж за бывшего узника гетто Наума Кримера. Теперь они живут в Израиле) очень помогали нам всем, чем могли: и советами, и некоторыми продуктами.

Они же потом стали приносить в нашу семью добрые известия — прежде всего, о наступлении Красной армии, а мы по возможности передавали их окружающим.

Нужно ли говорить, насколько это придавало нам сил в той обстановке, как облегчало все тяготы и лишения?

В цыганском таборе

Я тоже работал там — и мне нашлось занятие, к тому же интересное.

Возить воду! Это значило, что надо было идти на конюшню, запрячь там лошадь (и вполне самостоятельно!), предварительно накормив и напоив ее, а то и почистив или даже убрав из-под нее (навоз, который иногда пьянил меня своим дурхом!).

Но в мои обязанности входило еще другое: надо было погрузить на повозку тяжелую бадью, потом опустить ее в колодец и после этого что есть силы тянуть к себе — наполненную почти до верха, а в холодную пору — и обледенелую, когда вода расплескивалась вокруг... Удовольствие, от которого иногда хотелось плакать — жаловаться до слез...

Конечно же, я и научился ездить верхом на лошади — вот уж что было действительно удовольствием! И в этом я вполне сошелся на равных с прирожденными наездниками — маленькими цыганами, находившимися неподалеку от нашего жилья.

Там стоял целый табор, прибывший из Румынии: много семей на добротных каруцах, которые потом отняли у них румынские жандармы. Сновавшие вокруг детишки встречали меня криками, когда я появлялся на одной из лошадей верхом. Мне приходилось пасти лошадей немца Фитера, а они приходили в восторг от одного вида лошадей.

Но, к сожалению, все это длилось недолго — всего с неделю. Несколько дней, которые запомнились мне на всю жизнь — и не только красочностью и пестротой этого цыганского табора... Ведь что творилось там, в этом таборе, когда жандармы забирали лошадей, а по сути и погубили всех!

Впечатление было тем более сильное, что на моих глазах эти жители Румынии и прибыли туда. Помню, в один из зимних дней 1943 года, а вернее — ранним утром, когда я вышел из барака, чтобы шагать на конюшню, навстречу мне в метрах в 400–500 медленно двигалась масса людей и лошадей — шумных, очень подвижных и необычно красочных. “Цыгане шумно толпой...” — невольно вспомнились мне тогда пушкинские строчки, и действительно, не были ли они потомками тех — Земфиры, ее отца и молодого цыгана, среди которых поселился разочарованный городской жизнью Алеко?

Но нет — все они, в отличие от описанных великим поэтом, двигались под конвоем — в окружении со всех сторон солдат с автоматами. Им отвели рядом с нашей фермой не-

большой участок земли под открытым небом, и тогда можно было получше разглядеть их — с лошадьми и каруцами. Мужчины в этом таборе были один красивее другого — черные и кудрявые, с белыми сильными зубами и озорными глазами, полными диковатого огня. А особенно красивыми показались женщины — в их длинных, с узорами юбках, с огромными серьгами и отрывистой завлекательной речью.

А дети — тоже красавцы, как и их родители — были шустрые и шаловливые! И удивительно ли, что я вскоре познакомился с двумя мальчиками своего возраста — лет 10 - 11? Они с упоением смотрели, как я на фитеровских лошадях отправлялся к водопою, сам сидя на одной из них — без седла и без узелки, управляя и этой лошадью, и целым табуном (что теперь и не в состоянии представить!). Потом я даже приносил им, голодным и жаждым до всего вкусного, что-либо поесть — зерна кукурузы или бураки, откопанные в снегу, и они грызли их, смачно похрустывая крепкими, как у лошадей, зубами. Но глаза у них выражали такую взрослую боль, что мне всегда становилось не по себе. И, как вскоре оказалось, самая большая боль была причинена им позже...

Да, наступил день великой трагедии всех этих цыган. Однажды крупная группа вооруженных румын окружила цыганский табор. Жандармы взяли их в плотное кольцо, и сперва началось изъятие лошадей и подвод — того самого ценного, чем располагают цыгане.

Сразу поднялся страшный шум — крики и вой. Перекрикивая это, вдруг раздался резкий металлический звон: так звенела посуда, которую жандармы выбрасывали из подвод. То были искусно сделанные кастрюли, миски и ведра — луженые или медные. До сих пор, пожалуй, в моих ушах стоит такая горькая дребезжащая музыка — мелодия, которую вряд ли сумел бы воссоздать талантливый композитор, музыка, сплетенная с воплями обиженных и разъяненных людей, с ржанием потревоженных, учувших беду лошадей.

Дело дошло до настоящей схватки всех цыган с этими грабителями и губителями их добра. Мне особенно запомнилась одна молодая цыганка, которая остерьгнувшись набросилась на нескольких жандармов. Она кричала и металась, сверкая глазами, а потом замахивалась на румын — и не просто руками, а чем-то тяжелым, вроде какого-то свертка. С пронзительным звуком этот сверток обрушивался на головы врагов, и потом оказалось, что там был завернут... ребенок. Да, ее ребенок — спленетое маленькое дитя, которым она жертвовала в этой

схватке. Живой цыганенок в руках разъяненной матери!

Потом, когда все цыгане остались одни — без самого дорогоего, что у них было, это несчастное разбитое, истерзанное дитя было похоронено — недалеко от цыганского табора, а вернее — от того, что от табора осталось. И еще через день, когда я ранним утром, как всегда, направлялся в свою конюшню, стало видно, что остатки цыганского табора — просто толпа людей со свертками — уходили в поле. Жандармы угнали их в последний путь — на расстрел. Увы, это была уже не "шумная толпа", как у Пушкина. Беда, которой не знали самые трагичные его герой!

Так румынские цыгане разделили горькую участь своих братьев по несчастью — евреев, и не только из Румынии. Тогда же там погибли и мои маленькие друзья — голодные любители конской езды...

К сожалению, я не узнал тогда, где точно были уничтожены эти цыгане.

Не ведаю и до сих пор, сколько ни пытался узнать — после войны и в последнее время...

А ведь там тоже надо было бы поставить памятный знак, как и евреям! Памятник еще одним бессинным жертвам страшной доманевской земли. О ком, кстати, тоже не знали местные подпольщики.

Накануне советского освобождения

ТО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО в нашей местности — в селе Викторовка, а затем и по соседству — в Карловке, где мы тоже работали тогда, в канун освобождения, пережили и другие бывшие одесситы, прошедшие горестный путь из своего города через Березовку в Мостовое и Акмечетку и чудом уцелевшие от всех расправ по дороге и в местах временного пребывания.

Такова, например, судьба **В. Г. Рыклиса**, о которой он не только рассказал устно, а и записал свои воспоминания на магнитофонную пленку. Прослушивая ее, невольно содрогаешься от простой и жутковатой истории его семьи — сперва в Тирасполе, откуда он родом и где был репрессирован передвойной его отец, затем в Одессе с матерью, младшим братом Виктором и бабушкой, испытав страхи блокадной жизни, а после этого — обычные и горестные этапы в осеннюю и зимнюю пору, когда была пристрелена бабушка, не выдержавшая

всех тягот, а мать сумела пристроиться, используя свое знание румынского языка, в Николаевке — восточнее районного центра Веселиново.

Там ему довелось, как и нам в Акметчетке или Викторовке, работать на поле, получая за это скучный паек — кусок кукурузной каши! И вот какие подробности он рассказывает с магнитофонной пленки:

— У меня была дистрофия, опухли от голода руки и ноги, потом пришлось перенести инфекционные болезни. Да, жизнь в лагере была нелегкой, но все-таки она давала какую-то надежду на спасение. Хотя за нами неусыпно наблюдал полицай, который мог в любой момент хлестнуть нагайкой. Очень помогала мамина работа переводчицей: она писала разные материалы по-румынски для председателя, а за письма или заявления для простых людей получала от них какие-то продукты. И в конце концов наше положение стало лучше многих других. А тогда и началось главное — отступление врагов под натиском Красной армии...

Владимир Григорьевич еще вспоминает, как он увидел растерянных немцев и как ему пришлось прятаться, услышав “их гортанную речь”, вместе с остальными — 40 евреями. Он дождался и позора этих прежде горделивых вояк, когда несколько солдат, ворвавшихся в село, буквально наделали... в штаны, а потом потребовали, чтобы другие помыли их. Но было и похуже: последняя воинская немецкая часть устроила сплошной поджог села, и запах гарни долго преследовал его.

— Отсюда мы уехали уже с советскими солдатами. Хотя мама была еще забрана работниками из СМЕРШа. Но потом мы увидели ее уже дома...

Знакомая радость! Я лично тоже испытал это, когда вместе с бабушкой приехал в Одессу и встретился с мамой и Сережей, раньше вернувшихся туда.

Не знаю, были ли и у моей мамы конфликты со спецработниками. Но, во всяком случае, при отъезде ей выдали справку, которую я сохранил в копии. На клочке бумаги со штампом “Карлівської сільської Ради” и с датой “ІІІ 1944 р.” написано от руки:

“Дана сия Сушон Ф. в том, что она находилась при лагере для евреев с июня 1942 г. по март 1944 г. и направилась в г. Одессу по месту своего прежнего жительства.

Председатель (подпись)
Секретарь (подпись)”

О, это “прежнее местожительство!” Сколько мечталось о нем в самые тяжелые дни — и в гетто на Слободке, и под вагончиком на поле в Семихатке, и в свинарнике или коровнике последней лагерной поры!

Впрочем, я расскажу об этом — о приезде в родную Одессу и о встрече с родным домом ниже. Как и том, до чего ликовали, когда в Карловку и Викторовку 28 марта 1944 года вошли воины Красной армии — усталые и грязные, но такие родные! Их тогда мы встретили с ликованием и теперь им благодарны вечно.

А пока — еще о том, как жили в ожидании свободы в других местах Транснистрии и как там дождались радостного часа такие же страдальцы, как и мы.

ВОТ ЧТО БЫЛО в самом центре Транснистрии — в Балте и ее окрестностях.

Впрочем, в ту пору — весной 44-го уже не существовало, как ни странно, ее — самой Транснистрии. Вопреки всем высокопарным речам правителей Румынии о воссоединении с “исковной румынской землей между Днестром и Бугом и после всех сложных административных обустройств этого “Заднестровья” с целой сетью префектов, преторов и примарей — после всего вдруг, в одночасье, ничего такого не стало...

Кто, оказывается, это сделал — те же немцы, которые раньше — в начале войны — красивым жестом подарили румынскому королевству за помощь Германии в военных действиях — этот кусок Украины вместе с частью Молдавии, а Гитлер даже официально приветствовал такой исторический акт в телеграмме на имя маршала Иона Антонеску. Да, стояло подойти фронту к границам этой новоявленной румынской провинции, как испугавшиеся немецкие полководцы решили взять под свой контроль ход событий вдоль Южного Буга. И в конце января последовало решительное изменение не только в румынской администрации (вместо гражданского губернатора бессменного профессора Георге Алексяну был назначен военный — генерал Потопяну), а и в статусе всей этой провинции.

После соответствующего декрета “кондуктора” Антонеску от 29 января 1944 года был отменен самый термин “Транснистрия”, а появился другой:

“Territoria между Днестром и Бугом” — этакое “слепое” название (вроде того, как была названа часть Польши, очутившаяся в руках немцев после сентября 1939 года, — “Генерал-губернаторство”, а еще хуже в советской тогдашней

терминологии: "Область государственных интересов Германии", как это отмечалось на карте в Горсаду Одессы).

Итак, обезличенная земля, что называется, между Днестром и Бугом стала с февраля 44-го прифронтовой зоной, куда потянулись первые немецкие военные и тыловые службы. Ясно, что это должно было коснуться и тех еврейских лагерей и гетто, которые оставались во всех районах бывшей Транснистрии.

Хотя на первых порах, как об этом еще рассказал В. Г. Рыклис, испуганные евреи, наблюдая за таким передвижением врагов на запад, по несколько дней "прятались, где могли, — в кустах, за сараями и в открытом поле", пока очредная часть не покидала ту местность.

В этой ситуации город Балта, находившийся на пересечении нескольких шоссейных дорог, как и станция Балта с ее железнодорожной веткой на запад, северо-запад и юг, в первую очередь должны были стать перевалкой для войск, а заодно — и вершителем судьбы еврейских узников по соседству.

И что же конкретно происходило в этом районе, как там сложилось существование оставшихся в живых евреев?

И уж где там было до ее умиленного катаевского описания: "Каждая ветка — весенняя свечка, а каждая почка — зеленое пламя!" Там пульхрали кровавое пламя, а не только отдельные свечки...

"Очень тяжело проходило отступление фашистов из Балты, — вспоминает Р. Б. Табачник (Рахиль Крутиер). — Две недели мы лежали в подвале без еды и воздуха. А когда вышли из подвала, то на улице Ткаченко, где находилось гетто, лежало много трупов".

Она еще добавляет:

"Эта картина была ужасной. Среди убитых мы нашли сестер Клинштейн, отца, сына и жениха дочери Мильштейнов и многих других..."

Туда, в Балту, она приехала раньше, передвойной, с матерью к своим родственникам. А когда пришлося там застрять, то плохо стало из-за того, что не имела теплой одежды. Но с приходом врагов пошли и настоящие беды: работа по расчистке снега, обработка табачных плантаций, издевательство оккупантов — вплоть до избиения нагайкой.

Живший там же Я. М. Миравис жалуется, что немцы заставляли его — члена еврейской общины — стать полицаем при той же общине.

"При отступлении немцы меня избили, — пишет он, — и я потерял зрение на один глаз. Затем нас прятала одна укра-

инская семья (хозяев звали Иваном и Дусей), использовав для этого свой свинарник на огороде".

"Каждый прятался от смерти, где только мог..." — это вспоминает теперь другой житель Балты, который обнаружил среди всех расстрелянных своего двоюродного брата, оказавшегося лишь раненым в руку.

Другой житель приводит курьезный факт при отступлении врага: один немец потребовал откровенно взятку — "гольд" (и как — только в виде долларов!), а когда ничего не получил, стал стрелять в воздух...

Но он также вспоминает, что многие мужчины были согнаны в помещение вокзала, которое затем было подожжено, так что все там погибли.

Правда, сумел спастись от такой расправы Э. Я. Попик с кожзавода.

Зато в тамошнем гетто погибли его отец, мать и сестра.

Недаром о такой жизни П. Л. Готерман сложил стихотворение:

Нам отчим домом стало гетто
С колючим проводом вокруг.
Нам угрожали пистолетом,
А то расстреливали вдруг...

Но все же в конечном итоге для этих несчастных наступил радостный день:

И вот разведка у порога.
Улыбок радостных не счесть!

Впрочем, тогда же не все могли улыбаться. Так, отцу М. Т. Марковского выстрелили прямо в рот. А когда он сам в испуге лежал на полу, немецкая овчарка стояла на нем...

"Когда же немцы ушли, мать вернулась дом со двора, где смогла спрятаться. И мы в течение двух дней прожили среди убитых..."

Примерно такое же испытала Р. П. Булашевская, которой тоже довелось находиться среди мертвых, выбравшись из барака, где она с другими детьми питалась тем, что было заготовлено в корыте для свиней.

"Мы сидели у порога. По нас топтались и дышать было нечем. А каждые полчаса умирали люди и тут же их собирали в открытую яму.

Когда же мы ушли оттуда, по дороге нас встретили немцы и поставили к стенке, угрожая автоматом. Но один из них не велел стрелять: мол, здесь дети... "Оставь их в живых!"

Тогда приближался фронт, и мы все-таки дождались освобождения!"

“Смерть, смерть и смерть...” — так прямо характеризует положение в Балтском гетто **А. Б. Повзнер**, которому пришлось перенести и болезни, и побег за колючую проволоку, и немыслимый труд в различных хозяйствах и даже “у помещиков” (“за целый день — 1 килограмм хлеба”), пока не начались бои за освобождение города от захватчиков.

“Несколько дней боев за Балту принесли еще много погибших и сожженных людей в гетто. А после освобождения люди оплакивали своих близких, погибших от рук оккупантов и умерших от голода и болезней”.

Дождавшись прихода Красной армии, другие не могли еще это поверить. Прячась от немцев в марте 44-го, 6-летний **С. А. Фурер** жил на чердаке со взрослыми, куда солдаты не заходили. Думая, что дверь туда ведет в уборную, они брезгливо сторонились ее. Но вот однажды...

“Однажды брат открыл люк чердака, который был в коридоре, и сказал маме, что в городе Красная армия. Мама ответила ему, что это, наверно, переодетые немцы и чтобы на чердаке сидели тихо. Потом выяснилось, что это действительно были красноармейцы, и мы вышли на улицу”.

*Малолетние узники гетто,
Позабытые богом тогда...
Нас фашисты карали, но где-то
В наших душах надежда жила!*

Правда, написавший эти строки Е. И. Нильва, которого уже довелось раньше цитировать в связи с его пребыванием в Слободском гетто Одессы, находился не в Балте. Так же взволнованно выражали свои чувства те, кто дождался прихода советских войск в соседней местности — от Кривого Озера на востоке до Кодымы на западе.

Это и родившая тогда в тех условиях сына и потерявшая там мужа кривоозерская жительница, забывшая назвать себя в своих воспоминаниях (но перечислившая своих соседей по гетто — Фриду Киф, Михаила Лайнера и Фиру Зменер). Это также А. Х. Бильмес, которого приютили под селом Николаевка Кривоозерского района местные жители — украинцы А. В. Кравченко и его жена А. Ф. Кравченко. И еще ранее упоминавшаяся Е. Д. Ройзик, жившая в районе Голты с матерью, которая “всегда отмечала день своего освобождения, как день своего рождения”.

По-своему драматически встретила освобождение неподалеку — в селе Ясиново Любашевского района одесситка

Л. О. Якерс. Она попала туда после долгих муктарств в родном городе, где-то скиталась по заброшенным дачам, то ютилась в глуши на Ближних Мельницах, а то даже — и за большую мзду в виде драгоценностей — в центре, на своей улице — Екатерининской у какой-то знатной балерины (где потом такой жиличкой в 10-летнем возрасте стали тяготиться, а то и бить ее ногами).

В Ясиново же, у своего дяди Д. Г. Боровского, ей с матерью пришлось выдать себя за семью этого брата, пока “у кого-то возникли подозрения” — и пришлось переселиться у другого брата в соседней деревне, хотя эти братья “долгие годы не разговаривали и не переписывались”. И там “румыны возникли неожиданно — каждые 3—4 дня”, так что они, “узнав об их появлении, бежали и прятались в поле”. Там она “отморозила руки и ноги и приобрела ревматизм”. Кроме того, из-за своей картавости и страха быть разоблаченной, проголосовала букву “р” девушка “почти не разговаривала, кроме “да” и “нет”. Но зато с гордостью признается: “До нашего освобождения — 28 марта 1944 года мама и сестра так и не получили советские паспорта на румынские”!

Можно понять радость при освобождении, которую испытал ее однолетка — **А. И. Дувидzon** (не путать с упоминавшимся ранее жителем Рыбница) — по другой стороне этого края, на запад от Балты. Этот житель Кодымы пережил и первые облавы, когда расстреливались большими группами его земляков-евреев, и гибель своего старшего брата на этапе, где “дорога была усеяна трупами”, и затон в каком-то сарае под Гвоздовкой (там доводилось двое суток “стоять на полуживых и на умерших людях”), и собственный расстрел, после которого он “вылез из-под трупов в яме”, а также скитание по морозному лесу в полном одиночестве, пока он не добрался до села Будей. В конце концов дойдя пешком до Чечельницкого гетто — под защиту семьи Шайхет из Бессарабии и местной семьи Перельнайзен, этот страдальец стал жить с 10 соседями в комнатушке в “страшных антисанитарных условиях” и работать “под издевательства”. Так что приход в марте советских бойцов буквально спас несчастного подростка от верной гибели...

От радости, что кончилась долгая страшная пытка — жизнь в гетто — некоторые даже не верили в свое спасение. Вот что пережил **Л. М. Орныш**, которому тогда был всего один годик:

“Однажды вечером, когда мама меня кормила, мы услышали сильный гул от разрывавшихся снарядов. Через некоторое время раздался стук в окно. Помню, я сразу заплакал, а тетя Оля хотела открыть дверь.

Но мама с бабушкой сильно испугались — думали, что за

ними пришли отступавшие немцы, чтобы отвести на расстрел. А за дверью закричали: "Красные это! Открывайте..."

Как тогда закричали все! И как плакали!"

Всей семьей они перебрались к себе на родину — в Кривое Озеро, где ликовали их соседи — жители еврейской колонии Лукановка и районного центра — Большой Врадиевки, о чем взволнованно вспоминает **М. И. Язовицкий**. После того, как была расстреляна его мать с родной сестрой и ее дочерью у ямы, где добывали глину, этому юноше довелось "обслуживать жандармерию" (чистили лошадей, пилили дрова, убирали территорию).

"По мере приближения наших войск мы все разошлись, кто куда, по деревням, и каждый там старался нас приступить. Это было в марте 44-го — благословенное время долгожданной свободы!"

Можно еще и еще приводить волнующие свидетельства людей, дождавшихся освобождения от угрозы уничтожения, всего ужаса фашистского геноцида. И тут же особо впечатляет то, что описал **Н. Самсонович** в своем киносценарии "Евреи", отрывки из которого приводились ранее.

Там тоже показывается уход захватчиков из той местности, где они безраздельно владели судьбами еврейских жителей, — из села Ногатовки (вероятно, это условное название). Но по ходу развития сюжета герой этого произведения — якобы реальной истории, пережитой его автором, — успели попаст в сложную и даже безысходную ситуацию: помогая партизанам, евреи — работники мастерской по ремонту фронтовой техники (тут уже хватает драматизма!) — вынуждены ради выкрадывания оттуда оружия и боеприпасов к нему толкать на сожительство с немцами, хранящими необходимые ключи, главную героиню — красавицу Риву.

В результате Рива не просто на виду у всех сожительствует с комендантлом, а и беременеет от него — зловещего Грюбер-Мюллера, как ни терзается сама тем, что случилось. Когда же ей приходится бежать из этой Ногатовки — после ужасной сцены повешения на площади перед костелом самого смелого и честного из евреев, она рожает, укрывшись в доме доброй украинки — Белонанихи.

"Весна. Солнце греет и светит весело. В окне дома виднеются цветущие вишни и яблони.

Белонаниха держит в руках голеньского, только что родившегося младенца. Рядом стоит улыбающаяся Зоя. Рива в изнеможении лежит на постели.

— Гарный хлопчисько народився у тебе, Риво. Задарма що нимчонок!"

10. КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ...

Ребенок от немецкого злодея у поруганной замученной еврейки — это ли не высшая кара, ниспосланная "Б-гом проклятому народу", как говорят?

Да, нашему несчастному народу пришлось пройти и через такое — не только муки и смерть, а и позор. Пришлось по-такое знать всю меру человеческого страдания и кошмар уничтожения — как физического, так и морального.

Но, впрочем, все пережитое евреями, рассказанное теми из них, кто сумел выжить, как и известное мне лично — одной из жертв геноцида в Транснистрии, бледнеет перед тем, что стало известно от самих палачей, когда им пришлось бежать отсюда весной 44-го и отвечать потом за все.

Палачи и жертвы

Раньше уже доводилось вскользь касаться вражеского бегства — вплоть до конфузов с загаженными штанами. По одним воспоминаниям иным немцам было напоследок не до расправ с оставшимися в живых евреями. По другому свидетельству, главными карателями оказались "власовцы" (уже упоминавшиеся фактически "добровольные помощники" — "гиви"), которые (особенно из числа донских казаков) были беспощадны "к этим жидам".

И вместе с тем немцы "последний год особенно свирепствовали". Вот, к примеру, что вспоминает та же Якерс:

"Дважды они сгоняли из лагеря по 150-200 узников и расстреливали их. Два раза вешали на столбах людей якобы за связь с партизанами. Неоднократно немцы заходили в гетто и на рынок, где было многогодно и, целясь из пистолетов, стреляли без разбора, сопровождая свое "развлечение" диким хохотом и криками "юден капут". А раз привязали к хвосту лошади еврейского парня, погнали лошадь рысью и волили его до тех пор, пока он не превратился в кровавый мясной ком".

Но теперь даже все это было превзойдено свидетельствами самих карателей, когда они предстали перед советским судом, не успев бежать от расплаты.

В частности, вот что показал в письменном виде один из немецких военнопленных — роттенфюрер 54-го саперного батальона танковой гренадерской дивизии СС "Нидерланд" Михаэль Венирих.

Кстати, он действовал заодно с румынами — и именно на территории Транснистрии, в тех местах, о которых здесь не раз упоминалось.

Его показания были даны после освобождения нашего края — в июле 44-го.

"В то время я служил в румынской армии, в жандармерии. Мы были приданы группе, состоявшей из роты полевой полиции и отряда по наведению порядка," — так начинает он, сразу выдавая причастность румын к немецким зверствам.

И далее:

"Нас направили в оккупированный район от Рыбницы на Днестре до Голты на Буге. Там раньше находились части, которые отправлялись на отдых, и мы должны были их сменить.

Взвод под командованием лейтенанта был размещен в местечке Круты. Район действий взвода распространялся на населенные пункты Семеновка, Мойна, Лабушна, Францюшка, Кодыма, Александровка и другие.

Во всех этих местах еврейское население, включая женщины и детей, было выселено из своих квартир и помещено в бараки без окон и дверей. Все имущество у евреев было отобрано. Их не снабжали продовольствием, они голодали и многие умирали от голода.

От военных властей прибыл приказ отправить евреев пешком под строжайшей охраной в другой район. Стояли сильные морозы, а все тягучие вещи и даже обувь у них отобрали — большинство шло босиком.

Всего их было триста пятьдесят человек. Командовал конвоем румынский капран Гаврила. Он хвастался тем, что заумчит триста человек, после чего сможет перейти на другую работу..."

Дальше идут подробности того, как румынский капран доказывал на деле свое заявление — обеспечивал себе карьеру, и их здесь нелегко приводить.

"Матери шли по дороге, неся на руках детей. Когда они совсем выбивались из сил и не могли идти дальше, Гаврила их расстреливал. То же он делал со стариками и слабыми.

На ночь евреев запирали в сараи. Как правило, на утро мы находили тридцать-сорок обмороженных людей. Они тут же расстреливались.

Когда эшелон прибыл в Бирзулу, в нем находилась едва ли не половина первоначального состава."

Ну и после этого немецкий сообщник этих карателей-

чудовищ признается в самом страшном, делая это с нечеловеческим хладнокровием, от которого невольно цепенеешь...

"Так как на улицах деревень валялось много трупов, началился сыпной тиф. Был получен приказ не оставлять трупы на улицах, а зарывать их.

Согнали русское население, которому было приказано рвать ямы, каждую на сто человек. В эти ямы сваливали расстрелянных евреев, причем часто вместе с мертвыми закапывались и живые люди.

Одна из таких могил находится на дороге из деревни Крутого в Будеш.

Другая из известных мне могил находится у Кодымы..."

А потом эзсовец откровенно и по-деловому сообщил о своих делах:

"Лично я расстрелял по приказу командира взвода одну женщину пятидесяти-шестидесяти лет. Причины расстрела мне неизвестны".

И, наконец, вот его этакая справка:

"Как мне известно, в районе действий нашего отряда из евреев не уцелел никто. Одни были расстреляны по месту жительства, другие в лагерях".

Словно перекликаясь с этим бесстрастным изуверским исполнителем приказов о тотальном уничтожении людей без попытки узнать, в чем их вина (начиная с маленьких детей и кончая дряхлыми стариками!), дал показания о таких же преступлениях и примерно в том же районе Украины другой, но более говорливый и даже впечатлительный палач — командир щуцманской роты капитан Залога (не украинец ли?).

Сперва он описывает начало подготовки антиеврейской операции — с набора всех данных (концентрация населения, обозначение квартир, составление точных списков, сбор из других населенных пунктов, выбор дня и места расстрела) — и даже под номерами по порядку! Далее рассказывает о том, как готовились материалы по каждому из этих пунктов ("Место расстрела выбиралось совместными усилиями... за столько-то дней до расстрела... вопрос согласовался начальником СД с окружным комиссаром"). При этом, оказывается, "переговоры велись по телефону, а двери... закрывались тщательнее... и заходить к начальнику нельзя". Или вот еще: "Днем расстрела выбиралась всегда суббота... на каждую винтовку было приказано взять по 10 патронов плюс пулеметную коробку в резерв..."

Как приезжали на место расстрелов ("На легковой маши-

не"), как объявлялась построенным шуцманам "цель приезда и задача" (словно это самое невинное и обычное дело!) и как доставлялось еврейское население "месту расстрела" (тоже вполне обыденно, с ума сойти!) — все это было продумано начальниками, которых только за такую подготовку массово-го уничтожения людей не назовешь людьми...

А как непосредственно осуществлялась акция? Евреям объявлялся конечный пункт — заведомо ложный, и женщины брали с собой вещи. Выводились многие спрятавшиеся, убежищами для которых служили "погреба, заранее подготовленные для этой цели, с запасом продуктов и одежды, или чердаки". Специально учитывалось, что делать с больными стариками и старухами ("нести родственникам или другим евреям по специальному распоряжению"). И начальство выезжало к месту расстрела на машинах, распорядившись об охране "всех опустевших еврейских квартир" (какая предусмотрительность насчет сохранности их добра!).

По пути движения этапа — особый порядок для конвоя ("впереди два жандарма в 5—7 шагах от первого ряда колонны евреев, по бокам примерно по 30—35 шуцманов а 3—4 шагах от колонны сбоку, а задачей замыкающих было подгонять всех отстающих"). И прямо говорится в инструкции об окриках, ударах прикладами и палками при таком конвоировании, как и о наличии там "вахмайстера-радиста" (вполне цивилизованно!).

Но успено ли это помогало, сохранялся ли порядок и спокойствие в колонне?

"Как только колонна прошла окраину, поднимался вначале тихий, потом всевозрастающий плач детей, а затем женщины, почти не прекращавшийся на протяжении всего пути следования.

Несмотря на все меры для восстановления тишины... (известно, какие это меры! — Л.С.) плач и крик прекращались лишь на некоторое время для того, чтобы с новой силой начаться вновь. Женщины и старики шептали молитвы, некоторые, тихо перешептываясь, о чем-то говорили со своими родными или с идущим рядом соседом. Некоторые бросали узелки с вещами на дорогу, но это подбиралось шуцманом и бросалось на подводу...

Когда колонна почти поравнялась с машинами, начальник СД рукой указал дальнейшее ее направление... к яме, куда вся колонна и свернула".

О том, что происходило после этого, можно предполагать заранее, и это заставляет остановиться, не читая дальше пока-

зания карателя. А тем более — не воспроизводить их здесь, на этих страницах...

Но — нет! Пусть все знают страшную правду, пусть ЭТО станет, из первых рук, достоянием всех. "Фабрика убийств", как назвал такое преступление **Илья Эренбург**.

Итак, как сказал еще этот писатель, "скав зубы", читаем дальше!

"В тот момент, когда колонна свернула к яме, поднялся всеобщий крик. Никакие окрики, удары прикладов, пинки ногами не могли остановить этот крик. Пронзительные высокие крики женщин переплетались с детским плачем и просьбами детей взять их на руки. Крики то постепенно затихали, то с возрастающей силой поднимались вновь. Так продолжалось до места расстрела, на пути протяжением 100 — 200 метров, до вырытой ямы..."

Тут у автора показаний хватает нервов и профессионального вышколка, чтобы подробно охарактеризовать эту яму: "Размером примерно 12 на 6 и глубиной около 1,5 метров". И даже указывается, какой она имела вход: "Шириной примерно около 2 метров", а там и уклон — "уклон ко дну ее, по которому и шли обреченные на смерть".

У этого последнего рубежа их жизни "евреи, увидев... обман, начали выбрасывать портсигары, кольца, серьги, выбрасывать и рвать документы, фотокарточки, письма, бумаги с записями и др."

Конечно, тогда же обреченные делали попытки бежать — просто вырывались напропалую, куда можно было. Но и тут все было предусмотрено:

"...не разрешалось вести стрельбу внутри круга оцепления, а выпустив бежавшего за линию оцепления, надо было повернуться к нему лицом и вести огонь.

Для того, чтобы дать возможность вести огонь и от ямы, два человека, близкайшие к убегающему, должны были разбежаться в стороны, освободив таким образом сектор обстрела".

Но мало того! Немецкий убийственный гений предусматривал и такой вариант для охраны тех, кто шел на убой:

"Второе кольцо оцепления, внутреннее, было организовано непосредственно вокруг евреев, которых для этого заставляли сжаться до последней возможности в одну группу. Выдергивался, однако, прежний порядок, и таким образом мужчины стояли впереди, а женщины сзади.

Это кольцо замыкалось у ямы, в которой находился палач с автоматом".

Не унимаясь, палач в своем показании, говоря о "процессе расстрела", расчленяет его, "если можно так выразиться", на "элементы". А именно:

"В 15—20 метрах от ямы... плотной массой стояли обреченные. Всех, в том числе женщин и детей, раздевали догола и по пять человек, подгоняя ударами, направляли к яме.

Возле ямы стояло тоже несколько жандармов, которые, в свою очередь, ударами палок или прикладов загоняли людей в яму к палачу. Палач, изрядно выпивший шнапс, приказывал жертвам ложиться лицом книзу, в противоположной к входу стороне ямы, и выстрелом в затылок, в упор, жертва умерщвлялась.

Следующая "пятерка" ложилась головами на трупы своих собратьев и таким же образом убивалась, получив в голову, как там говорили, "одно зерно — боб-кофе".

Вверху над ямой стоял "отметчик", работник криминальной полиции, и крестиком, что был условный знак, отмечал "пятерки"...

Прерывая это изложение чудовищной процедуры смерти целого людского конвейера, могу только добавить: там еще рассказано о нарушениях строгой нормы с укладыванием в яму ("вместо пяти человек, семья из 6—8 человек... все же шла вместе, хотя крестик ставился такой же, как и для пяти человек"). Рассказано и о том, как начальники "отдавали", в ходе расстрела, те или иные распоряжения" и даже, как они "иногда смеялись удачным ударам ... на головы и спины без того обезумевших евреев". Увы, трудно и цитировать!

Но все же нельзя не сказать более подробно о состоянии и поведении этих "обезумевших". Чтобы не было впечатления, что они "шли на убой, как "стадо" (то, что не раз безосновательно ставится в упрек еврейским жертвам!).

"После первых выстрелов палача вся масса на несколько секунд притихла и, поняв ужас своего положения, на разные голоса подняла такой крик, от которого переставало биться сердце и стыла в жилах крови".

Однако этим еще не исчерпывалась реакция обреченных.

Они также поднимали голос своего достоинства.

"Неспись угрозы о возмездии, проклятия. Старые призывали Б-га и просили его отомстить. А мужчины под ударами прикладов и палок на пути следования к яме и в самой яме выкрикивали: "Да здравствует вождь всех народов — Сталин!", "Да здравствует Родина всех народов — Советский

Союз!" Были выкрики и против немцев: "Смерть одноглазому волку — Адольфу!"

Хотя, конечно же, в такой крайней ситуации человек терял самообладание, и поведение многих выходило за рамки реального. И в своих показаниях этот каратель, срываясь с протокольного тонна, переходит на эмоции:

"Среди стариков и женщин некоторые безумели. Эти люди с широко открытыми, остановившимися глазами, не обращая внимания на удары, медленно, с опущенными руками шли вперед. Они спотыкались, падали, снова поднимались и, подойдя к палачу, останавливались, застывали, не произнося ни слова, не делая ни единого движения. Только сильный толчок автомата или удар ноги палача бросал такую жертву на дно ямы".

Не ограничиваясь этим, показания сообщают и самые жуткие подробности, связанные с состоянием и положением детей и женщин:

"Маленьких детей, насильно оторванных от матерей, жандармы, находясь сверху, бросали в яму.

Вот ребенок 3—4 лет, скинув с себя всю одежду, подошел к яме сам. Жандарм схватил его за руки и, предупредив палача, бросил ребенка в яму. Палач выстрелил в то время, когда ребенок находился в воздухе...

Многие женщины, желая прикрыть свою наготу, не снимали рубашек. С них срывали рубашки и избивали. Особенно доставалось молодым женщинам и девушкам. Но было так, что они плевали в глаза работникам СД и жандармам. Тогда их били по лицу, груди и носками сапог — в половые органы. А чулки или носки на ногах у женщин и детей срывались при помощи дула винтовки или палки..."

И вот еще, наконец, о том, что было с этими людьми в последние секунды их жизни:

"Многие женщины молили о сохранении жизни маленьким детям. А многие разрывали на себе одежду, рвали волосы, кусали руки.

Некоторые мужчины пытались бежать, даже будучи совершенно голыми. Их отпускали метров на 70—100 за второе кольцо оцепления, а потом убивали совместной стрельбой из автоматов и винтовок.

Иные не успевали проскочить второе кольцо — их сразу убивали. Среди женщин же попыток бежать не было..."

Что еще потрясает в описании кончины евреев — их общение "на прощанье".

"Семьи, родственники, даже знакомые, прощаясь, жали друг другу руки, целовались. Иногда люди, слившись в прозрачном поцелуе, простили под градом ударов несколько секунд. А затем, тесно прижавшись один к другому, вся семья, неся детей на руках, шла в яму".

И указан такой штрих, превосходящий все мыслимые зверства:

"К концу расстрела, когда дно ямы было уже заполнено, плач, став в проходе, приказывал жертве бежать по трупам и расстреливал ее на ходу. Если выстрел был неудачный и человек был еще жив, то сверху выстрелами из винтовок и из пистолетов жертву добивали..."

Или то, что уже давно знакомо:

"Были случаи, когда по истечении 10—15 минут расстрелянных еще шевелились под трупами своих собратьев".

Для полноты этой картины, которая никак не укладывается в сознании, приводятся также подробности приобретения ценностей от обреченных на смерть.

Оказывается, евреи во время раздевания "прятали в землю" свои драгоценности или разрезали на куски хорошую одежду и обувь. Но это "пресекали опытные работники СД", передавая выброшенное добро "специальному сборщику" — тоже из СД. А другие "эсдешники" следили за тем, как щущманы... перетряхивали и просматривали одежду и обувь расстрелянных".

Потом, судя по показаниям их сообщника,..

"... все ценности укладывались в мешок, который находился у работника СД. Туда же укладывались зажигалки, пепоручинные ножи, кожаные портфели, портсигары, бумажники. А новые вещи — платья, платки, сапоги, ботинки, пальто и еще недошийтый материал — разбирали участники экзекуции, иногда вырывая их себе и бранясь".

Но вот что особенно отвратительно — о "работе" собственно палачей:

"Там были два палача от СД попаременно: когда один из них уставал, он шел отдохнуть, запаздая в машину, где уже заранее заготовлялись закуска и вода. Его место занимал другой. Так они менялись в течение всего расстрела.

Водкой подкрепляли свои силы не только эти палачи. Время от времени к машине — жандармской или гестаповской — подходил тот или иной участник казни. Он влезал в кузов, съедал бутерброд, пил водку, закуривал сигарету и возвращался снова "работать"..."

Этот документ, в обрывках приведенный здесь, — только маленькая обвинительная справка о том грандиозном уничтожении еврейского населения на нашей земле — в Транснистрии и на "Территории между Днестром и Бугом", которое происходило на протяжении почти трех лет. Все цифры, связанные с этой поистине Катастрофой, я приведу ниже, подводя общие итоги.

Но сейчас не могу удержаться от того, чтобы не сообщить о справедливом возмездии над виновниками этого глобально-го преступления. По крайней мере — над частью их, связанных с румынской военной кликой.

Возмездие

ПЕРЕДО МНОЙ номер газеты "Большевистское знамя" от 23 мая 1945 года.

Он вышел, когда страна ликовала после великой победы над Германией.

Это было спустя год после того, как я вернулся в родной город и спешил нагнать упущенное. Я занимался в школе так, что переходил из класса в класс в течение одного года, хотя поначалу забыл многое — вплоть до простой грамотности или арифметики. Но, помню, и тогда я с жадностью узнавал от отца, читавшего свежие газеты о начавшемся процессе в Румынии над военными преступниками — еще задолго до Нюрнбергского процесса, где судили главных немецких преступников.

И вот теперь не без волнения сам читаю то, что связано с нашей пережитой трагедией. Это материал "Из обвинительного заключения по делу 38 военных преступников в Румынии":

"Впервые в своей истории румынский народ привлекает к ответственности тех, кто, стоя у государственной власти, предал интересы страны и поставил под угрозу жизнь народа и его достояние. Народный трибунал — демократическая судебная инстанция — требует сегодня отчета от тех, кто захватил государственную власть, кто не считался с интересами страны и народа и кто унижал человеческое достоинство своими отвратительными преступлениями..."

В сообщении ТАСС из Бухареста от 14 мая сразу натыкаешься на знакомые зловещие имена румынских военных, связанных с Одессой. Это генералы Мачич и Тресторяну, и сразу воскрешаются в памяти картины пережитого осенью 1941 года.

Они связаны, например, стаким распоряжением Тресторяну: "Я принял меры к тому, чтобы повесить на площадях Одессы евреев и коммунистов". Тут же сообщение о том, что после прибытия "утром 23 октября в Одессу командующего 2-м армейским корпусом генерала Мачича... на улицах и площадях Одессы были повешены и расстреляны схваченные без разбора жители... всего было казнено около 5 тысяч человек".

А далее — знакомое напоминание об угоне "десятков тысяч людей в одесскую тюрьму". И конкретно это было так:

"24 октября вторая рота 10-го пулеметного батальона получила приказ отконвоировать этих несчастных на окраину Одессы к заставе Дальник, где находилось 4 барака длиной 25—30 и шириной 10—15 метров.

Арестованных женщин и детей, стариков и больных вывели из тюрем и погнали в эти бараки. На пути к баракам все падавшие от усталости немедленно расстреливались жандармами. 3 километра пути от тюрьмы к месту казни были усеяны телами детей, женщин и больных".

После подробного описания того, как проходила там казнь — с заливанием бараков бензином и поджиганием набитых туда несчастных (что, пожалуй, уже не хватает сил цитировать!), следуют другие детали обвинения генерала Мачича в этой нелюдской жестокости — как опровержение его попыток на суде в своих показаниях оправдать эти действия "приказами вышестоящих".

Так, оказывается, он лично вручил шифровальщику 10-й пехотной дивизии приказ "о принятии репрессивных мер", копия которого была ему теперь предъявлена. Допрошенный там же бывший шифровальщик "не вспомнил точного содержания приказа", однако суть его признал.

Так же был притерт к стенке пытающийся уклониться от обвинения на другом судебном заседании в Бухаресте такой военный преступник — генерал Колотеску, причастный к преследованиям и гибели евреев Буковины, о чём ранее говорилось. Как военный губернатор этой провинции Румынии он вместе со своим сподручным — подполковником С. Маринеску отправил на верную смерть в ноябре 41-го из Черновиц на территорию Транснистрии группу в 30 тысяч евреев, а в июле следующего года — группу в 3550 человек. Всего из Буковины при их участии было выслано 56 тысяч евреев, а возвратилось после освобождения всего 6 тысяч.

И особенно хорошо знакомо имя в газетном сообщении —

подполковника Модеста Изопеску, назначенного в октябре 1941 г. префектом Голтянского уезда.

"Не дожидаясь приказа, Изопеску создал гетто в уезде и лагеря для евреев и цыган, высланных из Бессарабии, Буковины и Румынии. И перед тем, как расстреливать заключенных, грабил их..."

Он же организовал в течение зимних месяцев сожжение 150 заключенных, и при этом даже фотографировал "наиболее захватывающие сцены".

В газете я так же прочитал имя того, кто зверствовал в лагере Акмечетка. Это был А. Падуре — субпрефект в Голте, — итак, возмездие нашло этого бывшего палача! И невольно испытываешь облегчение от того, что он оказался на скамье подсудимых, как и остальные преступники.

Так что не удивляют напечатанные в той же в газете гневные стихи В. Бершадского:

*Встать, суд идет! Преступники и каты
Глядят глазами схваченных горы.
Всех преступлений пламень языкатый
Последний раз им щеки обагрил.*

Я ТАКЖЕ НАШЕЛ номера московских "Известий" с материалами о суде над 29 военными преступниками в Румынии — суде, о котором уже шла здесь речь.

Газетные страницы невольно дрожат в руках, когда читаешь новые сообщения о том, как там происходило слушание по делу о зверствах в Одессе. Хотя, казалось бы, после того, что приводилось выше, уже ничто не поражает.

"Присутствующие на суде с напряженным вниманием выслушали показания о том, как были убиты 28 тысяч мирных жителей Одессы 23 - 25 октября. 1941 г.

А. Ниакшу, лейтенант В. Ингиза и жандарм Маркулеску рассказали суду, как происходил расстрел, как горели заживо старики, женщины и дети".

Свидетель Ниакшу показал: "Из тюрьмы выводили толпы людей, среди которых было много женщин, детей, стариков. Наша рота вместе с другими подразделениями должна была конвоировать этих людей к месту казни".

"Казнь непосредственно руководили подполковники Деляну и Никулеску, — далее сообщил он. — У бараков были вырыты глубокие рвы. Многих расстреляли у этих рвов, а затем бараки были облиты керосином и подожжены. Перед

поджогом бараков Деляну распорядился провести "учение" по метанию русских гранат. В окна бараков полетели десятки гранат, взрывами которых были убиты сотни людей". Наконец, что еще там происходило: "Бараки были сожжены, а появлявшиеся в окнах и на крыше бараков горевшие люди служили мишенью для окружавших место казни палачей". Понятно, невыносимо для человеческого разумения!

"Это было страшное зрелище, — заявил сам потрясенный свидетель. — Я не выдержал и убежал в пустой барак, чтобы не видеть леденящих душу сцен".

Там же приведены показания другого свидетеля — Гельбермайера, который рассказал о зверствах подсудимого Маринеску:

"Этот палач лично выпламывал двери квартир, в которых жили евреи, подлежащие выселению. У свидетеля убили всю семью, в том числе двух маленьких детей. Его самого спасли от смерти советские партизаны".

Кроме трагедии в Одессе, на суде в Бухаресте рассматривались обстоятельства массового уничтожения еврейского населения в Богдановке.

"Подсудимый Изопеску рассказал, что по его приказу в лагере "Богдановка" у заключенных были отобраны все зимние вещи и что было истреблено 8—10 тысяч заключенных.

Начальник жандармского поста в лагере "Богдановка" младший офицер Малинеску, отказавшийся выполнить подпísанный судьей Манасе приказ об уничтожении всех находившихся в лагере евреев, заявил, что этот приказ был выполнен румынскими полицейскими и жандармами, приспанными из Гопты.

Малинеску заявил далее, что приказ об истреблении заключенных исходил от Изопеску. За три дня — 22, 23 и 24 декабря 1941 г. из 34 тысяч заключенных было расстреляно и сожжено заживо 16 тысяч. Малинеску сообщил также, что от голода и холода в лагере ежедневно умирало 150—200 человек".

В "Известиях" еще сообщается, что был допрошен военный судья Манасе, подписавший зловещий приказ об убийстве вышеуказанных 16 тысяч советских граждан еврейской национальности в лагере "Богдановка".

Да, там написано именно так: "советские граждане еврейской национальности", хотя в других сообщениях было опущено упоминание национальной принадлежности уничтоженных людей. То, что станет впоследствии характерной

особенностью всех материалов о судьбе евреев в период вражеской оккупации.

Да, надо признать, что еврейская трагедия по мере начавшейся "борьбы против космополитов" будет приглушена, и впоследствии чуть ли не сведена на нет. Вместо того, чтобы евреи, как они мечтали в лагере, были провозглашены "Героями Советского Союза" за перенесенные страдания — по воспоминаниям моего брата — или уж, по крайней мере — поселены в Крыму в виде компенсации за лишения...

Впрочем, не вменялось ли даже в вину это — стремление поселить евреев в Крыму — руководству Антифашистского Еврейского комитета, которое было в 1952 году почти сплошь казнено? Участь, постигшая лучших представителей советского еврейства во главе с Михоэлсом, как и палачей!

Действительно, судившиеся в Бухаресте румынские военные преступники были приговорены "к смертной казни с конфискацией имущества", как еще значилось в газетном отчете. Из 29 приговоренных там можно назвать и имевших отношение к событиям в Транснистрии: это Манаесе, Никулеску, Изопеску. Другие были осуждены "на вечную каторгу", а также к заключению от 1 до 5 лет.

Но что значит этот приговор в сравнении с теми потерями, которые понес еврейский народ?!

11. БЕЗ РУМЫН И НЕМЦЕВ

Снова в родной Одессе

Повторяю, такой суд состоялся спустя год с лишним после массового освобождения еврейского населения между Днестром и Бугом частями Красной армии.

В основном советские войска принесли в гетто и лагеря смерти долгожданную радость евреям во второй половине марта 1944 года. И лишь Одесса оставалась в руках врага еще всю первую декаду апреля — последней, как и попала последней в эти руки три года назад...

Нужно ли говорить, насколько богатой событиями, очень сложной и драматичной была эта пора, когда рушилась торжественно провозглашенная в 1941 году румынская провинция Транснистрия? Собственно, о том, что она была частично ликвидирована — с отменой этого названия, уже говорилось, но все ли знают, что в таком беззиком качестве она просуществовала, начиная со дня преобразования — 29 января 44-го, а всего 50 дней, не два с половиной месяца — до изгнания последних оккупантов из-под Тирасполя в середине апреля? Потому что с 20-х чисел марта ее хозяевами — и вполне официально — стали немцы, а точнее — германское военное командование.

Правда, занявший свой пост военного губернатора “Территории между Днестром и Бугом” дивизионный генерал Георгий Потопян еще успел в течение февраля и даже в марте как-то заявить о себе. Этот бывший в довоенной Румынии министр тогда издавал разные деловые приказы по городу (от борьбы против уличных семечек, как это бывало и раньше, до эвакуации ценного оборудования и продовольствия “в королевство” и даже призыва “к спокойствию среди населения”). Кроме того, он ездил по крупным населенным пунктам губернаторства (например, побывал в Балте — той же весенней Балте с ее поэтически воспетым деревом — “семисвечником”), где позировал для газеты “Молва” с местными фабричными девами.

Но фронт неуклонно наваливался на эту “Территорию”, и немецкие военные вынуждены были взять здесь в свои руки бразды правления.

Тогда в той же губернаторской газете появился такой документ:

“Приказ №10.

Верховное командование Армией решило передать командующему Германскими Войсками Румынское Военное Управление Территории между Днестром и Бугом.

Я предписываю отъезд всей Румынской Администрации из вышеизказанной территории”.

И еще за подпись генерал-лейтенанта Г. Потопяну там была “благодарность всему населению... за то, что оно шло навстречу военному управлению”.

Ура! Кончилась власть тех, которые... Сразу даже не выразить чувство радости и злорадства, облегчения, боли за прошлое и надежд на наше будущее.

Да, ведь за минувшие два с половиной года румынские захватчики по-разному присутствовали в жизни людей. Они и терзали нас, и казались недалекими и даже безобидными, и вызывали жалость своей забитостью — поистине, вроде своих предков даков, и возмущали неприкрытым хабарничеством, даже воровством, и поражали той жестокостью, которая была у них за пределами человечности, но в конце концов оставались покладистыми и говорчивыми. Все это было не в пример немцам — этим слишком далеким от румын своей чопорностью и ложенностью, душевной холодностью и педантичностью, непримиримостью к другим и беспощадностью даже по мелочам. Но, кстати, теперь особенно пугало — как они будут с нами обходиться, когда власть перешла к германскому командованию — от Доманевки до Одессы и от Тирасполя с Овидиополем до крайней северной оконечности — городка Бара?

Не сказать, чтобы сразу мы там, в своем совхозе под Викторовкой и Карловкой, почувствовали что-то зловещее. Пожалуй, румынских жандармов и так и последнее время оставалось мало, а немецкие обозы и при их власти проходили через нашу местность, сколько им требовалось. В основном это были не воинские части — с мотоциклами на гусеничном ходу и спаренными шкодовскими девятитонками, а повозки, на которых вразвалку сидели парниги с белыми повязками на полуночных защитных куртках или в черных шинелях и даже их мордатые молодухи в платках, повязанных по-деревенски. То бежали от наступавших “Советов”, как вокруг стали говорить, бывшие полицаи с семьями — матерые, злые и жадные гады, которых я лично на месте чистоплюев-немцев не пустил бы и на порог своих образцовых владений.

Лишь потом оказалось, что в нашей сельской комендатуре

нет больше румынского правителя — не того "колонела" Вэлческу, который еще в ноябре 42-го выдал моей матери "авторизацию" — справку №103 о том, что она работала на Слободке в больнице врачом и отбыла оттуда последним транспортом ("ку ултимул транспорт"). Не было того жалкого претора — местного начальника, который больше сидел за бутылью вина, чем за столом с бумагами, а теперь тоже куда-то исчез. Значит, Румыния действительно "загнулась", как уже без боязни восклицали многие вокруг. А немцы... кто знает, долго ли им осталось?

В самом деле, они не похожи на нас и неделю, как пришла наконец она — долгожданная спасительная Красная армия. Появились солдаты, в которых с их невиданными понятиями и не узнать было, что это и есть "Советы". К тому же они были такие изможденные и грязные, что не сразу отмылись, чтобы можно было увидеть на их лицах приветливые улыбки и услышать связный рассказ воинов, отдохнувших от тяжелого перехода с боями по степи...

Что после этого было? Как уже говорилось, мой брат Сергея с нашей матерью сразу же — на попутной военной повозке — устремился в сторону Одессы. Хотя впереди их ожидали и мокрый снегопад первых апрельских дней, и сложное сражение с конницей и танками на их пути — под Раздельной, и страхи при виде огненного зарева над показавшимся городом, где шли уличные бои.

Я же остался вместе с бабушкой, которая теперь на радостях старалась угостить меня как можно вкуснее, чтобы я "отъелся" за все долгие месяцы недоедания и просто голода. На радостях я даже впервые выпил — принесенной кем-то самогонки... Но, собственно, разве это теперь было главным, когда меня тянуло то к красноармейцам (независимо от их полевой кухни), то к невиданным грузовикам — американским "студебеккерам" (не хуже, чем немецкие "шкоды" или "бенци"), то к газетам, охотно раздаваемым одним офицером — кстати, евреем из числа политруков (с напечатанными там портретами Сталина в форме маршала, с его необычными "приказами генералу такому-то" — о взятии того или иного города!). Волновало и прощание с близкими людьми, которые постепенно разъезжались, тоже торопясь в Одессу, которая уже вот-вот должна была стать свободной от тех, кто хозяйничал там столько времени...

Не передать — как мы взахлеб вспоминали наше одесское прошлое и мечтали о новой жизни в родном городе. Мне,

почти 13-летнему, было очень интересно — как жилось там раньше нынешнему соседу Лене Шкапу с его матерью, или хотелось дружить дальше с Аликом Савченко и его сестричкой Светочкой (которой моя мама оказала в гетто на Слободке медицинскую помощь). Трудно было рассстаться и с пианисткой Олей Эрлих, и с Лизой и Володей Шверлихами, и с художницей Валей Фукс или с Цией (ныне Циля Бронштейн). С благодарностью за все сделанное добро мы провожали доктора Турнера и профессора Срибнера, а также провизор-старика Турчинского. С другим стариком — Балановским как бы под занавес вышел казус: его поднял на рога бык, сломав несколько ребер! Но тогда это уже казалось пустяком...

Конечно же, не терпелось и мне уехать туда, куда устремлялись и все вокруг одесситы. Но знать бы, как меня встретят родной город!

Да, что в нем, спрашивается, было теперь?

БОЛЬШЕ ВСЕГО волновало: что там, в Одессе, с евреями? Сохранился ли кто-нибудь или, возможно, их даже официально румыны привлекли к общей жизни, как было и здесь, в Доманевском районе?

Одно время прошел слух, будто о судьбе евреев хлопотала королева, а сам Антонеску разрешил им выехать отсюда — не то назад в Румынию, не то даже на свою родину — в Палестину (но, говорят, увозившие их суда попали в бомбежку и спаслись только на одном!). Ведь уже доходили слухи, что в Венгрии тамошних евреев вывозят за границу целыми партиями — за деньги!

Но знать бы мне тогда, что Одесса к моменту освобождения не просто осталась "БЕЗ ЕВРЕЕВ" — как никогда в своей истории, по изумленному замечанию английского журналиста Александра Верта, приехавшего сюда сразу же после ее освобождения. Оказывается, этот вопрос — еврейский, так остро стоявший с самого начала оккупации и так долго бередивший умы и сердца остальных одесситов, как бы постепенно растворился в хаосе других событий. Да, если до весны 43-го года о евреях то и дело напоминали сами власти, публикую в "Одесской газете" длинные списки "прятавшихся" (которые я приводил выше), а впоследствии еще не раз мелькали фамилии осужденных "за сокрытие" (в том числе одного румынского офицера!), то к концу 43-го о них стали забывать — из-за довольно впечатляющих других событий.

Не говоря уже о том, что в начале лета одесситов привлек-

ли появившиеся в городе масцы итальянцев — бывших воинов под Сталинградом, отправлявшихся с фронта на свою родину и не просто газартино певших на всю Дерибасовскую или галантно завлекавших местных девушек, а и даже публично подравшихся с немцами, бросив в них гранату в одном из кабачков. И не говоря даже о Петре Лещенко, который не только приехал, как я писал, сюда из Бухареста и стал зажигательно петь — сперва в Русском театре при стечении массы публики, а потом и постоянно в ресторане “Северный” вместе со своей молодой подругой-одессыткой... Так что же, оказывается, еще было самое впечатляющее тогда в городе?

Сюда в 43-м дошла и захлестнула одесскую жизнь кавказская волна беженцев — тех, кто отступал вместе с немцами от Нальчика с Пятигорском и Краснодаром. Это были вечно сновавшие в центре и на рынках черные люди — мужчины в низко надвинутых барабанах шапках и женщины в цветастых платках, привезшие с собой много привлекательного — от дорогих вещей (для комиссаров) до экзотических артистических ансамблей (“танцы с саблями”). И как бы, в свою очередь, перекрывая их, с осени здесь стали господствовать новые модные гости — словаки, военные в необычной форме, похожей на красноармейскую, и с очень близкой к нашей речью. Они сперва стали сходиться с населением, а потом — и с партизанами, вплоть до снабжения их продуктами и даже оружием, и одессыты, как бы завороженные ими, в массе своей потянулись в подполье — буквально в катакомбы, отвлекаясь даже от того, что тогда очень увлекало многих — от международных матчей бокса с участием бывшего чемпиона СССР О. Загоруйченко в помещении цирка (где можно было запросто бить румын — и даже под одобрение немецких болельщиков!). А как бы наперекор им бурно шла вербовка в “Русский корпус в Сербии” — против титовских партизан, что происходило тоже в самом центре — на виду у всех. Как и заполняли Оперный театр на специальных симфонических концертах для них офицеры и солдаты РОА — настоящие власовцы, а не какие-то там “гиви”... Вот что творилось напоследок в Одессе!

Ну, так в этой сумбурной и напряженной обстановке, когда многие уже готовились к предстоящим боям прямо в городе или даже бегству из него вместе с бывшими “транснистрианцами”, — теперь ли было слишком до евреев, хоть и составлявшим раньше ядро населения Одессы? Нет, не сказать, что про нас здесь забыли, но, похоже, и не ощущали нашего отсутствия. Более того, многих честно удивляло, что,

мол, “и без этих жидов”, оказывается, можно заниматься коммерцией — в бесчисленных магазинах и закусочных. Да и “без жидовок” оставшиеся одессытки выглядели красавицами, свода с ума “этых румынских дураков” своими потрясающими нарядами — модными тюбанами, прозрачными чулками или цветастыми платьями, узко скваченными на бедрах! Но и не сказать, будто этот антисемитизм, даже в его такой бытовой форме, был воинствующим: оказалось, что в шутку тогда было придумано такое выражение, чтобы избегать слова “ жид ”: например, говорили демонстративно не “поджидать”, а... “подъевривать”. Вполне по-одесски, что тут ни скажешь... Обо всем этом мне довелось узнать при виде того, что осталось после оккупации, или услышать от соседей — тоже “оккупационных”, или “трофейных”, как их стали называть такие приезжие, вроде нас.

Но самое большое, что меня потрясло в родном городе, когда я наконец в нем появился, — это его достаток. Пища, которая была одной из самых жгучих проблем всех двух с лишним лет “геттовской (не путать с Гете!) жизни”, здесь, как это ни было странно и даже невероятно, не только не являлась проблемой, а ее просто словно бы и не замечали, как воздух. Даже спустя несколько недель после поразило это: то и дело попадаются булочные, тут и там видны витрины магазинов с колбасой и конфетами или всюду бросаются в глаза вывески со странным словом “бодега” (и я не сразу узнал, что это по-румынски “закусочная”). А когда потом бабушка пришла с базара — своего любимого Привоза, то как-то долго не могла говорить, лишь разводя руками, просто изнеможенно сутуясь. “Эти румыны... — качала она головой. — Видно, на зло немцам создали такую жизнь! Или... или как может это быть иначе, я вас спрашиваю?”

Что еще меня поразило там, даже начиная с Пересыпи. Мы ехали, только в обратном порядке, как нас и гнали летом 42-го, но я вдруг вижу: поперек улицы — аккуратные мостики, а под ними — канавы, по которым течет вода к порту. То место, где два года назад еще оставалась лиманская жижа — после взрыва Хаджибейской дамбы... такое преобразование! Значит, власти здесь все же навели “порядок” (тот, который обещали в начале своего прихода!): соорудили настоящие каналы... Что ни говори — цивилизовано!

Потом и в других местах я находил это — следы восстановления руин после бомбежек и обстрелов 41-го года. Если, допустим, было снесено левое крыло обкомовского здания с

колоннами на бульваре, то теперь там, как ни в чем не бывало, стояла даже скульптура греческого бога. При мне раньше горел дворец моряков перед памятником Дюку, а теперь, смотрю, он вполне невредим, даже еще солиднее стал! Не говоря уже про самого Дюка — как он и был раньше, целеныйкий и красивый, так и оставался, только вроде бы слегка позеленел — от времени, что ли. Особенно красивым показался издали Воронцовский дворец — тот, что являлся передвойной Дворцом пионеров и куда не раз ходил в какой-то кружок наш Сергей! А оказывается, там находился сам он — губернатор Транснистрии, пресловутый Алексян... смотри-ка!

Но лишь когда я обошел вокруг все эти здания возле бульвара и вышел к Екатерининской, то обомлел. Там не было больше прекрасного светлого здания школы Столярского, а сплошь нагромождены жуткие руины. Так что не очень обращало и то, что бросилось в глаза, когда я подходил к своему дому в Театральном переулке: целеныйкий, как ни в чем не было, фронтон с правой стороны Оперного театра. То, что было снесено в середине августа — в самый разгар осады, когда рядом — в Палс-Рояле (или “палейкс”, как мы называли) сбились много военных машин. И так же сияет сам театр — оказывается, он работал все это время, пока мы скитались и мукались на Слободке, то в степях Березовки... чего доброго, и наш бывший сосед по дому — певец Аяров там распевал? Ах, Аярчик, Аярчик... как мы его называли... Ну а вон на бульваре — и знакомый певец Жора — с таким нежным голосом и со своей гитарой, словно действительно ничего не происходило.

И все же, все же... Так или иначе вышло то, о чем всегда мечталось и во что порой даже не верилось. Мы вернулись, или даже лучше: МЫ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ, как и раньше!

Конечно, потом я увидел много такого, что было разрушено еще больше, чем во время осады города. Была груда развалин на месте знаменитого монументального почтамта на Садовой. Такая же груда бетона и рельсовых перекрытий — на месте железнодорожного вокзала. Хотя тут же — церкви, подновленные и подкрашенные, а главное — со всеми куполами, снятыми перед войной, и даже с колоколами, которые иногда начинали звонить. Ишь, смотри... постарались те, кого больше всех преследовали власти, как и моего папу!

Кстати, хорошо также, что сохранилась та больница — на Херсонской, где отец лежал в течение всей оккупации, до конца поддержанной добрыми женщинами — дочкой Ильенко

Лидой и Антониной Акимовной Анисимовой, несмотря на то, что кто-то доложил румынам про “еврейского больного” и что ему угрожала расправа. И удивительно, что это делали те врачи и медсестры, которые, если признаться, с появлением румын осенью 41-го — то ли в страхе, а то ли от своих тайных чувств — вышли к ним за ворота с цветами в руках...

Да, многому потом пришлось удивляться — и не только добротной еде или восстановленным зданиям, как и разным руинам или исчезнувшим знакомым. Я целыми днями бродил по городу — с Сергеем или с новыми дружками (оттуда, где мы поселились), и меня привлекало все: акация, которая как раз стала цветсти со своим сладким запахом, вообще теплынь на улицах, где грелись на солнце красноармейцы в душных шинелях, или фильмы, которые стали идти, — “Два бойца” в кинотеатре “Украина” (при румынах — “Дойна”) и “Сerenада Солнечной долины” (американский, шутка ли!) возле Соборной площади. О, как прекрасна была та весна, весна нашего освобождения от всего пережитого! Эта победная весна, о которой тогда же писал Илья Эренбург: “Весна будет шумной. Весна будет трудной. Но весна будет нашей весной!”

Такое высказывание знаменитого писателя, без которого, оказывается, все военное время не обходилась ни одна советская газета, помню, выразительно зачитывала бабушка, когда мы вечером собирались у керосиновой лампы. Наша сильно сдавшая бабушка — уже не такая говорливая и бодрая, но все же не утратившая, как и раньше, интереса к литературе, теперь вместо классических поэтов и прозаиков любила больше связанное с пережитым. Особенно часто она читала того же Эренбурга — на этот раз его стихи:

*К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу крутую память...*

Там еще было про “тусклые пустыри” — как и у нас вокруг! — и даже о том, что приходится “разрывать могилы”. И было так, словно бередишь свою рану.

*Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом!*

Слова о доме тоже томили сердце и хватали за душу. Поэтому что, повторяю, мы не могли жить в своем доме, где тे-

перь поселились чужие люди, забравшие и наше добро — вместе с пианино, на котором учился играть брат, еще с осени 41-го.

Лишь изредка я появлялся там — в Театральном переулке, глядя со стороны на массивное четырехэтажное здание с высокими овальными воротами и двумя косо поставленными тумбами у входа. Меня не волновало то, что, оказывается, через один дом — в 12-м номере — при румынах был ресторан “Северный”, в котором выступал сам он — Петр Лещенко, пока его — совсем поразительно! — не забрали в армию... да, увы, он тоже надел румынскую ненавистную форму и попал даже на передовую — в Крым. Вот как эта война проклятая испоганила все самое интересное!

Лишь мой папа — этот любитель пения — с улыбкой спросил однажды про своего “тезку”. Мол, пел ли “этот Петя” и украинские песни, которые сам он любит, а не только всякие там “Чубчик” или “Черные глаза”? “Ну, тебе бы только “Чубчик”... — укорила мама своего совсем лысого мужа. — А тем более — “Черные глаза”!” Не намекала ли она на его пристрастие к одной из своих больничных опекунш? Хотя сама до слез благодарила их за отца, когда впервые увиделась с ними. Потом сама стала за них ухаживать, снова работая в своей городской инфекционной больнице — у любимого учителя Скроцкого, того самого профессора, который тоже все это время исправно действовал здесь при румынах.

Кстати, теперь очень удивляло, какой был холеный вид у этого врача — вообще и раньше привлекательного, похожего на какого-то римского патриция. Похоже, он совсем не плохо жил все это время — как и многие медики, у которых была здесь в оккупацию даже частная практика, о чем открыто объявлялось в газетах. Но, кроме того, они, оказывается, спокойно продолжали преподавать в своем институте, а вернее — на медицинском факультете, входившем в систему университета, как это было принято до революции, и во главе — в качестве ректора — был тоже врач. Имя “этого подлого предателя Часовникова” то и дело звучало в нашей семье, но я с любопытством заглядывался на его питомцев-медичек, когда они шагали после своих лекций по Херсонской (или снова — улице Пастера), как и я — из маминой больницы. Хохочущие, модные и кокетливые (в прозрачных чулках и тюрбанах) в белых халатиках из-под прозрачных плащей (невиданная новинка!), они заполняли всю улицу, словно подразнливая таких любопытных лопухов, как я, (тоже мне — юный кавалер!). И

уже не удивляло, что там же, по дороге, находился работавший при оккупантах Дом ученых, а на углу Преображенской (бывшей улицы короля Михая Первого, а теперь — Красной армии) трепыхались афиши того же нашумевшего Петра Лещенко с его любимой — Верой Белоусовой на румынском языке. И даже висел такой указатель: “Punctul antivenerice” — для борьбы с распространвшимся военным триппером... Ну и житуха здесь была, с ума сойти!

Что же было особенно поразительно и привлекательно — оставшаяся от румын бойница на углу Гаванной... да, целое укрепленное сооружение этакой конусообразной формы из бетона с узкими амбразурами в центре. Оно, видимо, предназначалось для отражения партизан или даже десанта с моря, как враги издавна боялись! Был также отстроен в Малом переулке тот дом, в который попала первая бомба незабываемым днем 22 июля 41-го года, когда, казалось, перевернулся целый мир, а теперь, после всего пережитого, это смотрелось лишь со снисходительной улыбкой. И новинкой стал в Городском саду крытый восьмиугольным деревянным колпаком павильон для оркестра — только теперь духового, а не симфонического (как это было тоже летом 41-го с его выступлением) без всякой специальной эстрады — прямо под деревьями). И уж совсем приятным сюрпризом стал театр оперетты, обосновавшийся рядом с нашим бывшим домом — в 12-м номере, где были и Детский театр после Лещенко. Не говоря даже о том, что вполне нормально, как в лучшие довоенные времена, стал ходить возле нас трамвай — 1-й номер... и хоть езжай на нем куда угодно! Ну и, спрашивается, разве я удержался, чтобы не поехать из конца в конец?

Куда я еще невольно отправился — к морю, которого не видел, кажется, целую вечность. Берег Ланжерона был сверх ожидания чистеньkim и даже обновленным — там, на удивление, румыны проводили, подумать только, конкурсы красоты. И это лишний раз расстроило меня — тоже после пережитого, хотя я тогда и не знал, что нечто похожее на такие конкурсы бывало даже в одном гетто! Но там же, на пляже, когда довелось робко пройтись по песочку и когда даже “подступила вода к горлу”, как это сказано у Шолом-Алейхема, я едва не прослезился от счастья, вспомнив то, как ходил за водой в селе — под пульями игроков “в девятку”. Но все же, если приводить классиков, “чем больше горестей, тем больше надежд и чем мы беднее, тем крепче упования” — так еще вспомнилось из прочитанного вслух бабушкой.

А особенно привлекло меня тогда, как выглядели рядом, на пляжном песке, две или три девушки — в темных очках, которых я раньше никогда не видел, и с длинными волосами, из-за которых два неразделившихся матроса, куривших поблизости, дразнили их: "Русалки румынские..." И мне вдруг захотелось вступиться за девиц, если бы один из этих матросов, видя мою беспомощность и рабость в воде, не предложил: "Хочешь, малый? Научу тебя плавать! Как полагается..." Словно это был задушевный друг!

Я тогда отказался, а потом научился сам. Да, вскоре я уплыл далеко в то море, которое открывалось передо мной — в родном городе, в той школе, где я раньше учился, и даже в нашем доме, где нам вернули старую квартиру, которую выхлопотал приехавший с фронта мамин брат Борис.

Прошли годы — и я доплыл до большого берега: институт, потом благородная профессия инженера-проектировщика, а впоследствии и ответственная общественная работа по защите прав тех, кто страдал в войну на оккупированной территории и преследовался фашистами и выжил, как и я.

В большом плавании

Оглядываясь на то, что было в течение минувшего полувека, я испытываю неизбежное ностальгическое чувство ко всему, что ушло.

Не забыть, как пришлось активно входить в новую жизнь. Было голодно — ведь тогда жили по карточкам, и помню, как мы дома невольно смотрели в руки бабушке или матери, когда они возвращались к обеду. Но до этого я успевал набегаться по городу — после окончания школьных занятий. Меня неизменно интересовало все, что было вокруг: кто появился из старых товарищей, что нового идет в кино или Оперном, как восстанавливаются разрушенные здания — сноятся ли руины или на их месте возводятся заново те, которые потом называли "сталинскими". Обычно там работали пленные немцы — шустрые и деловитые, и я без злорадства смотрел, как они воятся на добродушно установленных решетованиях (не деревянных, как всегда ставились до войны, а металлических — из водопроводных труб, что немцы предложили и внедрили сами!). Мне было не по себе видеть на них ту же зеленовато-серую форму — уже замызганную и обносившуюся, которая слишком опротивила мне за два с лишним года. Но, честно

говоря, не привлекало ли тогда что-то в такой работе будущего инженера-проектировщика, связанного со строительством зданий и промышленных объектов?

Нет, в те годы мне еще не приходило в голову — кем я стану. Тогда надо было осилить самое главное — грамоту... да, ведь за всю оккупацию я не прочитал ни одной книжки, и теперь, сев за парту, даже запинался при чтении и писал с ошибками. Признаюсь: в этой школе я был отстающим, хоть и являлся первостоком, и лишь когда все разозлило меня, то взялся так за учебу, что уже в 5-м классе был выбран старостой. После этого постарался ускорить учебу, сдавая экстерном экзамены за 7-й класс, пока в 1947-м году, будучи восьмиклассником, не поступил на подготовительные курсы, а в следующем году сдал и за 9-й и за 10-й классы. Вот бы, наверное, меня похвалила памятная начальница Ройтман из наряб-образа, которая была там осенью 41-го!

Все это время вокруг меня бурно менялась жизнь. Еще оставались на домах надписи, выведенные масляной краской: "МИН НЕТ" — после осмотра саперами в первые месяцы советской свободы, а то и даже румынские надписи: "Controlat". Но вот на улицах появились новые иностранцы — вроде тех норвежцев, которые обретались в начале войны на Приморском бульваре: это были американские моряки — в шикарных, лимонного цвета куртках с меховыми капюшонами на змейках, с сигаретами, от которых дольяна тянуло медовым духом, и даже негры, запросто кидавшие в разбитом порту овальные тугое мячики, играя в регби. И уж какие продукты с их появлением распространялись в картонных коробках — зеленоватые вытянутые банки с тушеникой и чечевичной кашей, с лимонным соком, солоноватыми хрупкими орешками и толстым, дымчатого цвета шоколадом! На этих коробках крупно было выведено: "UNRRA" — так значилось, как теперь говорят, что в них гуманитарный дар от всемирной благотворительной организации. Его обычно приносила мама — в счет продуктов по карточкам, и лишь когда осенью 47-го отменили карточки, исчезли и эти американские лакомства.

Но зато тогда появилось другое — и уже нечто несъедобное, хотя и заманчивое. Нет, не какие-то там веци (как тоже бывало — из американских обносков), в которых я и нуждался — рядом с теми, кто шиковал в оккупационных нарядах. А музыка — да, звучащие новинки... и не только из "Двух бойцов" или "Серенады" или то, что слушал папа по новому приемнику — вместо нашего старенького СИ-234 (и снова — лю-

бимые заграничные передачи, теперь Би-Би-Си и "Голоса Америки"!). То были концерты, транслировавшиеся из Зеленого театра, где выступал приехавший на гастроли джаз Эдди Рознера — того самого, который привлекал нас еще до войны и который, оказывается, благополучно пережил ее! Там играл не только сам Рознер — на своей трубе, признанной второй в мире — после негра Армстронга (чего стоял один его "Караван"!), а и такой новичок — Гофман, который сам пел зажигательные песенки — вроде "Мандолина, гитара и бас" или "Ковбойская", хотя, по-моему, интереснее всего была "Парень-паренек". Та, из-за которой и меня стали дразнить мои соученики — как шустрого и общительного, напевая мне прямо в лицо:

Ай-да, парень-паренек!
Дайте парню только срок...

"Дать парню срок..." — это пока еще не звучало двусмысленно и опасно в той обстановке — в канун массового преследования евреев за какой-то дурацкий "космополитизм". Тогда еще вокруг сознавали тем, кто пережил самое страшное — фашистский террор, и вон, помню, когда вышел сборник "Одесса в Великой Отечественной войне", то в его 2-м томе, посвященном освобождению города, было опубликовано сообщение Чрезвычайной комиссии о злодеяниях фашистских захватчиков.

Но, правда, там тоже ничего не говорилось о том, что речь идет именно о нас, евреях. Хотя и назывались до боли знакомые места массового уничтожения: "на территории Доманевского района...", а все-таки употреблялись безликие выражения: "ни в чем не повинные мужчины, женщины и дети...", "мирные советские граждане...", "советское население..." И я, еще ни о чем не подозревая, как бы оправдывая это прозвище — бойкого "парня-паренька", сперва поступив без экзаменов на подготовительные курсы строительного института, а потом, со второго курса, перескочив в другой институт — пищевой и холодильной промышленности, в просторечии — консервный, который и успешно окончил.

Так что жизнь казалась мне завлекательной и многообещающей, пока не был посанжен сам блестящий Эдди Рознер со всеми солистами-евреями и пока не развернулось во всю странное и неожиданное явление даже в узких пределах Одессы — опасение сказать что-либо лишнее.

Вон, помню, с каким интересом наша студенческая братия

бегала в тот дворец у парка Шевченко, где выступала театральная студия "Парнас" — коллектив, в котором начинал нынешний почетный гражданин города — известный сатирик Михаил Жванецкий, а с ним другие талантливые ребята — вроде Виктора Ильченко, уже давно покойного... И что это были за вечера, сколько бывало веселья! Но тут нашлись комсомольские умники и стали придираться: мол, почему у вас герои разговаривают по-одесски, что у них за имена, вроде Жоры, и как вообще себя ведете — не по-советски? Чувствовалось, что начальству не нравилось даже обилие евреев в этом "Парнасе", и такой театр разогнали.

Впрочем, еще хуже было с большим еврейским театром — тем самым, который до войны работал на Греческой — рядом с Русским драмтеатром: его просто не восстановили после освобождения Одессы. Хотя, с другой стороны, сумели же восстановить целое разрушенное здание — то, где жил Пушкин и куда я ходил после бомбежки: там, на Пушкинский, оно высились еще более красиво, чем раньше! И в нем теперь разместилось местное отделение Союза писателей — то, куда с полным правом и чуть ли не самым важным литератором вошел бывший фронтовик Виктор Бершадский, которого я здесь, в этой книге, не раз цитировал. "Что значит — наш... горделиво щурилась бабушка, эта любительница поэзии, когда я рассказал ей об этом. — Я так и думала — талант!"

Но, увы, такое торжество еврейских авторов было недолгим. Вдруг стало известно, что посадили видного одесского про-зака — Нотэ Лурье, того самого, который был делегатом еще первого съезда советских писателей, а потом и другого — знаменитого драматурга Айзика Губермана, хотя его пьесы — вроде "Девушек нашей страны" — дошли аж до Москвы и ставились самим Михоэлсом в Госете — главном театре евреев...

Ну и удивительно ли, что в конце концов очередь дошла и до этого выдающегося еврейского режиссера, как и до того знаменитого актера — Зускина, который играл уморительно-го Пиню Кофмана — "короля подтяжек" в фильме "Искатели счастья"? Был арестован и казнен даже Ицик Фефер — тот, кто призывал "не идти назад — в гетто, а вперед — на бой"! Все они пострадали как члены Антифашистского еврейского комитета, и вместе с тем то было лишь началом общей кампании расправ — того, что называлось "борьбой с космополитами", а по сути — с евреями...

Да. Не сразу до нас дошло, что газетные сообщения — сначала о "театральных критиках-антипатриотах", а затем о

проработках на разных идеологических собраниях университетских профессоров или о неслыханных раньше "менделистах-морганистах" — это дальний прицел против еврейских деятелей науки и культуры. А потом от газетной или устной критики перешли к грубым мерам — широкой волне расстрелов, знакомых по тому, что делалось десять лет тому назад — в ежовщину, когда пострадал мой отец. И нам тоже это угрожало...

Принесла все новости мама: ведь стали травить и врачей — вплоть до создания пресловутого "дела врачей". Тогда обвиняли в умышленном умерщвлении больных теми, кто был еврейской национальности из числа сотрудников лечебных заведений. "Ну, это знакомое дело — накручивать липу..." — помню, сразу отозвался папа. — Как раньше — с троцкистами и шпионами!" Только когда дело коснулось самых высоких пациентов — Сталина и его соратников, которые якобы тоже едва не стали жертвами, отец перестал подшучивать, а мама ходила потрясенная, боясь поднять взгляд, чтобы мы не увидели в ее глазах страх, а то и, бывало, слёзы... Что и говорить, снова было под угрозой Наше Еврейское Счастье, если вспоминать старое выражение! И как не дошло дело до погромов?

К тому времени я все же успел окончить институт и получить работу по назначению. Правда, и после смерти вождя, когда сразу было прекращено "дело врачей", не все мои знакомые из числа евреев смогли хорошо устроиться, а вернувшись из заключения с трудом нашли свое новое призвание — вроде сделавшегося спортивным тренером Б. Щуровецкого. Но у меня тогда стала счастливо складываться и личная жизнь — с любимой девушкой... да, выходило то, что очень выразительно воспевал еще один талантливый джаз — на этот раз из соседней Молдавии. Во главе его был скромный и талантливый Шико Аранов, написавший танго с такими волнующими словами, которые запали мне в душу:

Если любишь ты,
Если веришь ты —
Знай, что сбудутся твои мечты...

Меня только смущало, что некоторые вещи этот джаз-оркестр исполнял на молдавском языке, так напоминавший недавнюю румынскую действительность. И хорошо, что тогда уже не было в городе пленных немцев-строителей, уехавших домой...

Уходя с концерта Шико Аранова в Зеленом театре, я гром-

ко пел то, что мой знакомый музыкант даже специально записал на ноты, как и раньше он записывал давнее новогоднее румынское танго:

"Знай, что сбудутся твои мечты..." Это впоследствии стало звучать и в другом смысле. С годами все чаще из глубины души поднималось то, что поначалу было приглушено беспокойными текущими делами и серьезными личными свершениями — вплоть до рождения сына.

Да, память стала воскрешать многое из будней гетто и лагерей смерти, перед глазами то и дело возникали картины пережитого. Ну, например, как забыть о том, что мою маму ударили жандарм в день рождения бабушки и Сережи, так что она навсегда стала плохо слышать? Или если даже говорить о посторонних: вон был один каратель, который отбирал людей на работу... с помощью ног: ударяя сапогом по стоящим перед ним! Так от его зверского униизительного удара пострадал один наш сосед — Юма, потом даже приконченный выстрелом...

Таким образом постепенно возникло желание и даже потребность — записать то, что было, что пережила наша семья и что вынесли все близкие. И пока не сбылась эта моя мечта — о такой книге, я занялся общественной работой в Ассоциации.

Впрочем, не обо мне здесь главная речь. А если и что-то сделано полезного и доброго, то не сам я скажу об этом. Пусть, надеюсь, скажут другие.

"Да будешь хвалим чужими!" — как гласит библейское изречение.

Наша работа

Уже говорилось, что мне выпала честь возглавлять Всеукраинскую и Одесскую региональную ассоциации евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Меня привел туда вечный долг перед всеми, кто прошел через величайшее испытание еврейского народа — Катастрофу, унесшую в могилу треть довоенного еврейства на Земле, а в пределах Транснистрии — более 300 тысяч человек.

На протяжении ряда лет в эту Ассоциацию вступили те,

кому судьба дала жизнь после всего перенесенного в годы войны. Вместе с моими коллегами по руководству была проведена работа по выявлению и регистрации бывших узников, по оказанию им помощи в получении документов и удостоверений. Это помогает пользоваться льготами и консультациями по различным вопросам.

Но главное — довелось воссоздать картину того, что пришлось перенести здесь евреям в пору войны. Это происходило в процессе той же регистрации пострадавших на территории Транснистрии: люди приносили заявления о вступлении в Ассоциацию бывших узников гетто и нацистских концлагерей. И там, в этих заявлениях, указывали обстоятельства своей горькой судьбы — от рождения в той или иной местности и начала войны до прихода оккупантов и притеснений с их стороны вплоть до угона или уничтожения. Заявления были короткие и длинные, скрупулезные и пугающие, грамотные и не очень, но в каждом из них чувствовалось страшное дыхание того времени — с тревогой, ужасами и страданиями. И так зародилась идея не просто складывать в архив такие человеческие документы, а и сделать их достоянием современников и потомков, используя полностью или частично для воспроизведения истории Катастрофы на нашей земле. Иначе говоря, положить их в основу этой книги, которая лежит перед вами,уважаемый читатель, с ее горьким названием и содержанием.

Кроме того, мне доводилось то и дело принимать посетителей — тех, которые просто обращались в Ассоциацию по разным вопросам, или даже приехавших с разных концов Украины и Молдавии. В ходе разговора с ними невольно заходила речь о пережитом, так что эти рассказы и записывались на пленку, и передавались в письменном виде для будущей книги — разумеется, с согласия таких посетителей. Это тоже помогало накапливать материалы для того, чтобы по возможности воссоздать сложную и страшную летопись страданий еврейского населения в ту пору. Широко использовалась также система переписки с общественными организациями — другими органами, связанными с историей минувшей войны, или с государственными службами — архивами, милицией или госбезопасностью, данные которых тоже пригодились для книги.

В связи с этим хотелось бы отметить тех, кто активно и добросовестно на протяжении долгого времени в той или иной мере выполнял вместе со мной эту работу.

К ним в первую очередь относятся:

БИЛЕР Борис
БОНДАРЬ Иосиф
БОРОХОВСКИЙ Семен
БРАЙЛОВСКИЙ Михаил
ГОЛЬДМАН Владимир
ГРАНОВСКИЙ Анатолий
ГУТАХОВ Дмитрий
ДУСМАН Леонид
ЗАСЛАВСКИЙ Михаил
ЗЕЛЬЦЕР Семен
ЗИПЕР Вилен
КЕЛИНА Анна
КУНИЧАН Дуся
ЛИВШИЦ Майя
ЛИВШИЦ Фаина
МАХНОВСКИЙ Семен
МИРОНОВИЧ Николай
НЕМИРОВСКАЯ Татьяна
НИЛЬВА Ефим
ОЙКЕРМАН Моисей
ПЕЙСИХМАН Александр
ПОЛИК Семен
РОЗЕНФЕЛЬД Давид
РОЙФЕ Анна
РЫКЛИС Виктор
СТАДНИК Дмитрий
СТАРОДИНСКИЙ Давид
СУШОН Сергей
ТРУШКИН Леонид
ХАСИН Аркадий
ХАСИНА Роза
ШВАРЦМАН Роман
ШЕРМАН Елена
ШЕРМАН Мария,
а также многие другие.

То, что с их помощью удалось написать в этой книге о событиях, имевших место в течение двух с половиной лет, пока длилась вражеская оккупация, настолько глубоко захватило меня, что иногда кажется, будто события прошлого еще продолжаются. Ведь не проходит дня, чтобы в приемную Ассоциации не приходили те, кто приносит свои заявления или кое-как записанные воспоминания: эти люди — бывшие жертвы, едва спасшиеся от смерти — излагают вслух все пережитое, и не раз со слезами, даже истериками. Так что мой кабинет давно называли “комнатой слез” — с горькой шуткой, на которую способны только евреи.

В самом деле, разве можно спокойно вспоминать о том, что каждый день тебе угрожала смерть и что ты зависел от какого-то самого нелепого случая? Косой взгляд конвоира, холодная погода во время этапа, отсутствие самого маленько-го кусочка хлеба или твое сердце, которое больше не выдерживает всех тягот и страданий, — вот и конец каждого узника независимо от его возраста или пола...

Но тут же хочется замстить одну любопытную особенность. Когда нам с семьей довелось попасть в Слободское гетто, то мы еще толком не знали о том, что было до этого с одесскими евреями: ни о массовом сжигании в артиллерийских складах, ни об узопах в тюрьму или на Дальник, ни тем более о высылке в район Доманевки или Акметчетки. И даже

когда мы с ужасом узнали обо всем, то не смогли представить себе, что такая же гибельная участь может коснуться и нас.

Да, наше существо — наш разум и душа, каждая клеточка организма противились такой возможности — смерти, пусть на глазах постоянно уходили люди — такие же, как и мы, тоже жаждущие жить. Ведь чтобы ни было и потом — во время этапов или в Доманевских лагерях, все же как-то верилось, что мы выживем, что судьба защитит нас, что Вс-вышний, или кто там есть, поможет... Не потому ли так было, что в нас — евреях сидит изначально эта неистребимая вера в Жизнь — то, что держало на этой земле сотни поколений еврейского населения долгие века?

Поэтому моя работа в Ассоциации, связанная с такой борьбой за тогдашнее выживание, и придает новые силы в это нелегкое время. И хочется, чтобы мой сын, а также любимый внук, если прочитают эту книгу, тоже зажглись великой и прекрасной любовью ко всему сущему вокруг — тому ценному качеству, которое отличает и моих неизменных коллег по Ассоциации.

Но написание этой книги — лишь часть вклада в увековечение памяти о жертвах Катастрофы в Транснистрии. В начале 1997 года нам довелось осуществить первое из задуманных мероприятий по созданию серии мемориалов — досок, стел и памятников на местах трагических событий. Это происходило на месте заключения евреев в Слободском гетто — у входа в бывшее общежитие Водного института, о котором я писал здесь.

10 января — спустя ровно 55 лет после создания этого гетто — туда сошлись активисты Ассоциации, деятели других еврейских обществ и организаций, многие живые свидетели тех событий, в том числе и неевреи, чтобы возложить венки к мемориальному знаку — мраморной доске с изображением траурного символа. Он был выполнен по эскизу моего бывшего коллеги по работе в проектном институте “Гипрограф” С.М. Гольдвара и изготовлен лично скульптором и одним из спасителей евреев в Одессе Д. А. Стадником. Кроме моего выступления, там были зачитаны стихи, приводились горестные воспоминания, а раввин из местной синагоги произнес молитву. Вся церемония этого события позже была показана в передачах одной из телевизионных компаний Одессы.

Теперь на очереди — другие подобные же памятники там, где проходил мученический путь евреев в годы войны. Трудности этого дела — поистине святого — связаны не только с

заполучением необходимых средств и материалов или непосредственно с изготовлением и установлением памятников. Проблема заключается даже в том, чтобы разыскать те места, где погибли евреи из Одессы и других городов, местечек и сел Транснистрии — вроде безымянных ровов под Акмечеткой или в Печоре, не говоря уже о бывшем уничтоженном цыганском таборе, о котором я писал отдельно.

Пожалуй, вся эта деятельность нашей Ассоциации уходит в далёкую перспективу, так как трудно представить, что удастся полностью выполнить такую объёмную мемориальную задачу активистам нынешнего поколения. О том, что новые и новые факты будут обнаруживаться по мере углубления работы по увековечению, свидетельствует такой факт: совсем недавно проводились исследования там, где были уничтожены евреи еще в начале оккупации, но где их до сих пор почти не удалось обнаружить. Речь идет о территории по дороге в Аркадию с проспекта Шевченко — на территории нынешнего парка “Победа” (бывший дендропарк им. Ленина). Об угоне туда евреев приводилась здесь заметка из одной местной газеты за 1944 год, но известно было только, что на том месте — бывшем огромном пустыре, где перед войной производились съёмки Полтавского боя для 2-й серии фильма “Петр Первый”, — расстрелянных сбрасывали в шахту. Эта шахта имела ствол глубиной в полтора десятка метров, и в таком шурфе жертвы лежали вповалку в верхней одежде — несколько сот человек. Некоторые оказывались там погребенными заживо, и есть сведения, что иные потом сумели выбраться на поверхность и разбрестились кто куда. В их числе якобы оказалась и 4-5-летняя девочка, которую потом подобрали местные мальчишки и спрятали ее в склепе на ближайшем кладбище — 2-м Христианском, так как их родители не разрешили приводить ее к ним домой. Этую девочку — по имени Линда — мальчишки всячески оберегали: приносили ежедневно пищу, даже приходили с теплой водой, чтобы помыть ей голову, а также давали одежду. Так продолжалось несколько недель, пока однажды они не нашли в склепе Линду, и нищие, стоявшие у кладбищенских ворот, пояснили им, что девочку подсмотрели и увезли с собой румыны. Так, спрашивается, не заслуживает ли быть как-то особо увековеченным и такой трогательный случай спасения жертвы и ее гибели?

Или вот факт, проливающий свет на одну из драматических сторон судьбы одесских евреев. Раньше здесь не раз приводился упрек в адрес партизан, которые не сумели или не за-

хотели прийти на помощь узникам гетто, и в первую очередь это касалось знаменитого руководителя одной из самых сильных диверсионных групп — В. А. Молодцова-Бадаева. А недавно довелось встретить такого узника с украинской фамилией, но еврея по национальности — Якова Пинхусовича Бабенко, который был свидетелем жизни этого партизанского руководителя до последнего его часа. Сам Бабенко — жилец дома на углу Тираспольской и Старопортофранковской улиц — с матерью и старшей сестрой Фаней прятался в разбитом подвале до июня 42-го и даже выбирался наружу, чтобы раздобыть что-либо из продуктов или попросту уворовать необходимое на Привозе. Но когда их выселили румыны и заключили в сигнарунду на углу улиц Бебеля и Пушкинской, то мать с сестрой были там приговорены к смертной казни (и он их больше не видел), а сам он, переведенный в тюрьму (по вышедшему как раз распоряжению “не казнить малолетних” — да, уже известной милости короля Михая Первого и корлевы-матери Елены!), столкнулся там с Бадаевым. Этот партизан, приговоренный тогда же — в конце июля 1942 г. — к смертной казни, произнесший свои знаменитые гордые слова: “Мы на своей земле”, находился на 4-м этаже тюрьмы, где сдерживали политических заключенных. И когда его однажды утром повели на казнь — со связанными руками и с проволокой, обвившей всю его фигуру, то слышно было, как он, спускаясь по гулкой железной лестнице, надрывно кричал: “Я, сович якобы даже ехал с ним в одном “воронке” туда, в тюрьму, с ул. Бебеля, 12 — пресловутого места следствия и пыток политических заключенных.

Кстати, на той же улице, где Бабенко жил раньше, — Тираспольской, а до войны — улица 1905 года (в память о друзьях еврейских жертвах), тогда вырос еще один узник-еврей — Я.М.Маниович, о котором уже упоминалось раньше. Будучи еще мальчиком, он совершил вместе с другими — взрослыми тяжкий путь от своего дома до села Богдановка, а теперь был инициатором и создателем при содействии Ассоциации узников гетто Мемориала — именно на протяжении этого тяжкого и скорбного пути, начиная от соседнего с Тираспольской сквера — Прохоровского, где установлен памятник. Им был также организован своеобразный Марш памяти — переход по местам всего этапа из Одессы, и по дороге участники такого марша поминали тех 200 тысяч жителей Одессы — евреев, которые погибли на этом пути, как и воздали должное уважение из 3 тысяч вернувшихся домой после освобождения. Участ-

ники Марша — в большинстве пожилые и больные люди — с венками и цветами, нередко с фотоснимками своих погибших близких и даже с таблетками на случай неизбежного сердечного недомогания — останавливались на тех полянках или у тех оврагов, где остались лежать незабываемые жертвы, со слезами вспоминая о них и делясь горькими воспоминаниями.

В самое последнее время он же, гражданин Израиля Яков Маниович, на свои средства осуществил благородное дело по увековечению памяти всех, кто спасал жизни евреям в пору оккупации, подвергая опасности собственные жизни и жизни своих близких. “Праведники мира” — так называют этих поистине героев и рыцарей духа, и известно, что правительство Израиля после создания этого государства принял закон, по которому люди, спасшие евреев в годы Второй мировой войны, поименованы лично на израильской земле — на специально обустроенной “Аллее праведников” в Иерусалиме. Такую же Аллею ныне соорудил в Одессе бывший узник Богдановского лагеря смерти — профессиональный юрист Усilia Маниовича подкреплялись деятельностью Ассоциации бывших узников гетто и жертв фашистских концлагерей, которая вывела “праведников” бывшей Транснистрии.

Итак, вот кто теперь увековечен в Прохоровском сквере — без различия национальной принадлежности и вероисповедания и с выплатой по жизненно специальному ежемесячного пособия от Государства Израиль и США, чьи имена можно прочитать под высаженными березками — персонально для каждого:

АВДЕЕНКО Сергей	КОНДРАШОВА Лидия
БАБИЕНКО Лидия	КОНДРАШОВА Мария
БАГНО Григорий	КОНДРАШОВА Надежда
БЕЛОУСОВА Анна	ЛОГИНОВА Анна
БРЕЙТИШНАЙДЕР Анатолий	ЛОПАТИЮК Анастасия
ВИДМИЧУК Дмитрий	ЛУКЬЯНЧУК Ольга
ВИРИЖЦКАЯ Галина	ЛЯХОВА Антонина
ВИСОКОС Вера	ЛЯХОВ Владимир
ГАЙДЕНКО Яков	НИКИФОРОВА Полина
ГАЙДЕНКО Елизавета	ПАТРУЛИНА Мария
ГАЛЕТА Иван	ПИЗАНЦЕЛЛИ Константин
ГАЛЕТА-КРИМЕР Лидия	ПОВАРЕНКО Анна
ГЛАВАЦКАЯ Мария	ПОДЛЕГАЕВА Александра
ДАНИЛЬЯНЦ Олимпиада	ПРИСЯЖНЮК Людмила
ДЕРИК Магдалена	РУРАК Татьяна
ДИОРДИЕВ Леонид	САТОВ Борис
ДИОРДИЕВА Ольга	СЕМЕНИЮК Наталья
ВАВЕРЮХА Федор	СТАДНИК Дмитрий
ВАМРИНА Любовь	СТОЙКОВА Анна

ЗЕЛИНСКИЙ Виктор	СТОЯНОВ Александр
ИВАНОВ Василий	ФУРМАН Варвара
КОЛЕСНИЧЕНКО Зинаида	ФУРМАН Павел

Кроме них в последнее время получили это почетное звание еще 12 человек.

Официальное открытие одесской "Аллеи праведников" как бы заново всколыхнуло мысли и чувства, связанные с тяжелым прошлым. Туда пришло немало жителей Одессы и приехавших гостей из других городов и сел многострадальной "Транснистрии", чтобы не только добрым словом помянуть о спасителях многих евреев, а и выразить надежду, что минувшие страдания больше никогда не повторятся на нашей земле.

Определенные документы и экспонаты, связанные с трагедией одесских евреев, в последнее время подготовлены также в Одесском историко-краеведческом музее — в том павильоне, который посвящен периоду немецко-румынской оккупации Одессы и всей Транснистрии. Так, впечатляет представлена там текст "Воззвания к трущимся Транснистрии", подписанного самим Антонеску, — насет "наступление весенних полевых работ 1942 года" и с призывом "выходить на работу со спокойной совестью и в полной надежде, что урожай полей возместит полностью только тех, кто будет добровольственно на них трудиться". Неслышен лицемерие и цинизм — такой призыв! И это говорилось в разгар этапов и медленного умерщвления десятков тысяч евреев на этих самых полях...

Можно еще сказать об освещении Катастрофы в книге "Транснистрия и Одесса. 1941—1944", написанной немецким ученым Эккегардом Фольклем и изданной в 1996 году в Регенсбурге — при таможенном историческом институте. Бывавший в нашем городе ее автор и встречавшийся с рядом местных историков и краеведов, а также с В. Гридиным — автором очерков "Одесса при румынах", он посвятил одну из глав тому, что происходило здесь с момента сжигания евреев на Люстдорфской дороге и кончая их освобождением в марте 44-го при отступлении вермахта. И это по-своему воссоздает картину того времени — вплоть до карты Транснистрии с указанием мест расправ над евреями, в частности — как честный немецкий отзыв на былое.

Заслуживает упоминания также книга "Партизанская дружба" с очерком С. Персова "Одесские катакомбы", в котором упоминается, между прочим, о тех, кому удалось скрыться от расправы 24 октября 1941 года и уйти не только в домашнюю катакомбу уже много раз упоминавшегося партизана на Куяльнике В. И. Иванова, а и ... к В. Молодцову-

Бадаеву. Вопреки предположениям об отсутствии партизанской помощи, там, в этом отряде, были и евреи: Ицик Фурман с семьей, сам уроженец Куяльника, возглавивший потом небольшой партизанский отряд, имея помощниками братьев Давида и Григория Бобровских.

Сын одного из них — Давида, тогда 5-летний мальчик Лени, рассказал мне теперь, как они находились там, в катакомбах: кончились свечи, пользовались коптилками с маслом, спали на деревянных нарах, всем было холодно и сырое, слышалась стрельба, пошли газы и началось удушье, так что пришлось сдаваться. И при конвоировании в плен Леонид сбежал и в одиночку скитался то в пригородах Одессы, то очутился на поселении в гетто в селе Амбарово, где ему помогали добрые еврейские люди. Так лишний раз выясняется, что евреи — вроде Леонида Бобровского и его близких — все-таки боролись — и даже вместе с местными партизанами, а не только и тихо гибли!

В этом стремлении выжить, в преодолении самых страшных обстоятельств, в сплочении лучших сил еврейского народа — не просто достойный ответ на упрек знаменитого еврейского поэта Ицика Фефера насчет ухода "назад, в гетто" вместо пути — "вперед — на борьбу". Гут и проявление высокого еврейского духа и даже святости этих сынов Израилевых — вопреки всем наветам!

12. МОЯ АГГАДА

К числу высоких и красивых еврейских символов относится и то, что я называл во вступлении к этой книге.

“Каждый, кто часто рассказывает об исходе из Египта, совершает праведное дело” — так говорится в Пасхальной Агаде. И я, словно тоже вышедший из своего тяжелого национального испытания, совершил здесь посильное — рассказал о прошлом. Не только о том прошлом, которое касается многих моих земляков — жителей Одессы и ее окрестностей, выходцев из разных населенных пунктов юга Украины и Молдавии. И не только о тех людях, кто прошел и через мои руки — со своими заявлениями и письмами, и через глаза — с созерцанием мест, где они пережили трагедию, и через душу, где всегда теснятся их горькие судьбы...

Но я также рассказал о себе и своих близких, поскольку мы не отделимы от остальных пострадавших — как неотъемлемая часть всего еврейского народа, пусть и не все уже дожили до наших дней, пусть многие не смогут разделить со мной Память. Ибо “сколько бы человек ни жил, а смерти не миновать” (Соломон).

Раньше я писал, что давно ушла на покой бабушка — не забвенная “бабуля”, Екатерина Золотухина, чистый человек и наш добрый гений, поистине светлая личность, мудрая женщина. Глядя на ее изображение — старинную добрую фотографию, на которой она в длинном, тяжело ниспадающем платье и с величественно откинутой головой, похожая на этакую великосветскую даму, — лишний раз низко склоняешься перед ее житейским подвигом: и тем, что она отказалась от личной жизни, посвятив себя семье своей племянницы, а по сути дочери — моей матери, и ее стойкостью в хозяйствских делах в трудные предвоенные годы, и самоотверженностью в вызволении зятя из тюрьмы, и мужеством в страшную пору Слободского гетто, и выносливостью во время этапов, и новыми усилиями, когда налаживалась послевоенная жизнь. Ведь тогда пришлося начинать семейный быт в чужой квартире — у тех, кто принял нас в Малом переулке, не говоря уже о необходимости вести хозяйство, когда кормились “из ничего”, как часто говорила бабушка, если мы, усевшись за стол, удивлялись: из чего она сварила либо нажарила то или другое? Какое счастье светилось на ее худом, осунувшемся лице, когда мы вернулись на старое место и смогли жить в обстановке опустелой, но родной квартиры! “Все хорошо, пре-

красная маркиза!” — помню, даже запела она, ободряя нас при виде нашей первоначальной растерянности. И сколько сделала, чтобы привести квартиру в порядок, будто ничего не произошло... Вот кого бы следовало объявить “Героем Союза”, как другие мечтали!

Подстать ей во многом держалась мама, сразу окунувшаяся в текущую жизнь — в трудовую и общественную. Да, как я уже сказал, она вернулась в свою больницу, где ее приняли те же знатные медицинские светилы, что были там до войны и даже во время оккупации, — во главе с профессором Скроцким, у которого она стала ассистентом. А общественная работа — это были лекции, которые она читала для врачей в больнице и за ее пределами — например, перед началом сеансов в кинотеатрах. С головой мать уходила и в такую деятельность, как медкомиссии в райвоенкоматах, считая своим долгом помогать тем, кто освободил ее и всю семью от фашистского гнета. Это не мешало ей находить время и для такого душевного дела, как игра на фортепиано, чему она училась в молодости, а потом обучала старшего сына. Наш инструмент нашелся у знакомых, живших на Софиевской, и на нем еще уцелела надпись, нацарапанная Сергеем прямо на лаковой черной крыше: “Я ГАММЫ НЕ ИГРАЮ!” И ей были не чужды даже стихи — и собственные, и печатавшиеся в газетах и журналах. Вплоть до казенных стихов про Ленина и Сталина.

Ну, а что сказать об отце — мужественном, волевом человеке, тоже вернувшимся к жизни? Несмотря на то, что во время оккупации его опекали упоминавшиеся две самоотверженные женщины — Лида Ильенко и Антонина Анисимова, все же у него ухудшилось общее состояние — не только с позвоночником, но и из-за мучительных пролежней. Найдя его в неизменном корсете (только с отверстиями для естественных нужд!), а по сути — в сплошном панцире, мы с трудом узнали его — облысевшего, без зубов и худого, как мальчика. Правда, у него сохранились четкая речь и ясный ум, и он стал бороться за то, чтобы... сперва — учиться сидеть, а потом — и ходить, поначалу с моей и брата помощью. Постепенно отец включился в дела своего бывшего производства, а в свободное время даже стал петь свои любимые народные песни и сопровождал такое чувство юмора, которое даже было описано в одной из молдавских газет. Там его сосед по послевоенному санаторию Ю. А. Карликовский описывал, как этот отдающий, закованый “с подмышкой до пальцев одной из ног” и на костылях, явился вездесущим: и игроком в шахматы, и

участником санаторной самодеятельности (вместе с "одной шикарной брюнеткой исполнили в два голоса "Вечерний звон"), и даже... был посетителем местной танцплощадки! Хотя до конца своих дней отец оставался серьезным, деятельным, умным и добрым человеком, оставался в кругу уважавших его близких людей. Поистине, это о нем сказано в Св. Писания: "Очи мудреца в голове его..."

О брате Сергея я уже писал подробно, особенно в связи с его видеointerview. С удовольствием добавляю, что брат — моя гордость, и я благодарен судьбе за то, что она подарила мне его — умного и смелого, энергичного и сильного человека. Он всегда был для меня примером во всем: и в детских играх, и в тяжелейших испытаниях войны, и в пору взрослого становления. А теперь, когда мы живем порознь, в разных странах, я всей душой все равно с ним, как бы соотнося с его мнением равно и мнение моих родителей, и свои поступки. Пожалуй, пример Сергея — специалиста теплоэнергетики — подтолкнул меня в выборе профессии, когда я поступал в высшее учебное заведение, стремясь одновременно пойти и по стопам нашего отца — специалиста в пищевой отрасли. Не говоря уже о том, что я благодаря примеру брата отчаянно одолевал школьную учебу, несмотря на все тогдашние трудности. Спасибо тебе, дорогой Сергей Петрович, за то, что ты есть на свете — самый близкий для меня человек!

Если говорить о друзьях, то с удовольствием назову здесь имена тех, о ком я часто вспоминаю и с кем всегда радостно встречаюсь, когда бываю там, где они теперь живут, — в Америке: это Семен Геллер, Марк Вайсман, Владимир Эльберт (ФРГ), Виктор Гальвер, Лена Хмельницкий, а также покойный Марк Мечтович — прекрасные люди, замечательные и талантливые личности. Я счастлив тем, что моя жизнь была связана с ними. Сохраниются мои добрые отношения и с друзьями по оккупационному несчастью: с Аркадием Хасиным, Семеном Зельцером, Яном Колтуном и другими. Один из них — Леонид Крылов, ставший музыкантом, живет в Москве, где проработал долгие годы в оркестре под управлением прославленного дирижера Евгения Светланова.

Должен также сказать, что во многом мне в жизни помогала память о тех людях, которые давно ушли из жизни, но которые всегда оставались в моей душе как нечто неизменное и родное. Я хотел бы тут назвать моих близких: это, в первую очередь, ставшие жертвами жестоких сталинских репрессий мои дядя Толя и дядя Гриша Озарянские (Сушоньи), мои тетки

— Феня Сушон, одинокая Сарра и Ида с двумя девочками, погибшие в начале оккупации, а также дядя Боря Золотухин, дядя Абраша Дрикер и Михаил Зельцер — отец моей жены. В этом ряду дорогих мне имен особое место занимает Питер Коэн (Золотухин) — родной брат моей мамы, много сделавший для моего сына и его семьи и умерший в Лондоне в 1996 году, через несколько лет после нашей встречи... Спасибо ему — одной из самых светлых личностей на моем жизненном пути. Как и другим близким людям, не сломленным тяжелой жизнью, сохранившим величие души!

Иногда невольно думая о судьбе всех евреев, переживших самое страшное и теперь достойно живущих на этой бурной и опасной земле, я готов повторить слова известного правозащитника, боровшегося за свое и чужое счастье в других, по-своему драматических условиях — при тоталитарном режиме. Он говорил: "Страдания... либо облагораживают человека, либо, напротив, уродуют его. Страдания резко выявляют, подчеркивают то, что есть человек, что заложено в нем природой, обнажая благородное или безобразное начала..." Это говорил Анатолий Якобсон — увы, сам ушедший из жизни.

Казалось бы, тут нет ничего нового — это довольно известные истины. Но как важно было в реальной жизни убедиться в существовании доброты там, где ее не ожидал, и когда, действительно, страдания выявляли самое неожиданное! Так, одна из узници страшного места — Акмечетки **Д. Э. Подборец** с удивлением для себя вспоминала о своих отношениях там с румынскими евреями — вначале вроде считавшимися чужаками и недругами для наших евреев: "Они по Красному Кресту получали американские пайки, и я помню, как они раздавали эти пайки, так что кое-что перепадало и другим детям." Более того, было и такое: "Мне симпатизировала румынка, которая была начальницей этого лагеря. Однажды она предложила маме выпустить меня из лагеря вместе с румынскими евреями, которые за драгоценности покупали себе право выбраться в другое, не такое страшное место. И когда мама ответила на это, что я (мне было тогда 15 лет) все равно без нее умру — так пусть уж мы умрем вместе, то эта начальница сказала, что маму тоже выпустят..."

А одесский Л. М. Дусман, находившийся в то время рядом, в другом гетто, рассказывал впоследствии об особом отношении к тамошним евреям, о том, что даже в черных душах катеров невольно пробуждалось нечто человечное при виде

немыслимых страданиях, переживаемых тогда узниками Доманевского лагеря.

“Это было на еврейский Новый год – Рош ха-Шана, – вспоминает Леонид Моисеевич. – Все мы собрались, чтобы послушать слово религиозной проповеди, которую читали находившиеся среди нас два раввина... Люди слушали, как завороженные, у многих были слезы на глазах, кое-кто самозабвенно повторял слова молитвы... Как вдруг видим: не-подалеку стоят румынские жандармы, не мешая нам, а внимательно прислушиваясь. И вот один за другим они стягивают свои пилотки и обнажают головы...”

Если дрогнули сердца врагов, потомков древних мрачных даков, то что тогда может быть показательней, чем именно данный пример стойкости евреев перед лицом смерти, их поистине бессмертия? Наиболее весомо сказал об этом великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, назвав символом вечности... да, еврея! “Он, которого ни резня, ни пытки не смогли уничтожить, ни огонь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли... – такой народ не может исчезнуть”. Думается, эта истина, неожиданная в устах такого человека, нашла свое убедительное подтверждение в судьбе моих со-племенников, что оказались на оккупированной территории.

Речь идет о широком, даже мировом значении той трагедии, которая творилась на нашей земле. Именно в наше время раскрывается вся суть истории со зловещим именем “Транснистрия”.

Именно этой трагедии в 40-х годах уходящего ХХ века я и посвятил свою книгу, написанную по моим впечатлениям и по собранным за несколько лет воспоминаниям многих переживших Катастрофу.

1991—1997
Одесса

13. КЛАДБИЩЕ, КОТОРОЕ НЕ ЗАБЫТО

“Ех, ти, Трансністрія!” – сказав їздовий присталий коняці.

Було ясно, що трофеїйна румунська коняка, яка дісталася колгоспові, не користується любов'ю їздового...”

Это описано в газете “Черноморская комуна” вскоре после освобождения города. И тут очень метко схвачено отношение людей в лице этого простого сельского работяги не столько к тойшей лошади, сколько к той местности, именем которой ее называли. Потому что еще сильна была у многих, переживших вражеское господство, неприязнь к недавним хозяевам Транснистрии.

НАДО СКАЗАТЬ, что название этой румынской провинции сразу казалось каким-то чужим и даже трудно произносимым – с запинкой, когда доводилось натыкаться на него в первых оккупационных материалах. Помню, кое-кто из мальчишек поначалу даже пробовал в шутку коверкать его, издавательски называя “Штанистрий”, пока их не одергивали перепуганные взрослые. И думалось ли тогда, что это понятие, неведомое ранее и искусственно сконструированное, станет зловещим символом, определяющим важный жизненный этап в судьбе тысяч людей? Думалось ли, что оно станет для евреев гибельным местом, станет настоящим **адом**, если уж употреблять такое зловещее книжное слово? Правда, позже оказалось, что “Транснистрия” – издавна принятый у румын и молдаван термин, которым, как уже говорилось, назывались земли, относящиеся к Днестру, и то, что находилось за его пределами, естественно получало приставку *транс* – то есть “за”. Но тогда, в военную пору, это название и все, что с ним было связано, вызывало враждебное чувство сияло страх и ненависть.

“Транснистрия... губернаторство Транснистрия...” – эти слова быстро вошли в оккупационный обиход: их можно было встретить не только в приказах или названиях учреждений, но и в наклейках на водочных изделиях или детских игрушках. Если вначале мы только бегло знакомились с понятием “Транснистрия” — например, в приказах о губернаторском правлении в ней, то к концу оккупации с этим названием была связана вся система угнетения и разграбления нашего края,

уничтожения целого этноса – евреев. Поэтому неспроста в серьезных исследованиях геноцида в Северном Причерноморье появилось образное понятие “кладбище”, характеризующее деятельность на этой территории румынских и немецких оккупантов, как и определяющее судьбу ее жителей евреев.

Одна из книг на эту тему, дающая картину якобы забвения всех трагических событий военного времени, так и названа: “Транснистрия: забытое кладбище”. Она написана Юлиусом С. Фишером и издана в недавнее время на базе учебных заведений Нью-Йорка (Брунswick) и Лондона. В своем труде его автор подходит к проблеме Транснистрии издалека и весьма основательно.

Сначала подается историческая картина этого края – от географического положения и первых следов человеческой деятельности до воцарения здесь России и Румынии. Затем описан приход к власти сил “национального возрождения” во главе с молодым королем Михаем Первым и сильным военным лидером генералом Ионом Антонеску – тех самых сил, которые и привели к войне с СССР.

Особенно подробно исследуется в книге положение румынского еврейства: выделены три фазы его преследования и уничтожения, что тесно увязано с созданием Транснистрии, куда были депортированы румынские евреи. Описаны места этой депортации – уезды в глубине этой территории, а также в целом обрисована участь еврейских этапов из Одессы в Богдановку, Доманевку и Акметечку.

По разным пунктам геноцида Юлиус С. Фишер представил следующие данные.

Согласно бухарестскому приказу № 23, осенью 1941 г. все сосланные бессарабские евреи и все собранные украинские евреи были интернированы в четырех главных пунктах:

1. БОГДАНОВКА (район Голта). Комендант лагеря Аристиде Падуре.

Общее число 48 000, главным образом украинские (“советские”) евреи.

Из них в декабре 1941 г. до 5000 инвалидов, больных и стариков были сожжены заживо.

С 21 по 29 декабря 1941 г. в ближайшем лесу погибли 43 000 евреев. Против них, в группах по 500 человек, были применены ручные гранаты.

2. ДОМАНЕВКА (район Голта). Комендант лагеря тот же, что и в Богдановке.

Здесь было 18 000 евреев, которые с января по февраль 1942 г. полностью погибли от применения ручных гранат и ружейно-автоматных пуль.

3. АКМЕЧЕТКА (район Голта). Комендант лагеря тот же.

Находились 4000 евреев. Все интернированные систематически голодали и погибли. (Эти данные значительно занижены — Л.С.).

4. Район БЕРЕЗОВКА (ответственная немецкая спецгруппа “Ейнзац-группе” под командованием Отто Оллендорфа).

Здесь было 30 000 евреев, которые пережили бойню в Одессе 23 и 24 октября 1941 г., а также 10 000 евреев из окрестности Одессы и соседних деревень.

С октября 1941 г. по апрель 1941 г. евреи были расстреляны в следующих местах (обнаружены после раскопки массовых могил):

МОСТОВОЕ, ВАСИЛЕВКА, ХУЛЕВЕЦ, КОТОВСК, ЛИШНОВЕЦ, БЕРНАДОВКА, СУНА-ВЕРБА.

Всего в четырех пунктах погибли 132 000 евреев.

Эта весьма схематичная и почти сплошь статистическая картина, приведенная в книге Юлиуса С. Фишера “Транснистрия: забытое кладбище”, одновременно подкрепляется своеобразной таблицей данных, почертнутых из других источников, с учетом исследований, выполненных в Одесской региональной ассоциации переживших Холокост.

СВЕДЕНИЯ О ГЕНОЦИДЕ ЕВРЕЕВ В ТРАНСНИСТРИИ*

Количество евреев, находившихся на момент оккупации в Транснистрии	Уничтожено: расстреляно, заживо сожжено, погибло от голода, холода, болезней, изнурительного труда	Осталось в живых евреев	
		из местного населения	из числа депортированных
Более 400 тыс. чел., в том числе: 190-200 тыс. депортированных из Северной Буковины, Бессарабии и Румынии	Более 300 тыс.чел., в том числе около 200 тыс. в Одесском регионе	15 тыс. чел.	Около 85 тыс. чел.

* Эта таблица составлена по данным, приведенным в различных источниках, в том числе с использованием материалов чрезвычайных государственных комиссий по установлению злодействий, учиненных фашистами на временно оккупированных территориях, а также данных, приведенных в

брошюрах профессора И. Левита "Пепел прошлого стучит в наши сердца" (Кишинев, изд-во Академии наук Молдовы, 1997 г.) и А. Н. Круглова "Уничтожение еврейского населения Украины и Винницкой области в 1941-1944 гг." (Могилев-Подольская райтипография, 1997 г.).

Из таблицы видно, что:

1. Уничтожено не менее 75% евреев из числа находившихся на территории Транснистрии, включая и депортированных евреев.

2. Осталось в живых только 15 тысяч местных евреев, что составляет 7,5% от количества местных евреев, оставшихся в оккупации, и около 50% евреев, депортированных в Транснистрию.

Эта разница в количестве погибших объясняется тем, что депортированные евреи знали румынский и другие иностранные языки, а также тем, что у них имелись ценности.

Знакомясь с такими данными о чудовищном, массовом уничтожении евреев в румынском оккупационном заповеднике, невольно по-новому смотришь на схематическую карту этой провинции – ту карту, которая символически представлена на обложке настоящей книги. Там Транснистрия не просто в окружении кольчуги проволоки, но и выглядит, как ступня огромного чудовища...

Этот образ, оказывается, уже был раньше поэтически изображен молодым украинским поэтом из Одессы. И я не могу удержаться, чтобы не привести здесь стихотворение Ивана Черняги "Вороха ступня".

Трансністria – на карті, мов ступня.
Вона ступає і по людських душах:
Як величезний, тут йша війна –
І третій рік вона народи душить.
Затисла під ступнєю всіх, хто с,
Хто оселився в часі стародавнім
І хто за волю дружсю повстас,
В Українці, росіяні, молдавані.
Встає і вкрай придушений народ –
Сергіївський. Знищити його до корню
Хотіли зразу вороги. Покору
Насадисували в гетто. Цілій род
З Одеси, Буковини та Ямполя
Загнали в табори – усіх на смерть
У ямах, по лісах і в мерзлім полі..
Ta не піддався люд отій сваволі –
І ті, що вижили, познані геть
Убивць, насильників, хапу гвізчайних –
Жандармів, добровольців, поліції
Ta колоністів, з'єднаних в "зельбштуц",
Які костри складали з ніг і рук...

Так, одчайдущо, із останніх сил
Євреї піднялись для помсти кату –
За знищених вигнанців з міст і сіл,
І долю переборали строкату
Пацадки лікарів та скрипальів,
Кравців, міял, юристів, крамарів,
Шо іх шолом-алейхемський талант створив.
Прийшов тоді їй жаданий вільний час
З військами через Буг – спасів, Боже!
Трансністria вже не нівечить нас,
Коли проганулась ясна весна, –
І скунта навік ступня ворожа!

Если же перейти на суровый язык прозы, то в "цветущем саду румынского народа", как называли враги тогда территорию Транснистрии, евреи содержались в 189 населенных пунктах на положении узников. Всего в начале оккупации там находилось не менее 400 тысяч евреев, включая и депортированных из Северной Буковины, Бессарабии и собственно Румынии. А в период с октября 1941 по апрель 1944 гг. только в Одесском регионе погибли следующие группы еврейского населения:

– 25 тысяч, в основном женщин, детей и старииков, заживо сожжены в воинских складах в районе площади Толбухина;

– более 5 тысяч человек в гетто на Слободке;

– 35 тысяч на территории Одесской области – под Березовкой, в Мостовом и их окрестностях;

– 14 тысяч человек погибли в Акмечетке, 18 тысяч – в Доманевке, 54,6 тысяч – в Богдановке.

Полностью было уничтожено еврейское население в Ражкове, Шпикове, Лядыжине (Винницкая обл.), Любашевке, Коудыме, Ананьеве (Одесская обл.).

Всего же за годы оккупации в Транснистрии было уничтожено более 300 тысяч евреев, и она, по сути, стала адом для евреев, стала целым огромным кладбищем, но кладбищем не забытым!

В моих руках – фотография гранитной стелы. Она установлена в мемориальном музее "Холокост" в Вашингтоне в память о миллионах евреев, уничтоженных нацистами во Второй мировой войне.

На этом снимке, который сделал мой брат – Сергей Петрович и потом прислал в Одессу, можно различить свыше двух десятков названий лагерей смерти. И среди них – Освенцима и Тремблинки, Варшавы и Бабьего Яра, Дахаху и других —

можно увидеть и слово "Транснистрия". Да, эта территория теперь вошла в перечень всемирных пантеонов европейской трагедии. Так она навеки вписалась в историю.

Но в пределах самой Транснистрии, а вернее – нынешних районов Украины и Молдовы, установлено немало таких же скорбных стел. На одной из них – просто краткое и сухое сообщение о том, что здесь имело место, например:

Тут в грудні 1941 року
було єврейське гетто,
в'язнів якого знищено
у Дробицькому Ярі.

А на другой стеле – надпись, от которой сжимается сердце:

Это был ад: мертвые люди, посуда, пух из подушек, одежда, продукты, кал – все было перемешано. В одном углу на кровати лежала мертвая женщина, опустив руки, а маленький ребенок сосал ее мертвый палец. В другом углу лежал мертвый старик...

И пусть на такой стеле не указаны дата или название местности. Но она, пожалуй, является самым точным отображением разыгравшегося там шабаша уничтожения, творимого руками нелюдей из числа своих же, в том числе из бывших немецких колонистов, о ком раньше упоминалось лишь вскользь.

ВНЕРВЫЕ О НИХ СООБЩИЛА наша землячка – поэтесса Вера Инбер в очерке "Одесса", помещенном в "Черной книге". Там запечатлены потрясающие детали массовой гибели евреев Транснистрии.

Это воспоминания офицера Шабанова, попавшего в село Градовка, близ станции Колесовка, летом 1944 года:

"...он увидел на окраине села три варницы – печи для обжига известняка, заросшие бурьяном и чертополохом. В шахтах печей Шабанов различил обугленные кости предплечья, лопатки, позвонки. Под ногами хрустели мелкие обломки черепов. Земля была густо усыпана ими, как морской берег ракушками. Это было все, что осталось от сожженных людей".

Именно здесь В. Инбер отмечает: "Главными палачами были немцы-колонисты".

Об этом же – о роли немцев, живших в селах Одесской области, оставил свой памятник – только устный – мой литературный коллега В. М. Гридин. Будучи свидетелем начала трагедии – в Слободском гетто, он узнал о ее конце, находясь в пору правления Хрущева под следствием за политические выступления во внутренней тюрьме Одесского управления КГБ. Там, в своей камере, Владимир Михайлович познакомился с одним из таких немецких палачей – бывшим жителем села Виноградное Березовского района.

– В прошлом колхозный конюх, этот немец – Рейнгольд Мильль вошел с началом оккупации в местный отряд самообороны – "зельбштутц", – вспоминал бывший его сокамерник. – Вместе с другими жителями этого села – в прошлом Вормса – он встречал, вооруженный автоматом, прибывавшие из Одессы в район Березовки товарные поезда с набитыми в них евреями. Поезда останавливались, из них выгоняли привезенных прямо на снег, а члены "зельбштутца", засевшие в придорожной посадке, открывали огонь по ним. А потом, по признанию Рейнгольда, колонисты передавали огню – скижая их трупы, складывая рядами крест-накрест, как это делалось при обжиге известняка. Скижалось и все из вещей этих несчастных, что не годилось для дальнейшего использования...

Но не только Гридину довелось узнать, как завершилась эта операция ее исполнителями у железнодорожных посадок. Стало известно, какое именно наказание понесли немцы из села Вормс под Березовкой – группа свыше десяти человек: за предъявленное им обвинение в убийстве 20 тысяч евреев они были сперва приговорены к заключению сроком на 25 лет, а в начале 60-х годов – после пересмотра этого приговора – и к расстрелу.

Об этом более подробно написано в очерке Бориса Прахье, помещенном в книге "А главное – верить!"

"Зап судебного заседания переполнен. Конвойные вводят подсудимых, которые пугливо оглядываются, поспешно садятся на скамью за деревянным барьером. В эвонкой тишине звучит обвинительное заключение – одни только факты, документированные фактами. Подсудимые расстреливали партиями по 10–15–20 человек. Перед казнью несчастных заставляли раздеться, отбирали у них вещи, а потом босыми, в нижнем белье, нередко и совсем голыми гнали к ямам.

Убивали в упор, с расстояния в несколько метров. Раненых добивали штыками, пристреливали из пистолетов".

Казалось бы, это описание казни уже привычно после много описанного здесь. Но вот что все же потрясает, с чем нельзя свыкнуться и от чего содрогаешься всей душой:

"У ног убитых матерей часто оставались грудные дети. Многих из них сбрасывали в ямы живыми. Один папач забавлялся тем, что поднимал крошек на вытянутой руке и стрелял в упор в их маленькие головки из пистолета..."

Журналист описывает также то, чем сопровождалось масштабное уничтожение евреев, и это особенно отвратительно читать:

"Тела жертв еще не успели остыть, как начинался дележки, детские распашонки и туфельки. Из-за ценных вещей возникали драки. Эсэсовцы организовали лотерею, в которой разыгрывались кольца, часы, пальто".

Приводится и такая невероятная, потрясающая по своей мерзости деталь:

"По распоряжению коменданта СС был открыт мыловавший завод, на который доставляли трупы убитых. Львишнюю долю доходов от продажи мыла забирали эсэсовцы, а остальное делили между собой "зельбштутцовичи".

Стали известны такие факты: один из карателей — Рудольф Карптнер гнался на лошади за мужчиной, его женой и ребенком лет шести-восьми, пытавшихся убежать с места расстрела, а когда настиг их, убил одного за другим, в том числе ребенка. Или вот цинизм такого — Владимира Фиге, который лишь пожал плечами на вопрос председательствующего в суде о том, сколько людей он убил лично: мол, не считал их...

Всего на этом процессе предстали перед судом 24 человека. Их задержали в разных концах страны после поступившего сигнала в органы КГБ о том, что они творили на Одесчине. Как стало известно В. Гридину от его соседа-колониста во внутренней тюрьме Одесского управления КГБ, сигналом явилось заявление в органы госбезопасности от одной гражданки — тоже немки, жившей в селе Вормс (Виноградное) до войны и тоже служившей врагу — в германской комендатуре как переводчица. За эту службу она отсидела 10-летний срок в советских лагерях, а по освобождении оттуда решила отомстить своим землякам из "зельбштутца" за то, что они участвовали в казни ее отца — бывшего колхозного деятеля. И тогда чекисты, получившие от нее полный список карателей,

стали вести свои розыски — как пишет Б. Прахье, "добычи данные об их возможном местонахождении, первые шесть оперативных групп выпетели из Одессы на Север, Дальний Восток, в Среднюю Азию". Они и напали на след тех, кто успел спокойно устроиться и даже обзавестись семьями к середине 50-х годов — после отбытия наказания за службу в единениях вермахта и СС.

В очерке "Березовское поле" подробно описана деятельность одной из таких чекистских групп — на Магадане, в глухом поселке, куда пришло добираться сквозь пургу на олених и собачьих упряжках, чтобы "взять" старшего золотого прииска Роберта Францевича Брауна. Другие группы доставляли таких же золотоискателей или лесорубов "с дальнего лесоучастка Муя, что в Якутии, с золотого прииска в Бодайбо Иркутской области, из Башкирии и Удмуртии, глухих уголков Казахстана..." А особенно сложно шло выслеживание за Полярным кругом, и задержание упоминавшегося выше Григория Гернера, которого признали лишь по одной улике — рваному уху... Но еще около двадцати карателей успели удрать на Запад, укрывшись в США, Канаде и ФРГ, и их имена (Р. Браун, А. Крафт, Ф. Франк и др.) тоже были названы в смертном приговоре.

Увы, это возмездие только за маленькую часть уничтоженного еврейского населения — жителей Одесской области, части Винницы и Молдовы. Всего же в Украине погибло евреев не менее полутора миллиона, а число мест их массовых расстрелов превышает 630. Но ни одно из этих зловещих "кладбищ" не должно быть забыто, и поэтому события, происходившие в каждом из этих мест, должны быть тщательно исследованы.

"Ожидает своего подробного изучения, — писала газета "Еврейские вести" в марте 1966 года, — судьба евреев в Транснистрии..."

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как бы внимая замечанию газеты ("Еврейские вести", стр. 351.), я и пытался в меру своих сил здесь, на страницах этой книги, осветить проблему, связанную с трагедией еврейского населения на земле Украины и Молдовы, оккупированной румынскими захватчиками. Моя попытка – первая в этом отношении, ибо раньше почти не делалось систематических усилий исследовать в таком масштабе то, что происходило в 1941–1944 годах в Транснистрии, или на "Территории между Днестром и Бугом".

Теперь же, когда поставлена последняя точка в моем труде, я с тревогой отправляю в типографию эту рукопись. Меня очень волнует, все ли я сумел рассказать, все ли осветил верно и достойно, не забыл ли чего-то важного. Как всякого автора, меня начинает мучить сомнение: поймут ли читатели, не пережившие той трагедии, мою исповедь?

Да, говоря о молодых читателях, я имею на это особое право. Потому что представляю невольно моих сына Анатолия и внука Алешу, живущих далеко от нашей земли. Кроме возраста и житейского опыта, нас разделяют многие обстоятельства: разные быт и нравы, разная история, прошедшая через нас. И для меня будет высшей радостью узнать о каком-то интересе к рассказанному на этих страницах, будет любопытно услышать их мнение о многом. Наверное, мне будет интересно представить и перед другими молодыми читателями – в нашей стране и за ее пределами, чтобы объяснить им что-то непонятное или дополнить недостающее.

Несмотря на все эти авторские чувства, я верю, что воспоминание о великой трагедии нашего причерноморского еврейства так или иначе станут близкими не только ныне живущим здесь молодым и старым читателям, но и перебравшимся в другие земные пределы.

Признаться, я честно ожидаю суда читателей, где бы они ни находились и кем бы ни были. Для меня такое авторское испытание особенно важно и потому, что меня, быть может, ожидает та же неизбежная участь современных евреев – перемена места жительства. Но как ни сложится моя новая жизнь, я знаю, что всегда буду помнить о той земле, на которой прошли самые сложные, горькие и прекрасные полвека моего сознательного существования. Ибо как же можно забыть о молодости, пусть и такой бурной и опасной,

Ленинград
Софийской улице № 15
13.07.1961
наши сорок лет
мы живем в изгнании
и хотим вернуться
когда-нибудь
1/1-44

Эта надпись была сделана в моей первой книге – в томе сочинений А.С.Пушкина – ко дню моего 13-летия.

или спокойно держать в душе страдания своих близких, или похоронить память о самом главном? Ведь тогда происходило такое, что это даже немыслимо себе представить в наше время, не говоря уже о будущем! Тогда евреи поистине прошли свой Ад, какой был уготован нацистами, и поистине – великий народ, вышедший из такого испытания. Чтобы

сохранить память обо всем этом для грядущего поколения, когда меня с близкими и родными уже не будет на земле, я и написал эту книгу.

“Не по своей воле жив человек!” – так сказал наш классик Шолом-Алейхем, как бы оправдывая наше существование и все мирские дела. Это мудрое замечание я готов сейчас отнести к моему другу, дорогому мне человеку и коллеге – Владимиру Михайловичу Гридину, который совсем недавно, уже после завершения совместной работы над этой книгой, подвергся бандитскому нападению на одесской вечерней улице, едва не лишившись жизни и лишь потеряв свои рукописи, уже готовые к печати. Поистине, остается жив человек, раз он делает доброе дело!

“Лехаим” – недаром ныне торжествующе звучит этот еврейский клич – “За жизнь!”, символизируя победу добра над злом, как ... напоминание нам о прошлом:

Я — каждый здесь расстрелянный старик.

Я — каждый здесь расстрелянный ребенок.

Эти страшные слова Евгения Евтушенко — напоминание всем нам: и оставшимся в живых, и новым поколениям евреев. По крайней мере, сам я живу “как сплошной беззвучный крик”, по выражению того же поэта. И раз теперь этот крик вырвался на страницы моей книги, то считаю это благом.

Да, мне хочется, чтобы читатели благодаря всему, о чем здесь было сказано, лишний раз осознали великое счастье жизни. И чтобы всегда помнили о тех, кто потерял его в страшных муках прошлого.

“Не покидай нас на старости лет!” — эти слова нашей древней молитвы я произношу, обращаясь к Человеческой Памяти.

Одесса, апрель 1998 г.

СПИСОК ЛИЦ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ПЕРЕЖИВШИХ КАТАСТРОФУ В 1941-44 гг. на территории “Транснистрии”

ОДЕССКИЙ РЕГИОН¹

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Абсолиллик Жанна	1932	Альтман Рива	1929
Иосифовна		Шмелевна	
Абрамович Мила	1925	Альтфир Наум	1929
Исааковна		Давыдович	
Абрамович Сима	1936	Аранович Марк	1932
Исааковна		Абрамович	
Авдошили Алеко	1942	Арабкова Лидия	1941
Григорьевич		Львовна	
Авербух Илья	1931	Ардеман Леонид	1934
Герикович		Романович	
Агонян Дина	1939	Ардерман Михаил	1931
Яковлевна		Романович	
Адамовская Раиса	1931	Ардерман П.Р.	1928
Мойсесовна		Ардиман Винида	1927
Адлерова Лия	—	Романовна	
Шулимовна		Артиухина Татьяна	1937
АЗарькевич	1928	Дмитриевна	
Акинитова Линена	1924	Бабасюк Лина	1930
Борисовна		Львовна	
Аксельрод Мария	1937	Бабенко Яков	1929
Михайловна		Пинусхович	
Александровна Неля	1930	Баграшуни	1924
Вольковна		Байдер	1932
Александровский	1934	Анатолий	
Мирон Борисович		Григорьевич	
Альтман Аркадий	1928	Байдер Мания	1918
Мошкович		Хаймовна	

¹ В списке приведены фамилии людей, которые в разные годы, начиная с 1990-го, состояли либо и поныне состоят на учете в Ассоциации евреев, переживших Катастрофу.

Не учтены этим списком те бывшие узники лагета и нацистских концлагерей, которые переехали на ПМЖ в другие страны либо скончались до 1990 года, а также те из них, кто до настоящего времени не смог и по каким-либо причинам стать на учет в Ассоциации.

Естественно, что данный список не может претендовать на достаточно высокую полноту перечня людей, выживших в Катастрофе в этом районе.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Бакман Мальвина	1929
Григорьевна	
Балабан Яков	1940
Владимирович	
Баланевский Давид Ильич	1909
Балицер Ефим Самойлович	—
Баранова Евгения Мойсеевна	1912
Баранова Раиса Викторовна	1937
Бардер Хайя Беневна	1927
Баренбойм Баренбойм Наум Петрович	1937
Барилова Полина Харитоновна	1918
Басман Анна Яковлевна	1918
Басс Борис Янкелевич	1923
Басс Людмила Константиновна	1926
Басс Михаил Давыдович	—
Бат Виктор Владимирович	1940
Безумная Женя Аничкина	1926
Безымянская Ида Наумовна	1937
Бейдер Давид Гершкович	1934
Бейзер Циля Львовна	1921
Бейнер Хаим Зурахович	1936
Бейнер Циля Зураховна	1943
Бекерман Лейб Гидальевич	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Беккер Арон Израильевич	1939
Беккер Бетя Исааковна	1939
Беккер Лиза Павловна	1934
Беккер Мола Абрамовна	1914
Беккер Наум Израилевич	1933
Беккер Фея Исааковна	1938
Беккерман Бетя Исааковна	1924
Беккерман Мария Григорьевна	1938
Беккерман Рива Гершковна	1934
Белоцерковская Бетя Белоцерковская	1936
Белоцерковский Моисей Аронович	1933
Бельдер Владимир Самойлович	1931
Бельдер Евгения Ефимовна	1930
Бельцман Июлий Ефимович	1938
Белянский Фима Исаакович	1933
Бендеровская Клара Симховна	1940
Бенер Рахиль Срулевна	1937
Бердичевская Циля Захаровна	1931
Бердичевский Леонид Михайлович	1933
Бердичевский Мара Абрамович	1939
Бердичевский Роман Александрович	1928

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Березовская Екатерина Иосифовна	1925	Блиндер Мания Абрамовна	1921
Березовская Циля Гершевна	1914	Блох Ида Иосифовна	—
Беренштейн Фрида Ароновна	1935	Блуштейн Борис Александрович	1930
Берман Алексей Мойсеевич	1934	Блуштейн Лиза Янкельсона	—
Берман Борис Исаакович	1932	Бобровский Леонид Давыдович	1937
Бернштейн София Яковлевна	1929	Боклер Анна Мунавна	1944
Берштейн Салим Абрамович	1939	Боксентайм Зинанда Константиновна	1931
Бершадский Владимир Давыдович	1932	Болотная Раиса Абрамовна	1931
Берштейн Рафаил Вольфович	—	Болотный Михаил Кириллович	—
Бехтман Мания Бенишевна	1923	Большова Дина Мовша-Гилелевна	1912
Бенциус Ита Срулевна Бенешенковский	1924 1929	Бондарь Геня Бондарь Иосиф	1943 1926
Леонид Александрович Биллер Евгения Иосифовна	1938	Львович Бондарь Фима	1932
Биллер Лейа Рафулевна Биллер Борис	1931 1930	Львович Бондарь Эсфирь	1937
Исаевич Бильмес Надежда Романовна	1931	Срульевна Бордо Шимма	1913
Бирман Клара Бирман Клара	1925	Несанелевна Борина Геня	1926
Исааковна Бильтер Мадлен	1939	Моисеевна Боровская Ниоя	1922
Бильтер Борис Бородатый	1930	Шулимовна Борукова Эстер	—
Исааковна Боруховец	1931	Александр Николаевич	1933
Бильтер Борис Боруховец	1930	Иделевна Борукова Срульевна	—
Боруховец	1931	Изабель Исааковна	1925
Боруховец	1931	Боруховец Ефим	1939
Боруховец	1931	Самуилович	—

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Боярская Груша Шеповна		Будницкий Юрий Александрович	1928	Вайсерман Сюня Наумовна	1928	Видимский Мойсей Мошкович	
Боярская Поля Моневна	1930	Будянский Леонид Михайлович	1939	Вайсман Борис Саневич	1939	Викнинская Пелагея Исааковна	1912
Браверман Тема Ицковна	1919	Булахович Мария Израилевна	1926	Вайсман Геня Хаймовна	1911	Викнинский Григорий Наумович	1896
Браэр Мария Срулевна	1912	Булашевская Рита Пинхусовна	1937	Вайсман Семён Хаймович	1923	Викнинский Евгений Григорьевич	1926
Браэр Раиса Карловна	1941	Бурд Уля Срудьевна	1926	Вайхенберг Моисей Мойсеевич	1929	Винер Георгий Шулевич	1940
Брацишевская Елена Назаровна	1938	Бурдейник Михаил Абрамович	1936	Валсевич Роза Моисеевна	1922	Винер Семён Гержкович	1940
Браильвер Рейзя Мееровна	1927	Бурдейник Роман Абрамович	1934	Вапнир Бейла Бенционовна	1939	Винницкая Роза Давыдовна	1939
Брейнеберг Бронислава Львовна	1926	Бурихсон Анатолий Хунович	1933	Васильева Анна Евсеевна	1932	Винокурова Эния Дувидовна	1925
Брейтбарт Бронислава Львовна	1927	Бурихсон Салик Хунович	1935	Васин-Гофман Аркадий	1940	Владов Семён Файвелевич	1930
Бренер Хаим Иосифович	1938	Буркун Илья Яковлевич	1937	Вассерман Яков Григорьевич	1929	Владова Мальвина Эммануиловна	1937
Бреслер Сима Шлемовна	1927	Бурштейн Тина Михайловна	1914	Вейберман Миля Соломонович	1932	Войчишина Розалия Владимировна	1925
Брисман Яков Иосифович	1928	Бутовецкая Беба Филипповна	—	Веккер Клара Наумовна	1916	Волков Анатолий Львович	1942
Бродская Мария Рафаиловна	1929	Бухман Ася Киселевна	1939	Великий Ефим Исралевич	1929	Воловодский Хаим Абрамович	1923
Бродская Фания Аврумовна	1917	Бухтиярова Екатерина Ильинична	1929	Венгерович Рита Александровна	1930	Волох Григорий Мойсеевич	1933
Бродская Циля Марковна	1923	Бушовецкая Беба Филипповна	1924	Вершак Вероника	1929	Волох Фира Мойсеевна	1934
Бройтман Борис Владимирович	1939	Быканова Лидия Алексеевна	1923	Вербицкая Мария Мошковна	1933	Волошин Леонид Мойсеевич	1937
Бронштейн Игорь Самойлович	1940	Вайберг Ида Наумовна	1925	Вербовецкая Фаина Иосифовна	1927	Волошко Двойра Вершак Вероника	1931
Бруславский Давид Рахмилевич	1935	Вайнер Хайка Лейбовна	1883	Вершак Вероника	1929	Давидовна	
Буберман Александр Борисович	1935	Вайштейн Иосиф Мойсеевич	1940	Андреевна		Воровецкая Сабина	1929
Буберман Семен Борисович	1938	Вайштейн Семён Мошкович	1927	Верещигина Марьям Срулевна	1922	Воронина Ида	1939
Бубис Сура	1907	Вайсберг Татьяна Львовна	1927	Верник Сарра Семеновна	1923	Шмульсона	
Абрум-Шмульевна Буденко Илья Васильевич	1923	Вайсбурт Ольга Борисовна	1927	Верникова Дора Бенчиковна	1927	Воронов Иосиф Абрамович	1927
				Верховская Верховская	1939	Воронянский Руф Мендельевич	1933
				Видимский Лев Волькович	1930	Воскобойник	
						Анна Евсеевна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Воскобойник Зинаида Константиновна	1931
Вытигайловская	1929
Мария Мордковна	
Габа Давид	1937
Давыдович	
Габа Янкель	1927
Дувидович	
Гайсинская Ида	1920
Львовна	
Гайсинская Ида	1916
Шаевна	
Гайсинский Маркус	1931
Натанович	
Галейд Самуил	1923
Яковлевич	
Гальперин Яков	1937
Аронович	
Гарбер Арон	1929
Мойсеевич	
Гезалин Рита	1941
Алумовна	
Гейман Сухер	1928
Йозефович	
Геллер Лида	1935
Борисовна	
Геллер Белла	1933
Семеновна	
Гельденман Авраам	1932
Аронович	
Гельфонд Ефим	1934
Григорьевич	
Гельфонд Этя	1910
Исааковна	
Гельфонд Этя	1910
Исамовна	
Гельман Юзя	1927
Беркович	
Гельфер Йосиф	1929
Зельманович	
Гельфонд Семен	1939
Григорьевич	
Гемуриман Владимир Михайлович	1934

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гемуриман Зинаида Яковлевна	1936
Гендельман Клара	1923
Ароновна	
Гендельман Клара	1924
Ефимовна	
Гепкленко Дора	1930
Мендлевна	
Герасименко Лидия	1941
Ивановна	
Герберг Ида	1914
Нухимовна	
Герман Петр	1927
Йосифович	
Герукис Раиса	1937
Викторовна	
Гершберг Владимир	1938
Исаакович	
Гершкович Борис	1934
Петрович	
Гершкович Перля	1928
Мойсеевна	
Гершкович Самуил	1936
Петрович	
Гершкович Фрида	1912
Израильевна	
Гершберг Илья	1929
Давыдович	
Гехтман Мания	1923
Бейшиевна	
Гибер Фаина	1926
Наумовна	
Гиллерман Соня	1925
Григорьевна	
Гиллер Леонид	1933
Романович	
Гитelman Михаил	1932
Михайлович	
Гиттельман Фрейда	1938
Элевна	
Гиттельмахер Берта	1923
Соломоновна	
Гиттерман Иосиф	1939
Мойсеевич	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Глазер Раиль	1928
Берковна	
Глейзер Абрам	1942
Яковлевич	
Глейзер Борис	1937
Занделевич	
Глейзер Григорий	1928
Семенович	
Глейзер Исаак	1915
Симхович	
Глейзер Элка	1906
Хилювна	
Глобонина Дора	1925
Мойсеевна	
Глубочанский	1925
Дмитрий Мойсеевич	
Глубочанский	1932
Зиновий Мойсеевич	
Глухов Владимир	1929
Осипович	
Гойхман Аркадий	1939
Иосифович	
Гойхман Роман	1929
Абрамович	
Гольдяк Дора	1925
Йосифовна	
Голендер	—
Голубородко Дора	1923
Мордковна	
Голубородко	1928
Израиль Борисович	
Гольдберг Суламифь	1920
Гаврилова	
Гольдштейн Юрий	1920
Ицкович	
Гольдман Владимир	1934
Миронович	
Гольдман Мирон	1886
Гольдман Тамара	1927
Мироновна	
Гольдфаб Яков	—
Меерович	
Гольдфредиб Яков	1933
Гершевич	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гольдштейн Давид	1932
Львович	
Гольдштейн Розалия	1932
Давидовна	
Гольдштейн Циля	—
Семеновна	
Гольтер Яков	1931
Петрович	
Гольтер Яна	—
Пинхусовна	
Гольцман Зинаида	1940
Шепиевна	
Гонтмахер Шлема	1930
Хловнович	
Горбатюк Муся	1932
Яковлевна	
Горбунова Елизавета	1931
Филипповна	
Гордова Ита	1939
Владимировна	
Гореберг Лев	1926
Зусьевич	
Горин Борис	1929
Герикович	
Горина Клара	1929
Борисовна	
Горошин Борис	1924
Янклевич	
Горошин Евгений	1928
Горошин Ефим	1928
Янклевич	
Горошина Фейга	1924
Шмередевна	
Горштейн Мария	1912
Мойсеевна	
Госис Александра	1917
Давидовна	
Гоферман Александр	1935
Гофман Аркадий	1940
Михайлович	
Гофман Борис	1926
Пейсахович	
Гофман Раиль	1911
Мордковна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гоцуленко Лидия Григорьевна	1929
Грамзутер Александр Маркович	1928
Грамзутер Мальвина Ефимовна	1932
Гранатурова Бруха Иосифовна	1931
Граник Раиса Семеновна	1918
Грановская Майя Анатолий Александрович	1934
Грановский	1942
Грабенюк Александр Григорьевич	1936
Грейбер (Штейнберг) Елизавета Михайлова	1922
Грейнер Абрам Владимирович	1931
Грейсер Лиза Фрайковна	1926
Грекина Ева Ушеровна	1920
Грекова Елена Пейсаховна	1930
Гречаник Роза	1941
Гринберг Александра Самойловна	1926
Гринберг Ася Наумовна	1931
Гринберг Бронислава Давыдовна	1930
Гринберг Гersh Срулевич	1906
Гринберг Лидия Григорьевна	1931
Гринберг Михаил Яковлевич	1931

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гринберг Сильва Владимировна	1926
Грикс Давид Монтьевич	1932
Грейсберг Ривка Берковна	1918
Грейсман Михаил Исаакович	1936
Грейсман Полина Григорьева	1928
Громадский Семен Борисович	1938
Гросфилер Александр Мильевич	1941
Гросфилер Раиса Бенционовна	1921
Грубина Мария Семеновна	1932
Грункина Ася Марковна	1936
Гудин Александр Срулевич	1928
Гудина Белла Иосифовна	1932
Гудис Люся Исаевна	1931
Гудис Михаил Мойсеевич	1927
Гуль Юрий Анатольевич	1927
Гулько Аркадий Данилович	1938
Гулько Татьяна Евсеевна	1941
Гундина Лидия Семеновна	1939
Гурвиц Берта Юрьевна	1937
Гурвиц Григорий Михайлович	1936
Гурвиц Ефим Михайлович	1938
Гуревич Татьяна Михайловна	1921

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гурман Борис Ефимович	1936	Драченко Лилия Осиповна	1944
Гутахов Дмитрий Исаевич	1927	Друблецкая Маня Юкелевна	1938
Гушкина Мая Давыдовна	1926	Друблецкий Александр Семенович	1932
Давид Рива Фавелевна	1925	Дубинец Анатолий Петрович	1939
Дарфман Ханя Янкелевна	1910	Дукач Мина Бенсионовна	—
Дашевский Феликс Борисович	1937	Дусман Леонид Мойсеевич	1930
Демб Светлана Семеновна	1939	Дыбнер Фения Абрамовна	1916
Демовский Леонид Маркович	1928	Дырдина Лариса Николаевна	1933
Десятник Юлия Петровна	1938	Езрубильская Полина	1931
Дехтерман Михаил Борухович	1931	Владимировна Жалковская Дина	1940
Дехтияр Ефим Соломонович	1936	Михайлова Жалковский Яков	—
Дибнер Фения Абрамовна	1916	Михайлова Жилкова Белла	1932
Димов Эмилей Нухимович	1935	Борисовна Жовтис Дарья	1924
Динкевич Александр Исаакович	1940	Александровна Жорнист Вилен	1937
Диновицер Таня Наумовна	1929	Йосифович Жорницкая Сурра	—
Диновицер Яков Хаймович	1929	Йостковна Жуковская Фаина	1935
Хаймович Добровольская Хана Яковлевна	1937	Яковлевна	
Долганова Лариса Яковлевна	1929	Завилион Абрам	1919
Долгоносова Ася Руфиновна	1929	Киселевич	
Домовской Леонид Маркович	1928	Задановская Нонна	1934
Донар Элка Лейбовича	1929	Гураиловна	
Дорфман Эйда Зайдель Майя	1905	Зайдель	
Лейбович Мойшевна		Наумовна	
Зальцман Семен Овсеевич		Заполилова Хапка	1936
		Мойшевна	
		Зальцман	1925

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Заневелевич Мария	1925
Исааковна	
Зархина Эмилия	1940
Михайлова	
Заславская Дора	1916
Мойсеевна	
Заславский Йосиф	1936
Рифульевич	
Заславский Михаил	1925
Александрович	
Захаренкова Нина	1930
Михайлова	
Захрамин Анатолий	1937
Дмитриевич	
Зап Семен Шаевич	1939
Зап Эмилия	1924
Соломоновна	
Заяц Анна Матвеевна	1928
Зверинский Лев	1925
Фроймович	
Звонецкий Борис	1934
Семенович	
Зелинский Лев	1941
Петрович	
Зельцер Анатолий	1935
Зельцер Дора	1914
Мойсеевна	
Зельцер Семен	1930
Зельцман Полина	1911
Яковлевна	
Зильберберг Мая-Блюма Аврумовна	1928
Зильберштейн Сара	1938
Семеновна	
Зильберман Надежда	1921
Генриховна	
Зильберштейн Сарра	1921
Йосифовна	
Зиппер Вилен	1929
Ефимович	
Зиппер Фания	1936
Бенционовна	
Зицерман Борис	1932
Исаакович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Златман Дора	1928
Ильсвна	
Зманер Фира	1919
Матвеевна	
Знугин Владимир	1933
Антонович	
Зозуля Григорий	1932
Миронович	
Зозуля Хана	1907
Лазаревна	
Зот Исаак	1934
Владимирович	
Зот Таня Ушеровна	1937
Зубарева Марья	1927
Янкелевна	
Зубенко Юлия	1926
Евгеньевна	
Зусман Хася	1900
Герпиковна	
Иванова Шендель	1922
Боруховна	
Иваницива Клара	1940
Петровна	
Иващенко Евгения	1940
Абрамовна	
Измайлowski	1934
Александр	
Мордкович	
Израилов Ефим	1936
Йосифович	
Ингерман Давид	1936
Яковлевич	
Иодольская Раиса	—
Игоревна	
Ионина Мася	1921
Бенционовна	
Иоффе Шайна	1902
Авсесвна	
Ицкович Мария	1934
Яковлевна	
Калика Людмила	1934
Ефимовна	
Калика Люся	1923
Фроймович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Калика-Вайнерман	1928
Евгений Йосифович	
Калинкер Светлана	—
Семеновна	
Каменецкий Зиновий	1930
Аронович	
Каневская Екатерина	1924
Маркусовна	
Капевский	1927
Александр	
Семенович	
Каплан Роза	1928
Петровна	
Каплун Кисиль	1928
Йойнович	
Капрюк Аркадий	1938
Ефимович	
Капрова Фира	1941
Мееровна	
Караильник Анна	1935
Абрамовна	
Карасик Мария	1923
Йосиповна	
Карачунская Майя	1940
Евсеевна	
Каргачер Раиса	1939
Израиловна	
Карликов Сергей	1916
Николаевич	
Карп Волько	1932
Дувидович	
Карцович Мери	1928
Гурсиневна	
Касанова Дора	1922
Айзиковна	
Каташинская Сима	1933
Ороновна	
Каущинский Наум	1933
Израилевич	
Кац Дина	1936
Михайлова	
Кац Йосиф	1939
Наумович	
Кац Рая Григорьевна	—

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кац Семен	1927
Абрамович	
Кацевман Софья	1929
Йосифовна	
Качальский Исаак	1925
Хаймович	
Кашица Елена	1928
Йосифовна	
Кваша Хана	1930
Рувимовна	
Келина Анна	1909
Маркова	
Кельнер Валентина	1941
Владимировна	
Кержнер Леонид	1939
Зусьевич	
Кержнер Софья	1921
Мойсеевна	
Керман Полина	1924
Абрамовна	
Кернес Зинаида	1930
Александровна	
Керцберд Ихель	1934
Гершкович	
Кеслер Мария	1936
Йосифовна	
Кин Самуил	1930
Файвелевич	
Киндор Александр	1929
Мошкович	
Киндор Мария	1930
Ароновна	
Кириченко Евгения	1930
Давыдовна	
Кириченко Леонид	1930
Самуилович	
Кирничкина Татьяна	1925
Львовна	
Кишиневская Галина	1927
Абрамовна	
Кишиневская Клара	1926
Борисовна	
Клейман Елизавета	1927
Аркадьевна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Клейман Леонид Митьевич	1929
Клейман Михаил Наумович	1925
Клеман Илья Акимович	1929
Клемпент Любовь Хацкелевна	1938
Клепач Владимир Майорович	1931
Клешевская Рухля Мойсеевна	1917
Климченко Рахиля Шмилевна	1928
Клишковский Иосиф Аронович	1938
Клюрфельд Мария Михайловна	1935
Княжицкая Зоя Васильевна	1925
Коблик Михаил Матвеевич	1929
Ковлер Аркадий Семенович	1932
Коган Илен Ефимович	1926
Коган Леонид Семенович	1929
Козубская (Брейтман) Дора Кйтых Рива	1928
Мойсеевна Койфман	1929
Владимир Абрамович	
Колева (Беккер) Веля Мордковна	1934
Колоницкая Александра Германовна	1930
Колтман Раја	1939
Маркова	
Колтун Елизавета Араповна	1937

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Колтунов Владимир Леонидович	1938
Кондакова Циля Мойссеевна	1936
Конман Яков Шлемович	1936
Коншина Ольга Марковна	1926
Корабельник Аркадий Семенович	—
Коренблит Рахиля Дувидович	1935
Коржская Александра Мойсеевна	1924
Корниская Мария Мойсеевна	1917
Королинская Зинаида Элионовна	1937
Короткая Полина Петровна	1929
Костюков Григорий Аронович	1937
Костюхина Этя Мойсеевна	1915
Котляр Ефим Фроймович	1941
Котляр Ита Файвелевна	1941
Котман Евгения Ульяновна	—
Котман Софья Ефимовна	—
Кофман Шейнда Мордковна	1940
Кочмарева Раиса Игоревна	1927
Кошин Илья Наумович	1927
Кошина Витя Мойсеевна	1913
Кравец Анатолий Кравец Клара Морды хаевна	1927 1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кравецкий Симен Давидович	1939
Кравцов Яков Семенович	1929
Крайз Людмила Борисовна	1938
Краснер Раја Мошковна	1927
Крейгман Анатолий Рувимович	1929
Крейдерман Яков Яковлевич	1944
Креймер Уsher Кройкенштейн	1939
Крейчман Михаил Яковлевич	1930
Креминская Беба Креминская Беба	1924
Кройтбури Янкель Волькович	1933
Крутая Алевтина Минделесвна	1937
Крутнер Геня Самуиловна	1920
Крутый Мария Исааковна	1930
Крутой Даниил Моисеевич	1930
Крутой Яков Романович	1939
Крутянский Арик Семенович	1940
Крыс Герш Янкелевич	1924
Крыс Михаил Крыс Михаил	1941
Яковлевич	
Крыс Шая Давыдович	1929
Ксендзовская Фира Исааковна	1921
Ксенофонтов Игорь Петрович	1933
Кудишива Анна Владимировна	1929
Кузнецова Анна Афанасьевна	1941
Куклина Раиса Львовна	1940
Кукуй Раиса Григорьевна	1924
Кульмац Рива Мойссеевна	1929
Кумец Фейга Кумец Фейга	1923
Купельская Анна Ефимовна	1905
Куперман Броня Месровна	1934
Куперман Рива Куперман Рива	1932
Срулевна Куперман Семен	1928
Исаакович Купершлак Евгения	1938
Ароновна Куранова Бетя Мойссеевна	1935
Кутовский Александр Владимирович	1930
Куцая Зинаида Рувиновна	1930
Рувиновна Кучук Рита Семеновна	1925
Кушнир Геня Соломоновна	1922
Соломоновна Кушнир Михаил Лазаревич	1924
Лазаревич Кушнир Яков Александрович	1927
Александрович Кушнир Яков Лабинский Леонид	1942
Лабинский Леонид Матвеевич	
Матвеевич Лавентман Сарра	1927
Лавентман Сарра	
Давидовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Лаврентьева Шима	1929
Залмановна	
Лаврова Алла	1930
Семеновна	
Ладыженская	1926
Феодосия Яковлевна	
Ладыженская Шева	1927
Шулимовна	
Лангман Клара	1940
Мироновна	
Лангман Сусана	1939
Яковлевна	
Ланцман Меер	1911
Лейбович	
Ланцман Шимон	1938
Меерович	
Ларионова Роза	1941
Ушеровна	
Лахтер Фания	—
Григорьевна	
Лев (Грайсман)	1928
Евгения Абрамовна	
Левентанер Рива	1936
Хаймовна	
Левинзон Григорий	1933
Яковлевич	
Левинсон Ефим	1938
Яковлевич	
Левинсон Наум	1937
Абрамович	
Левинсон Ося	1938
Абрамович	
Левитес Михаил	1936
Давидович	
Левицкая Галина	1932
Герцевна	
Левков Ефим	1934
Самойлович	
Левых	1939
Левых	1919
Лейбенсон Липа	1926
Давыдович	
Лейберман Клара	1936
Шиковна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Лейберман Шейва	1910
Лейбовна	—
Лейбович Йолина	
Бенционовна	
Лейви Блюма	1937
Ароновна	
Лейдерман Марья	1939
Борисовна	
Лейдерман Симха	1936
Мандлевич	
Лейчик Рита	1937
Гидалевна	
Лемперт Ефим	1933
Израилевич	
Лемперт Семен	1938
Давидович	
Лемперт Юрий	1939
Маркович	
Лерман Беба	1928
Айзиковна	
Лесин Яков	1935
Михайлович	
Лехтман Валя	1937
Шлемовна	
Либман Дона	1939
Самуиловна	
Лившиц Леонид	1937
Михайлович	
Лившиц Марьям	1939
Срулевна	
Лившиц Фания	1928
Самойловна	
Линдесман Блюма	1928
Семеновна	
Линденбойм Чарна	1913
Исааковна	
Линецкая Сура	1921
Шимовна	
Липовецкий Яков	1936
Матвеевич	
Лисак Циля	1918
Лазаревна	
Листерман Евгения	1929
Гершовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Литvak Бина	1933
Борисовна	
Литvak Виктор	1940
Мойсеевич	
Литvak Зиновий	1929
Иосифович	
Литvak Татьяна	1932
Викторовна	
Литвачкис Ефим	1939
Шлемович	
Литвиненко Лиза	1939
Кивовна	
Лупа Ефим	1930
Исаакович	
Лупарь Фаина	1937
Борисовна	
Лунcker Исаак	1936
Фроймович	
Лунcker Молка	1908
Эльевна	
Лунcker Наум	1929
Борисович	
Львов	1937
Любер Григорий	1930
Абрамович	
Мазлер Ефим	1923
Ушерович	
Мазлер Сима	1922
Матвеевна	
Макагон Евгения	1937
Григорьевна	
Макаронов Михаил	1934
Евсеевич	
Маламуд Владимир	1909
Борисович	
Маламуд Раиса	1940
Владимировна	
Малаховская Елена	—
Осиповна	
Малина Шендля	1928
Ароновна	
Малкуш Раиа	1939
Мордковна	
Манусевич	1937
Маняк Илья	1937
Юткович	
Маняк Михаил	1932
Юдкович	
Маняк Михаил	1932
Юткович	
Маняк Павел	1933
Миронович	
Маранц Елизавета	—
Исааковна	
Маргулис Азик	1922
Самойлович	
Маргулис Михаил	1936
Юдкович	
Маркелова Марина	1940
Александровна	
Марковская Анна	1936
Йосифовна	
Марковская Маня	1923
Львовна	
Марковский Лазарь	1929
Давыдович	
Марковский	1927
Михаил	
Марковский Михаил	—
Тойович	
Маркус Любовь	1939
Мартынович	1928
Александра	
Александровна	
Мархбейн Давид	1931
Абрамович	
Марховский Борис	1935
Семенович	
Масленко Евгения	1939
Ивановна	
Масленникова Дара	1920
Семеновна	
Масляк Михаил	1931
Григорьевич	
Мастер Фима	1927
Шлемович	
Масюкевич Эдя	1928
Соломоновна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Матусевич Зуся Абрамович	1931
Матусевич Лиза Шаевна	1937
Маургауз Юрий Ефимович	1941
Махновский Арсений Фримович	1936
Мацибекер	1927
Елизавета Борисовна Медведева Ирина Ионовна	1915
Медведовская Лиза Леонидовна	1934
Медова Алла Истровна	1938
Месэрzon Соня Петровна	1929
Меерович Михаил Михайлович	1938
Межберг Рива Иосифовна	1926
Мейжус Ефим Евгеньевич	1939
Меламед Мания Хаймовна	1923
Менина Туба Ицковна	1933
Мешонжник Элка Мордковна	1919
Миллер Аркадий Львович	1936
Мильберг Ида Мойсеевна	1926
Мильман Илья Абрамович	1933
Мильман Клара Абрамовна	1912
Мильман Клара Исааковна	1929
Мильман Любовь Иосифовна	1939
Мильченко Лиза Львовна	1935

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Мильштейн Раиль Йосифовна	1928
Мильштейн Рувин Йосифович	1930
Мильштейн Яков Лейзерович	1939
Минделис Рива Наумовна	1935
Минская Евгения Михайловна	1930
Минская Этя Самойловна	1930
Миняйло Раиса Иосифовна	1930
Мирвис Яков Моншевич	1928
Миронович Николай Николаевич	1938
Мирошник Мая Петровна	1939
Мисенкова Мила Федоровна	1938
Мисюк Александр Исаакович	1924
Миттельман Михаил Шлемович	1931
Мицель Абрам Хаймович	1931
Мишурис Любовь Григорьевна	1939
Могилевская Хаяся Юрьевна	1935
Могилевская Юлия Давыдовна	1936
Молдавская Зинаида Эликовна	1937
Молдавский Филипп Борисович	1929
Молотова Сима Ароновна	1921
Молчадский Борис Юрьевич	1929
Молчадский Леонид Семенович	1941

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Мордухов Миля Иосифовна	1926
Мостовецкая Людмила Иосифовна	1920
Мошкович Фаина Иосифовна	1925
Мумолина Дина Львовна	1924
Мытникова Тамара Ефимовна	1928
Мясковская Клара Мясковская Полина	1936
Пиневша Григорьевна	1926
Мясковская Фрида Мойсеевна	1931
Мясковская Шлима Исааковна	1929
Мясковский Исаак Пиневич	1930
Мясковский Семен Мойсеевич	1932
Мастовецкий Мастовецкий	1939
Владимир Пейсахович Надрея Михайлович	1929
Натаанзон Мания Симховна	1936
Нафтиман Зоик Ефимович	1938
Нафтуллина Небрат Анна	1937
Борисовна Негинский	1928
Нежилов Виктор Нежилов	1931
Борисович Немировская	1932
Людмила Исааковна Немировская	1934
Татьяна Владимировна	1931
Немировский Александрический	1931
Исаакович Немировский	1931
Непомнящий Абрам Израилевич	1930
Непомнящий Зигман Ишкович	1936
Никольская Циля Азриевна	1915
Нильва Ефим Ильич	1930
Ниржберг Неля Манусовна	1921
Новикова Александра Ефимовна	1925
Новиковна Новоселова Мирра Ефимовна	1926
Носенко Римма Мойсеевна	1936
Носкова Александра Ароновна	1930
Нуделис Михаил Львович	1933
Нудель Алим Наумович	1922
Нудельман Ида Львовна	1922
Нульман Рива Мойсеевна	1925
Ниренберг Михаил Абрамович	1928
Ободовская Геня Вольковна	1929
Ойберман Лейзер Ойберман Юрий	1931
Леонтьевич Ойберман Юрий	1931
Ойкерман Мойсей Израйлевич	1934
Ойфман Хана Ойфман Хана	1925
Вольковна Ойхерман Раиса Мойсеевна	1930
Окнянская Соня Нуссевна	1921

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Окнянский Лев Нусинович	1927
Оксенгорина Полина Зиновьевна	1927
Окунь Владимир Арадьевич	1926
Орловская Мария Ороновна	1932
Ориш Леонид Михайлович	1943
Осадчая Ида Лазаревна	1925
Островская Лариса Михайловна	1935
Ошмянская Адель Константиновна	1939
Павловская Туба Мордковна	1917
Палашник Ефим Давыдович	1928
Пасманик Соня Исааковна	1936
Пасхавер Хоня Зейликовна	1937
Паужнянский Михаил Гураилевич	1941
Певзнер Александр Борисович	1930
Певзнер Эсфирь Владимировна	1932
Пейсахова Соня Хaimовна	1941
Пейсихман Александр Львович	1938
Пельц Злата Авреймовна	1937
Перельман Аркадий Сандерович	1930
Перельман Ида Перельштейн Вениамин Мойсеевич	1930 1928
Перкусов Даниил Иванович	1934

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Перчук Анна Давыдовна	1919
Перчук Ирина Давыдовна	1926
Песчанская Сарра Израилевна	1925
Петровская Малка Шмулевна	1930
Печерская Фаня Ульяновна	1934
Печерский Илларион Гаврилович	1927
Пинкус Рудольф Соломонович	1935
Писаревская Валентина Шлемовна	1935
Писецкая Екатерина Григорьевна	—
Пичиневская Миля Яковлевна	1922
Плотникова Екатерина Александровна	1937
Поводзинская Лилия Ивановна	1936
Подборец Дора Элевна	1937
Подваллья Рахиля Бенционовна	1915
Подольская Серафима Игоревна Пойзнер Дора	1922 1925
Пейсаховна Пойменова Ната Дмитриевна	1915 1933
Покутинская Соня Исааковна	—
Полевая Ляй Михайлова	1926
Полисар Маня Беневна	1928
Полищук	1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Половецкая Хана Иосифовна	1925
Полонская Жанна Гураилевна	1930
Полонская Фрида Александровна	1941
Поляк Сура Яковлевна	1924
Помагрина Циля Помагрина Циля	—
Вольковна Помс Мария Александровна	1920
Пономаренко Песя Давыдовна	1927
Попик Семен Яковлевич	1927
Попик Элья Якубович	1922
Порпсова Наталья Владимировна	1938
Портная Александра Мойсеевна	1924
Порядочная Маня Пенхусовна	—
Посталова Евгения Львовна	1925
Постников Бронислав Александрович	1927
Постолов Лева Постников	1934
Беркович Почтарь Зина Гейбелевна	1941
Призант Илья Семенович	1936
Приходько (Рубинштейн) Людмила Яковлевна	1933
Прицкер Майя Ефимовна	1926
Прохоров Борис Федорович	1936
Птах Туба Срулевна Пустыльник Михаил	—
Петрович Рейман Александр Михайлович	1935

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Пушкирева Фира Абрамовна	1927
Пшеница Петр Михайлович	1928
Пшеница Циля Иосифовна	1928
Пшеничный Владимир Леонидович	1931
Рабинович Давид Мойсеевич	—
Рабинович Полина Ильинична	1931
Ракуз Абба Миронович	1911
Рапопорт Поля Израилевна	—
Раскин Яков Борисович	1924
Ратнер Семен Исаакович	1940
Рахнинский Кисель Хаймович	1935
Рахталер Любовь Беркович	1922
Раден Борис Яковлевич	1932
Раден Дора Иосифовна	1929
Раден Ефим Яковлевич	1937
Резник Аркадий Волькович	1929
Резник Елизавета Ароновна	1933
Резник Татьяна Владимировна	1928
Резник Татьяна Владимира	1926
Рейлис Михель Миневич	1923
Рейман Александр Михайлович	1935
Репченко Анна Михайловна	1928

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Рехлис Сура Шимоновна	1905
Рехман Михаил Наумович	1929
Рехтман Дора Абрамовна	1940
Рехтман Мария Семеновна	1909
Решетова Мария Яковлевна	1941
Решпель	1936
Ривкина Виктория Яковлевна	1926
Ритес Мона Хаймович	1917
Ритес Чарна Лейбовна	1921
Рожецкин Анатолий Самуилович	1935
Рожецкин Лев Самуилович	1928
Розенберг Берта Владимировна	1898
Розенберг Геннадий Маркович	1917
Розенберг Мина Николаевна	1926
Розенберг Раиса Юзевна	1931
Розенберг Семен Миронович	1937
Розенберг Хаим Беркович	1929
Розенблат Рива Фроймовна	1921
Розенмер Владимир Семенович	1933
Розенмер Геня Давидовна	1889
Розенмир Владимир Розенталь Лиза Ароновна	1933 1929
Розентуль Аркадий Майорович	1936

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Розенфельд Лев Ицкович	1926
Розенштейн Двойра Эльвна	1910
Розина Анастасия Яковlevna	1923
Розина Гена Ицковна	1934
Ройзин Ева	1941
Давыдовна	
Ройzman Давид Семенович	1927
Ройтенберг Лев Абрамович	1934
Ройтман Ева	1924
Айзиковна	
Ройтштейн Семен Давыдович	1933
Ройтштейн Фрида Михайлова	1923
Романенко Шифра Иосифовна	1929
Ромашкова Мария Петровна	1943
Росин Борис Львович	1935
Росин Михаил Леонтьевич	1937
Ропаль Мара Срулевна	1938
Рошаль Мара Срулевна	1938
Рошеп Дора Иосифовна	1929
Рубанович Валентина Александровна	1927
Рубина Зоя Рафаиловна	1932
Рубинский Григорий Зюзевич	1933
Рубинштейн Инна Боруховна	1937
Рудашевский Борис Эммануилович	1939

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Рудницкая Лариса	1938
Анатольевна	
Рудницкий Генрих	1932
Анатольевич	
Рузаев Александр	1943
Борисович	
Рутгайзер Елизавета	1928
Овшиевна	
Рутгайзер Яков	1932
Овшиевич	
Рыклис Виктор	1937
Григорьевич	
Рыклис Владимир	1929
Григорьевич	
Рымор Леонид	1927
Семенович	
Рысин Григорий	1933
Аронович	
Ябоб Владимир	1927
Давидович	
Рябчинская Любовь	1937
Михайлова	
Рянэр Жлата	1925
Лейзеровна	
Савранский Григорий	1940
Дмитриевич	
Сагалян Бетя	1930
Абрамовна	
Сандлер Полина	1925
Семеновна	
Сапожник Анна	1927
Ихильевна	
Сапожник Беньямин	1942
Меерович	
Сапожников	1936
Григорий Рувинович	
Сарсер Роза	1939
Яковлевна	
Свердлова Соня Миновна	1935
Секулер Ефим	1929
Моисеевич	
Семина Екатерина	1941
Валентиновна	
Серебренцкий	1931
Александр	
Яковлевич	
Серебрянникова	1941
Раиса Давыдовна	
Сигал Абрам	1941
Срулевич	
Сигал Бузя	
Израилевна	
Сигал Иосиф	
Израилевич	
Сигал Йосе Срулевич	1928
Сигал Михаил	1935
Михайлович	
Сигал Ханна	1917
Рахимовна	
Сигалова Берта	1925
Яковлевна	
Сидельникова	1927
Любовь Абрамовна	
Сидлер Раиса	1923
Соломоновна	
Сийлас Лилия	1930
Густавовна	
Сикар Виктор	1930
Викторович	
Сикар Эдуард	1938
Давыдович	
Симес Блюма	1921
Давыдовна	
Симес Меер	1924
Давыдович	
Синдер Полина	1925
Семеновна	
Синявер Лидия	1925
Ефимовна	
Синявер Лидия	1925
Ефимовна	
Сирота Борис	1938
Рувинович	
Сирота Ида	
Соломоновна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения						
Сирота Рива	1925	Спектор	1914	Табачник Соя	1930	Тимашпольская	1936
Бенционовна		Спектор	1929	Ароновна		Фаина Абрамовна	
Сирота Юрий	1936	Спектор Евдокия	1930	Табачников Георгий	1930	Тисменецкая Хана	1925
Фавалевич		Львовна		Залимович		Абрамовна	
Скоеоровская Руся	1931	Спектор Фейга	1921	Тайбер Григорий	1930	Тительман Берта	1922
Борисовна		Лейбовна		Янкелевич		Абрамовна	
Скоморовская Руся	1931	Спивак Бася	1933	Талис Александр	1926	Ткач Григорий	1935
Борисовна		Янкелевна		Псалкович		Шаевич	
Скундина Эльвира	1936	Сливак Исаак	1937	Талисман		Токман Муся	1928
Григорьевна		Михайлович		Таллер Циля	1933	Мироновна	
Славуцкая-Донар	—	Списаренко Рива	—	Мойсеевна		Токман Этия Львовна	1940
Иля Лейбовна		Макаровна		Тандин Маня	1928	Токман Яков	1937
Славуцкий Meer	1935	Ставчинская Либа	1916	Эльсвна		Симхович	
Иосифович		Хананинва		Тарас Леонид	1938	Тоня Бася Янкелевна	1909
Слепая Евгения	1935	Стародинский Давид	1924	Зусьевич		Трапштейн Михаил	1930
Абрамовна		Стаценко Соя	1935	Тартак Хонца	1931	Соломонович	
Слепой Борис	1934	Наумовна		Исралевна		Трейбач Семен	1927
Иосифович		Стельмаченко	1924	Таужнянский	1941	Григорьевич	
Смоленская Ева	1928	Полина Николаевна		Михаил Израилевич		Трейгер Доба	1926
Львовна		Стуржа Давид		Таутнянская Шура	1921	Израилевна	
Смoler Елена	—	Мотелевич		Моисеевна		Трейгер Злата	1918
Аркадьевна		Суворкина Маня	1924	Твердохлебов	1940	Мотелевна	
Смотрицкая Фира	1916	Шимовна		(Рубинштейн)		Трейгер Пелагея	1931
Яковлевна		Суплер Белла	1936	Александра		Натановна	
Смотрицкая Фрида	1922	Борисовна		Яковлевич		Трейсман Семен	
Яковлевна		Сурилова Ида	1935	Твердохлебова Ася	1937	Израилевич	
Соболева Лиза	—	Яковлевна		Наумовна		Тростянецкий Семен	1928
Шоисовна		Суриница (Эштейн)	1931	Текман Раиса	1937	Семенович	
Соболь Семен	1929	Лидия		Рафаиловна		Трушкин Леонид	1942
Вольфович		Сушон Сергей	1928	Тепильман	1910	Максимович	
Соболь Шулым	1937	Петрович		Теплицкая Мария	1933	Тульчинская Лидия	1937
Давыдович		Сушон Леонид	1931	Иосифовича		Самуиловна	
Сокол Дина	1926	Петрович		Теплицкий Шимон	1927	Ук Шендля	1912
Липовна		Табакман Ната	1934	Зельевич		Хайновна	
Сокол Раиса	1921	Иосифовича		Теплия Иосиф	1929	Украин Давид	1935
Липовна		Табачник Александр	1925	Борисович		Яковлевич	
Соколова Фрида	1937	Борисович		Терлецкая Сарра	1926	Улинецкая Полина	1940
Иосифовна		Табачник Ефим	1944	Яковлевна		Манащевна	
Соколовский	1939	Львович		Тесель Раиса	1929	Усач Шлема	1938
Арнольд Лазаревич		Табачник Ната	1934	Иосифовна		Моисеевна	
Сокольская Софья	1929	Иосифовна		Теслер Давид	1930	Устинова Ольга	1926
Рахмилевна		Табачник Раиса	1923	Яковлевич		Сергеевна	
Солодкая Раиса	1925	Бенционовна		Тетельман Хая	1910	Ушеров Семен	
Срулевна				Мойсеевна		Михайлович	1927

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Фагенбойм Иосиф Ильич	1936	Флейшман Борис Исаакович	1934	Фридман Яков Петрович	1936	Хасин Аврам Иосифович	1930
Файнберг Люзя Нуссевич	1939	Флейшман Мейлах Саневич	1931	Фудим	1928	Хасина Роза Иосифовна	1924
Файнгейбум Зинаида Хаймовна	1931	Флехнер Вольф Аронович	1937	Фукс Любовь Михайлова	1920	Хасина Фрима Абрамовна	1906
Файнгерц Сарра Наумовна	1935	Флешель Клара Наумовна	1928	Фурер Евгения Семеновна	1938	Хейнман Дора Мойссевна	1924
Файнких Валерий Моисеевич	—	Флинг Михаил Ефимович	1934	Фурер Семен Ефимович	1939	Хенкина Сабина Алексеевна	1929
Файнтех Мойсей Ионович	1920	Флинг Сарра Семеновна	1937	Фурман Елена Ароновна	1934	Херсонская Геня Зельмановна	1927
Файнштейн Евгения Лазаревна	1924	Фликштейн Александр Наумович	1930	Фурман Елена Иосифовна	1936	Хлян Фаина Захарьевна	1933
Фарбер Галина Мойсеевна	1937	Фликштейн Полина Борисовна	1938	Хазин Яков Иосифович	1932	Хозе Евгения Ефимовна	1924
Фарбер Евгения Тимофеевна	1935	Фломенбойм Доротея Михайлова	1938	Хаимская Геня Моисеевна	—	Хозе Евгения Исааковна	1924
Феленштейн Броня Срулевна	1931	Франц Григорий Михайлова	1936	Хаимская Ляя Мироновна	1911	Хойтар Марьям Хомчук Михаил	1921
Феллер Григорий Лейбович	1936	Мойсеевич Фрейдаон	1936	Хаимский Исаак Ефимович	1931	Георгиевич	1936
Фельдман Фельдман Анна Абрамовна	1932 1919	Фрейлихман Зоя Иосифовна	1933	Хаимский Лев Ефимович	1933	Хомчук Светлана Георгиевна	—
Фенер Игорь Григорьевич	1943	Фрейман Татьяна Иосифовна	1930	Хаит Борис Ефимович	1937	Хоштер Бася Янкелевна	—
Фердман Фердман Иосиф Моисеевич	1937 —	Фрейман Зоя Иосифовна	1933	Хайт Ида Монсеевич	1927	Хрулева Светлана Зиновьевна	1939
Фидлер Поля Финкель Ева Марковна	1924 1932	Фрейнберг Мариям Хаймовна	1929	Хайт Ефим Хайтер Александр	1939 1930	Хуторянский Владимир Элинович	1938
Финкельштейн Абрам Мойсеевич	1928	Фрейнтихи Зина Исааксна	1933	Хайт Ида Иосифович	1927	Хухрова Роза Нышановна	1930
Финкельштейн Наум Мойсеевич	1930	Фридман Анатолий Петрович	1939	Хайт Евгения Целикман Евгения	1921	Целикман Евгения Михайлова	—
Финкельштейн Рива Пейсховна	1929	Фридман Елена Григорьевна	1924	Хайт Марьям Ципа Абрамовна	1921	Цепколенко Розалия Григорьевна	1927
Финкельштейн Роза Исааковна	1928	Фридман Лев Павлович	1925	Халфин Александр Давидович	1928	Циканская Елизавета Иосифовна	1929
Финкельштейн Семен Исааковна	1933	Фридман Леонтий Николаевич	1921	Халфин Алексей Яковлевич	1927	Цикман Полина Ароновна	1919
		Фридман Мара Зусевна	—	Халфина Бронислава Иосифовна	1928	Цирульникова Бетя Мойсеевна	1925
		Фридман Семен Александрович	1932	Халфина Лина Петровна	1930	Цитрон Александр Исаакович	1937
				Харитонская Циля Зиновьевна	1932		

Фамилия, имя, отчество	Год рождения						
Цун Роза Моисеевна	1910	Шаргородский Лев	1932	Шерман Мария	1925	Шойхет Александр	1925
Цыпин Абрам	1938	Моисеевич		Ефимовна		Анатольевич	
Аронович		Шаткина Вита	1937	Шерман Михаил	1929	Шойхет Раиса	1929
Цыпина Полина	1938	Шмулевна		Аронович		Леонтьевна	
Мойшевна		Шварцберг Арнольд	1938	Шерман Раиса	1931	Шойхет Роман	1940
Цырон Виктор	1939	Федорович		Моисеевна		Абрамович	
Степанович		Шварцбург Шейва	1933	Шестопалова Рива	1938	Шойхет Эмма	1932
Черкас Екатерина	—	Мойсеевна		Иосифовна		Абрамовна	
Михайлова		Шварцман Исаак	1930	Шехтерман Эдуард	1938	Шойхетброл Ривен	1926
Чернер Лиза	1932	Мордович		Давыдович		Шенхусович	
Эльевна		Шварцман Клара	1938	Шехтман Муся	—	Шор Роза	1935
Чернер Файна	1927	Абрамовна		Овсесвна		Мойсеевна	
Борисовна		Шварцман Лазарь	1936	Шильман Михаил	1936	Шпилилер Владимир	1924
Чернер Александр	1935	Мордович		Ушерович		Занвслевич	
Ильич		Шварцман Поля	1911	Шихман Абрам	1935	Шпилилер Елизавета	1926
Чернер Геннадий	1932	Хаимовна		Мойсеевич		Мойсеевна	
Нусьевич		Шварцман Раиса	1936	Шихман Гедаль	1910	Шпитальник Ефим	1939
Чернер Татьяна Эльевна	1938	Давыдовна		Мошкович		Иосифович	
Чернина Рива	1938	Шварцман Рахиль	1924	Шихман Хана	1916	Шпитальник Семен	1932
Давидовна		Исааковна		Григорьевна		Иосифович	
Чернобельская	1937	Шварцман Рувим	1939	Школьник Аркадий	1929	Шраблейн	1931
Чернобельская Клара	1927	Мордович		Иосифович		Анатолий	
Владимировна		Шварцман Фания	1937	Школьник Ефим	1938	Григорьевич	
Черноглаз Мирон	1919	Шмулевна		Давидович		Шраер Броня	1925
Давидович		Шварцштейн Софья	1937	Школьник Петр	1940	Шмультовна	
Чернявская	1916	Нусимовна		Иосифович		Шрайбман Бетя	1931
Чижова Зинаида	1922	Шевченко Михаил	1928	Шляховская Мира	1934	Давыдовна	
Захаровна		Соломонович		Наеховна		Шрайбман Борис	1926
Чубинская Циля	1934	Шейнкар Эсфирь	1910	Шмаргун Шая	1926	Мордович	
Срулевна		Борисовна		Фромовна		Штаксер Дора	1931
Чуравса Эстер	1933	Шель Вель	—	Шмидт Любовь	1932	Лейбович	
Срулевна		Ханимовна		Александровна		Штарога Малися	1930
Чурсина Бронислава	1933	Шемпер Михаил	1935	Шмилович Раиса	1936	Абрамовна	
Львовна		Аврумович		Самойловна		Штейман Борис	1935
Шайнштейн Михаил	1938	Шер Ефим	—	Шнейдер Борис	1929	Шулимович	
Александрович		Самойлович		Миронович		Штейман Ефим	1937
Шамис Анна	1919	Шер Мария	—	Шнейдер Шиндля	1924	Шулимович	
Яковлевна		Израилевна		Мееровна		Штейнберг Евгения	1940
Шапиро Бронислава	1923	Шер Шура	1939	Шнейдерман Наум	1929	Мойсеевна	
Борисовна		Самойловна		Григорьевич		Штейнберг	1912
Шапошникова Клара	1931	Шергет Поля	1934	Шнейдерман Ниоя	1939	Елизавета	
Зейликовна		Михайловна		Абрамовна		Михайловна	
Шаргородская	1938	Шерман Лена	1929	Шойхетброл Григорий	1924	Штейнберг Клара	
Татьяна Моисеевна		Григорьевна		Кальманович		Григорьевна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Штейнберг Петр Иделевич	1926
Штейнгарт	1924
Фейга-Минцля М.	
Штейнгарт	1938
Александра Яковлевич	
Штекман Семен Маркович	1928
Штиммер	1939
Александра Абрамовна	
Штрахман	1937
Александр Беркович	
Штульман Ефим Айзикович	1940
Шульцман Ида Ильиничца	1914
Шустер Ефим Израилевич	1936
Шустер Либа Ицковна	1916
Шустер Хава Михайлова	1915
Шухат Абрам Исаакович	1929
Щербань Ида Яковлевна	1929
Щербань Леонид Петрович	1930
Щлимович Раиса Самойловна	1936

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Агрес Анатолий Ефимович	1941
Балагула Малка Цудевна	1924
Берлин Неля Мироновна	1924

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Ээри Галина Игоревна	1930
Эйдельман Рехл Бендеровна	1928
Эльберг Владимир Давыдович	1931
Эльман Роман Меерович	1943
Эльман Сура Давыдовна	1917
Эпельман Шимон Иосифович	1939
Эрлик Исаак Абрамович	1918
Юрковецкий Исаак Анатольевич	1938
Юровская Блюма Хаскелевна	1937
Юровский Борис Иосифович	1935
Юсим Поля Моисеевна	1907
Яблоновская Анна Марковна	—
Явицкий Михаил Исакович	1928
Якерс Лариса Оскозовна	1932
Якубсон Ася Альфредовна	1935
Якубсон Михаил Эммануилович	1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Брехнер Иосиф Ефимович	1934
Быканова Лидия Алексеевна	1923
Вайстгут Ольга Борисовна	1925
Венгеров Ефим Григорьевич	1939
Войчишина Розалия Владимировна	1925
Вугельман Илья Пейсахович	1936
Герасименко Лидия Ивановна	1941
Гиль Арон Шмульевич	1920
Глейзер Гитя Яковлевна	1916
Грейнец Абрам Владимирович	1931
Гриштан Иван Зеликович	1926
Гудис Фира Петровна	1919
Заневелевич Мария Исааковна	1925
Зигман Лидия Валентина Шлемовна	1937
Николаевна Пойзнер Берко Гершкович	1925
Знутин Владимир Розентуль Аркадий Антонович	1938
Касапова Дора Айзиковна	1922
Кашицкая Елена Иосифовна	1927
Керман Полина Абрамовна	1924
Куплерман Рива Срулевна	1932
Литвинская Соня Мееровна	1937
Лушаков Александр Борисович	1933
Малышева Софья Иосифовна	1938
Миттельман Михаил Шлемович	1931
Мясковский Абрам Яковлевич	1942
Мястковецкий Владимира Пейсахович	1939
Непомнящий Зигмон Илкович	1936
Никольская Цивья Израилевна	1915
Окунь Владимир Аркадьевич	1926
Певзнер Михаил Енцинович	1939
Певзнер Семен Исаакович	1925
Пейсахова Соня Хаймовна	1941
Петриченко Бася-Янкель Мойшовна	1934
Писаревская Валентина	1935
Ройтман Александра Григорьевич	1920
Рубина Зоя Рафаиловна	1932
Рубинский Григорий Зюзевич	1933
Рувин Карл Соломонович	1929
Рузавец Александр Васильевич	1943
Рябчинская Любовь Михайловна	1937

ВИННИЦКИЙ РЕГИОН¹

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Слуцкая Раиса	1914	Шварцман	1934
Семеновна		Александр	
Слуцкий Семен	1935	Ефимович	
Михайлович		Шварцман Игорь	1939
Ставецкий Хаскель	1940	Львович	
Мендельевич		Шварцман Клара	1938
Твердохлебов	1940	Абрамовна	
(Рубинштейн)		Шепетиновский	1937
Александр Яковлевич		Борис	
Тепер Ева Давидовна	1915	Владимирович	
Тростянецкий Семен	1928	Шерман Мария	1925
Семенович		Ефимовна	
Файгенбаум Зинаида	1931	Шехтерман Эдуард	1938
Хаимовна		Давидович	
Фердман Фейга	1914	Ширман Ефим	1939
Янкелевна		Борисович	
Черноглазов Мирон	1919	Штрахман	1930
Давидович		Александр Беркович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Абович Зинаида	1926	Айз Изя Семенович	1928
Лазаревна		Айzman Михаил	1937
Абович Исаак	1937	Соломонович	
Михайлович		Айzman Соня	1924
Абрамович	1926	Давидовна	
Владимир Ефимович		Александровский	1935
Абрамович Галина	1928	Александр	
Евсевья		Зиновьевич	
Абрамович Давид	1937	Альтман Аркадий	1941
Срулевич		Мусиевич	
Абрамович Евгения	1940	Ангерт Рухля	1935
Менашевна		Нусиновна	
Абрашитова Берта	1928	Ангерт Самуил	1933
Владимировна		Срулевич	
Авербух Анна	1940	Андросова	1926
Михайловна		Валентина	
Авербух Мария	1930	Николаевна	
Иогановна		Аншин Исаак Ильич	1930
Авербух Александр	1935	Арбит Полина	1922
Львович		Абрамовна	
Авербух Светлана	1937	Архова Рая	1931
Ефимовна		Нусиновна	
Авербух Исаак	1924	Аснис Арон	1924
Альтерович		Борукович	
Аврах Зинаида	1931	Бабчинецкая Поля	1940
Иосифовна		Лазаревна	
Аврах Михаил	1927	Бабчинецкий Михаил	1936
Семенович		Тойворич	
Аврох Дора	1935	Байдера Семен	1935
Михайловна		Петрович	
Адлер Абрам	1934	Байдера Евгения	1937
Михайлович		Ефимовна	

¹ В списке приведены фамилии людей, которые в разные годы, начиная с 1990-го, состояли либо и поныне состоят на учете в Ассоциации евреев, переживших Катастрофу.

Не учтены этим списком те бывшие узники гетто и нацистских концлагерей, которые переехали на ПМЖ в другие страны либо скончались до 1990 года, а также те из них, кто до настоящего времени не смог и по каким-либо причинам стать на учет в Ассоциации.

Естественно, что данный список не может претендовать на достаточно высокую полную перечня людей, выживших в Катастрофе в этом районе.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
---------------------------	-----------------

Бак Владимир Иосифович	1912
Бак Етя Ихильевна	1919
Бакалейник Иосиф Леонтьевич	1930
Бакалейник Евгения Давидовна	1929
Бакалейник Ида Яковлевна	1930
Бакалейник Мария Исаковна	1932
Бакман Фана Ароновна	1910
Бакман Евгения Григорьевна	1932
Бакман Илья Гершович	1935
Балагула Бетя Зэйликова	1910
Балагула Израиль Хаймович	1935
Балк Миля Семеновна	1924
Балк Сарра Ефремович	1933
Лейбович Балкарей Леонид	1927
Балкарей Евгения Григорьевна	1929
Барграсер Михаил Ицкович	1934
Баренберг Михаил Абрамович	1924
Барышников Михаил Яковлевич	1936
Барская Хана Ефимовна	1935
Барский Семен Борухович	1926
Бартек Естер Янкелевна	1929
Бартек Михаил Абрамович	1928

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Барштейн Аркадий Миронович	1935
Барштейн Ася Константиновна	1928
Барштейн Давид Миронович	1939
Барштейн София Яковлевна	1939
Басс Дора Григорьевна	1913
Бейтель Леонид Бейтель Маня Львовна	1932
Бейтель София Фавелевна	1913
Бейтель Ефим Матвеевич	1930
Бейтель Яков Матвеевич	1936
Бейтельман Ефим Ефимович	1928
Бейдер Аделя Михайлова	1933
Бейдер Эмануил Александрович	1938
Бейдер Зоя Шнеэрсона	1934
Бейдер Любовь Исааковна	1934
Бейдер Ната Шнеэрсона	1939
Бейдер Рива Григорьевна	1933
Бейдер Рувин Срулевич	1937
Бейдер Сарра Моисеевна	1936
Бейдер Яков Срулевич	1930
Бейдер Илья Срулевич	1933
Беккер Израиль Абрамович	1915

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
---------------------------	-----------------

Беккер Клара	1927	Берензон Бронислава	1928
Борисовна		Пейсаховна	
Беккер Раиса	1926	Берензон Григорий	1939
Срулевица		Пейсехович	
Беккер Соnia	1941	Берензон Николай	1932
Абрамовна		Борисович	
Беккер Израиль	1938	Берензон Роза	1908
Аврамович		Лейбовна	
Беккер Израиль	1921	Берензон Сура	1906
Волькович		Юдковна	
Беккер Илья	1924	Берензон Ида	1926
Иосифович		Бенционовна	
Беккерман Борис	1931	Беренштейн	1930
Шикович		Владимир Маркович	
Беккерман Раиса	1936	Берик Михаил	1943
Иосифовна		Ефимович	
Беликов Дувид	1936	Берман Моисей	1935
Аврумович		Михайлович	
Бельзэр Марьяся	1911	Берман Сося	1938
Зэйликова		Шлемовна	
Бельман Дина	1939	Бершадская	1927
Михайлова		Елизавета	
Бельман Михаил	1939	Константиновна	
Гершкович		Бериг Лев Иосифович	1935
Бельфлер Геня	1941	Бессарабская Фания	1933
Захаровна		Ефимовна	
Бельфлерман Мания	1933	Бессарабская Туба	1930
Умеровна		Мордковна	
Белинская Целина	1910	Бессарабский Моисей	1926
Иосифовна		Ефимович	
Бендит Ася	1926	Билерт Андрей	1931
Исааковна		Борисович	
Бендит Давид	1929	Бих Симха	1937
Исаакович		Миронович	
Бендит Мария	1931	Блаватник Дора	1934
Исааковна		Ароновна	
Бергер Адольф	1939	Бланк Марк	1930
Аврумович		Исаакович	
Березовская Раиса	1928	Блейзман Ефим	1940
Григорьевна		Михайлович	
Березин Юрий	1938	Блиндер Харитон	1928
Мойсеевич		Иосифович	
Березина Ида	1930	Блинецкая Роня	1909
Самуиловна		Шлемовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Блинецкий Семен Самуилович	1941	Бортных Александр Иосифович	1936	Брисман Сима Айзиковна	1935	Бурштейн Сара Владимировна	1912
Блювштейн Рива Ноевна	1919	Бортникер Иосиф Ионович	1927	Бродская Двойра Шмулевна	1904	Бурштейн Семен Самуилович	1933
Блювштейн Тема Израилевна	1928	Борух Леонид Абрамович	1923	Бродский Петр Иосифович	1937	Бурштейн Семен Самойлович	1928
Богомольная Маня Ихелевна	1927	Борицанская Зоя Львовна	1926	Бройтман Семен Романович	1941	Бурштейн Ефим Иосифович	1936
Богомольная Фаня Давидовна	1915	Ботвинник Леонид Семенович	1938	Бронфмахер Абрам Цудикович	1936	Бурштейн Ева Борисовна	1934
Богомольная Фира Срулевна	1932	Ботштейн Мася Абрамовна	1922	Бронштейн Захар Семенович	1936	Бухер Александр Аврамович	1928
Богомольный Иосиф Шмусевич	1928	Боир Майя Львовна	1937	Бронштейн Иосиф Яковлевич	1938	Бухман Иосиф Айзикович	1930
Богомольный Анатолий Михайлович	1934	Браверман Эстер Абрамовна	1921	Бронштейн Морис Яковлевич	1941	Бялин Ефим Александрович	1931
Богопольская Песя Давидовна	1938	Браверман Этель Иделевна	1927	Бронштейн Ефим Яковлевич	1932	Беленькая Маня Мошкова	1926
Богуславская Маня Юдковна	1924	Брайнес Ася Михайловна	1939	Брофман Фаина Наумовна	1938	Белковская София Самуиловна	1930
Бойгин Лиза Шмуль-Лейбовна	1925	Брайтман Мария Абрамовна	1932	Брум Елизавета Ефимовна	1925	Билянская Евгения Михайловна	1923
Бойтман Фира Мендельсна	1932	Бранделис Мошко Гершкович	1925	Брунфельс Евгения Борисовна	1916	Бинштейн Борис Волькович	1939
Болотина Давид Яковлевич	1937	Бранделис Фаня Янкелевна	1929	Буберман Леонид Яковлевич	1930	Бинштейн Александр Матвеевич	1943
Бондарь Анна Иосифовна	1923	Брандт Елизавета Яковлевна	1924	Буберман Сима Яковлевна	1928	Битляр Шура Овсесевич	1933
Бондаревская Берта Григорьевна	1937	Брандт Михаил Исакович	1924	Будянская Маня Григорьевна	1929	Вагнер Лиза Юдковна	1932
Борецкая Белла Ефимовна	1929	Бренер Клара Иосифовна	1926	Бурбан Фрида Пиневна	1932	Вайzman Лия Иосифовна	1939
Борецкая Евгения Израилевна	1914	Бренер Маня Яковлевна	1910	Бурд Михаил Моисеевич	1936	Вайман Иосиф Матвеевич	1931
Борисовская Эстер Вольковна	1928	Брензильберг Рувин Рахмилевич	1924	Бурд Раиса Шепновна	1938	Вайнер Аркадий Петрович	1927
Боровский Яков Борисович	1929	Брэслер Лейз Ихилевич	1903	Бурд Фридиль Исаакович	1936	Вайнер Двойра Григорьевна	1938
Боровский Исаак Срулевич	1942	Брэслер Соня Яковлевна	1895	Бурман Гедель Давидович	1924	Вайнер Маня Мееровна	1932
Борогина Соня Киселевна	1933	Брехман Леонид Шмулевич	1939	Бурштейн Аркадий Львович	1928	Вайнер Михаил Давидович	1931
Борода Евгения Абрамовна	1913	Бриль Мотя Шмулевич	1930	Бурштейн Сара Владимировна	1936	Вайнер Раиса Григорьевна	1936

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Вайнер Шмуль Рувинович	1938
Вайнер-Шпак Неха Фроимовна	1924
Вайнтрауб Мария Израилевна	1940
Вайнтрауб Александра Моисеевна	1942
Вайнштейн Абрам Михелевич	1934
Вайнштейн Людмила Матвеевна	1934
Вайнштейн Марьям Иосифовна	1925
Вайнштейн Муся Монсеевна	1935
Вайнштейн Рахиль Монсеевна	1939
Вайнштейн Сарра Львовна	1939
Вайншток Борис Аронович	1938
Вайншток Владимир Давыдович	1930
Вайншток Лина Ефимовна	1930
Вайншток Рива Мотьевна	1941
Вайсберг Ефим Леонидович	1932
Вайблат Абрам Моисеевич	1936
Вайблат Етя Моисеевна	1940
Вайсбурд Берта Ароновна	1931
Вайсбурд Бетя Евсеевна	1924
Вайсер Хая Срулевна Хаймовна	1927
Вайсерман Мария	1923
Вайсман Абрам Хаймович	1940

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Вайсман Зинаида Матвеевна	1937
Вайсман Калмен Хаимович	1936
Вайсман Моисей Лейович	1934
Вайсман Семен Григорьевич	1934
Вайсман Семен Львович	1931
Вайсман Шеля Соломоновна	1934
Вайсман Ида Шаевна	1931
Вайцман Ева Израилевна	1924
Ваксман Голя Мусиевна	1917
Валевич Соня Шмулевна	1933
Валевич Игорь Миронович	1932
Валинблат Рейзя Янкелевна	1927
Варновицкая Раиса Ароновна	1938
Васерман Либа Хаймовна	1913
Васерфирер Ефим Меерович	1931
Васерфирер Фира Липовна	1936
Василенко Галина Самойловна	1938
Вассер Анна Мортковна	1936
Вассер Эстер Борисовна	1909
Вассер Илья Рувинович	1928
Вассерман Геня Яковлевна	1922
Вейбер Белла Киселевна	1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Вейбер Ефим Григорьевич	1936
Веккер Анюта Ушеровна	1932
Великая Маня Шайхехвона	1934
Великий Семен Иосифович	1934
Вельдер Моисей Исаакович	1938
Вербер Виктор Григорьевич	1928
Вербель Эсфирь Срулевна	1931
Вербер Абрам Хаймович	1937
Верман Фейга Мехелевна	1910
Виноградов Олег Борисович	1940
Винокур Аделя Винокур Раиса Семенович	1938
Винокур Аделя Борисовна	1931
Винокур Михаил Семенович	1930
Винокур Соня Наташевна	1930
Винокур Суня Шмулевич	1937
Винокур Фира Мусиевна	1935
Винокур Юрий Мусиевич	1928
Водоровник Циля Моисеевна	1912
Водоровник Циля Мойсесовна	1941
Волдитор Хайка Вольковна	1914
Волок Мария Моисеевна	1936
Волок Михаил Ефимович	1942
Волок Исак Борисович	1939
Волошин Абрам Ниссевич	1937
Волошина Адель Мордковна	1937
Волоцук Всеволод Иванович	1938
Вороповицкая Бруха Исааковна	1929
Воскобойник Семен Хайкеевич	1914
Воскова Шева Пейсевна	1930
Вуглер Татьяна Михайлова	1940
Вугман Ефим Аронович	1941
Вулер Фаина Алексеевна	1936
Вулер Ефим Львович	1927
Вульф Любовь	1926
Давидовна Вяттер Лиза Абрамовна	1926
Викнианская Раиса Матвеевна	1929
Винер Бетя Вольковна	1921
Винницкая Рива Михайлова	1928
Винницкий Янкель Борухович	1924
Винокур София Мотевна	1925
Винокур Фира Мусиевна	1915
Винокур Ефим Мойсесович	1926
Винокур Евгения Владимировна	1924
Витавер Исаак Канеевич	1931
Гагаркина Людмила Ефимовна	1942

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гайсин Роза	1922
Марковна	
Гайсинская Маня	1920
Алтеровна	
Галантэр Клара	1925
Ефимовна	
Галантэр Александр	1934
Зельмонович	
Галафутник Геня	1933
Григорьевна	
Гальперина Раиль	1931
Зельмановна	
Гандельман Татьяна	1925
Яковлевна	
Ганжа Владимир	1933
Моисеевич	
Ганиевна Маня	1926
Гершковна	
Гарбер Владимир	1934
Симхович	
Гарбер Григорий	1938
Симхович	
Гарбер Евгения	1933
Алексеевна	
Гарбер Евгения	1937
Шлемовна	
Гарбер Мария	1906
Давидовна	
Гарбер Михаил	1927
Симхович	
Гарбер Александр	1937
Алексеевич	
Гарбер Роза	1933
Бердковна	
Гарбер Семен	1922
Иосифович	
Гарбер Сима	1939
Рафаиловна	
Гарбер Яков	1932
Симхович	
Гарбор Роза	1938
Мошковна	
Гасс Мая	1937
Иосифовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гасс Хаим	1933
Давидович	
Гвинтер Геул	1938
Хаймович	
Гвинтер Моисей	1935
Янкелевич	
Гвинтер Сура	1937
Ароновна	
Гвинтер Хайка	1928
Янкелевна	
Гвинтер Юзя	1931
Моисеевич	
Гейзель Мирра	1920
Нухимовна	
Гейзер Сура	1921
Хаймовна	
Гейсман Галина	1936
Александровна	
Геккер Моисей	1939
Наумович	
Геккер Рива	1916
Муновна	
Гелин Владимир	1940
Меерович	
Геллер Бузя	1927
Вольфович	
Геллер Фаня	1930
Самуиловна	
Гельбурд Аркадий	1929
Шикович	
Гельман Михаил	1941
Абрамович	
Гельман Михаил	1942
Александрович	
Гельман Наум	1928
Абрамович	
Гельман Туба	1912
Берковна	
Гельман Хайка	1910
Янкелевна	
Гельфор Михаил	1933
Лазаревич	
Гельфор Соня	1932
Фроймовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гелин Бенцион	1925
Янкелевич	
Гелин Бруха	1929
Нафтальевна	
Гервис Анна	1925
Иосифовна	
Гервис Давид	1926
Хаймович	
Герман	1935
Валентина	
Исааковна	
Герман Мария	1937
Исааковна	
Герман Михаил	1931
Бенционович	
Герман Роза	1935
Монсеевна	
Герман Роман	1942
Хаймович	
Герман Сура Гилевна	1911
Самойловна	
Герман Игорь	1937
Абрамович	
Герман Изя	1936
Семенович	
Герус Марьян	1936
Мойшевна	
Герценштейн Яков	1932
Борисович	
Гершензон Лев	1914
Абрамович	
Гехтман Моисей	1921
Абрамович	
Гехтман Фира	1913
Григорьевна	
Гецелевич Фейга	1916
Гершковна	
Гинзбург Михаил	1937
Вульфович	
Гитман Сарра	1929
Израилевна	
Гладцтейн Изя	1930
Петрович	
Гладилина Полина	1925
Монсеевна	
Глазман Исаак	1927
Давидович	
Глейзерман Гитля	1937
Мошковна	
Глейзерман Рива	1938
Гершковна	
Глейзерман Сруль	1936
Михайлович	
Глинец Аркадий	1928
Симхович	
Глинец Роза	1934
Семеновна	
Глузман Шуня	1919
Абрамовна	
Глебова Илюся	1926
Зусевна	
Гнатовская Мария	1936
Абрамовна	
Говцилевич Фания	1929
Самойловна	
Говшюевич Сима	1934
Самойловна	
Говшюевич Ева	1934
Айзиковна	
Говшиевич Исаак	1931
Евсеевич	
Гойдман Янкель	1928
Срулевич	
Гойхман Молка	1921
Срулевна	
Голгер Семен	1928
Самойлович	
Голгер Сура	1927
Мошковна	
Голдинг Аркадий	1931
Ефимович	
Голобородко Ефим	1932
Илошевич	
Голобородко	
Евгения Иосифовна	1934
Головченко Раиса	1929
Борисовна	
Гологорская Эсфирь	1937
Беневна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гологонский Борис Моисеевич	1937
Голуб Шмиль	1929
Нухимович	
Голубович Леонид Андреевич	1935
Гольдварт Фрима	1923
Абрамовна	
Гольденберг Арон Израилевич	1941
Гольденберг Анна Давидовна	1929
Гольденберг Ефим Петрович	1935
Гольденберг Люся Семеновна	1937
Гольденберг Полина Ароновна	1919
Гольденберг Рива Абрамовна	1918
Гольденберг Фаня Иосифовна	1912
Гольденберг Ефим Абрамович	1939
Гольденкин Дозя	1914
Борисовна	
Гольденштейн Мина Моисеевна	1934
Гольденштейн Циля Сруслесна	1926
Гольдман Дося Абрамовна	1932
Гольдинг Клара Мусиевна	1931
Гольдинг Ольга Григорьевна	1925
Гольдинг Раиса Захаровна	1938
Гольдинг Семен Борисович	1940
Гольдфарб Доня Нутовна	1927
Гольдфарб Раиль Бенционовна	1914

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гольдшмидт Борис Самуилович	1925
Гольдшмидт Рива Иосифовна	1929
Гольдштейн Илья Абрамович	1927
Гольфельд Пиня Нухимович	1932
Гольцер Ефим Самойлович	1934
Гольцман Роза Михайловна	1941
Гольштейн Герман Абрамович	1934
Гольштейн Раиса Яковлевна	1940
Гонгер Ниома Исаакович	1930
Гонтар Нахома Лейзеровна	1924
Гонтмахер Александр	1932
Леонтьевич Гончарова Анна Юдкова	1937
Гопс Хана Шлемовна	1930
Гораль Михаил Моисеевич	1936
Горбатый Александр Исаакович	1941
Гордин Лейка Морткова	1929
Гордиско Мания Симховна	1942
Горелик Григорий Самуилович	1932
Горелик Циля Лазаревна	1932
Горелкина Анна Григорьевна	1921
Горлачева Клара Иосифовна	1937
Горин Ефим Бенционович	1937

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Готенберг Неля Львовна	1934
Гоферман Ида Лейбовича	1924
Гофман Аделя Наташновна	1930
Гофман Вероника Моисеевна	1930
Гофман Меер Иосифович	1928
Грабельская Лиза Яковлевна	1907
Грабовецкий Борис Евсеевич	1935
Грайсман Шуня Месорович	1928
Гребенчук Исаак Михайлович	1926
Гребенюк Александр Иосифович	1924
Гремпель Шая Зельмановна	1932
Гринберг Лев Зусевич	1928
Гринберг Мания Срулевна	1937
Гринберг Светлана Давидовна	1938
Гриншпун Рива Ароновна	1905
Гриншпун Хана Шойловна	1932
Гройс Эстер-Рухля Пейсаховна	1926
Гройсман Алла Иосифовна	1938
Гройсман Григорий Янкевич	1935
Гройсман Леонид Матвеевич	1940
Гройсман Александр Аронович	1929
Гройсман Семен Абрамович	1935
Гройсман Федор Абрамович	1927
Гройсман Хана Ефимовна	1928
Гру Хана Борисовна Грункин Мордко	1906
Грункина Рита Яковлевна	1937
Грушанский Валентин	1932
Анатольевич Грингольц Мария Адольфовна	1917
Гринзайд Клара Абрамовна	1916
Гринман Мания Моисеевна	1926
Гринман Яков Давидович	1934
Гринфельд Семен Наумович	1937
Гринфельд Циля Александровна	1939
Губенко Лазарь Михайлович	1939
Гудис Дона Львовна	1922
Гузман Дора Бенционовна	1925
Гулько Розалия Срулевна	1925
Гулько Софья Лейбовича	1934
Гурвиц Клара Мееровна	1916
Гурфинкель Борис Матвеевич	1935
Гурфинкель Софья Давидовна	1901
Гурина Мария Михайловна	1941
Густус Моисей Беркович	1935

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Гутман Игорь Михайлович	1939
Гингольд Мания Израилевна	1927
Гисис Михаил Муневич	1942
Гительман Аврам Рувинович	1937
Гительмахер Сима Гершковна	1908
Гителис Рива Мойшевна	1914
Гитман Анна Наумовна	1937
Гитман Хана Шимовна	1931
Давидзон Семен Борисович	1924
Данилович Изя Шлёмович	1907
Данилович Елизавета Исааковна	1911
Данилович Любовь Владимировна	1931
Данилович Муня Ефимовна	1927
Данильчук Эмма Хаймовна	1925
Дайн Евгения Мойсевна	1926
Дегина Евгения Яковлевна	1939
Деребчинская Роза Ильинична	1932
Деренштейн Марк Федорович	1936
Деренштейн Муня Соломонович	1931
Десятник Клара Яковлевна	1937
Джуринский Иосиф Израилевич	1934
Дзехцер Мания Лейбовна	1933

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Дзюбов Григорий Моисеевич	1934
Дзюбова Соня Абрамовна	1938
Дзюбова Соня Мусиевна	1927
Дизенфельд Мария Ефимовна	1936
Дизык Дора Абрамовна	1923
Диманд Рома Абрамович	1940
Диповец Фаня Фишеславна	1931
Доляр Янкель Иделевич	1910
Доляр Инда Шимоновна	1911
Донская Хана Иосифовна	1938
Дорман Белла Исааковна	1911
Дорман Ида Львовна Драк Зиновий	1926 1932
Михайлович	
Драпок Бузя Ароновна	1942
Драпок Ниоя Борисовна	1934
Дратвин Григорий Шулькович	1938
Дратвина Софья Юдкова	1941
Друбецкая Сарра Юкельсвна	1933
Друбецкий Николай Яковлевич	1927
Дризик Дмитрий Иосифович	1932
Дризик Клавдия Ефимовна	1941
Дуб Шейва Иосифовна Дубовер Анна Семеновна	1925 1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Дувидzon Раиса Мусиевна	1932
Духовный Шулим Элевич	1925
Диккер Михаил Бенционович	1931
Димент Мария Матвеевча	1932
Димент Сергей Ильич	1928
Эдельман Адольф Исаевич	1928
Эльман Мария Яковлевна	1923
Энгель Анатолий Михайлович	1927
Энельбайм Лиза Шлемовна	1934
Энельбайм Михаил Ефимович	1930
Энельбайм Нухим Хаймович	1934
Энельбаум Моть Моневич	1927
Энельбаум Лиза Ароновна	1938
Эпельбойм Мария Эрлих Хана	1925 1929
Шлемовна Жабокрицкая	
Григорьевна Эрлих Хана	
Шлемовна Жабокрицкий Абрам Абович	1930
Шулимовна Жемойда Евдокия Михайловна	1923
Зекцер Клара Александра Григорьевна	
Шулимовна Жигомирская Ольга Ароновна	1944
Зекцер Кима Григорьевна	
Шулимовна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Леонид Александра Григорьевна	
Шулимовна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Льова Григорьевна	
Шулимовна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Кима Григорьевна	
Шулимовна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Лиза Жемойда Евдокия Михайловна	1930
Шулимовна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Мария Еловна Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930 1923
Зекцер Моисей Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1940
Земович Зекцер Самуил Жобокрицкий Абрам Жемойда Евдокия Михайловна	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Зайдман Рива Львовна	1915
Зальцман Абрам Фишевич	1933
Зальцман Анюта Исаковна	1937
Зальцман Галина Лейбовиц	1927
Зальцман Михаил Давидович	1929
Зальцман Яков Рафаилович	1933
Заславская Соня Шмулевна	1932
Заславская Ида Шаевна	1928
Зац Абрам Зельманович	1926
Зац Дина Семеновна	1931
Зац Соня Борисовна	1934
Запи Бетя Яковлевна	1935
Запка Лидия Петровна	1928
Здановская Бетя Зельмовна	1916
Зейделис Семен Семенович	1938
Зекцер Клара Шулимовна	1939
Зекцер Кима Мордовна	1938
Зекцер Леонид Шулимовнич	1935
Зекцер Льова Земович	1933
Зекцер Кима Земович	1930
Зекцер Лиза Земович	1930
Зекцер Мария Менделевна	1926
Зекцер Маня Семеновна	1926
Зекцер Мария Еловна	1926
Зекцер Моисей Земович	1940
Зекцер Самуил Земович	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Зельцер Абрам	1937
Зейликович	
Зельцер Зисля	1926
Абрамовна	
Зельцер Роза	1920
Исааковна	
Зельцер Шенделя	1923
Лайзеровна	
Зембель Михаил	1927
Юдкович	
Зембель Сося	1930
Исааковна	
Земельштейн Любовь	1940
Петровна	
Земельштерн Мойше	1937
Лейзерович	
Земельштерн Молка-	1925
Сура Иосифовна	
Земельштерн Сара	1930
Ельсвна	
Земельштейн Яков	1932
Мошкович	
Зехцер Саня	1927
Иосифович	
Зехцер Сара	1924
Мехелевна	
Зепер Дора	1930
Львовна	
Зильберман Мария	1942
Аркадьевна	
Зильберштейн	1932
Аркадий Аркадьевич	
Зингер Зися	1936
Мордкович	
Злотник Рита	1938
Наумовна	
Злотин Борис	1939
Александрович	
Зозуля Поля	1911
Лейбовна	
Зибенберг Мария	1938
Семеновна	
Зильбер Фрида	1925
Яковлевна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Зильберман Ева	1919
Лазаревна	
Зильберман Шейндля	
Шулимовна	
Зильман Яков	1935
Беркович	
Зингерман Дмитрий	1936
Симхович	
Зисер Лиза	1928
Киселевна	
Зисер Мара	1936
Абрамовна	
Зисер Моисей	1929
Хаскелевич	
Зицер Белла	1928
Борисовна	
Зицер Роза Исааковна	1912
Идесис Хана	1924
Ароновна	
Йохинова Ольга	1922
Матвеевна	
Кабак Сима	1917
Ароновна	
Кабан Блима	1932
Моршевна	
Кабацкая Пунция	1912
Герицевна	
Каз Хах Моисеевна	1925
Казакин Омельян	1940
Александрович	
Казакина Раиса	1940
Давидовна	
Калерова Мария	1932
Иосифовна	
Калик Лариса	1933
Вольфовна	
Калик Илья	1932
Владимирович	
Калинобродский	1939
Марат Абрамович	
Калика Рива	1918
Моисеевна	
Калиновская Бейла	1928
Сендзоровна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Калихман Михаил	1937
Иосифович	
Калихман Роза	1936
Ароновна	
Калингер Иссак	1927
Яковлевич	
Кандель Роза	1932
Матвеевна	
Кандель Семен	1938
Мошевич	
Каницан Клара	1922
Исааковна	
Каплан Абрам	1935
Давидович	
Каплан Ниоя	1932
Марковна	
Каплун Полина	1939
Юдкова	
Капрела Мола	1937
Евсеевна	
Капустина Мария	1936
Яковлевна	
Капустина Соня	1922
Мееровна	
Каш Майя	1926
Ефимовна	
Капцан Алла	1939
Моисеевна	
Карбер Яков	1935
Абрамович	
Карасвасская Бетя	1927
Матвеевна	
Каретник Хова	1905
Шикновна	
Каретник Ефим	1939
Менашевич	
Карлик Любовь	1923
Вольковна	
Картон Анатолий	1930
Григорьевич	
Картон Соня	1930
Абрамовна	
Кац Борис	1941
Наумович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кац Иосиф	1932
Моисеевич	
Кац Людмила	1925
Ароновна	
Кац Рива Лейбовна	1923
Кац Рива Ицковна	1942
Кацев Фройк	1939
Шебселяевич	
Кацев Янкель	1937
Шижелевич	
Кацева Эстер	1929
Исааковна	
Кацевман Женя	1930
Кацевман Раиль	1910
Бурковна	
Кацман Хая	1931
Хаймовна	
Кваша Анна	1924
Марковна	
Кейсер Роза	1941
Ефимовна	
Келлер Софья	1927
Марковна	
Кельмансон	1935
Александр Ефимович	
Кених Зуя	1932
Шимонович	
Кержиер Евгения	1926
Иосифовна	
Керик Мания	1928
Григорьевна	
Керцер Бронислава	1925
Пинхосовна	
Керцман Владимир	1930
Самойлович	
Керцман Любовь	1932
Вольфовна	
Кесельман Татьяна	1922
Давидовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кессельман Яков Соломонович	1941
Кессельман Давид Львович	1940
Кессельман Рива Евсеевна	1936
Кимлик Анатолий Васильевич	1918
Кирлин Федор Петрович	1913
Кисельман Михаил Михайлович	1927
Кисляк Маня Фишелевна	1935
Кишиневская Еня Ихилевна	1938
Клапаух Анна Липовна	1941
Клапаух Мойше Липович	1929
Клапаух Сруль Шнеерович	1935
Клейман Анна Шлемовна	1928
Клейнерман Голда Иойновна	1910
Клейногина Лина Иосифовна	1938
Клейнштейн Зинаида Еловна	1912
Клейтман Циля Фроймовна	1923
Клецельман Мария Иосифовна	1939
Клецельман Нехома Ароновна	1934
Клецельман Рахиль Абрамовна	1934
Клецельман Семен Давидович	1937
Клецельман Изя Давидович	1935
Клецман Раиса Мордковна	1933

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Клименко Светлана Шимоновна	1940
Кляйбер Бетти Самойловна	1941
Кляйбер Бетти Самойловна	1900
Княжер Сося Моисеевна	1914
Кобелянский Илья Пинхасович	1915
Кобелянская Галина Абрамовна	1929
Кобилянская Раиса Ильинична	1941
Кобрина Диана Леонтьевна	1935
Кобрина Роза Яковлевна	1916
Коган Анна Семеновна	1932
Коган Давид Абрамович	1930
Коган Рива Сергеевна Коган Семен	1924 1929
Коган Фrima Шмилевна	1930
Кодрянская Рива Зусевна	1932
Кодрянский Леонид Гершкович	1929
Коз Анна Давидовна Козак Борис	1909 1940
Козак Дозя Исаакович	1915
Козакевич Рива Лейбовна	1925
Козачинер Зинаида Монсевна	1941
Козлова Геня Ефимовна	1939
Козорез Сианна Борисовна	1923

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Козикман Анна Давидовна	1923
Койфман Анюта Мошковна	1921
Койфман Григорий Иосифович	1927
Койфман Мания Мордковна	1933
Койфман Марьям Лейбовна	1924
Койфман Михаил Азикович	1937
Колманович Доба Рафаиловна	1924
Колденкер Песя Шаевна	1927
Колденкер Сания Шаевич	1929
Колденко Энта Ушеровна	1927
Коломеер Абрам Меерович	1928
Коломеер Наум Маркович	1932
Колотинская Эфирий Моисеевна	1917
Колотинская Лиза Гесовна	1922
Колтонюк Александр Наумович	1939
Колтун Петр Семенович	1938
Колтун Роза Семеновна	1938
Колтун Хана Овсеевна	1941
Конченкова Любовь Петровна	1940
Кордонская Роза Хaimовна	1923
Кордонский Семен Иосифович	1940
Коренблом Еся Янкелевна	1918

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Коренблом Лейзера Янкелевна	1919
Коренблом Хана Шулимовна	1925
Кореблит Семен Шмулевич	1923
Коренмет Клара Исааковна	1924
Коренфельд Геня Давидовна	1932
Корман Леонид Михайлович	1940
Корогодская Малка Шулимовна	1938
Корсун Любовь Владимировна	1939
Корсунская Сарра Абрамовна	1924
Коринь Семен Израилевич	1930
Кострова Лия Цуковна	1939
Котляр Бронислава Борисовна	1930
Котляр Песя Котляревна	1930
Котляр Ева Шулимовна	1941
Кравец Бронислава Ильинична	1938
Кравец Фира Моисеевна	1922
Краснер Циля Ароновна	1935
Краспер Евгения Исааковна	1936
Краткова Файна Аркадьевна	1927
Креденцер Клара Яковлевна	1908
Кредитор Давид Израилевич	1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кредитор Зиновий Семенович	1940
Кредитор Фания Соломоновна	1930
Креймер Дмитрий Ефимович	1930
Креймер Михаил Михайлович	1940
Креймер Ева Зеймековна	1940
Крейменман Песя Нахмановна	1927
Крейчман Софья Семеновна	1927
Крейчман Ефим Наумович	1927
Кремень Хума Моисеевна	1920
Кренц Фрида Борисовна	1931
Кренцин Яков Михайлович	1939
Кривозяз Валентин Абрамович	1936
Кривозяз Туня Замвеловна	1930
Кривоеже Александр Овсесевич	1906
Кринец Отто Абрамович	1943
Кривчевская Хая Гершковна	1923
Кройтер Любовь Ицковна	1915
Крумбайн Александр Иосифович	1914
Крупник Евгения Шмулевна	1927
Крупник Аркадий Гершкович	1933
Крупник Ляя Моисеевна	1914
Куко Виталий Львович	1938

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кульчинская Роза Борисовна	1926
Куперман Аркадий Яковлевич	1931
Куперман Геня Михайлова	1931
Куперман Михаил Исаакович	1936
Куперман Хова Мотелевна	1930
Купершмидт Белла Моисеевна	1940
Купершмидт Людмила Иосифовна	1941
Купершмидт Михаил Аронович	1914
Купершмидт Роман Михайлович	1939
Куперштейн Михаил Борисович	1908
Курман Клара Лейбовна	1929
Куродан Ева Моисеевна	1929
Куц Семен Александрович	1927
Куценко Лидия-Инда Наумовна	1916
Куцик Геня Абрамовна	1935
Куцик Петр Матхенович	1929
Кучук Софья Яковlevna	1938
Кушнир Жанна Иосифовна	1939
Кушнир Израиль Михайлович	1936
Кушнир Борис Аркадьевич	1918
Кушнир Натан Михайлович	1931
Кушнир Рива Овишевна	1926

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Кушнир Соња Семеновна	1933	Лейдерман Соња Ицковна	1932
Кушнир Фрида Шикковна	1922	Лейдерман Леонид Самойлович	1924
Кижнерман Роза Мотелевна	1927	Лейдерман Фаня Вольковна	1937
Кижнерман Эстер Мошковна	1898	Лейдерман Шмуль Хаймович	1926
Кизлер Анюта Михайлова	1930	Лейзерович Лейха Нухимовна	1913
Кипершлак Дора Семеновна	1927	Лемберг Раиса Михайлова	1934
Кипершлак Meer Фроимович	1926	Лемберикман Рита Михайлова	1937
Кирьянова Раиса Иосифовна	1937	Лерман Бронислава Шлемовна	1938
Кирьянова Раиса Иосифовна	1912	Лерман Фрида Шмулевна	1942
Кислинник Циля Наумовна	1922	Лерман Ида Матвеевна	1925
Лаврова Евгения Соломоновна	1921	Лернер Абрам Лазаревич	1937
Ладыженская Лейка Мееровна	1914	Лехель Ефим Иосифович	1939
Ладыженская Бетя Вольковна	1941	Лехтман Раиса Абрамовна	1940
Ладыженский Александр Сухорович	1937	Лехцер Геня Бениционовна	1935
Ладыженская Броня Иосифовна	1924	Лехцер Леонид Ильич	1933
Лазареску Бася Исааковна	1920	Лехцер Елена Ефимовна	1932
Лайблер Евгения Давидовна	1923	Лехцер Семен Ильич	1929
Ланберг Неся Шмиловна	1927	Ливак Циля Давидовна	1927
Лапдесман Анна Львовна	1928	Липман Рита Мироновна	1930
Ласкина Клавдия Иосифовна	1938	Лисенко Виля Михайлова	1932
Легер Елена Борисовна	1937	Лисова Розалия Яковлевна	1936
Легер Михель- Шмигель Гилевич	1935	Лисович Айзик Абрамович	1923

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Литвак Соломон Израилевич	1933
Литенштейн Аделия Яковлевна	1939
Литовская Ила Давидовна	1941
Лидерман Фроим Хаймович	1936
Лозовер Берта Анатольевна	1928
Лозовер Ита Иосифовна	1932
Лозовер Леонид Григорьевич	1924
Лозовер Мошк Элевич	1923
Лозовер Роза Иосифовна	1927
Лозовер Хана Гендзелевна	1929
Лозовер Анна Срулевна	1924
Лозовский Арон Ефимович	1928
Лозовский Борис Ефимович	1938
Лойзнер Арон Яковлевич	1942
Лопата Сура Янкелевна	1924
Лудар Роза Абрамовна	1937
Лук Еся Гершковна	1921
Львович Раиса Леонидовна	1939
Любарская Хана Янкелевна	1919
Любинкер Аделя Ароновна	1928
Люлько Влада Исааковна	1938
Люлькин Исаак Юдович	1926
Лютин Эмилей Шлемович	1938

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Лютина Ида Вольковна	1942
Ляшенко Надежда Ильинишина	1924
Лебедева Александра Ефимовна	1912
Либерман Мотель Вольфович	1940
Либерман Петр Вольфович	1937
Либерман Рива Наумовна	1932
Ливак Давид Мотелевич	1935
Липсман Белла Лившиц Зиновий	1928
Михайлова Гершевич	
Липман Рива Львовна	1916
Липсман Белла Михайлова	
Липсман Борис Григорьевич	1933
Липсман Клара Мусиевна	1937
Лисман Любовь Семеновна	1940
Литvak Шуня Фишлеревич	1933
Литvak Ефим Абрамович	1930
Мажбиш Александр Зюзевич	1942
Мажбиш Александр Семенович	1927
Мажбиш Полина Лейбовича	1903
Мазанько Раиса Нойховна	1939
Мазур Песя Нахмановна	1926
Мазуровская Маня Яковлевна	1917
Майданик Клавдия Израилевна	1932

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Майданик Моисей Ефимович	1939
Маламуд Ева Хаймовна	1933
Малах Раиа Абрамовна	1929
Малах Яков Абрамович	1932
Малаховский Малаховский Сулейман	1929
Александрович Мамик Эния Срулевня	1905
Мамин Эния Срулевна Манакова Евгения	1925
Иосифовна Манулис Дина Бенционовна	1918
Маньковецкий Исаак Ильич	1933
Марахович Давид Абрамович	1923
Маркман Алексей Ефимович	1927
Маркман Хайка Шепсона	1929
Марштейн Бетя Марштейн Бетя	1938
Абрамовна Марштейн Иосиф	1931
Менделевич Мармулевская	1917
Фрма Хаскелевна Мартынов Григорий	1924
Ефимович Марясица Фира Израилевна	1926
Маринина Татьяна Маринина Татьяна	1921
Мусиевна Маш Брана Ароновна	1919
Механик Ангель Маш Евдокия	1924
Аронович Исааковна	
Механик Бетя Исааковна	1931
Иосифовна Машек Ева Петровна	1931
Меерзон Сара Машталер Фира	1938
Моиссевна Машталер Фира Ефимовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Медведь Сара Берковна	1918
Межировская Роза Моисеевна	1927
Мейлер Бруха Давидовна	1932
Мейлер Эль Моисеевич	1923
Мейтельман Полина Абрамовна	1934
Меламуд Людмила Абрамовна	1938
Меламуд Муся Львовна	1930
Мельман Михаил Шлемович	1939
Мельман Сеня Шлемовна	1938
Мельман Хая Моисеевна	1939
Мельник Ольга Владимировна	1924
Мерахович Абрам Вольфович	1936
Мерахович Роза Иосифовна	1940
Мерахович Сима Мордковна	1912
Мерахович Ефим Вольфович	1942
Мерахович Евдокия Яковлевна	1927
Меерзон Белла Рувиновна	1941
Механик Ангель Аронович	1938
Механик Бетя Израилевна	1938
Иосифовна Миршон Белла	1941
Меерзон Сара Моиссевна	1907
Меерович Евдокия Яковлевна	1927
Меерович Ефим Рувинович	1936
Мизок Валерий Борисович	1941

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Мильштейн Григорий Моисеевич	1937
Мильштейн Клара Мордковна	1937
Миньковецкий Илья Ицкович	1925
Мицель Етя Ульяновна	1936
Моган Давид Рувинович	1935
Моган Хая-Лея Давидовна	1908
Могилевская Либа Волькова	1923
Могилевский Иосиф Исаакович	1926
Могильнер Анатолий Лазаревич	1938
Молочковецкая Рива Григорьевна	1928
Момотюк Геня Самойловна	1934
Монастырская Сима Самойловна	1932
Мордкова Аниша Штёмёвна	1926
Морейнис Хайка Абрамовна	1927
Мореникова Рухля Ароновна	1926
Морозов Александр Демьянович	1922
Мостовая Александра Григорьевна	1929
Мостовой Михаил Наумович	1926
Мошес Абрам Меерович	1912
Мошес Абрам Месирович	1937
Мошкович Мася Айзиковна	1926
Мудрик Зинаида Мусиевна	1921

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Мудрик Леонид	1943
Давидович	1939
Мук Феликс Абрамович	1922
Мунитор Рухля Нусимовна	1928
Мунишер Фроим Абрамович	1928
Мураховский Лев Михайлович	1934
Мураховский Семен Леотьевич	1920
Мучник Геня Ефимовна	1912
Мучник Инна Хаскелевна	1938
Мучник Анна Хаскелевна	1930
Мясковкер Борис Давидович	1930
Мясковкер Ева Аврумовна	1939
Мясковкер Фаня Волькова	1921
Мясковская Ида Львовна	1942
Мясковская Нина Матвеевна	1920
Мясковский Михаил Израилевич	1942
Мясковский Семен Макарович	1924
Мясковхер Беба Семеновна	1940
Мястковецкая Анна Мястковецкий	1939
Самуиловна Леонид Петрович	1933
Мильзон Раиса Берковна	1937
Мильзон Илья Зельманович	1936
Милько Полина Израилевна	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Мильман Аркадий	1932
Матвеевич	1934
Мильман Анна	1934
Давидовна	1915
Мильман Дора	1915
Мошковна	1929
Мильман Михаил	1929
Наумович	1919
Мильман Хана	1919
Лайзерович	1930
Мильман Яков	1930
Шмулевич	1936
Мильштейн Давид	1936
Львович	1929
Мильштейн	1929
Александр Meerovich	1930
Мильштейн Рухме-Брана Иосифовна	1930
Мильштейн Татьяна	1932
Марковна	1940
Мильштейн Шеля	1940
Израилевна	1925
Минц Минна	1925
Львовна	1931
Мицель Анна	1931
Леонтьевна	1928
Мицель Леонид	1928
Давидович	1926
Мицель Лиза	1926
Шмулевна	1928
Мицель Ефим	1928
Иосипович	1926
Нагорняк Петр	1926
Трофимович	1933
Найберг Вера	1933
Давидовна	1936
Наславская Адда	1936
Элевна	1933
Наславский Игорь	1933
Матвеевич	1931
Нейман Леонид	1931
Михайлович	1926
Нейман Александр	1926
Фромович	1940
Осадчук Софья	1940
Михайлова	1940

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Остачев Лев Иосифович	1931
Остачева Елена Григорьевна	1931
Островская Анна Семеновна	1935
Павленко Мария Наумовна	1939
Павлова Софья Мироновна	1935
Палаткин Михаил Исаевич	1928
Палатник Маня Юлисовна	1940
Палатник Поля Давидовна	1928
Палкин Лев Израилевич	1937
Панкина Бетя Лейбовна	1927
Панская Ася Самойловна	1930
Пастернак Люся Элевна	1926
Пастернак Мария Эмовна	1924
Пач Абрам Манусович	1927
Пач Люся Наумовна	1926
Пекарь Фания Ефимовна	1931
Пенцлер Михаил Борисович	1941
Перель Бетя Ефимовна	1929
Перель Лазарь Моисеевич	1927
Перельман Любовь Элевна	1925
Перельмутер Владислав Григорьевич	1942
Перельмутер ЭтЯ Фавелевна	1913

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Петербургская Роза Яковлевна	1918
Петербургская Фира Захаровна	1924
Петербургский Давид Григорьевич	1928
Петроградская Елизавета Борисовна	1935
Петроградский Моисей Аронович	1927
Печерская Гитля Ицковна	1923
Печерская Фрида Исааковна	1927
Пизман Арон Исаакович	1931
Пизман Давид Исаакович	1939
Пизман Рива Александровна	1929
Писаревская Алла Александровна	1938
Писаревская Геня Хаймовна	1923
Писаревский Борис Беневич	1935
Платица Любовь Александровна	1923
Плетницкая Софья Абрамовна	1929
Плотицкий Аркадий Евсеевич	1934
Плотица Рахиля Моисеевна	1912
Побережская Флора Беньяниновна	1939
Побережский Аркадий Григорьевич	1938
Повар Верा Яковлевна	1928
Поверден Майя Владимировна	1939
Погорельская Дора Захаровна	1926

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Пограничный Ихель Волькович	1931
Погребинская Хана Михайлова	1932
Погребинский Семен Григорьевич	1938
Полищук Арон Матвеевич	1930
Полищук Дорина Манусовна	1938
Полищук Эмиля Морисовна	1933
Полищук Фрида Исааковна	1937
Полищук Ефим Борисович	1939
Поляк Раиса Соломоновна	1916
Помагрин Мардк Абрамович	1927
Помагрин Циля Вольковна	1932
Помитман Эда Лазаревна	1932
Пономаренко Ева Ицковна	1938
Поповкер Валентина Бенционовна	1933
Портная Бузя Эдуардовна	1928
Портная Анна Зельмановна	1939
Портная Гитя Ароновна	1926
Портная Соня Элевна	1923
Портной Леонид Исаакович	1932
Портной Александр Исаакович	1934
Портной Александра Потин Любовь	1941
Пироговская Бейла Моисеевна	1939
Пироговская Эсфирь Моисеевна	1941
Пироговская Ева Фавелевна	1920
Рабин Яков Исаакович	1928
Рабинович Ида Бузевна	1940

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Рабовер Михаил Исаевич	1930
Рабинович Геня Самойловна	1921
Рабинович Наум Захарович	1936
Рабинович Ольга Леонтьевна	1938
Рабинович Миндля Евсеевна	1917
Райбман Григорий Захарович	1929
Райбман Давид Зусевич	1938
Райгородская Маня Фромионва	1939
Райкис Михаил Абрамович	1930
Ракова Майя Леонидовна	1939
Рафлерд Бетя Ильинична	1919
Рахлин Борис Мошкович	1935
Рахлин Клара Шаевна	1938
Рахлина Клара Шасвна	1910
Рахман Юрий Самуилович	1928
Резидент Соня Абрамовна	1921
Резидент Евгения Адамовна	1927
Резник Полина Срулевна	1908
Резник Анна Исаковна	1926
Резник Клара Ефимовна	1915
Резник Петр Фройкович	1937
Резник Полина Леонидовна	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Резник Ефим Давидович	1925
Резник Евгения Моисеевна	1938
Рейдерман Эсфирь Абрамовна	1911
Рейдерман Рива Абрамовна	1917
Рейдерман Ента Абрамовна	1918
Рейдман Леонид Хаймович	1930
Рейстерман Берта Мироновна	1916
Рефиер Роза Кельмовна	1909
Речестер Циля Ароновна	1918
Рыбалова Геня Берковна	1936
Рыбеник Михаил Исакович	1941
Рикельман Самуил Иосифович	1926
Рыкова Этя Ачеловна	1925
Рабинович Ихиль Исаакович	1917
Розенберг Этля Мусиевна	1923
Розенберг Лиза Исааковна	1941
Розенберг Ниоя Иосифовна	1933
Розенберг Петр Зейликович	1931
Розенберг Игорь Семенович	1939
Розенталь Мальца Львовна	1930
Розенталь Шмуль Срулевич	1927
Розенцвет Лазарь Моисеевич	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Розенцвет Шима	1929
Моисеевна	
Ройбух Хана	1919
Исааковна	
Ройзман Леонид	1936
Давидович	
Ройзман Елизавета	1932
Михайловна	
Ройзман Роза	1932
Менашевна	
Ройзман Игорь	1915
Александрович	
Ройтберг Рахиль	1929
Пейхасовна	
Ройтбург Бася	1925
Лейбовна	
Ройтбург Зисля	1928
Шулымовна	
Ройтбург Клара	1924
Мусиевна	
Ройтбург Семен	1921
Львович	
Ройтбург Соя	1933
Фишельевна	
Ройтбург Фрида	1932
Михайловна	
Ройтбург Яков	1930
Абрамович	
Ройтбург Полина	1927
Овсеевна	
Ройтман Арон	1934
Волькович	
Ройтман Анна	1938
Наумовна	
Ройтман Рейзя	1918
Янкелевна	
Ройтман Рена	1940
Ефимовна	
Ройтман Фаня	1926
Самойловна	
Ройтман Шеля	1936
Львовна	
Ройтман Шимон	1936
Давидович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Рухлина Бетя Иосифовна	1933
Ривилис Фейга Шмулевна	1915
Рикельман Этя Наумовна	1930
Савраневский Зуня Самойлович	1930
Савраневская Бетя Шмулевна	1939
Савраневская Соя Шайхеховна	1929
Садецкая Базя Иосифовна	1907
Садецкая Базя Иосифовна	1933
Садковец Абрам Давидович	1930
Сакк Мария Моисеевна	1935
Самси Голда Давидовна	1927
Самовол Клара Шимовна	1913
Сандлер Бенцион Самуилович	1930
Сандлер Борис Гершкович	1930
Сандлер Геня Янкелевна	1932
Сандлер Семен Абрамович	1934
Сандлер Евгения Шмулевна	1935
Сандлер Илья Мотлевич	1938
Сапожникова Клара Наумовна	1924
Сапожников Владимир Яковлевич	1932
Сарсон Брана Аврум-Зайделевна	1923
Сасина Ольга Наумовна	1920

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Сафон Михаил Наумович	1929
Сафрас Фира Монсеевна	1926
Севериновский Мендель Срулевич	1933
Седецкий Михаил Хаймович	1932
Сельцер Валентина Львовна	1935
Семидуберский Моисей Нафтулевич	1938
Середюк Елизавета Иосифовна	1928
Синявкер Дозя Евремовна	1940
Синявкер Фроим Моисеевич	1938
Сирота Владимир Сирота Наум Шмулевич	1939
Сирота Ляй Симховна	1919
Сирота Наум Ицкович	1938
Скальруд Роза Михайлова	1932
Скальт Александр Семенович	1927
Склар Лев Шомович	1940
Склар Мария Исаковна	1941
Скларевич Дуня Яковлевна	1933
Скларская Сара Мошкова	1929
Скульская Клара Лейбовна	1928
Слободской Самуил Мордович	1939
Слоболянский Михаил Григорьевич	1933
Слободянок Анна Александровна	1935

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Смирнова Двойра Абовна	1927
Снитковская Роза Ицковна	1938
Снитковская Клара Иосифовна	1921
Снитковский Михаил Наумович	1932
Соболь Иосиф Шаевич	1922
Сова Мария Марковна	1926
Сойфер Бетя Борисовна	1925
Соколецкая Бейла Соколецкий Борис	1908
Ефимовна Исаакович	1936
Соломянская Полина Иосифовна	1929
Соломянский Мотель Лейзерович	1928
Сорокина Белла Ефимовна	1937
Спектор Анна Спектор Евгения	1942
Григорьевна Спектор Евгения	1934
Зюзевна Спектор Евгения	1930
Шимовна Спектор Михаил Наумович	1929
Спектор Семен Шаевич	1931
Спектор Фира Наумовна	1936
Спектор Циля Шимоновна	1929
Спектор Елизавета Израилевна	1932
Сливак Доня Исааковна	1914
Сливак Бетя Сребницкая Рузя Григорьевна	1918

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Сталь-Лозовская Белла Исааковна	1932
Старец Арон Израилевич	1928
Старец Хана Яковлевна	1936
Старикова Фира Соломоновна	1928
Старощук Сима Мордковна	1940
Стасевский Семен Григорьевич	1930
Столяр Леонид Давидович	1925
Стратиевский Ким Иосифович	1939
Стрельбицкий Анатолий Николаевич	1912
Стрельник Ефим Борисович	1938
Стришлер Сара Шлемовна	1912
Стинерман Александр Хаймович	1923
Судак Исаак Давидович	1937
Сумина Татьяна Григорьевна	1928
Сухаревич Борис Ефимович	1937
Сухерман Борис Исаакович	1928
Сухерман Моисей Исаакович	1928
Сухерман Рита Сухерман Циля	1932
Михайловна Сухерман Мера Семеновна	1928
Семеновна Сивак Бетя Давидовна	1931
Сигал Абрам Ефимович	1931
Сигал Мария Александровна	1912

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Сирия Татьяна	1919
Давидовна	
Табачник Лев	1934
Иосифович	
Табачник Алексей	1928
Львович	
Табачник Хая	1928
Моисеевна	
Табачник Хана	1939
Мерровна	
Табачникова Циля	1929
Юдковна	
Таерман Любовь	1929
Марковна	
Тальянская Ева	1935
Шлемовна	
Талиянский Аврум	1927
Аронович	
Татарченкова Мария	1924
Моисеевна	
Телешман Фаня	1937
Срулевна	
Тенцер Циля	1926
Матвеевна	
Терентьевна Софья	1922
Самуиловна	
Ткач Люба	1922
Срулевна	
Ткач Мария	1938
Григорьевна	
Ткач Хаюся	1938
Беньяминовна	
Ткач Евгения	1935
Михайлова	
Ткач Евгения	1931
Михайлова	
Товберг Григорий	1930
Ихилевич	
Токарь Иосиф	1935
Матвеевич	
Токман Муся	1936
Абрамовна	
Толковец Хаим	1929
Ушерович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Толмачева Геня	1929
Иосифовна	
Томашпольская	1905
Фрида Рахмиловна	
Томашпольский	1937
Самуил Моисеевич	
Томчук Анна	1918
Юрьевна	
Торковер Раиса	1937
Борисовна	
Трахтенберг Валя	1932
Абрамовна	
Трахтенберг Meer	1923
Аронович	
Трахтенберг Михаил	1931
Львович	
Трахтенберг Наум	1934
Пиньевич	
Трахтенберг Раиса	1927
Борисовна	
Трахтенберг Софья	1935
Романовна	
Трейбич Туня	1926
Моисеевна	
Трейбич Рая	1930
Наумовна	
Трейбич Густа	1933
Семеновна	
Трейбич Михаил	1931
Зусевич	
Трейбич Наум	1933
Леонтьевич	
Трейбич Соня	1920
Владимировна	
Трейбич Фира	1941
Гершковна	
Трейслер Геня	1914
Ильиничина	
Трейслер Алексей	1941
Наумович	
Трубман Евгения	1929
Владимировна	
Тульчинская Татьяна	1936
Яковлевна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Тумаркин Июлий	1940
Бенционович	
Тутельман Бронислава	1918
Семеновна	
Тутельман Михаил	1941
Аронович	
Тыльнер Евгения	1936
Хаймовна	
Тилемзугер Злата	1924
Шмулевича	
Тираспольская Туба	1907
Овшеевна	
Тираспольский	1930
Юрий Яковлевич	
Угриновская Лариса	1940
Борисовна	
Уланецкая Шлима	1925
Ихелевна	
Улановская Евгения	1925
Иосифовна	
Уманская Софья	1926
Абрамовна	
Урман Хаим	1932
Ушерович	
Урман Яков	1933
Юдкович	
Урновицер Люсия	1925
Иосифовна	
Урновицер Циля	1924
Иосифовна	
Фабрикант Ефим	1927
Исаакович	
Файвишенко Бейла	1914
Лейбовна	
Файман Раиса	1937
Шлемовна	
Файнзильберг	1928
Михаил Петрович	
Фактор Давид	1943
Петрович	
Фарбер Абрам	1923
Матусович	
Фарбер Леонид	1938
Борисович	
Фарбер Раиса	1940
Гершевна	
Фарбер Сарра	1928
Срулевна	
Фаолер Цилия	1926
Зельмановна	
Фаолер Юльян	1927
Соломонович	
Фаэр Лиза Цалевна	1934
Фаэр Моисей	1933
Семенович	
Фелентейн Семен	1932
Львович	
Фелентейн Софья	1933
Петровна	
Фельдман Бруха	1938
Мошковна	
Фельдман Лев	1940
Юдкович	
Фельдман Нухем	1938
Яковлевич	
Фельдман Нина	1923
Ефимовна	
Фельдман	1926
Рухля-Шпринци	
Менделевна	
Фельдман Исаак	1912
Моисеевич	
Фельдшер Арон	1940
Яковлевич	
Фельентейн Лензер	1929
Лайбович	
Фельентейн Полина	1931
Соломоновна	
Ференс Феня	1930
Срулевна	
Ферпти Мотя	1935
Абрамович	
Ферпти Нухим	1928
Абрамович	
Ферпти Циля	1931
Абрамовна	
Ферпти Евгения	1931
Пинхасовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Феферман Борис Исаакович	1935
Феферман Гильда Исааковна	1936
Феферман Полина Исааковна	1912
Феферман Фира Овшиевна	1933
Филинова Шлима Шаевна	1924
Финкельштейн Эйдель Ароновна	1931
Флейшер Бася Фроимовна	1923
Флоренц Раиса Яковлевна	1937
Флоренц Ейн Моисеевич	1938
Флайшман Семен Григорьевич	1932
Фликштейн Хана Мойшевна	1928
Флит Лариса Генриховна	1938
Флит Михаил Петрович	1938
Фойтель Александр Семенович	1931
Фойтель Рузя Семеновна	1924
Фоменко Клавдия Григорьевна	1932
Фортель Леонид Яковлевич	1936
Фортель Любовь Ароновна	1938
Фрахт Абрам Фроймович	1912
Френк Петр Ефимович	1924
Френкель Анна Михайловна	1925
Френкель Эсфирь Ароновна	1938

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Френкель Лев Хаимович	1937
Френкель Любовь Николаевна	1939
Френкель Яков Давидович	1915
Фресман Елизавета Ицковна	1935
Фридин Семен Наумович	1931
Фролова Циля Юдкова	1922
Фрилкина Лея Вольковна	1929
Фридман Анюта Мееровна	1931
Фридман Семен Яковлевич	1926
Фудельман Владимир Семенович	1934
Фукс Михаил Семенович	1933
Фукс Фира Ушеровна	1933
Фурер Григорий Шмулевич	1929
Фурер Давид Мусиевич	1938
Фурер Любовь Григорьевна	1938
Фурман Брана Моисковна	1925
Фурман Дора Вольковна	1926
Фурман Иосиф Копелевич	1940
Фурман Мария Иосифовна	1929
Фурман Михаил Самойлович	1932
Фурман Михаил Яковлевич	1923
Фурман Молка Менделевна	1927

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Фурман Минци Мошковна	1937
Фурман Полина Саковна	1935
Фурман Яков Маркович	1927
Фурманов Рахмил Еликович	1937
Фурманова Елизавета	1927
Алексеевна Футерян Раиса	1927
Семеновна Фильштейн Любовь	1932
Моисеевна Фильштейн Хая	1898
Янкелевна Фингеров Борис	1930
Абрамович Фингерова Зинаида	1930
Лейбовна Фингерова Зинаида	1912
Лейбовна Финкельштейн	1925
Абрам Юдкович Финкельштейн	1927
Михаил Владимирович	1942
Фин Самуил Моисеевич	1935
Фиппман Иосиф Зельманович	1928
Фишнелиев Маня Израилевна	1927
Фишнелиев Раиса Самойловна	1934
Хазин Григорий Бенционович	1922
Хазина Мария Мусиевна	1928
Хайлова Рося Хаймовна	1903
Хайлова Рося Хаймовна	1919

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Ханцис Евгения Иосифовна	1912
Харзис Бетя Борисовна	1938
Хасина Фира Мееровна	1928
Хают Дора Вольфовна	1938
Хают Циля Борисовна	1917
Хают Ефрем Яковлевич	1938
Хаймская Софья Моисеевна	1913
Хант ЭтЯ Мордковна Хант Мания	1913
Ханская Елизавета Марковна	1924
Хант Полина Михайловна	1931
Хант Ефим Аронович	1931
Хашелевна Хант Сарра	1925
Хаимская Елизавета Хельмер Полина	1940
Хильнична Хельмер Яков	1925
Борисович Херсонская Бетя	1938
Давидовна Хес Циля Борисовна	1916
Хода Циля Федоровна	1918
Ходак Лея Нахмановна	1941
Ходан Леонид Срулевич	1941
Ходоровский Леонтий Алексеевич	1932
Храмий Аркадий Лейбович	1937
Хромая Наталья Алексеевна	1919

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Хусид Этья Иосифовна	1926
Цап Михаил Яковлевич	1940
Цвиллинг Дмитрий Александрович	1932
Цвигман Цивя Ефимовна	1924
Цвок Женя Волькова	1923
Цвок Семен Исаакович	1941
Цвокбенхель Геня Хуновна	1939
Цехмейстер Бетя Юрьевна	1925
Цехтик Мойша Волькович	1937
Цильтман Григорий Львович	1935
Цибулевская Розалия Лазаревна	1935
Цибулевский Леонид Григорьевич	1931
Цинман Исаак Ефимович	1934
Циприана Раиса Яковлевна	1936
Цирульникова Маня Юдкова	1923
Цирульникрова Евгения Ароновна	1927
Цодикович Арон Исакович	1939
Цодикович Софья Нафтуловна	1938
Цойреф Михаил Симхович	1916
Цойреф Соня Майхековна	1920
Цукеркандель Рухля Срулевна	1915
Цимерман Зема Срулевич	1937

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Циммерман Либа Срулевна	1930
Ципштейн Мария Лазоревна	1920
Чашка Фрида Пинкусовна	1931
Черемошинюк Дора Самойловна	1937
Черемошинюк Роман Лейбович	1936
Черешинская Эстер Шейвовна	1928
Черешинский Фроим Моисеевич	1922
Черкасская Раиса Абрамовна	1937
Черкасская Фейга Ойзеровна	1912
Чернострек Тойва Овишевич	1937
Чершинский Иойн Мошкович	1926
Ческий Яков Григорьевич	1934
Ческий Иухов Григорьевич	1930
Чижик Евгения Исааковна	1940
Чеботорова Ида Борисовна	1933
Чудновская Эльза Семеновна	1929
Чудновский Алексей Исаакович	1935
Чудновская Мина Исааковна	1940
Чумак Зинаида Ицковна	1936
Чубисова Раиса Аврамовна	1923
Шамис Сруль Давидович	1931
Шамис Татьяна Леонтьевна	1930

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Шапсинзон Семен Самойлович	1926
Шапиро Анила Аркадьевна	1941
Шарапановский Борис Шмулевич	1939
Шаргородская Соня Наумовна	1935
Шаргородский Борис Григорьевич	1930
Шафир Леонид Маркович	1929
Шафир Мария Яковлевна	1924
Шариф Сара-Рахиль Нукимовна	1921
Шафман Клавдия Михайлова	1920
Шафман Михаил Соломонович	1909
Шафир Леонид Яковлевич	1934
Шафир Шеля Пейсиковна	1939
Шафирович Маня Шлемовна	1925
Шахман Клара Наумовна	1922
Шахман Лев Фишельевич	1914
Шац Люся Пинювна	1938
Шац Михаил Пиневич	1936
Шашкина Фрида Ефимовна	1914
Шварц Борис Моисеевич	1942
Шварц Бронислава Сергеевна	1933
Шварц Вольф Менделевич	1931
Шварц Фейга Мордковна	1928

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Шварцброй Этия Калменовна	1930
Шварцман Анна Яковлевна	1926
Шварцман Анна Исааковна	1922
Шварцман Доня Шмулевна	1934
Шварцман Михаил Гершкович	1930
Шварцман Михаил Янкелевич	1939
Шварцман Моисей Леонидович	1940
Шварцман Роза Абрамовна	1931
Шварцман Софья Марковна	1938
Шварцман Фейга Нафтулевна	1938
Шварцман Фима Фроймович	1936
Шварцман Яков Рувинович	1933
Шварцштейн Анна Львовна	1921
Швахман Молка Янкелевна	1931
Швейбиш Мария Петровна	1923
Швейбиш Рита Гейниховна	1936
Швейбиш Исаак Пейсикович	1937
Швэц Семен Наумович Шевченко Лилия	1920
Мотелевна Шенчук Мария	1924
Борисовна Шед Хана Лейбовна	1934
Менделевна Шейвехман Берта	1935
Давидовна Шейвехман Вильям	1937
Борисович Борисович	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Шейнман Борис Тейвелевич	1933
Шейнман Рива Тейвелевна	1934
Шейнман Софья Давидовна	1937
Шендерович Бронислава Александровна	1943
Шестопалова Циля Юрьевна	1927
Шетман Бениамин Мотелевич	1932
Шетман Муся Нухимовна	1932
Шехерман Поля Рувиновна	1928
Шехтман Давид Срулевич	1943
Шинявская Геня Иосифовна	1933
Шисман Илья Аронович	1927
Школьник Бетя Иосифовна	1934
Школьник Рахиль Мотлевна	1941
Школьник Хайм Львович	1926
Школьник Инда Менаховна	1917
Школьник Броня Земовна	1926
Школьник Женя Иосифовна	1932
Школьник Иосиф Семенович	1910
Школьник Мария Григорьевна	1926
Школьник Полина Семеновна	1921
Школьник Роза Ароцкова	1924

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Шкилер Маня Яниклевна	1916
Шкилер Поля Яковлевна	1931
Шкилер Ефим Миронович	1925
Шкиллер Давид Иосифович	1939
Шкиллер Соnia Ицковна	1930
Шкиллер Исаак Хаймович	1924
Шлахтер Полина Моисеевна	—
Шлейгер Залмен Нафтулович	1934
Шлейгер Леонид Нафтулович	1932
Шлейгер Михаил Анатольевич	1924
Шлейгер Фрида Мойсеевна	1933
Шлейгер Евгения Мойсеевна	1928
Шлякман Лизавета Исааковна	1929
Шляхман Арон Гедалевич	1932
Шлигерский Яков Шмулевич	1938
Шмайсман Михаил Шмулевич	1923
Шмаркман Раиса Шмулевич	1939
Шмидлерман Владимира Шмишкис Лев Юдович	1928
Шмойсман Голда Борисовна	1923
Шмукир Миля Зааровна	1928
Шмуклерман Елизавета Тимофеевна	1925

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Шмулевич Аркадий Соломонович	1942
Шмулевич Григорий Борисович	1931
Шмулевич Лев Самуилович	1934
Шмулевич Михаил Исаакович	1929
Шмулевич Исаак Борисович	1933
Шмулевич Аркадий Людмила Самойловна	1934
Шмулензон Тойва Срулевич	1928
Шмулензон Цирля Хаймовна	1929
Шмуленсон Татьяна Григорьевна	1941
Шмулинич Сарра Лейзеровна	1929
Шмурак Хая Хаймовна	1919
Шмипкис Анкота Юдковна	1935
Шнейдер Аркадий Хаймович	1913
Шнейдер Аркадий Шмулевич	1932
Шнейдер Бетя Яковлевич	1931
Шнейдер Аркадий Яковлевна	1931
Шнейдер Борис Шмулевич	1939
Шнейдер Борис Шмулевич	1929
Шнейдер Геня Ихилевич	1913
Шнейдер Дора Менделевна	1935
Шнейдер Иосиф Хаймович	1910
Шнейдер Клара Нойховна	1926
Шнейдер Люся Давидовна	1933
Шнейдер Лиза Григорьевна	1927
Шнейдер Монсей Яковлевич	1931
Шнейдер Неся Шмулевна	1934
Шнейдер Песя Гершковна	1900
Шнейдер Полина Константиновна	1932
Шнейдер Рахиль Ефимовна	1909
Шнейдер Рахиль Ефимович	1932
Шнейдер Сеня Петрович	1932
Шнейдер Хая-Рейзя Мордковна	1913
Шнейдер Шмуль Мошкович	1916
Шнейдер Яков Иосифович	1933
Шнейдер Елизавета Иосифовна	1937
Шнейдер Еня Яковлевна	1904
Шимоновна Шнейдер Изя	1937
Шнейдерман Мусий Иосифовна	1914
Шнейдерман Розалия Файвишович	1932
Захаровна Шнейдер Иосиф	1931
Шор Анатолий Маркович	1922
Шор Анатолий Петрович	1925
Шор Григорий Иосифович	1929
Шор Люся Юлиевна Шор Петр Элевич	1932
Шор Юрий Иосифович	1934

Фамилия, имя, отчество	Год рождения						
Шпрингель Хайка	1918	Штивельман	1936	Ших Лейб	1939	Мендельсона	
Иосифовна		Зиновий Борисович		Иосифович		Ярославская Полина	1927
Шпун Рахиля	1928	Штивельман Римма	1937	Ших Поля Борисовна	1939	Григорьевна	
Григорьевна		Давидовна		Шихман Анна	1928	Ярская Роза	1928
Шпур Эсся	1935	Штромберг Янкель	1910	Давидовна		Абрамовна	
Бенчиковна		Аронович		Щерб Хайка Шаевна	1921	Яруская Фаня	1925
Шпигель Фира	1914	Штульбаум Давид	1936	Школьник Туба	1901	Умеровна	
Шлемовна		Дмитриевич		Шлемовна		Ясевич Поля	1930
Шпигельман Анна	1938	Штульбаум Надежда	1929	Щоголева Аделя	1930	Нафтулевна	
Владимировна		Дмитриевна		Ицковна		Ясенник Рахиль	1925
Шпигельман Перля	1913	Штульбаум Александр	1940	Эйдельштейн Шлема	1930	Иосифовна	
Шаевна		Дмитриевич		Менделевич		Ястребная Эсфирь	1940
Шпигельман Рива	1940	Штульбаум Софья	1937	Эстерлис Моисей	1930	Ароновна	
Иосифовна		Исааковна		Мотелевич		Ястребнер Ицек	1938
Шпигельман Хаим	1936	Штивельман	1940	Юрковецкая Ева	1941	Янисевич	
Срулевич		Дмитрий Ицкович		Борисовна		Ястребный Илья	1933
Шпиллер Таня	1924	Штивельман Шлема	1936	Юрковецкая Ида	1928	Михайлович	
Нутевна		Исаакович		Юрковецкая Этя	1940	Яцкова Дора	1924
Шрайфер Онисий	1936	Штивельман Илья	1930	Абрамовна		Иосифовна	
Хаимович		Борисович		Юрковецкий Нисен	1917	Яцкова Эстер	1940
Штаркман Дора	1928	Шугаева Лариса	1925	Овшиевич		Давидовна	
Лазаревна		Авксентьевна		Юрковецкий Улен	1935	Егорова Меня	1918
Штаркман Петр	1938	Шульман Азраил	1928	Айзикович		Иосифовна	
Нусимович		Ионович		Яблок Алексей	1937	Едвабная Доня	1938
Штаркман Семен	1934	Шульман Лев	1938	Семенович		Янкелевна	
Львович		Фреймович		Яблок Евгения	1906	Ерехман Хайка	1929
Штейман Евгения	1937	Шульман Сима	1936	Абрамовна		Хаймовна	
Владимировна		Юльевна		Яблоновский	1924	Ерхман Юдк	1923
Штейн Шнейдля	1907	Шульман Хана	1935	Григорий Алексеевич		Перцевич	
Абрамовна		Исааковна		Яблонская Бетя	1925	Ерихман Михаил	1939
Штейнберг Мася	1940	Шустер Абрам	1938	Моисеевна		Исакович	
Семеновна		Пейсихович		Яблонская Рахиль	1929	Ефроимская Раиса	1936
Штейнман Борис	1935	Шустер Полина	1937	Мордковна		Зейникова	
Яковлевич		Срулевна		Яблонский Марк	1941	Ефроимский Михаил	1937
Штеренберг Берк	1928	Шустерман Элла	1934	Овсесевич		Зейникович	
Нахманович		Владимировна		Ялонешкая Любовь	1932	Имберг Лейзер	1938
Штеренберг Ефим	1927	Шустерман Олег	1941	Михайловна		Мошкович	
Бекомович		Григорьевич		Янкивер Мария	1928	Инберг Татьяна	1933
Штерн Клара	1924	Шустерман Ефим	1933	Феликсовна		Исааковна	
Григорьевна		Семенович		Яновская Роза	1927	Ицкович Полина	1939
Штерн Яков	1896	Шустерман Ихиль	1936			Наумовна	
Мошкович		Шмулевич					
Штехман Наум		Шут Белла	1932				
Маркович		Лазаревна					

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Винницкий регион

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Антонов Геннадий	1925	Лисенкер Бронислава	1924
Львович		Михайлова	
Банит Надежда	1936	Лойзнер Анна	1915
Михайлова		Хамнова	
Бершадская Раиса	1932	Месомер Михаил	1940
Борисовна		Маркович	
Вольф Буся	1932	Нудельман Нелля	1938
Ангелевна		Мойсеевна	
Вулихшер Александр	1940	Овсянникова Хайка	1925
Семенович		Мееровна	
Геллер Елизавета	1913	Палатник Александр	1941
Самойловна		Беньяминович	
Гройсман Рувин	1938	Пинчук Юрий	1930
Аронович		Климснтьевич	
Друкер Нинель	1939	Портной Григорий	1933
Усвивновна		Исаакович	
Закерничная	1938	Портная Ций	1925
Елизавета		Яковлевна	
Викторовна		Розенфельд Михаил	1936
Килимник Циля	1922	Львович	
Наумовна		Розмарина Людмила	1933
Кордон Полина	1931	Мойсеевна	
Шмулевна		Веллер Мартин	1926
Косаковский Шимон	1915	Максович	
Залманович		Фишман Розалия	1925
Купершмидт	1938	Израилевна	
Аркадий Иосифович		Фудельман Мания	1936
Купершмидт Ефим	1938	Михайлова	
Иосифович		Хазина Зисля	1923
Кушнир Иосиф	1924	Лейбишевна	
Шабсович		Цирульник Хася	1918
Лебедев Юрий	1936	Борисовна	
Михайлович		Бабий Валентина	1939
Лебедева Анна	1941	Семеновна	
Михайловна		Баукин Валентин	1943
Лепчинер Юлия	1935	Дмитриевич	
Ушеровна		Баукин Виталий	1945
Лернер	1940	Дмитриевич	
Леонид		Байдер Мойша	1935
Абрамович		Срулевич	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Бойко	1933	Шустер Зиновий	1935
Надежда		Исаакович	
Семеновна		Усик Мария	1942
Вугман (Токарь)	1927	Семеновна	
Любовь Давидовна		Тевелева Софья	1933
Зимборский Борис	1941	Яковлевна	
Петрович		Букштейн Феня	1915
Капшан Хуна	1938	Соломоновна	
Давидович		Ман Нина	1915
Кирилл Григорий	1943	Соломоновна	
Федорович		Кацев Фира	1929
Кирилина Гения	1938	Исааковна	
Федоровна		Кацев Шмуль	1925
Лейдерман Фроим	1936	Менделевич	
Хаймович		Альтерман Рива	1914
Мостовая Галина	1939	Ароновна	
Владимировна		Каплун Ефим	1934
Мочан Давид	1935	Захарович	
Рувимович		Каплун Шейва	1914
Петров Николай	1936	Зеликова	
Семенович		Клещельман Рая	1934
Политман Эдл	1932	Абрамовна	
Лазаревна		Вакштейн Хана	1919
Политман Ефим	1930	Давидовна	
Абрамович		Иопель Зоя	1924
Пресман Григорий	1930	Овшиевна	
Самуилович		Литвак Давид	1935
Ройзман Бела	1936	Мотелевич	
Яковлевна		Львович Раиса	1939
Седецкий Михаил	1932	Леонидовна	
Хаймович		Рабинович Григорий	1939
Супричева Анюта	1938	Наумович	
Ефимовна		Рыбалкова Геня	1936
Трейгер Давид	1943	Берковна	
Яковлевич		Розенберг Раиль	1940
Феферман Семен	1933	Мусиевна	
Овшиевич		Шапиро Наум	1938
Феферман Фаня	1936	Исаакович	
Григорьевна		Соколова	1927
Штирикман Алла	1937	Александра	
Нохсиковна		Борисовна	
Шульцман Хая	1925	Бройтман Мария	1932
Мойсеевна		Абрамовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Вайнблат Рейзя	1927
Янкелевна	
Мадинина Ниоя	1928
Самойловна	
Марениникова Рухля	1926
Ароновна	
Либерман Рива	1932
Наумовна	
Чернова Раиса	1934
Сергеевна	
Ковалчук Виктор	1939
Трофимович	
Лерман Евгения	1940
Шлемовна	
Бершадская Дора	1940
Борисовна	
Мицель Лиза	1931
Шмулевна	
Ойтрих Бейла	1931
Шлемовна	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения
Цирульник Раиса	1925
Ильинишина	
Гингольд Мания	1927
Израилевна	
Карпенко Галина	1931
Леонтьевна	
Ляхель Ефим	1939
Иосифович	
Минделис Фаня	1922
Шмулевна	
Петруненко Лиза	1918
Яковлевна	
Резник Элка	1899
Яковлевна	
Розенберг Петр	1931
Зейликович	
Вирон Вера	1917
Исаевна	
Дехтирюк Евгения	1937
Михайлова	

**СПИСОК
УПОМИНАВШИХСЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ЖЕРТВ РАСПРАВ С ЕВРЕЯМИ
В ТРАНСНИСТРИИ (1941 - 1945)**

Абрамов Я. И.
Аферман Б.
Бабенко Я. П.
Балановский Б.
Бартик М. А.
Байдер М. Х.
Бекерман Л. Х.
Бернштейн А. И.
Бершадский В. А.
Билерт Б. И.
Бильмес А. И.
Бланк Л. П.
Бобкова М. И.
Бобровская Р. Г.
Бондарь А. О.
Бородовский С. М.
Боршевская (Пеликовская) И. И.
Браиловская Е. Б.

Брехман Л. С.
Булашевская Р. П.
Бурда Г. И.
Вейберман М. С.
Верников (Маламуд) Д. Б.
Верникова В.
Воскобойник А. А.
Герман Р.
Герценштейн М.
Гидалевич Б. А.
Гитлермахер (Чернер) Б. С.
Глубочанский Д. М.
Готерман П. Л.
Гофман Р.
Гридин В. М.
Гудима А. С.
Гурьевский И. А.
Дробицкий К.

Дувидсон А. И.
Дувидсон Н.
Дукач Н. Г.
Дусман Л. М.
Зайдель Л. Я.
Зайдман В. Б.
Зац Э. С.
Зменер Ф.
Каплан Р. П.
Карниковский Ю. А.
Кац Л. Г.
Кержнер Е. И.
Киф Ф.
Клейман О. М.
Конишин И. Г.
Кошин И. Н.
Краснер С. Г.
Кравцов Я. С.
Крет П. Ю.
Купичан Д. Г.
куперман Б. П.
Кушнир Э. Л.
Ларин М. И.
Лайнер М.
Лемпер С. Д.
Лившиц (Гитенмакер) Ф. С.
Литваиц И. С.
Марковский М. Т.
Мармерштейн И. М.
Месирович А.
Мирвис Я. М.
Мирлинс П. М.
Мицель А. И.
Мошкович Г.
Немировская Т. В.
Немой Б. С.
Нильва Е. И.
Нудель А. И.
Ободовская М. М.
Орнинш Л. М.
Певзнер Л. Б.
Петрушкин

Повзнер А. Б.
Подборец Д. Э.
Пойзнер Б. Г.
Поненко М. И.
Попик Э. Я.
Попик С. Я.
Пресман Л. Ш.
Птах Т. С.
Ройзик Е. Д.
Розенфельд М. Б.
Рожецик Л. С.
Роцеман С. А.
Рудман Х. Д.
Рыклис В. Г.
Рымарь Л. С.
Самсонович Н.
Сандлер А. Я.
Сатов Б. Г.
Сигал Х. Р.
Силис Л. Г.
Спектор П. Л.
Стадник Д. А.
Стародинский Д. З.
Стогона П. И.
Сухер Б. Б.
Сушон С. П.
Табачник Р. Б.
Таллер Ц. М.
Тандит М. Э.
Телер Б. М.
Тойбер Г. Я.
Трейтван С. И.
Турчинский Г. Ш.
Фердман И. М.
Фишман Л.
Фурер С. А.
Хаимская (Лейдерман) Г. М.
Халфина В. И.
Хаскин А. И.
Хенкина (Варварицкая) С. А.
Хозе Е. Е.
Эйдельман (Гельман) Р. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Черная книга", Киев, МИП "Обериг", 1991.
2. "Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.", Одесса, "Маяк", 1970.
3. "Одесса в Великой Отечественной войне", т. I—III, Одесское областное издательство, 1949—1951 гг.
4. Ф. Винокурова и И. Маляр — "Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление". Винница, 1992.
5. Юлиус С. Фишер. "Транснистрия: забытое кладбище".
6. С. Я. Боровой. — "Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации", очерк (непечат).
7. Г. С. Шапиро — "Гибель одесских евреев" (подг. и сокр. В. Брайловским).
8. Д. Стародинский — "Одесское гетто", Одесса, ТПП "Хайтек", 1992 г.
9. И. Г. Коншин — очерк в кн. "Путь на Николаев" А. Уменкова.
10. Н. Самсонович — "Евреи" (киносценарий).
11. И. Арад — "Холокост на территории СССР", 1990 г.
12. "История советской многонациональной литературы", т. 6, изд-во "Наука", Москва, 1974.
13. Р. И. Гольдштейн — "Материалы и история евреев Украины", Днепропетровск, 1983.
14. Александр Верг — "Россия в войне 1941—1945" (книга очерков).
15. В. Катаев — "Отче наш" (рассказ), стихи о Балте.
16. Б. Вернадский — стихи и поэмы, сборники и газеты.
17. Д. Бедный — "Дом Пушкина", стихотворение (газ. "Правда").
18. Е. Евтушенко — "Бабий Яр", стихотворение ("Лит. газета").
19. Л. Рожецкин — стихи (в сб.: "Героическая Одесса", Одесса, 1946), книга "Последнее эхо", 1995 г.
20. В. Гридин — стихи, очерки, заметки, мемуары.
21. Б. Верникова — стихотворение (ж. "Юность").
22. И. Черняга — "Ворожа ступни", стихотворение.
23. А. Хасин — очерк ("Слово", 4 апреля, 1997 г.)
24. Б. Прахье — очерк "Березовское поле" (сб. "А главное — верность!", изд. "Маяк", Одесса, 1985).
25. "Наш голос" (ноябрь, 1991), статья Ж. Анчеля.
26. "Большевистское знамя" (сент. 1941, июль 1945), очерки.
27. "Известия", май 1995 г., очерки.
28. "Чорноморська комуна", 1945-46, заметки, очерки.

29. "Одесская газета" (ноябрь 1941, январь-февраль 1942, март 1943 гг.)
30. "Молва" (7 июля 1943).
31. "Прибутгские известия" (15 марта 1943), заметки, инструкции, приказы, объявления.
32. "Південна правда", янв. 1946.
33. А. Думер — "Одесский Бабий Яр" ("Еврейский мир").
34. С. Персов — "Одесские катакомбы".
35. Э. Фольклер — "Транснистрия и Одесса. 1941—1944", Регенсбург, Германия, 1996 г.
36. А. Круглов — "Уничтожение еврейского населения Украины в 1941—1944 гг. Хроника событий", 1997 г. Могилев-Подольск.
37. А. Круглов — "Уничтожение еврейского населения в Винницкой области в 1941—1944 гг.", 1997 г. г. Могилев-Подольск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	7
От литературного составителя	7
1. Конец "Еврейского счастья"	10
Как это начиналось	10
Что было дальше в Одессе	33
2. От тюремы до гетто	68
Бот кто такие евреи!	68
3. Не только в Одессе	91
Восточная Транснистрия	98
Как погиб доктор Петрушкин	109
В других уездах	113
4. Из больницы – в гетто	119
Что было в Слободском гетто	137
Среди больных и мертвых	151
День рождения Сережи и бабушки	153
Тетя Сарра	157
Партизаны в катакомбах и Петр Лещенко на афишах	159
Папа, которому мы позавидовали	165
Мои питомцы	168
Самое плохое	171
5. Из Одессы.....	173
Вокруг гетто.....	182
6. В предверии смерти	191
По правилам для еврейских поселенцев	191
... И что было в действительности	193
Праздники и любовь в гетто	198
Горести румынских евреев	202
В причерноморском kraю	205
7. Путь на верную гибель	212
Наш этап	212
Что такое Мостовое	215
Доманевка, Богдановка, Семихатка, Акмечетка	217
Белая лошадь	225
Моя рогатка	227
На простой лопате	228
За водой	230
8. Гибель после Сталинграда	233
В Одессе	233
Печора и вокруг нее	241
Затишье, Ободовка и Ольгополь	248
В Западной Транснистрии	275
9. В ожидании свободы	282
Под Березовкой	282
В свинарник	284
В коровнике	289
В цыганском таборе	291
Накануне советского освобождения	293
10. Как это делалось	301
Палачи и жертвы	301

Возмездие	309
11. Без румын и немцев	314
Снова в родной Одессе	314
В большом плавании	324
Наша работа	329
12. Моя Аггада	338
13. Кладбище, которое не забыто (дополнение)	343
Послесловие	352
Список лиц, переживших Катастрофу на территории "Транснистрии" в 1941 - 44 гг:	
Одесский регион	355
Винницкий регион	385
Список упомянутых персонажей	426
Литература	428
Оглавление	430

Художественно-документальное издание

СУШОН Леонид Петрович

Транснистрия: евреи в аду

Литературный составитель *В. М. Гридин*

Редактор *Р. Б. Анисевич*

Корректор *Р. В. Суханова*

Компьютерный набор и верстка *М. Д. Лейбович*

Автор обложки *Л. П. СУШОН*

Сушон, Л. П.

С 73 Транснистрия: евреи в аду. — Одесса: РИО АО кино-
компания "ЮГ", 1998. — 432 с.

С 4702010201
98
Без обивы.

ББК 84 (4 УКР-РОС) 6-4

Подписано в печать 06.04.98 г. Формат 84x108 1/32. Гарнитура "Таймс".

Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,3.

Тираж 2000. Зак. № 1294.

Раздельнянская типография Одесской области
г. Раздельная, ул. Ленина, 44

10.00

252061

